

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Древняя история и традиционная культура

- Гарустович Г. Н.** Культовые комплексы раннего железного века в Башкирском Приуралье 5
- Боталов С. Г.** Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии 13
- Любчанский И. Э.** Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века н.э.: комплекс вооружения 20
- Плеханова Л. Н.** Особенности выявления климатических микроплювиалов по слабосенсорным почвам археологических памятников (на примере степного Зауралья в IV веке н.э.) 27
- Ильясов Т. Т.** Башкирский национальный музыкальный инструмент – курай: к истории происхождения 35
- Костюков В. П.** Шибаниды и тукатимуриды во второй половине XIV века 39
- Садиков Р. Р.** Религиозные верования и обряды удмуртов Уфимской и Пермской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы финского этнолога Уно Хольмберга) 44
- Петров И. Г.** К вопросу об интерпретации наградных вышивок на чувашских женских рубахах 47
- Мальцева О. Ю.** Традиционный календарь и система воспитания детей у русских Южного Урала (конец XIX – начало XX века) 53

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ю. Шатин — главный редактор
А. В. Мельников — зам. главного редактора
Н. Н. Алеврас — главный редактор научного направления
С. А. Баканов, А. П. Романов — зам. главного редактора научного направления
Т. А. Андреева, Н. М. Арсентьев, А. В. Головнев,
Г. А. Гончаров, В. В. Грудзинский, Г. Б. Зданович,
И. В. Нарский, А. А. Пасс

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы публикации.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в, к. 109
Тел.: (351)799-70-41
e-mail: vhist@mail.ru

(материалы к публикации дублировать по указанным адресам)
Журнал зарегистрирован в Упринформпечати администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы «Почта России»

Редактор *М. В. Загидуллина*
Компьютерная верстка *А. А. Селотина*
Компьютерный набор *А. Мусиной*

Подписано в печать 06.08.09
Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,2. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 902.
Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Типография «Два комсомольца»
454084 Челябинск, Комсомольский пр., 2

<i>Любчанская Т. В.</i>	Образ профессионала в экспедиционном фольклоре челябинских археологов	60
-------------------------	--	----

История России и ее регионов

<i>Пузанов В. Д.</i>	Роль русской военной политики в колонизации Западной Сибири в XVII веке	65
<i>Шустов С. Г.</i>	Завершение выкупной операции в Пермской губернии (1881–1906 годы)	72
<i>Ризванова Т. Р.</i>	Социально-экономические причины распространения эпидемий на Южном Урале в конце XIX – начале XX века	81
<i>Иванов А. А.</i>	Становление советских контрразведывательных служб в 1918–1919 годах: традиции и новации	86
<i>Цысь В. В.</i>	К вопросу о роли трудовых армий в идеологии военного коммунизма (по материалам советской периодики начала 1920 года)	91
<i>Мамышева Е. П.</i>	Документы региональных архивов о деятельности представительств Ойротской и Хакасской автономных областей (1924–1938 годы) ...	96
<i>Малышенко Г. И.</i>	Хозяйственный быт и способы экономической адаптации казаков в эмиграции	102
<i>Афонасьева О. В.</i>	Материально-техническая база сельского хозяйства Среднего Зауралья: достижения и проблемы (1965–1985 годы)	107
<i>Мухтасарова Э. А.</i>	Процессы «управляемого национализма» в республиках Российской Федерации (на примере деятельности проправительственных национальных объединений современного Башкортостана)	110

Религия. Общество. Власть

<i>Апанасенок А. В.</i>	Старообрядческий мир в социально-культурной и религиозной истории Центрального Черноземья в XIX – начале XX века	114
<i>Кулиев Ф. М.</i>	Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе	126
<i>Есикова Е. М.</i>	Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859–1917 годы)	134
<i>Борисова В. В.</i>	Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году	142
<i>Карманова Г. Н.</i>	Жизнь православных верующих по сводкам ОГПУ 1930 года	148

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

<i>Болдинова Н. В.</i>	Император Клавдий: взгляд с позиций психоанализа	154
<i>Скворцов А. М.</i>	М. С. Куторга и П. И. Люперольский: история взаимоотношений учителя и ученика	160

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДИПОЗИТАРИЙ

<i>Суржикова Н. В.</i>	Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 – первая половина 1917 года)	167
------------------------	---	-----

SUMMARIES	173
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	178
----------------------------------	-----

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Г. Н. Гарустович

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

В представленной статье автор выделяет в группе захоронений айского типа IV в. до н. э. жреческие погребения. Данная этническая группировка генетически связана с саргатской этно-культурной общностью Западной Сибири, заселяла территорию Месягутовской лесостепи в Башкирском Приуралье. Рассматриваемые погребения трактуются автором как захоронения профессиональных гадалок. Археологические материалы свидетельствуют о важной роли женщин в ритуальной сфере племен раннего железного века в степи и лесостепи.

Ключевые слова: культовый жреческий комплекс, погребальный обряд, курганные могильники, предметы ритуальной культуры

Проблема выделения среди массы археологических материалов специфических – жреческих – комплексов наталкивается на значительные трудности как субъективного, так и объективного порядка. Во-первых, захоронения, связанные с культом на Южном Урале, как и везде, встречаются нечасто. Во-вторых, выделение и атрибутика подобных погребений требует подробного обоснования. Своей задачей в данной статье мы посчитали возможность обратить внимание специалистов на наличие захоронений с «необычным» набором инвентаря в лесостепной зоне, к западу от Уральского хребта. Объектом анализа стали материалы раннего железного века, связанные в этнокультурном плане с кругом памятников саргатской этно-культурной общности Зауралья и Западной Сибири. В IV веке до н. э. представительная группировка зауральского населения пересекла Урал и расселилась в пределах обособленной Месягутовской лесостепи. Древности второй половины I тыс. до н. э. получили в Башкортостане научное обозначение – памятники айского типа.

Кадыровский IV курганный могильник расположен на возвышенной, покрытой лесом террасе правого берега р. Ай (Дуванский р-н РБ). В 1990 году нами был вскрыт курган № 1, под небольшой земляной насыпью которого расчищено грунтовое захоронение, отмеченное на уровне погребенной почвы скоплением камней (в головах погребения) (рис. 1, 1). Костяк молодой женщины лежал вытянуто на спине, с ориентировкой головы на ССЗ

(рис. 1, 2). В заполнении могильной ямы фиксировались мелкие древесные угольки. Возле черепа, справа, стоял лепной круглодонный сосуд горшечной формы (рис. 1, 3). На шею покойной была одета бронзовая гривна из круглого в сечении дрота (рис. 1, 7), украшенная комбинацией насечек на расплюсненном конце (второй конец гривны обломан). У правого виска обнаружена бронзовая проволочная серьга с несомкнутыми концами (Рис. 1, 6). Возле левого виска размещался камень – крупная речная галька белого цвета. Возле левой ступни костяка расчищен сосуд баночной формы (рис. 1, 4) с уплощенным дном и кусок окаменевшей глины темно-бордового цвета (Рис. 1, 5). Камень имеет коническую форму, бока его стертые со всех сторон¹. Дата погребения – конец IV века до н. э.² Не то чтобы курган № 1 располагался обособленно, но он находился в конце курганной цепочки, у края террасы.

В целом, данный комплекс выделяется по своим «параметрам» из серии единокультурных захоронений. Выкладки из камня не типичны для мемориальных насыпей в Приуралье (имеются в виду не отдельно лежащие камни, а именно выкладки), они маркируют большей частью меморативные (жертвенно-поминальные) комплексы (Азангулово-I, Кадырово-VI / гр. 2, Кадырово-IX). Статус покойной подчеркнут гривной, пока это единственная находка гривны в рамках общности «айского типа». Гривна символизировала ограниченное (освоенное, обжи-

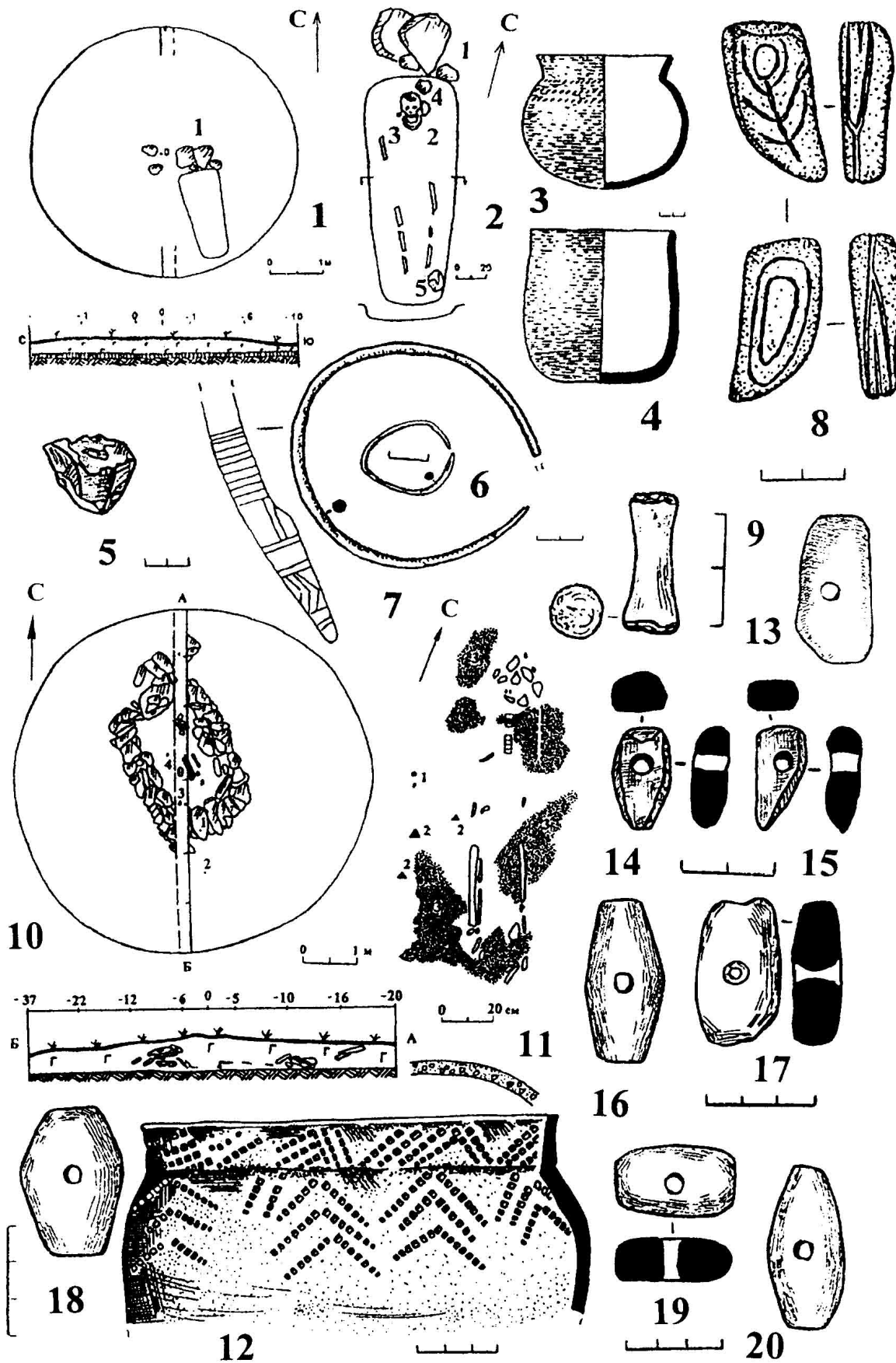

Рис. 1

тое) пространство мира людей (т. е. своего мира). Зона «своего» мыслилась населенной соплеменниками, «чужое» – «запредельное» пространство представлялась переполненной опасными сверхъестественными существами, врагами и т. д. Рассмотрение человеческого тела как отражения троичности макрокосма (голова – верхний мир, туловище – средний, ноги – нижний; в целом, это из области анатомической сферы в символике вертикальной космической опоры), подтверждает срединную, земную ипостась гривны в древней космологии. Изображение на расплющенном кончике гривны делится на три зоны (рис. 1, 7), что также может рассматриваться как отражение представлений о структурной организованности пространства по вертикали.

Предположительно, уплощенная речная галька, найденная у головы женщины, лежала там не случайно. «Традиция применения речной гальки (особо нужно отметить, что предпочтение отдавалось светлым тонам) в погребальном обряде связана с миром сакрального, в частности с очистительной функцией»³. В качестве примера размещения гальки у черепа человека, с левой стороны, можно назвать савроматский комплекс (конец VI – конец V вв. до н. э.) могильника Три Мара (Оренбургская обл.). Галька лежала в погр. 1 кургана № 2 возле черепа женщины⁴. Аналогичная находка происходит из Каскинского кургана (погр. 1)⁵. Количество примеров можно многократно продолжить.

Наибольший интерес для нашей темы представляют два предмета, лежавшие в ногах покойной. Красный камень использовался для получения красящего порошка – охры (рис. 1, 5). Тела покойных в раннем железном веке в нашем регионе уже не посыпали охрой, следовательно, можно предположить, что порошок применялся в процессе каких-то обрядовых действий. Скажем, это могла быть «священная» раскраска тела (чаще всего лица, головы). Аммиан Марцеллин сообщает в «Истории» о том, что агафирсы красят тело и волосы. Окраска женских костюмов отмечена у скифов⁶, в Туве, в Приобье⁷, а также в савроматских памятниках Приуралья⁸. Общепринята трактовка в архаических обществах красных оттенков (цвета крови) как синонима дефиниции «сила», и для обозначения переходного состояния организма между жизнью и смертью перед новым «рождением». Этот цвет был также связан с плодородием в его хтоническом аспекте⁹.

Внутри талькового сосуда (рис. 1, 4) лежали шесть округлых камней (два из них были тальковые) со следами копоты и какого-то жирного органического вещества черного цвета (рис. 2). Легче всего предположить, что сосуд использовался как жаровня, внутрь которой на прокаленные камни сыпались зерна и листья конопли. Люди вдыхали пары для получения «шаманского» экстаза. По всей видимости, подобным образом использовались зерна конопли и бронзовые жаровни с обожженными камнями, во втором Пазырыкском кургане на Алтае¹⁰. Геродот описал особые шатры для потения и вдыхания паров наркотика у скифов¹¹. С. И. Руденко также называет алтайские находки «скифской баней». «Скифы наслаждаются такой баней и вопят от удовольствия»¹². Все это действие напоминает ритуальные «вигвамы для потения» у индейцев Северной Америки. Обрядовый аспект такой «бани» признается всеми исследователями.

Наличие копоты на камнях подтверждает предложенную версию, а «против» говорит отсутствие следов копоты или угля внутри сосуда. В савроматских курганах подобные камни определяются в качестве принадлежности для гаданий. Позднее, на смену простым камням, в раннесарматское время приходят т. н. «молоточки», которые бытуют длительное время (рис. 1, 13, 16–20). В сарматский период, в степной полосе Восточной Европы (в Приуралье и Поволжье) молоточки помещались в могилы в обычных сосудах по несколько штук. Их изготавливали не только из талька, но и из глины и камня. А. Х. Пшеничнюк отметил: «Характерными находками в позднепрохоровских комплексах, связанными с какими-то религиозными представлениями, являются так называемые каменные молоточки. Они вырезаны из талькового камня и представляют собой уплощенные или овальные в сечении стержни длиной 4–5 см, сужающиеся к концам. В середине просверлено круглое отверстие. Молоточки встречены в 10 погребениях Старокиишкинского и Бишунгаровского могильников по 1–4 экз. в каждом. Обычно они лежат возле ног костяка, иногда в глиняном сосуде. На некоторых экземплярах заметны следы сажи»¹³. К. Ф. Смирнов предполагает, что «молоточки» выполняли роль «...близкую к роли кучек необработанных галек часто со следами обожжения, которые встречаются во многих бо-

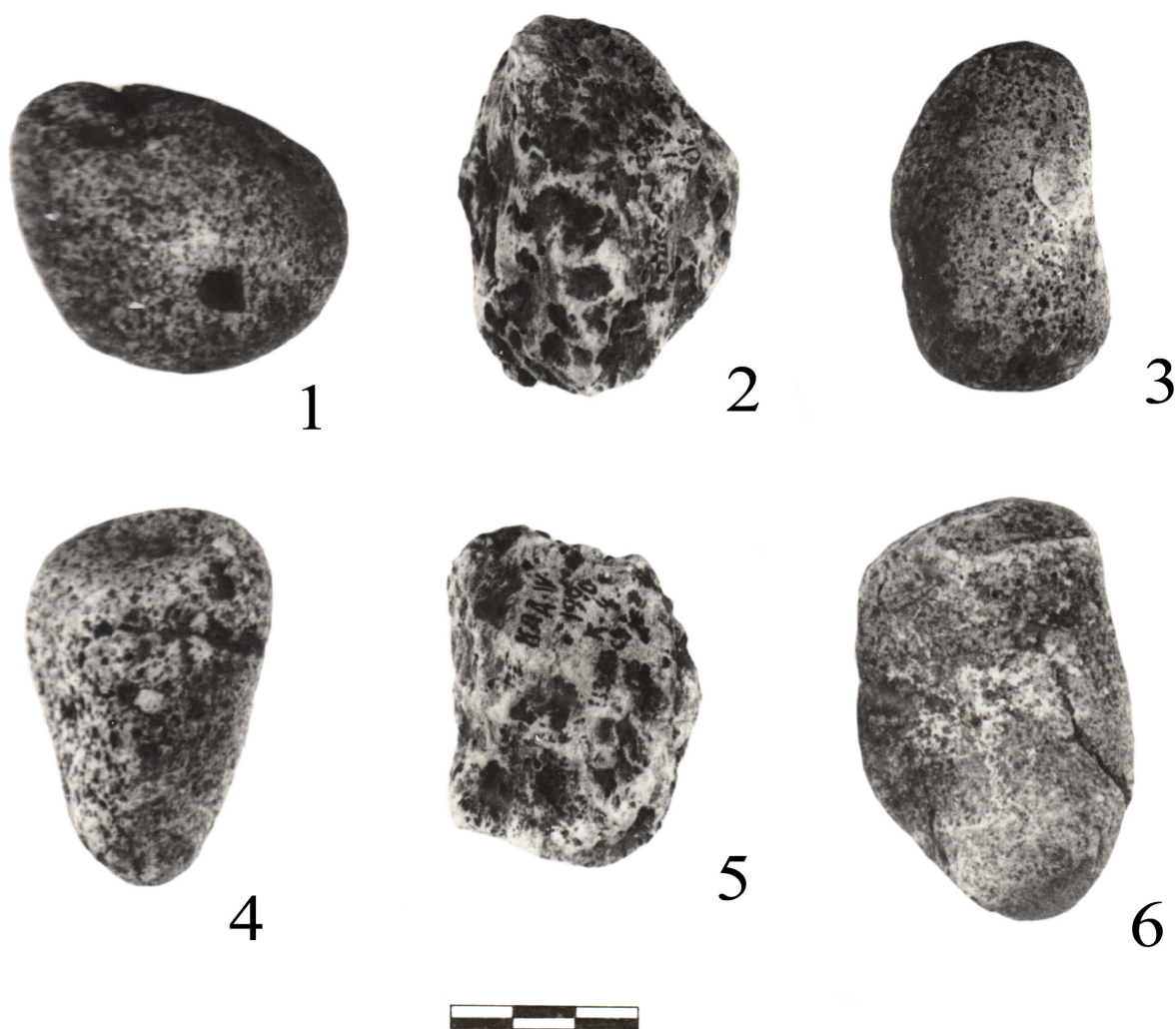

Рис. 2

гатых «савроматских» могилах Приуралья». Их «связь с каким-то обычаем или кульгом несомненна»¹⁴. В степи (Ново-Кумакский, Аландский и другие могильники), в захоронениях жриц, закопченные гальки попадают вместе с каменными жертвенниками, яйцевидными булыжниками-растиральниками, реальгаром и т. д.¹⁵. Обращаем внимание на то, что в захоронениях лесостепной зоны, в ногах у женщин, встречаются и простые камни¹⁶ и «классические сарматские» тальковые молоточки¹⁷.

До сих пор не известно, с какой целью в камнях сверлились отверстия. Можно лишь сказать, что, судя по всему, молоточки появляются еще в эпоху бронзы. Схожие предметы найдены на юге Таджикистана в могильнике Тандырйул. В погребении № 1 две лазуритовые подвески молотковидной формы лежали возле рук, еще две (зеленовато-серого цвета)

помещались у ног (рис. 1, 14–15)¹⁸. Подобные вещи из лазурита, пасты и черно-зеленой яшмы обнаружены в некрополе Джаркутан на юге Узбекистана¹⁹. Гадания играли очень важную роль в жизни индоиранских племен Евразии. В обязательном порядке гадали на новогодних торжествах²⁰ и на других праздниках, при болезни²¹ и по другим случаям. «Отец истории» писал: «Гадателей у скифов много»²². Правда, он ничего не говорит о гаданиях с помощью камней. При этом вызывает удивление устойчивость традиции гадания с применением камней у индоиранских народов. В языческих аланских погребениях Северного Кавказа VIII–IX вв. (могильник Мощевая Балка) речные гальки (от 1 до 3 экз.) как всегда помещаются в ноги умерших²³.

В целом, мы определяем описанное погребение как захоронение ворожеи, понимая при этом всю условность данного термина.

Наши материалы позволяют говорить о том, что по обрядовым проявлениям степные и лесостепные древности Южного Урала близки между собой, хотя есть локальные особенности (особый «ритуальный» сосуд в Кадырово, отсутствие здесь отверстий в камнях, и др.). До сих пор не понятна семантика размещения баночной керамики в ногах покойных в айских памятниках, тогда как горшковидные сосуды устанавливались возле головы. Сам факт одновременного бытования круглодонных горшков и баночных (плоскодонных) сосудов требует своего объяснения. Почему горшечные сосуды преимущественно имеют орнамент, а банки всегда не орнаментированы? Визуально фиксируется несколько большая толщина стенок баночных сосудов в сравнении с горшковидными (почему?). На сегодняшний день, вопросов больше чем ответов.

Последнее, на что нам хотелось бы обратить внимание при рассмотрении Кадыровского захоронения, это следы огненного ритуала, которые фиксируются в виде угольков в заполнении могильной ямы. Нужно сказать, что Кадыровское погребение дает нам не самый яркий пример использования огня. К востоку от дер. Кадырово нами был расчищен одиночный Кадыровский-Х курган, расположенный на вершине горы²⁴. Под земляной насыпью размещалась оградка (3x0,37–0,43 м, высотой 0,25–0,35 м) из нескольких рядов камней лежащих плашмя (рис. 1, 10). На уровне погребенной почвы внутри выкладки помещался костяк подростка с ориентировкой головы на СЗ (рис. 1, 11). Рядом с покойным фиксировалась подсыпка шлаков и угля. Датированных вещей не найдено, за исключением фрагментов талькового сосуда, украшенного «елочками» из оттисков крупного зубчатого штампа (рис. 1, 12). По орнаментации сосуд близок керамике иткульской культуры восточного склона Урала²⁵. Называть подростка металлургом едва ли правомерно, поэтому и шлаково-угольные подсыпки нельзя считать отражением профессиональной специализации. Семантика здесь явно иная.

Легче всего сказать о том, что мы имеем пример с часто встречающихся очистительных обрядов. Однако дело обстоит несколько сложнее. В процессе анализа погребальной обрядности айских племен, Н. С. Савельевым была выявлена градация этих комплексов на две группы, условно названные «Ай-1» и «Ай-2». Причем следы огненных ритуалов

характерны только для группы Ай-2 (к которой относится захоронение Кадырово-IV)²⁶. По коэффициентам парно-типологического сходства, самые устойчивые связи этой группы обнаруживаются с комплексами среднеисетского массива Зауралья и Ай-1²⁷. Н. С. Савельев объясняет это тем, что в процессе своего формирования население группы Ай-2 было интегрировано в сакский мир Северного Казахстана. Отсюда следует, что локальные особенности данной группы (в частности, большая роль огненных ритуалов) в значительной степени связаны с ритуальной практикой индоиранских народов степной полосы Евразии. Обожествление огня и поклонение огню у индоиранцев общеизвестно и никем не оспаривается.

Значительное число скоплений курганов возле дер. Кадырово, по мере их обнаружения, относились к разным группам (гр. II–IX), но если их все картографировать, становится понятным наличие западнее деревни (к З и СЗ) единого, большого погребального и поминального объекта раннего железного века. Здесь подошву высокой горы полукольцом огибает возвышенная терраса р. Ай, курганы занимают одну из залесенных вершин горы (группа VI) и протяженное пространство террасы (все остальные группы курганов). Мы также не исключаем наличие в лесу еще целой серии скоплений насыпей, пока не выявленных. Помимо Кадыровского, второй такой крупный могильник айского типа на северо-востоке Башкортостана не обнаружен, что дает нам право считать его одним из племенных центров в обособленной Месягутовской лесостепи. Топографические реалии локализации курганов на горе (возвышенной террасе), но всегда рядом с рекой, позволяют говорить о еще одной горизонтальной оппозиции в идеологических представлениях айских племен – это взаимосвязь и противопоставление земли и воды в их мифологической концепции мира (элементной сфере стихий).

Курганный обряд захоронения подтверждает наличие у айских племен универсальной структурной модели вселенной (дневная поверхность – средний мир, могильная яма – нижний, насыпь – верхний мир)²⁸. Насыпь кургана ассоциировалась с мифологической Мировой горой (Мировая ось, Мировое древо). В качестве доказательства наличия у лесостепного населения РЖВ Южного Урала архетипа Мировой оси, выражавшегося в ка-

тегории Мирового древа, приведем находку поделки «клювовидной» формы с территории Турналинского городища²⁹. Амулет вырезан из талька, на его лицевой стороне изображено дерево увенчанное кругом (солнце – как символ верхнего мира) (рис. 1, 8). На оборотной стороне вырезаны два овала, вместе с контуром самого предмета получается три овала – трехуровневая модель мира по вертикали, пронизанная осью Мирового древа. С нашей точки зрения, здесь мы наблюдаем пример перенесения мифологического в сферу ритуального, когда сливаются образы жертвенного объекта и субъекта, на который спроектирован этот объект. Отсюда образ *Arbor mundi* (Мировое дерево) приобретает антропоморфный вид (человек как дерево). Симметрия ветвей дерева символизирует бинарную семантическую оппозицию среднего мира (право-лево, три и три ветви).

На боковых гранях выделены растительные побеги (?) в виде змеек, переходящие друг в друга по кругу (рис. 1, 8). Они не просто отражают идею непрерывного возрождения и плодоношения среднего, земного мира, но и иллюстрируют концепцию размещения Мирового древа в сакральном центре вселенной. То, что взаимопроникающие побеги идут «по кругу» маркирует горизонтальную пространственную оппозицию, «своя земля» находится внутри огражденного пространства (вблизи ее сакрального центра), а за пределами «плодородной земли» помещается периферийная зона (чужая, враждебная, неосвоенная). О близкой семантической нагрузке архетипа «гривна» – важного социального маркера, мы уже говорили выше. Чаще всего в мифологии фигурируют зооморфные образы ограничителей горизонтальной подсистемы, типа Ермунганда – «Мирового змея» скандинавской мифологии. Он живет в море и охватывает всю землю, держа зубами собственный хвост³⁰. Но, как видим, и растительные символы могли выполнять аналогичные функции, точнее – отражать ту же идею.

В ареале распространения памятников айского типа в Башкирском Приуралье найдена серия вещей, которые связаны с областью религиозных верований. В кургане № 2 могильника Кадырово-VI/гр. 1, в засыпи погр. 2, обнаружена кость фаланги пальца человека, со следами обработки (рис. 1, 9). Из закрытых комплексов происходят астрагалы животных (3 экз.) и путовые кости – бабки (2 экз.).

Важным показателем существования сложной обрядности у населения лесостепной зоны Южного Урала является представительная серия жертвенно-поминальных комплексов (ЖПК) в Месягутовской лесостепи. К рассмотрению жертвенно-поминальных объектов мы планируем обратиться в следующей нашей статье, пока же мы лишь констатируем наличие серии таких памятников.

В качестве самой близкой аналогии рассматриваемому нами захоронению (в культурном и хронологическом плане), можно назвать погребение в оградке 19 могильника Березки-V-г³¹. Здесь в могилу женщины положили предметы ее профессиональной специализации – инструментарий для ритуальных гаданий (сосуд у правой ноги, внутри которого помещались круглый каменный предмет с отверстием и три необработанные гальки (!); камень у головы; два пряслица под черепом (!); бронзовая ворворка с солярным орнаментом (!). Данное женское погребение также можно считать захоронением жрицы.

публикации готовятся материалы раскопок ранней части обширного Шиповского некрополя, расположенного в пределах лесостепного Приуралья (Иглинский р-н РБ). В ходе раскопок последних лет В. В. Овсянниковым здесь выявлено несколько захоронений с интересующими нас обрядовыми признаками. В 2006 г. в могиле 3 кургана № 2 (гр. III) расчищен женский костяк, в ногах которого лежал сосудик без орнамента с продолговатым камнем внутри. Рядом обнаружены четыре гальки и пряслице с рисунком³². В ногах богатого погребения девочки (№ 5) из раскопа I выявлено три молоточка и тальковое пряслице с солярным орнаментом. Как обычно, эти вещи лежали возле неорнаментированного лепного сосудика. Как видим, и в степи и в лесостепной зоне культовые наборы (сосуды с камнями для гаданий, пряслица, предметы с солярной орнаментацией) встречаются в женских захоронениях, которые выделяющихся не только «специфическим» вещевыми наборами, но и социально значимыми предметами (гривны, украшения, а в Шипово – еще и металлопластика в зверином стиле).

Приобщение женщин к области сакрального имеет очень древние корни. У скифов мужчины-жрецы (энареи) выделялись своим женоподобным обликом (по Геродоту). При наличии этой социальной прослойки, в последнее время, скифологи выявляют в

Причерноморье погребения женщин, исполняющих жреческие функции. К примеру, захоронения на Никопольском курганном поле и в Ростовском кургане трактуются как захоронения «ворожей»³³. На востоке Европы исполнение сарматскими женщинами жреческих обязанностей и принадлежность их к элите кочевого общества доказывается на множестве примеров. Несмотря на то, что в лесостепных сообществах РЖВ «богатые» (элитарные, аристократические) захоронения встречаются значительно реже, в сравнении с сарматами, можно констатировать проявление в них близких тенденций. Здесь также можно говорить об определяющей роли женщин в религиозной общественной сфере. Во всяком случае, мужские погребения жрецов РЖВ на Южном Урале до сих пор не выявлены. Позднее, ситуация кардинально меняется – в эпоху средневековья «общение с богами» становится чисто мужской прерогативой. И появление профессиональных жрецов-женщин расценивалось не как правило, а скорее в виде исключения.

Выводы: 1) в ареале распространения памятников саргатской общности РЖВ по обоим склонам Урала фиксируются комплексы, которые можно связать с отправлением религиозных обрядов (Кадырово-IV, Березки-V-г, и др.); 2) археологические материалы показывают наличие у лесостепного населения развитой языческой идеологии, выразившейся, в первую очередь, в обожествлении сил природы; 3) доминирующую роль в жреческой практике, судя по всему, играли женщины. Подобная ситуация фиксируется у савроматских и сарматских племен Южного Урала, а также в этнических сообществах лесостепной зоны; 4) обращение к области сакрального подтверждает выводы специалистов о сильном влиянии индоиранцев на лесостепные этносы. Удивление вызывает не столько сам процесс мощного взаимодействия, а то, что он глубоко затрагивал даже мировоззренческие сферы народов разных языковых групп (специалисты констатируют принадлежность савроматов и сарматов к индоевропейской языковой общности, а носителей саргатской культуры – к угорской).

Примечания

¹ См.: Гарустович, Г. Н. Курганы раннего железного века (V–III вв. до н. э.) северо-восточных

районов Башкортостана / Г. Н. Гарустович, А. И. Лебедев // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 44–46.

² См.: Савельев, Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа, 2007. С. 110.

³ Савельев, Н. С. Месягутовская лесостепь... С. 54.

⁴ См.: Смирнов, К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 71.

⁵ См.: Мажитов, Н. А., Пшеничнюк А. Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 61.

⁶ См.: Ильинская, В. А. Скифы днепровского лесостепного правобережья. Киев, 1968. С. 151.

⁷ См.: Бородавский, А. П. Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на Верхней Оби (по материалам Быстровского некрополя) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпозиума. Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 64–71.

⁸ См.: Смирнов, К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 161.

⁹ См.: Бессонова, С. С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 31.

¹⁰ См.: Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 333.

¹¹ См.: Геродот. История. М.; СПб., 2008. IV, 73–75.

¹² Геродот. IV, 75.

¹³ Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 115.

¹⁴ Смирнов, К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1989. С. 174.

¹⁵ См.: Смирнов, К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 10, 23–24, 45; Мошкова, М. Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 66 и др.

¹⁶ См.: Петрин, В. Т. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи

- камня и бронзы) / В. Т. Петрин, Т. И. Нохрина, А. Ф. Шорин. Новосибирск, 1993. С. 145. Рис. 63, 1 (оградка 19).
- ¹⁷ Там же. Рис. 63, 1 (Березки-V).
- ¹⁸ См.: Виноградова, Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 76. Рис. 3, 12–15.
- ¹⁹ См.: Аскарлов, А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. Табл. 67, 16–17.
- ²⁰ См.: Кузьмина, Е. Е. Дионис у усуней // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 172.
- ²¹ См.: Геродот. IV, 68.
- ²² Геродот. IV, 67.
- ²³ См.: Савченко, Е. И. Погребальный обряд Мощевой Балки (Северный Кавказ) // Погребальный обряд : реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 161.
- ²⁴ См.: Гарустович, Г. Н. Археологические исследования в северо-восточных районах Башкортостана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995. С. 114–115.
- ²⁵ См.: Бельтикова, Г. В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Свердловск, 1988. С. 103–117. Рис. 3, 1–3, 6.
- ²⁶ См.: Савельев, Н. С. Месягутовская лесостепь... С. 174–175.
- ²⁷ См.: Там же. Глава 6.
- ²⁸ См.: Ольховский, В. С. К изучению скифской ритуалистики : посмертное путешествие // Погребальный обряд : реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 119, 128.
- ²⁹ См.: Савельев, Н. С. Население Месягутовской лесостепи в V–III вв. до н. э. Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа, 1998. С. 39.
- ³⁰ См.: Младшая Эда. М., 1970. С. 31.
- ³¹ См.: Петрин, В. Т. Археологические памятники... С. 145–147.
- ³² См.: Овсянников, В. В. Отчет за 2006 г. / Архив УНЦ РАН.
- ³³ См.: Бессонова, С. С. Скифские погребальные комплексы... С. 24.

С. Г. Боталов

КОЧЕВНИЧЕСКИЙ ГОРОД КАК ОСОБОЕ КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ

Было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации продукт развития только земледельческих оазисов...

С. П. Толстов

Статья посвящена разработке понятия «кочевнический город». Первые прообразы кочевнических городов, появившиеся в хуннскую эпоху, демонстрируют многокультурность и полиэтничность в своей социальной среде и многоукладность хозяйственно-экономической инфраструктуры. Социо-этническая толерантность и хозяйственная совместимость и взаимодополняемость имели впоследствии решающее значение в возникновении степных городских центров и больших укрепленных городищ (протогородов) в лесостепной и оазисных зонах аридного пояса Евразии в период Великого Переселения народов.

Ключевые слова: кочевнический город, кочевая цивилизация Евразии, степная цивилизация, номадический, тюрки, гунны, хунны, Великий шелковый путь, Тюркский каганат, Танаис.

Понятие «кочевая или степная скотоводческая цивилизация» не так давно стало активно употребляемо в среде кочевниковедов и востоковедов¹. Хотя справедливости ради заметим, что одним из первых эту дефиницию употребил в своей известной книге «Постижение истории» Арнольд Тойнби в первой половине прошлого столетия.

Восторженно отзываясь о физических и нравственных качествах кочевника, А. Тойнби приводит особый символ высшего христианского идеала, почерпнутый из жизни «номадической цивилизации» – образ «доброго пастыря». Однако при этом анализ этого общества вынуждает автора прийти к выводу, что кочевая цивилизация является «застывшей», а кочевники – это общество, у которого «нет истории»².

Начало ее сложения относится к самому раннему периоду возникновения первых коллективов древних кочевников Азии. Однако окончательное формирование происходит к середине I тыс. н. э. Оно связано сначала с созданием империй азиатских и европейских гуннов, и, наконец, с возникновением Великого Тюркского каганата. В это время степной пояс Евразии превратился в единое вмещающее пространство, коммуникационные возможности которого были фактически безграничными. Сложение глобальной этнополитической иерархии кочевых сообществ, появление рунической письменности, круп-

ных межплеменных ханских ставок – прообраза особого явления, получившего последующее развитие в понятии «кочевнический город» – вот основные составляющие этой цивилизации. Со второй половины I тыс. н. э. степное и примыкающее к нему лесостепное пространство вступили в особый этап своего развития. С этого периода все этнокультурные и политические события, происходившие в пределах от Ордоса до Карпатской котловины, были органично взаимосвязаны между собой.

Как социокультурное явление кочевнический город появляется в недрах первых кочевых империй. В этой связи наиболее ранними из них можно считать укрепленные городища империи Хунну. Безусловно, традиция сооружения укрепленных поселений и городищ возникла и существовала в более ранний период на широте лесостепей севера Восточной Европы и Западной Азии (в качестве спорадических явлений в эпоху поздней и финальной бронзы и как система долговременных укреплений на границах лесостепного и степного ландшафтов в эпоху раннего железного века: скифо-сакском и сармато-аланском периодах). Однако относительная монокультурность городищ раннего железа (скифская, ананьинская, сарматская, карабызская, саргатская, кулайская и др.) и ограниченность хозяйственной и торговоремесленной деятельности не позволяют го-

ворить о них в полной мере как о протогородских центрах. Попытаемся реконструировать основные историко-культурные предпосылки и этапы возникновения кочевнического города в хунно-гуннскую эпоху.

На территории Большой Монголии, Ордоса и Забайкалья в конце I тыс. до н. э. процесс этнополитической консолидации кочевого населения вступает в свою решающую стадию. Однако ограниченность степных и частично лесостепных пространств, в конечном счете, так или иначе, приводила к переизбытку кочевого населения. Выходом из данного перманентного кризисного состояния могли стать лишь качественные социально-экономические изменения внутри кочевой державы. Так, вслед за победоносными завоеваниями новых степных пределов, принадлежавших дунху, юэчжам, гянгюням, динлинам и др., Модэ не только отвоевал Ордос, но и построил целую внешнеполитическую доктрину набегов, замирений и подарков с ханьским Китаем. Об этом довольно много написано в литературе³. Военные кампании (нашествия, набеги, угон скота, подорожная мзда) превращались в особый экзополитарный способ производства (по Н. Н. Крадину⁴), который предполагал внешнюю направленность деятельности, чтобы изымать из оседлых городских обществ необходимую продукцию земледелия и ремесла⁵. Это неизбежно приводило к формированию нового облика потребностей кочевого общества. В случае ухудшения внешнеполитической конъюнктуры реализация этих потребностей возможно было осуществлять лишь за счет эксплуатации собственного населения (китайские мастера, данники, рабы, разоренные соплеменники) Кочевой империи. Результатом этого явилось появление многочисленных ремесленных факторий (железобрабатывающих, керамических) на территории Монголии, Забайкалья, Алтая. Появление подобных очагов ремесленного производства безусловно способствовало разрастанию их в крупные поселки и селища.

Другая часть неимущего безземельного населения из родовых кланов, лишенная возможности кочевания, вероятно, активно переходила на иной хозяйственный уклад (отгонное скотоводство, ремесленничество, земледелие), предусматривающий оседлое существование. Это происходило в относительно благоприятных условиях степи – предгорьях, оазисах, речных долинах. Следствием это-

го явилось возникновение селищ и городищ вблизи зимовок и летовок. К этому следует заметить, что оседлую, неимущую часть степного населения в значительной доле составляли инородцы, либо попавшие в плен (рабы или данники)⁶, либо роды, оставшиеся из-за неблагоприятных внешнеполитических условий без пастбищных территорий. Это подтверждается конструкцией жилищ и особенно деталями погребального обряда Иволгинского комплекса⁷. При знакомстве с данными материалами обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на существование разнокультурных и различных социальных и половозрастных групп в Иволгинском комплексе, погребальные комплексы и жилые строения в основном принадлежат к средне-сословному и сравнительно бедному населению.

Постепенно внутри центров оседлости складывалась своя административная инфраструктура с ремесленными очагами и торговыми (как правило, китайскими) факториями и скотоводческо-земледельческой округой⁸. Безусловно, эти процессы в определенной мере обеспечивали поддержание некоего баланса внутри кочевой державы. Однако в целом они неизбежно приводили к деструктуризации экономической и социально-политической основы кочевой империи.

Вероятнее всего, по мере превращения сезонных стойбищ в селища и городища, последние становились объектами набегов и поборов со стороны крупных кочевых объединений, равно как и ханьские, чешинские, гаочанские, тибетские и другие города, на что указывает довольно мощная фортификация Иволгинского городища.

Таким образом, первые прообразы кочевнических городов, появившиеся в хуннскую эпоху, демонстрируют многокультурность и полиэтничность в своей социальной среде и многоукладность хозяйственно-экономической инфраструктуры.

Хозяйственная многоукладность, социальная совместимость и взаимодополняемость имели впоследствии решающее значение в возникновении степных городских центров и больших укрепленных городищ (протогородов) в лесостепной и оазисных зонах аридного пояса Евразии в период Великого Переселения народов.

На сегодняшний момент современным исследователям подчас весьма трудно осознать

то культурное и вероятно этническое многообразие, которые демонстрируют наиболее крупные или даже сравнительно небольшие городища периода поздней древности, ранне-средневековья Западной Сибири (по рекам Тобол, Иртыш, Исеть) и Восточной Европы (по рекам Уфа, Белая, Кама). Однако механизм становления кочевнических городов был не одинаков. Они не всегда возникали в местах ставок или в межплеменных центрах. Вероятно, некоторые из них формировались в границах ранее существующих позднепарфянских, бактрийских, согдийских, кушанских и прочих урбанистических центров Средней Азии⁹. На наш взгляд, это в большей мере отразилось на характере городов Кангюя, Даваня, Джеты-Асар. В Восточной Европе вероятно также в ряде случаев мы можем наблюдать культурно-урбанистическую трансформацию городов и селищ поздней античности.

Особенно активно этот процесс образования и роста городов происходит в период окончательного сложения Великого шелкового пути (ВШП). С точки зрения Б. Н. Ставиского, это происходит в I–II вв. н. э. Исторически это было обусловлено экономическим расцветом Восточной Хань при императорах Мин-ди (57–75 гг. н. э.) и Чжан-ди (73–102 гг. н. э.). Следствием внешней политики западных экспансий было не только возрождение торговли с Западным краем (Средней Азией) и возрождение ранее существующего (со второй половины II в. до н. э.) этого сегмента будущего Великого шелкового пути, но и последующий выход к Каспийскому морю (в 97 г. н. э.) и организация экспедиционного корпуса (военачальника Гань Ина) к восточному побережью Адриатики для прямого контакта с Римской империей¹⁰. Несмотря на то, что миссия потерпела неудачу из-за нежелания Парфии уступать контроль над районами Азии, именно с этого момента впервые в истории сформировалась макрополитическая система, которая охватила всю цивилизованную полосу Старого света. Образовался «квартет четырех империй древности»: Римской, Парфянской, Кушанской и Китайской. Они вступили в сложные политические, экономические и культурные контакты друг с другом, что сказалось на состоянии трансконтинентальных коммуникаций¹¹. Чуть позже появляются и стремительно вырастают города на границе степей и полупустынь, своеобразным оже-

рельем опоясывая контуры степного (или северного) участка Великого шелкового пути. Появление его падает уже на период возникновения Западного Тюркского каганата. Это четко засвидетельствовано в хронике, сообщающей о прибытии согдийского купца Маниаха в Константинополь от Тюркского кагана в 569 году для обсуждения маршрута Шелкового пути через Предкавказье, Северный Прикаспий и Приаралье¹².

Особый облик культуры и многоукладной экономики городов, появившихся вдоль степных маршрутов ВШП в пределах Южного и Центрального Казахстана (Испиджаб, Тараз, Кулан, Аспара, Каялык, Узбаникет, Отрар, Туркестан, Сыгнак, Янгикент и др.) говорит о том, что скотоводческий и кочевнический комплекс играл одну из наиболее важных социоэкономических составляющих этих центров. Трудно сказать происходила ли интеграция скотоводческо-кочевнического и ремесленно-земледельческого укладов с самого возникновения этих степных урбанистических центров или появлялась позже в силу изменения исторической конъюнктуры. Вероятнее всего эти процессы имели место в той или иной мере в генезисе вышеназванных городских центров.

В качестве их иллюстрации приведем пример историко-культурных трансформаций, происходивших в Танаисе на рубеже поздней древности и раннего средневековья.

Как нам представляется, Недвиновское городище Танаиса и его грунтовой некрополь являются весьма показательными памятниками гуннской эпохи. В целом исследователи отмечают, что Танаис после готского нашествия (середина III в.) не возродился в полной мере. Многие здания оставались в руинах, а новые постройки выполнены небрежно и указывают об относительной бедности и малочисленности населения. Слабая мощность верхних слоев городища, а также сравнительно малое количество ранее исследованных погребений гуннского и постгуннского времени вынуждали предполагать, что жизнь на городище в начале V в. лишь «теплилась»¹³. Хотя здесь же Д. Б. Шелов отмечает, что в период IV–V вв. н. э. продолжают сохраняться прежние ремесленные производства, и хотя город был менее мощным экономически, но оставался в прежних своих границах и имел достаточно плотную жилую застройку. Здесь же автор отмечает, что очень плохое состоя-

ние верхних слоев не позволяет в полной мере понять и оценить поздний период существования города¹⁴. Итоги многолетнего исследования Танаисского некрополя, опубликованные сравнительно недавно (2001 г.) в коллективной монографии, позволяют говорить о значительной доле погребений гуннского и постгуннского времени IV–V, VI вв. (VI–VII хронологического периода). Они занимают почти половину (!) (44,3 %) от общего числа исследованных Танаисских погребений от III–I вв. до н. э. до VI в. н. э.¹⁵ Это, безусловно, указывает на довольно интенсивный характер обитания Танаиса в гуннский период (в эпоху Аттилы). При этом весьма интересно отметить тот факт, что, систематизируя данные погребальной обрядности, трудно не заметить, что ее развитие проходит по тем же этапам, что и позднесарматская культура в целом. Так в IV в. н. э. среди общего числа погребений появляются катакомбы с широтной ориентировкой покойников. И хотя их число не превышает трети (31,4 %) от общего количества погребений гуннского и постгуннского времени¹⁶, сам по себе факт синхронности в появлении катакомб на заключительном этапе позднесарматской культуры среди кочевнических памятников Нижнего Дона и Нижней Волги и погребений Танаиса, наводит на мысль о том, что вероятно нижнедонская столица и кочевнические объединения данного периода существовали в рамках единого культурного пространства. Возможно это заключение позволяет ответить на вопрос почему отсутствуют следы гуннских разрушений в слое Танаиса в отличие от других городов Киммерийского Боспора? Д. Б. Шелов замечает на этот счет, что город попросту не был восстановлен к 70-м годам IV в., а возрождение его начинается лишь после прихода гуннов¹⁷. Однако последние данные Танаисского некрополя опровергают это мнение. Напрашивается сам по себе вывод: либо город восстанавливали сами гунны, либо население, находившееся под их протекторатом. При этом необходимо признать, что характер погребальной обрядности городского некрополя принципиально остался прежним (позднесарматским): абсолютное большинство комплексов (57 %) составляют простые подбойные погребения с северной ориентировкой. Черепная деформация в этот период достигает наибольшего количества (21 %). Как уже говорилось, примерно треть занимают катакомбные погребения и неболь-

шое количество (4 комплекса) простых и подбойных погребений с западной ориентировкой¹⁸. Вероятнее всего особенно после готского погрома и значительного оттока из него греческого и раннесарматского населения, на что указывает приток танаисской ономастики в Боспорские города¹⁹, Танаис превращается в варварский город. Неслучайно, что именно в эпоху Аттилы, он испытывает кратковременный этап возрождения.

Не исключено, что в позднесарматский период это мог быть своеобразный межплеменной центр, в котором располагались ставки гуннских вождей, ремесленные мастерские, торговые фактории и проживало оседлое население сельскохозяйственной округи. Исторически он, скорее всего, был сходен с многочисленными кочевническими городами Великой Степи (Иволгинское городище, Итиль, Саркел – Белая Вежа, Преслав, города Золотой Орды и др.), тем более, что основанием для подобного заключения может являться общая историко-культурная ситуация, сложившаяся к гуннскому периоду в бассейне Дона. Исследование памятников IV–V вв. Чертовичского – Замятинского округа Острой Луки Дона позволили А. М. Обломскому и его коллегам прийти к выводу, что данные селища являлись ставками гуннов, в которых проживало смешанное ремесленно-торговое и земледельческое население (прославяне – анты, финно-угры и балты Верхнего Поочья и др.), находящееся под властью и протекторатом гуннских вождей²⁰.

Вероятнее всего, мирное сосуществование (полукочевого постгуннско-турбаслинского с оседлым угорским – именьдяшевского, кушнаренковского, бахмутинского и др.) в пределах одних селищ и городищ обеспечивала именно гуннская этнополитическая составляющая. На это указывают материалы исследования городища Уфа II (Башкорт), раскопки которого проводятся в последние годы. Расположение этого крупного протогородского центра с развитым ремеслом (металлургия, кузнечество, гончарство, ювелирное и др.), мощной фортификационной и жилой архитектурой в непосредственной близости с известными некролями позднегуннской (турбаслинской) кочевой аристократии, которыми являются знаменитые уфимские курганы и многочисленные турбаслинские комплексы, разбросанные по улицам и пригородам Уфы, факт не случайные. В данном случае мы име-

ем дело с единым комплексом, включающим протогород и связанные с ним погребальные памятники. Это единство позволяют установить многочисленные находки типологически близких предметов в могильниках и слоях V–VIII вв. городища²¹.

Исследования этого городища позволяют абсолютно по новому взглянуть на всю систему городищ железного века Урала и Западной Сибири, где наряду с крупными протогородскими центрами (столицами провинций), имеющими хорошо выраженную укрепленную цитадель, архитектурно-организованный и частично укрепленный посад, а также целую систему небольших дозорных городков, располагающихся по границам провинции. К первым в пределах исетско-тобольской провинции безусловно относится Прыговско-Козырьский комплекс и Коловское городище на р. Исеть²². Ко вторым относятся городища этого же прыговско-бакальского хронологического горизонта (II–VI вв. н. э.), входящие в большую Исетско-Тобольскую провинцию (Красногорское, Бакальское, Усть-Утякское и др.)²³.

Таким образом, возникновение и развитие кочевнического города может происходить в границах как ранее существующих городов, основанных населением оседлых цивилизаций, так и на местах крупных родовых центров (ставок) оседлого и начинающего оседать кочевого населения. Каков механизм взаимодействия ранее живущих горожан и вновь прибывших насельников, связанных с кочевым кланом в культурно-социальной среде урбанизационных центров? Вероятно это вопросы отдельных исследований.

В этой связи здесь следует привести точку зрения Н. Н. Крадина о характере взаимоотношения между номадной и земледельческими подсистемами. В его точки зрения эти особенности отражает типологический характер собственно кочевых империй. В первом случае кочевники и земледельцы не составляли ни единой взаимосвязанной экономической системы, ни тем более единого политического организма (державы сюнну и сяньби, жужаньский, аварский, тюркский, уйгурский каганаты, ранняя Скифия, Приазовская Болгария). Кочевые империи второй модели характеризуются тем, что кочевая и оседлая подсистемы составляют единый политический организм, однако между их экономическими системами отсутствует тесная связь (Золотая Орда, им-

перия Юань). Империи третьего типа создавались после того, как номады завоевывали земледельческое общество и перемещались на его территорию. Соответственно, кочевое ядро и земледельческо-городское населения входили в состав одного социального организма (парфянское и кушанское государства, поздняя Скифия, Тоба Вей, империи Сельджуков, Караханидов, Ильханов, Ляо, Дунайская и Волжская Болгарии)²⁴.

Возможно этот характер взаимодействий в целом может отражать определенные стадии социокультурного развития и кочевнических городов.

В заключении хотелось бы обратить внимание еще на один аспект. Особой чертой Кочевой Цивилизации является чрезвычайная мобильность и адаптивность этой системы. Она выразилась не только в поразительной подвижности кочевых социумов, способных совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, объединять и комбинировать значительные союзы и конфедерации, тем самым интегрируя огромные человеческие ресурсы, а также мгновенно (с исторической точки зрения) возводить эти самые кочевнические города.

Однако в ряду основополагающих черт понятия Кочевой Цивилизации, как следует из нашего определения, сам город в данном контексте не несет первостепенное цивилизирующее значение. В этой связи автору, не всегда была понятна позиция коллег, занимающихся историей кочевых сообществ. Вольно или невольно в их представлениях чрезмерно завышается роль городской культуры в этнокультурном и государственном генезисе самой кочевой нации. Стоит заметить, что город в существовании и развитии Кочевой Цивилизации, прежде всего, отражает адаптивную способность сообществ данной системы. При этом наиболее знатные представители родовой элиты, по волевому решению которых подчас и возникали данные урбанизационные центры, длительный период проживали за их пределами и осуществляли ограниченное административное управление и покровительство внутри них.

Однако и уничижительное наименование – «варварский» город, на наш взгляд как традиционное противопоставление оседлого «цивилизационного» подхода по отношению к «варварской» степи также недопустимо

как определение к этой дефиниции. Не стоит забывать, что первые балканские столицы кочевников-болгар Плиска, Преслав, отстроенные в считанные годы, ничем не уступали, а подчас и превосходили существующие центры Европы, а золотоордынские города Поволжья, Кавказа и Крыма в разы превышали Европейские столицы по народонаселению и торгово-экономическому потенциалу.

Примечания

¹ См.: Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Күлтегін, 2003. С. 3–7; Мартынов, А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284–292; Буровский, А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 151–179; Крадин, Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 164–179; Шаисламов, А. Р. Кочевая цивилизация: проблемы поиска и разработки научных критериев // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2007. № 18. С. 105–110.

² Тойнби, А. Дж. Постигание истории. URL : // <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt>.

³ См.: Крадин, Н. Н. Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 34; Гумилев, Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

⁴ Н. Н. Крадин, на наш взгляд пришел к весьма важным результатам. Анализируя ранее существующие и современные критерии исторического процесса и соотнося их с теорией номадизма, автор приходит к выводу, что кочевничество представляет из себя не только своеобразную мегацивилизационную целостность, имеющую ряд (пять) типологических вариантов, но и социально-экономическую формацию с особым экзополитарным (внешне политическим) способом производства, основанном на внешнеэксплуататорской деятельности, а в кочевых сообществах в той или иной степени развитости существовали уклады всех известных доиндустриальных способов производства (включая и феодальный), хотя ни один из них не играл ведущей принципиальной роли; Крадин, Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М. : Наука, 1995.

⁵ См.: Крадин, Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. С. 177–178.

⁶ См.: Крадин, Н. Н. Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 94.

⁷ Там же. С. 44, 45; Давыдова, А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 22.

⁸ См.: Крадин, Н. Н. Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // ВДВОРАН. 2000. № 6. С. 112–115.

⁹ См.: Байпаков, К. Древние города Казахстана. Алматы : Аруна Ltd., 2005. С. 39.

¹⁰ См.: Скорпари, Маурицио. Династия Восточной Хань // Древний Китай. Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. М. : Артель, 2003. С. 53–55.

¹¹ См.: Ставиский, Б. Я. Великий шелковый путь – первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990. С. 19.

¹² См.: Мамлеева, Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансконтинентального взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 53–61.

¹³ См.: Шелов, Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972. С. 307, 327–328; Арсеньева, Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 150–151.

¹⁴ См.: Шелов, Д. Б. Танаис... С. 328.

¹⁵ См.: Арсеньева, Т. М. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. / Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И. В. Толочко. М. : Палеограф, 2001. С. 175–179.

¹⁶ Там же. С. 192–201.

¹⁷ См.: Шелов, Д. Б. Танаис... С. 327.

¹⁸ См.: Арсеньева, Т. М. Некрополь Танаиса... С. 179, 192–201.

¹⁹ См.: Даньшин, Д. И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 197. 1990. С. 54–56.

²⁰ См.: Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М., 2004. С. 163, 166.

²¹ См.: Мажитов, Н. А. Средневековый город Башкорт (Уфа II) / Н. А. Манжитов, Ф. А. Сунгатов, А. Н. Султанова // Вестн. акад. наук Республики Башкортостан. 2007. Т. 2, № 3; Мажитов, Н. А. Город Башкорт – средневековая столица Башкортостана / Н. А. Мажитов,

Ф. А. Сунгатов, А. Н. Султанова // Сокровища древней Уфы. Уфа : ГУП «ГРИ «Башкортостан»», 2008. С. 30–55.

²² См.: Археологическая карта Курганской области / сост. Н. Б. Виноградов. Курган, 1993. С. 242; Карты и схемы. Приложение к книге «Археологическая карта Курганской области». Курган, 1993. С. 59–60. Рис. 75, 76; Матвеева, Н. П. Формирование кушнарниковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE : Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2007. С. 63–75.

²³ См.: Матвеева, Н. П. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) / Н. П. Матвеева, Т. Н. Рафикова, С. В. Берлина // АВ ORIGINE... С. 76–98; Боталова, С. Г. Новые материа-

лы исследований Большого Бакальского городища / С. Г. Боталова, Е. В. Тидеман, А. А. Лукиных, М. П. Вохменцев // Проблемы бакальской культуры : материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск : ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 6–41; Кайдалов, А. И. Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002–2006 гг.) / А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко // Проблемы бакальской культуры... С. 73–80.

²⁴ См.: Крадин, Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. С. 175.

И. Э. Любчанский

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НОМАДОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО II – НАЧАЛЕ VI ВЕКА. И. Э.: КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

История изучения материальной культуры древних народов Южного Зауралья является неотъемлемой частью в изучении понимания процессов культурирования и этногенеза кочевых племен Евразии, которые столь серьезно повлияли на становление и формирование аборигенного населения южного Урала. В статье рассматривается комплекс вооружения кочевников Южного Зауралья и предпринимается попытка выявления культурных истоков его формирования.

Ключевые слова: комплекс вооружения, оружие дистанционного боя, номады, хронология, археология.

К настоящему времени в погребениях II – начала VI века н. э. южноуральской степи обнаружены небольшие по количеству, но весомые по качеству, серии погребального инвентаря. К ним относятся длинные железные мечи без навершия и перекрестия, наконечники стрел, фрагменты сложносоставных луков, ножи, элементы конской упряжи, пояса, бронзовые зеркала, керамика и предметы, выполненные в «полихромном» стиле. Перечисленные категории погребального инвентаря позволяют составить представление о материальной культуре кочевых племен Южного Зауралья и сопредельных территорий в драматический период истории евразийского степного пространства. Вопросам датировки памятников указанного промежутка времени уже посвящалось несколько статей и выступлений¹. Поэтому настоящая статья посвящена детальному анализу одной составляющей кочевнической «триады», а именно, комплексу вооружения².

Начиная разговор о комплексе вооружения кочевников, определимся в понятийном аппарате. Под «комплексом вооружения» нами понимается совокупность предметов материальной культуры, которая характеризует уровень развития наступательной и оборонительной составляющей тактики ведения боя кочевого общества. Традиционно «комплекс вооружения» включает оружие и доспех. Оружие, в свою очередь, делится на «оружие ближнего боя» (мечи, кинжалы, клевцы, копья, ножи и пр.) и «оружие дистанционного боя» (луки, стрелы, дротики, пращи и пр.). Доспехи также можно разделить на две категории по материалу изготовления – легкий доспех, изготовленный из кожи и имеющий незначительное уси-

ление металлическими пластинами (кожаный панцирь, поножи и пр.); и тяжелый доспех, изготовленный из металла (катафракта, кольчуга, кираса, шлем и пр.). Щиты также можно отнести к элементам защитного доспеха.

В связи с тем, что тяжелый доспех в культуре кочевых обществ древности не только выступал показателем статусности владельца, но и являлся весьма дорогостоящим изделием, эта категория погребального инвентаря очень редко встречается в погребальных комплексах Южного Зауралья. Поэтому в нашем распоряжении для анализа остается только категория «оружие». Именно анализу этой категории и посвящена настоящая статья.

Следуя категориальной логике, начнем с «оружия ближнего боя».

За последнее десятилетие в погребениях II – начала VI века н. э. в южноуральском регионе найдена достаточно представительная серия длинных железных мечей без навершия и перекрестия с длинным штырем, на котором оформлялась рукоять меча. Общая длина таких мечей составляет 0,75–1,10 м, длина штыря для рукояти 0,15–0,24 м. Ширина лезвия клинка составляет 4,5–4,8 см. Лезвия мечей параллельны, плавно сужаются к острию. Штыри рукоятей в сечении прямоугольные (рис. 1, 1–14). Очень редко встречаются каменные (халцедоновые?) диски, которые возможно могли выступать как навершия. На мечах южноуральской серии отсутствуют перекрестия. Очень вероятно, что их отсутствие связано с материалами, из которых они создавались (дерево, кожа, кость), и могли не сохраниться в погребениях.

В настоящей статье мною рассматриваются 25 мечей указанного типа. Четырнадцать

мечей происходят из западных районов южноуральского региона (могильники Лебедевка V, кург. 23, погр. 1; Лебедевка VI, кург. 1, 3, 4, 22, 24, 37; Агпа I, кург. 9, 19; Агпа II, кург. 3; Целинный I, кург. 3, 6, 13, 69). Одиннадцать мечей были обнаружены в погребениях Южного Зауралья (могильники Кунашак I, кург. 1; Сыртлановский; Ишкильдино, кург. 1; Солнце II, кург. 3; Красногор; IV курганная группа у пос. Комсомольский, кург. 2, 5, 8, погр. 2; Покровский, кург. 2; Стрелецкое, кург. 1, Муслумово). Практически обо всех мечях информация опубликована в статьях³, несколько мечей хранятся в фондах ЛАИ ЧГПУ, ИИЯЛ БНЦ РАН, в экспозиции Оренбургского краеведческого музея. Помимо целых экземпляров имеются фрагменты клинков из разрушенных погребений Южного Зауралья. Мечи, аналогичные южноуральским, имеют широкое распространение в погребальных комплексах Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии, Южной Сибири и Алтая, Монголии и Китая. В нашем распоряжении имеются и уникальные находки мечей из лесных районов Урала (могильники Тураевский, Тарасовский, Варнинский). Отличием этих мечей от южно-уральских является наличие прямого ромбовидного в сечении перекрестия или съёмных перекрестий и наверший.

Очевидно, что и перекрестия, и навершия являются элементами, обеспечивающими удобство захвата рукояти воином, а следовательно не могут рассматриваться как полноценные признаки, определяющие тип меча. Типообразующими признаками выступают форма самого клинка и форма штыря рукояти, возможно имеющие единую традицию изготовления. Аналогичный тезис высказал А. С. Скрипкин⁴. На наш взгляд, правомерно объединить южноуральские мечи по форме клинка и штыря рукояти с сериями мечей с прямым перекрестием.

Наиболее ранними прототипами мечей из памятников южноуральского региона выступает бронзовое клинковое оружие древнего Китая, которое было распространено на финальном этапе бронзового века (эпоха Чжоу), а затем получило развитие в раннем железном веке. Необходимо отметить, что в Ханьскую эпоху широкое распространение получают мечи с длиной клинка более 1 м, изготовленные как из бронзы, так и из железа⁵. Формы, найденных мечей в южноуральских погребениях

II – начала VI веков н. э., а также на сопредельных территориях, повторяют форму ханьских мечей. Отдаленные реминисценции формам китайских клинков обнаруживаются в погребальных комплексах южнорусских степей эпохи «великого переселения народов» (могильники Новогригорьевка, мог. VIII, IX; Новая Маячка, Дмитровка, Ново-Ивановка, «Восход» близ Покровска, Арцыбашево)⁶.

Мечи, рассматриваемой формы, появляются еще во II веке до н. э., что подтверждается исследованиями М.Г. Мошковой и А.С. Скрипкина⁷. Своими корнями этот тип восходит к мечам с прямым перекрестием без металлического навершия⁸. Ведущей формой меча без навершия и перекрестия становятся только во II веке н. э. и существуют на протяжении почти четырех столетий. Основное количество мечей этого типа сосредоточено в южноуральском степном регионе, реже они встречаются в памятниках Заволжья и междуречья Волги и Дона. В этой статье мы не претендуем на исчерпывающую информацию, но, по нашим подсчетам, в южноуральском регионе обнаружено 25 археологически целых меча, а в Заволжье нам известны только четыре находки. Это условно подтверждает тезис об их восточном происхождении, высказанный автором на заседании секции «Археология кочевников» в рамках III Международной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»⁹.

Думается, будет уместно остановиться на вопросе как и каким образом мечи близкие по форме ханьским оказались в могилах южноуральских кочевников II – начала VI веков н. э. Наиболее близким районом распространения аналогичных мечей является территория в низовьях Сырдарьи, где сосредоточены памятники джетыясарской археологической культуры. С этих территорий нам известно девятнадцать находок мечей без металлического перекрестия и навершия. Автор раскопок Л. М. Левина считает, что данный тип мечей мог быть основным видом вооружения в среде кочевого массива джетыясарской культуры, которая датируется I–IV вв. н. э.¹⁰ Подобные мечи были широко распространены в районах Средней Азии и Южного Туркменистана во II–I вв. до н. э.¹¹ Как отметил А. М. Хазанов, этот тип мечей сохраняется на указанных территориях и во II–IV вв. н. э.¹²

Нами уже отмечалось значение Ханьского Китая для кочевой периферии. Влияние

культуры Китая, скорее всего, было ярко выражено для кочевых племен, соседствующих на севере и западе с Поднебесной Империей. Поэтому, думается весьма проблематично рассматривать вопрос о прямом влиянии культуры Китая времени Хань на кочевников южноуральских степей. Это влияние могло быть только опосредованным. По мнению А. С. Скрипкина, «причин, обусловивших появление инноваций китайского происхождения в столь отдаленных... памятниках было несколько, они были связаны с некой общей исторической тенденцией того времени. Причем среднеазиатский регион в этом процессе играл, видимо, посредническую роль»¹³. Вполне вероятно, что инновации могли проникать в пределы южноуральского региона и по границе степной и лесостепной зон, о чем могут свидетельствовать находки мечей в саргатских погребениях, датированных в пределах I–IV вв. н. э. (могильники Ипкуль, кург. 1, погр. 3; Исаковский I, кург. 3, погр. 6; Сидоровский I, кург. 1, погр. 2)¹⁴. Столь мощное влияние приводит к распространению подобных мечей в отдаленных районах лесной зоны, в памятниках мазунинской (могильники Чепаниха, Нива, Покровское, Ижевский, Усть-Сарапулка) и азелинской (могильники Тюм-Тюма, Усть-Брыскинский, Гремяченский, Суворовский) культур¹⁵.

Все мечи, которые были обнаружены в Южном Приуралье и Зауралье сосредоточены в погребениях, которые исследователями датируются в пределах III–IV вв. н. э. и не выходят за эти хронологические рамки. В силу того, что в могильниках кочевников южноуральского региона не выделено хорошо датированных погребений с оружием II века н. э., считаем, что предложенный хронологический диапазон вполне корректен. Известные же памятники V века н. э. вообще не содержат оружия ближнего боя.

Обращает на себя внимание, распространившийся в южноуральской степи новый, отличный от сарматской эпохи комплекс оружия дистанционного боя. Он включает в себя наконечники стрел и фрагменты сложносоставного лука «гуннского» типа.

Наконечники стрел представлены железными трехлопастными, трехлопастными с «плечом», трехгранными и плоскими, ромбовидными, черешковыми наконечниками. Их длина составляет 6,0–7,6 см, при длине боевой головки 4,2–4,6 см. Коллекция насчи-

тывает 88 экземпляров (могильники Целинный, сооруж. 13; Ата II, кург. 4; Восточно-Курайлинский I, кург. 33; Кызыл-Адыр; погр. у оз. Боровое; курганы с «кусамы» Солончанка I; Городищенский)¹⁶. Наибольшее количество (79 экземпляров) относятся к типу железных трехлопастных ромбовидных наконечников с ярко выраженным черешком. Этот тип наконечников встречен во всех указанных выше археологических объектах. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что погребения, расположенные в западной части южноуральской степи содержат 1–2 экземпляра (могильники Восточно-Курайлинский-I, кург. 33; Ата II, кург. 4; Целинный I, сооруж. 13) и датируются они III – первой половиной IV века н. э., в то время как комплексы Южного Зауралья (центральная зона южноуральского региона) содержат от 6 до 55 наконечников (погр. у оз. Боровое, Кызыл-Адыр, Солончанка I, Городищенский). Все эти комплексы имеют более позднюю датировку. Они относятся к началу «эпохи великого переселения народов» и датируются в пределах конца IV–V вв. н. э.

Поиск аналогий этому типу наконечников стрел уводит нас в восточные районы евразийской степи. Наиболее ранние наконечники встречены в комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. в Западной Монголии, Южном Забайкалье и на Алтае (могильники Ильмовая Падь, мог. 53, 54; Черемуховая Падь, мог. 49; курганы Ноин-Ула, Тэмб-Улы, мог. 2; могильники Кокельский, Хара-Даг-Божа, погр. 1 и многие др.)¹⁷. В период существования позднесарматской культуры, и особенно, в эпоху «великого переселения народов», этот тип наконечников стрел получает свое распространение в памятниках низовий Сырдарьи (могильники Алтынасар 4) и Волги (кург. 17 у г. Покровска; кург. 4, погр. 2 у с. Владимировское и др.), в южнорусских степях (могильники Новогригорьевка, мог. VIII, IX; Новая Маячка; курган 8, погр. 2 в урочище Кубей)¹⁸.

Очень интересны три ярусных наконечника из погребения в пещере у с. Кызыл-Адыр¹⁹. В южноуральском регионе это пока единственная находка, но, так как они были обнаружены в комплексе со стрелами вышеописанного типа, то также вписываются в круг древностей IV–V вв. н. э. Прямые аналогии этому типу встречены в могильниках Южной Сибири и Центральной Азии, где они существуют в период I в. до н. э. – III в. н. э. (могильники Ильмовая Падь, мог. 50, 52, 53; Бурдун, Сул-Толгой, мог.

1, Найма-Толгой, мог. 6, Кокэльский, кург. 7, 8, 11, 26, 28, 37, 39, 65, 68)²⁰. Железные наконечники стрел дополняются костяными наконечниками, также обнаруженными в погребениях III – начала V вв. н. э. (могильники Большекараганский, кург. 6; Байрамгулово II, погр. 2; Малково, кург. 2)²¹.

Комплекс оружия дистанционного боя дополняют фрагменты сложносоставных луков. Известно три экземпляра на территории Южного Зауралья (могильники Альмухаметово, кург. 9, погр. 1; погр. Кызыл-Адыр; курган с «усами» Солончанка I)²². Они представлены концевыми, срединными и фронтальными костяными накладками. Сохранность некоторых накладок плохая, поэтому очень сложно определить нюансы их устройства.

Сложносоставной лук «гуннского» типа возникает в Центральной Азии на рубеже III – II вв. до н. э. и постепенно распространяется на запад, охватывая все большее пространство. За неполные семь столетий он проникает до венгерской Пушты Паннонии и остается господствующим до появления луков аваро-хазарского и монгольского типов²³. Однако, если исходить из археологического материала, наибольшее распространение сложносоставные луки получают у народов Центральной и Средней Азии, а также Северного Казахстана. В степях юга России, Поволжья и Урала они встречаются очень редко. Наиболее точные аналогии южноуральским накладкам обнаружены на востоке, в памятниках хуннского и поздnehуннского времени, которые датируются I–IV вв. н. э. (могильники Ильмовая Падь, мог. 51; Черемуховая Падь, мог. 61; Сул-Толгой, мог. 1; Кокэльский, кург. 11, мог. 46, погр. 2; кург. 26, мог. 8, 27; кург. 66; Большой Берельский курган 2) и V – началом VI в. н. э. (могильник Большой Берельский, курган 2)²⁴. Фрагменты сложносоставных луков из погребений южноуральского региона по приведенным аналогиям можно соотнести с сложносоставным «кокэльским» луком (тип 3 – по Ю. С. Худякову)²⁵, который, в свою очередь, находит соответствие среди метательного оружия племен хуннского общества²⁶. Неудовлетворительная сохранность накладок не позволяет выявить конструктивные особенности, но даже информация о количестве и форме накладок сближает южноуральские луки с луками «гуннского» типа²⁷.

Подобные накладки появляются в I – начале II вв. н. э. в Северном Казахстане (могиль-

ники Жабай-Покровка, погр. 32; Покровский, кург. 2; урочище Саргары, кург. 3)²⁸. В период I–IV вв. н. э. накладки, особенно концевые, выступают как составной элемент в формировании лука «кенкольского» типа и известны в Киргизии (могильники Акчий-Карасу; Джал-Арык; Торкен), в Казахстане (городище Кзыл-Койнар-Тобе, Алтынасар) и даже в Ташкентском оазисе (поселение Ак-Тобе 2)²⁹. Единичные экземпляры составных частей подобных сложносоставных луков обнаруживаются в могильниках средне- и позднесарматской культуры Нижнего Поволжья (Суловский курганный могильник, кург. 51) и Южного Приуралья (могильник Покровка 10, курган 19, 66)³⁰. Несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов с сожжением у г. Покровска (кург. 17, 18), датируемых V – началом VI вв. н. э.³¹

Из трех известных в южно-уральском регионе фрагментов сложносоставных луков наиболее близкими друг другу являются луки из погребения V века н. э. у с. Кызыл-Адыр и комплекса кургана с «усами» Солончанка I, который также датируется в пределах V в. н. э.³²

Аргументы, приведенные выше, подтверждают мысль о повсеместном распространении сложносоставного лука «гуннского» типа в древностях евразийской степи. Однако необходимо сделать уточнение. Дошедшие до нас остатки костяных накладок луков, происходящие из районов Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Средней Азии и Центрального Казахстана, относятся к поздним сложносоставным лукам III и IV типов (по Ю. С. Худякову), время бытования которых соответствует поздnehуннскому периоду Центральной Азии и эпохе великого переселения народов в Европе, то есть могут быть датированы не ранее конца IV в. н. э. Исключение могут составить несколько находок накладок от сложносоставного лука из могильника Покровка 10, материалы которого, наконец-то были введены в научный оборот. По мнению авторов, курганы 19 и 66 этого могильника могут быть датированы в пределах второй половины III в. н. э., хотя эта датировка получена при анализе ременной гарнитуры из погребений этих курганов³³.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении комплекс вооружения nomadov Южного Зауралья не велик. Он включает в себя мечи, наконечники стрел и накладки на сложносоставной лук. Как правило, предметы воору-

жения встречаются в наиболее богатых комплексах этой эпохи. Нужно отметить, что общее количество предметов вооружения в погребениях не только Южного Зауралья, но и Южного Приуралья не превышает 8 % от общего числа находок³⁴. Подобные находки встречаются крайне редко на площадке одного могильника, либо вообще содержатся в «тайных» захоронениях (пещера Кызыл-Адыр) и комплексах курганов с каменными грядами-«усами» (Солончанка I). К тому же данные артефакты очень хорошо распределяются по хронологическому ряду. Так, мечи рассматриваемых типов содержатся в погребениях курганов, расположенных на площадках пока еще слабоизученной финальной фазы шиповской археологической культуры (так называемый зауральский вариант). По совокупности археологического материала и особенностей погребального обряда все эти курганы датируются в пределах середины III – первой половины IV вв. н. э., что не противоречит принятым датировкам комплексов в памятниках позднесарматской (шиповской) археологической культуры Нижнего Поволжья. При этом отчетливо наблюдается процесс инфильтрации ряда компонентов другой, причем «элитной», материальной культуры. Некоторые исследователи склонны видеть появление таких типов мечей в стратных курганах Южного Урала с движением кавказских алан³⁴. Другие склонны предполагать их проникновение из районов восточнее Аральского моря, то есть с движением некоторых групп населения. По мнению А. С. Скрипкина, вполне возможно, носителями могли быть «азиатские» аланы³⁵, которые уже в достаточной мере восприняли новшества, пришедшие из глубин Центральной Азии и в нашем случае – это мечи. Малое их количество может объясняться тем, что мечи принадлежали всаднической страте кочевого сообщества Южного Урала.

Наконечники стрел рассмотренных типов и накладки сложносоставных луков вообще являются редкостью в памятниках позднесарматской культуры, в то время, как с конца IV века н. э. они получают широкое распространение в кочевнических древностях азиатской части Евразии и доминируют на этом пространстве вплоть до второй половины VI века н. э. Однако находок в южноуральских комплексах этих остатков материальной культуры также мало. Они составляют также чуть более 8 % от общего числа находок. Распреде-

ление находок в комплексах неравномерное. Небольшие наборы наконечников встречены в самых поздних памятниках позднесарматского времени Южного Зауралья и насчитывают от 2 до 7 экземпляров. А самые большие по численности колчаны от 25 до 56 наконечников обнаружены в специфических комплексах Кызыл-Адыр, Солончанка I и Городищенский IX³⁶, которые датируются V в. н. э. Центральноазиатское происхождение этих предметов не вызывает сомнения. Появление их опять же в элитных комплексах свидетельствует о процессе дальнейшего проникновения в среду населения южноуральского региона кочевых групп центральноазиатского происхождения, которые, вне всякого сомнения, приняли участие в формировании, наравне с населением позднесарматской эпохи, «гуннской орды». Однако по каким-то причинам (экономическим, политическим) эта группа осталась в пределах Южного Зауралья и Центрального Казахстана, на территории которых просуществовала вплоть до начала тюркских завоеваний.

Примечания

¹ Обобщенное видение проблемы прозвучало в докладе на секции раннесредневековой археологии во время работы II Всероссийского археологического съезда (октябрь 2008 г., г. Суздаль).

² Эта первая статья из задуманного автором цикла статей, которые будут посвящены отдельным категориям материальной культуры кочевников Южного Зауралья в позднесарматское (и/или) гунно-сарматское время.

³ См.: Епимахова, М. Г. Прошлое рядом с нами // Кунашак – земля предков. Челябинск, 2000. С. 17; Епимахов, А. В. Новые памятники гунно-сарматского времени Южного Зауралья / А. В. Епимахов, И. Э. Любчанский // История, философия, филология. Вып. 1. Магнитогорск, 1994; Обыденов, М. Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Вып. I. Уфа, 1997. Рис. 22; Сунгатов, Ф. А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье // Сов. археология. 1991. № 1. С. 244.

⁴ См.: Скрипкин, А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 18.

⁵ См.: Кожанов, С. Т. Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс.

- до н. э. // История и культура Восточной Азии. Новосибирск, 1990. С. 84–85; Комиссаров, С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая эпохи поздней бронзы. Новосибирск, 1988. С. 103–106; Горелик, М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М., 1993. Табл. XVII, 30, 38.
- ⁶ См.: Степи Евразии в эпоху средневековья М., 1981. С. 109; Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. Табл. 3, 1; 9, 6; 10, 8, 9; 14, 7; 32, 1.
- ⁷ См.: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, С. 196; Скрипкин, А. С. Новые аспекты... С. 19.
- ⁸ См.: Хазанов, А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 18.
- ⁹ См.: Любчанский, И. Э. Этнокультурная ситуация в первой половине I тысячелетия н. э. в Урало-Ишимском междуречье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы III междунар. конф. Ч. 5. Кн. 2. Челябинск, 1995. С. 41–45.
- ¹⁰ См.: Левина, Л. М. Джетыясарская культура. Могильники Алтынасар 4. М., 1994. С. 63.
- ¹¹ См.: Обельченко, О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Сов. археология. 1978. № 4. С. 119–121; Мандельштам, А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М. ; Л., 1966. С. 158; Кожомбердиев, И. К. Комплекс вооружения кенкольского воина / И. К. Кожомбердиев, Ю. С. Худяков // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 88.
- ¹² См.: Хазанов, А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 16. Табл. X.
- ¹³ См.: Скрипкин, А. С. Новые аспекты... С. 22.
- ¹⁴ См.: Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988 С. 67. Рис. 16, 27 а; Погодин, Л. И. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998. С. 25–39.
- ¹⁵ См.: Останина, Т. И. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 73. Рис. 19, 5, 6; Голдина, Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 264. Рис. 128, 2 а.
- ¹⁶ См.: Гуцалов, С. Ю., 1987. Отчет Актюбинской экспедиции о работах летом 1986 года. Личный архив С. Ю. Гуцалова; Гуцалов, С. Ю., 1989. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1988. Личный архив С. Ю. Гуцалова; Гуцалов, С. Ю., 1990. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1989. Личный архив С. Ю. Гуцалова; Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. Табл. 37; Бернштам, А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 216–227; Любчанский, И. Э. Курган с «усами» Солончанка I / И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров. Челябинск, 1999. С. 23, 54; Боталов, С. Г. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 329.
- ¹⁷ Коновалов, П. Б. Хунны в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. Табл. I, 1; II, 20, 28; Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 83. Рис. 4, 10; Вайнштейн, С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // ТГКАЭЭ. М., 1970. Т. 3. Рис. 12, 14.
- ¹⁸ См.: Левина, Л. М. Джетыясарская культура... С. 238, 239. Рис. 120, 21, 26–28, 30–34; Засецкая, И. П. Культура кочевников... Табл. 3.2, 3.4; 5.3, 5; 9, 8; 31.2,3; 35.2, 4.
- ¹⁹ Там же. Табл. 37, 7–9.
- ²⁰ См.: Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... С. 31. Рис. 5, 17, 23, 24; С. 70. Рис. 4, 5; Коновалов, П. Б. Хунны в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. Табл. I, 12–16; II, 17–19, 21–26; Талько-Гринцевич, А. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. 1901. Т. 4. Вып. 2. С. 51. Табл. II; Цзвендорж, Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985; Вайнштейн, С. И. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы / С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 8. 1960. Табл. III. 5–8, 12, 15, 19–21, 23, 35.
- ²¹ См.: Боталов, С. Г. Большекараганский могильник II–III вв. н. э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 125. Рис. 1, IV, 5, 6; Боталов, С. Г. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков / С. Г. Боталов, Н. А. Полушкин // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 183. Рис. 5.
- ²² См.: Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. Табл. XXXII, 7, 8; Засецкая, И. П. Культура кочевников... Табл. 36; Любчанский, И. Э. Курган с «усами»... С. 55. Рис. 22.

- ²³ См.: Любчанский, И. Э. Курган с «усами»... С. 24; Савин, А. М. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков / А. М. Савин, А. И. Семенов // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. : тез. докл. междунар. археол. конф. Самара, 1995. С. 74–77.*
- ²⁴ См.: Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... Рис. 2, 15, 57; 21, 4, 5; 22, 7; Цэвэндорж, Д. Новые данные...; Сорokin, С. С. Большой Берельский курган // *Тр. ГЭ. Т. X. Л., 1969. Рис. 22, 6, 7; Vainschtein, S. Das Grabfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva Sub-Sibirian. Band 25. Munchen, 1984.*
- ²⁵ См.: Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...
- ²⁶ См.: Коновалов, П. Б. Хунны в Забайкалье... С. 178.
- ²⁷ См.: Хазанов, А. М. Очерки военного дела... С. 31.
- ²⁸ См.: Хабдулина, М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. С. 121–122.
- ²⁹ См.: Кожомбердиев, И. К. Комплекс вооружения... С. 79. Рис. 1, 1, 3, 4, 6; Хазанов, А. М. Сложносоставные луки Евразийских степей в скифо-сарматское время // *Материальная культура Средней Азии и Казахстана. М., 1966. Рис. 4.*
- ³⁰ См.: Рыков, П. С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925; Малашев, В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время / В. Ю. Малышев, Л. Т. Яблонский. М., 2008. Рис. 154, 9–11; 155, 8; 169, 1–7; 170, 1–4.
- ³¹ См.: *Степи Евразии...* 1981. Рис. 5, 26, 27; Минаева, Т. М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // *Уз СГУ. Т. 6, вып. 3. Саратов, 1927. С. 91–94. Табл. I–III.*
- ³² См.: Засецкая, И. П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // *Древности эпохи великого переселения народов в V–VIII вв. М., 1982. С. 54–77. Рис. 4, 7; Засецкая, И. П. Культура кочевников... Табл. 36; Любчанский, И. Э. Курган с «усами»... С. 25. Рис. 22.*
- ³³ См.: Малашев, В. Ю. Степное население... С. 51.
- ³⁴ Там же. С. 48.
- ³⁵ См.: Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1994. С. 188–191.
- ³⁶ Последние два комплекса представляют курганы с каменными грядами-«усами» и описаны в коллективной монографии: Боталов, С. Г. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей / С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский. Челябинск : Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ
КЛИМАТИЧЕСКИХ МИКРОПЛЮВИАЛОВ
ПО СЛАБОСЕНСОРНЫМ ПОЧВАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ СТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ В IV В. Н. Э.)**

Проведены исследования палеопочв разновозрастных археологических памятников степной зоны Зауральского плато. Время сооружения изученных курганов относится к эпохе раннего железа (IV в. н. э.). Проведен сравнительный анализ морфологических и химических свойств погребенных и современных фоновых почв супесчаного состава, традиционно считающихся слабосенсорными при проведении палеоклиматических реконструкций. Почва, погребенная под комплексом курганов рубежа позднесарматского-гуннского времени (1600 лет назад), характеризуется большей гумусированностью и большей от поверхности глубиной залегания карбонатного горизонта, что является следствием гумидизации климатических условий.

Ключевые слова: погребенные почвы, палеореконструкции, палеоклимат, курганные памятники, степная зона.

Работы в области междисциплинарного направления – археологического почвоведения – позволяют использовать информацию, сохранившуюся в погребенных под курганами почвах, для восстановления истории развития ландшафтов.

На территории степного Зауралья изучены палеопочвы небольшого числа объектов¹. На одни и те же изменения климатических условий экосистемы различных ландшафтов, а также общества реагировали неодинаково. К настоящему времени выявлено, что различный состав пород и степень дренированности территории обуславливают разную реакцию почв на одни и те же изменения климата. Для дренированных территорий эволюция почв протекала по одному типу (черноземному, либо каштановому), изменения происходили на уровне подтипа², тогда как для недренированных территорий, таких, как низкие террасы, на протяжении второй половины голоцена отмечено неоднократное чередование процессов засоления-рассоления почв. Одну из причин более яркого отражения климатических колебаний и их сохранения в почвах долинных типов местностей возможно предполагать в разнице суточного хода температур на водоразделах и в долинах³.

В связи со сказанным цель работы заключается в изучении динамики почвенных свойств в связи с изменчивостью климата.

Район, объекты и методы исследований

Положение территории Зауральского плато в умеренном поясе западносибирской области определяет континентальность как основную черту современного климата. Существенное влияние оказывают антициклоны (в особенности Азиатский). Максимум температуры достигает здесь +50°, минимум –50°C. Сумма средних суточных температур выше 10°C составляет 1950–2300°. За год выпадает 250–330 мм осадков, за вегетационный период 130–180 мм. Гидротермический коэффициент 0,8–1,0. Следствием холодного климата и слабой защищенности снегом является то, что почва промерзает на 80–200 см в зависимости от гранулометрического состава⁴.

Развитие рельефа в степном Зауралье в связи с обсыханием территории и снижением интенсивности осадконакопления нашло отражение в сближении по свойствам разновозрастных черноземов, приуроченных к различным элементам ландшафта⁵. Черноземы междуречий и высоких террас характеризуются слабоконтрастной эволюцией, по сравнению с североказахстанскими и даже восточно-европейскими аналогами, автор связывает это с большей устойчивостью климата Зауралья⁶ в условиях теневого эффекта крупной горной системы, а также с большей абсолютной высотой и сравнительно лучшей дренированностью.

Объектами исследования послужили курганы могильника Солончанка II (курган I) и комплекса из пяти курганов с грядами-усами Солончанка IX. Памятники расположены в Кваркенском районе Оренбургской области в окрестностях укрепленного городища Аландское, находящегося при слиянии р. Суундук с ее притоком р. Солончанкой.

Прежде, чем характеризовать комплекс с «усами», необходимо остановиться на этом редком и малоисследованном типе археологических памятников. *Курганы с «усами»* представляют собой комплексные сооружения из нескольких насыпей (чаще из 5-ти) соединенных между собой грядами из камней. Помимо каменных «усов», встречаются грунтовые «усы», длина которых в среднем для Зауралья составляет 120–140 м⁷. Длина усов комплекса под Кондуровкой составляет более 200 м. На дневной поверхности такие комплексы видны плохо, большинство их обнаружено при дешифрировании аэрофотоматериалов. На территории Челябинской и Оренбургской областей найдено около 60 подобных памятников, из которых раскопаны три (Солончанка I; Солончанка IX; комплекс под Кондуровкой). Датировать такие комплексы, по мнению И. Э. Любчанского, следует V–VIII вв. н. э. Курганы были оставлены группами ирано- и тюркоязычного происхождения постгуннского времени, хотя мнения исследователей по этому вопросу расходятся.

В целом, курганные памятники как эпохи бронзы, так и раннего железного века Южного Зауралья связаны с практикой и идеологией древней астрономии. Формы материализации астрономических знаний в курганных объектах изменялись исторически, находясь в зависимости от архитектуры и типа курганных сооружений, предназначения курганов и идеологии обрядов. Вместе с тем, тысячелетняя курганная традиция воплощает в себе преемственность астрономических знаний и отражает устойчивое развитие культуры астрономических наблюдений⁸. Изучение курганов с «усами» свидетельствует об отражении в конструкции этих объектов азимутов основных событий годового солнечного цикла. Следовательно, используя эти объекты, можно было считать или учитывать время⁹. Так, находясь на центральном кургане конструкции, древний наблюдатель мог точно наблюдать время восхода и захода солнца, совмещая эти события с высотами на местности, что по-

зволяло вести календарь в течение всего года, приняв за начальную точку отсчета летнее или зимнее солнцестояние. Создавая подобного рода объекты, ирано- и тюркоязычные группы V–VIII вв. н. э. стремились продемонстрировать свою причастность к предшествовавшей им традиции¹⁰. Палеопочвенные исследования подобного памятника впервые были проведены на комплексе Солончанка I в 1994–1995 гг.¹¹, отнесенном к V – первой четверти VI вв. н. э.¹²

Комплекс «курган с «усами» Солончанка IX» расположен на денудированном останце с цоколем палеозойских пород, вклиниваемомся на вторую надпойменную террасу левого берега р. Суундук. Комплекс состоит из центрального кургана и четырех курганов меньшего размера, соединенных попарно между собой каменными грядами-«усами». Длина северного уса 86,5 м, южного – 103 м. Диаметр курганов 15–20 м, высота 25–30 см. Комплекс относится к концу IV в. н. э., к рубежу позднесарматского-гуннского времени или, другими словами, возраст памятника составляет 1600 лет. Участок находится на распаханном поле, но не потревожен из-за каменных кладок насыпей. Ассоциации разнотравно-типчаково-злаковые с рудеральной и синантропной растительностью.

В исследовании применялись сравнительно-хронологический, сравнительно-географический и почвенно-археологический методы. Морфологические описания и определение химических свойств почв проводилось по общепринятым методикам¹³. Величина магнитной восприимчивости измерялась каппаметром КТ-5.

Морфологические и химические свойства погребенных и современных почв

Комплекс «курган с «усами» Солончанка IX». Курганный могильник расположен на пашне. Непосредственно памятник распашкой затронут слабо из-за наличия каменной кладки «усов». Центральный курган комплекса, как наиболее крупный, распашке не подвергался. Курганные насыпи имеют площадь проективного покрытия 30–40 %, с разнотравно-типчаково-злаковыми ассоциациями и растениями рудеральной и синантропной экологических групп.

Фоновая почва имеет следующее строение (в скобках указана нижняя граница горизонта в см, среднее по разрезам): A1_{ПАХ} (24); AB (30(50)); A/B (40(60)); B (90); BC_{СА КОНКР} (120);

CD (190). Строение погребенной почвы обобщено по почвам четырех курганов: [A] (15); [AB] (25); [A/B] (30(40)); [B] (70(80)); BC (100); C (110(130)); C_{ca} (150) (табл. 5).

В гумусированной насыпи (курган 5) зафиксирован грунтовый выкид с глубины примерно 1 м, имеющий утяжеленный гранулометрический состав в результате перемешивания (табл. 1), что свидетельствует о традиционной технологии строительства.

Мелкая языковатость, встреченная в горизонте A/B, объясняется возможным криоксеро-растрескиванием при совмещении условий влажности и промерзания. Почва комплекса является черноземом обыкновенным языковатым супесчаным маломощным малогумусным глубококарбонатным на древнеаллювиальных супесчано-песчаных отложениях. Вокруг курганов № 3 и № 4 комплекса почвенные полигоны III порядка (длиной 2–3 м в поперечнике) маркируются гумусированными серыми полосами шириной около 15 см на коричневато-светло-сером фоне археологического «материка» – горизонтов AB современной почвы.

По гранулометрическому составу фоновая и погребенная почвы сходны (пески-супеси), что позволяет сопоставить их свойства. Мощность относительно однородного гумусового горизонта погребенной почвы составляет 25–30 см, фоновой почвы составляет около 30 см, местами доходя до 50 см, (это увеличение наблюдается на границах полигонов III порядка). Содержание гумуса в погребенных почвах близко современному и составляют около 2 %. Содержание гумуса в верхнем горизонте погребенной почвы при реконструкции составляет 3,26–1,58 % (курган № 1), 3,90–1,80 % (курган № 5) что практически в два раза выше значений в фоновой почве, уменьшенных еще и за счет потерь гумуса при распашке. Необходимо отметить, что падение кривой величины гумуса в фоновой почве резче, чем в погребенной почве курганов комплекса. Карбонаты в погребенной и фоновой почве гидрогенного происхождения. Новообразования располагаются на значительной глубине (в фоновой почве глубже 80 см, под центральным курганом глубже 120 см от поверхности погребенной почвы), почву можно считать выщелоченной от легкорастворимых солей. Магнитная восприимчивость изменяется в пределах от 38 до $3 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Максимумы магнитной восприимчи-

вости приурочены к гумусовым горизонтам, как в современных, так и в погребенных почвах. Для карбонатной «кровли» характерно резкое уменьшение величины магнитной восприимчивости ($5 \cdot 10^{-5}$ ед.), когда выше «кровли» в бескарбонатном горизонте, и ниже, в карбонатном горизонте характерна величина $18 \cdot 10^{-5}$ ед.

Как известно¹⁴, почвы супесчаного состава характеризуются слабой сенсорностью. Следы незначительных колебаний условий почвообразования могли быстро исчезнуть, поскольку почва быстрее приходит в квазиравновесное состояние со средой. Тем не менее, сохранившиеся признаки свидетельствуют о более гумидных условиях почвообразования в IV в. н. э. по сравнению с современностью: современная почва менее гумусирована, характеризуется более близким к поверхности расположением карбонатного горизонта («подтянутым» с глубины 120–140 см до 80–90 см) и сформированным мощным карбонатно-аккумулятивным горизонтом.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЕКОВОЙ ДИНАМИКИ ПОЧВЕННЫХ СВОЙСТВ

В почве *рубежа позднесарматского-гуннского* времени (комплекс Солончанка IX) и в ее фоновом аналоге в верхнем полуметре карбонаты отсутствуют. Во втором полуметре их количество составляет 0,2 и 0,7 %, в третьем 4,1 и 8,6 % соответственно; в метровой толще содержится 0,1 %, в фоновой почве 0,4 %, в полутораметровой 1,4 и 3,1 %, что отражает современное карбонатонакопление в связи с современной аридизацией климата по сравнению с IV в. н. э.

Особенностью почв подобного комплекса Солончанка I, изученного С. С. Чернянским и др.¹⁵, является его расположение на уровне первой надпойменной террасы, тяжело-суглинистый гранулометрический состав, что, несмотря на территориальную близость памятников, не позволяет напрямую сравнивать этот комплекс с нашим памятником Солончанка IX. Но расчет средневзвешенных показателей для погребенной и современной почв позволяет сравнивать относительно друг друга объекты, расположенные на разных элементах ландшафта. Поэтому мы сочли уместным провести такие пересчеты (табл. 2) для хроносреза 1500 лет по данным памятника «Комплекс курган с “усами” Солончанка I»¹⁶. Погребенная почва этого комплекса является

лугово-черноземной среднемошной малогумусной карбонатной солонцеватой солончаковой средnezасоленной тяжелосуглинистой. Высота усов не превышала 10–20 см, при ширине оплывин до 4 м. Автор¹⁷ считает, что погребенная почва (под насыпью высотой 66 см, состоящей из глыб и валунов) вскипающая с поверхности, с дисперсными карбонатами, с содовым засолением и гидроморфно-солончаковым распределением легкорастворимых солей не подверглась диагенетическим изменениям.

В тяжелосуглинистых и глинистых почвах первых надпойменных террас за последние 4 тыс. лет произошла смена ведущего лугово-черноземного процесса на солонцовый, имело место усложнение строения почвенного профиля с появлением качественно новых морфологических признаков и горизонтов¹⁸.

Принимая за 100 % средневзвешенное содержание в фоновых почвах (послойно) построены диаграммы соотношения средневзвешенных содержаний (рис. 1). Согласно диаграммам, гумидный эпизод рубежа позднесарматского-гуннского времени (хроносрез 1600 лет, комплекс Солончанка IX) не был длительным, и уже на сто лет позднее в почвах низкой террасы (хроносрез 1500 лет, Солончанка I) вновь отражается аридизация климата.

Заключение. Расчет средневзвешенного содержания гумуса, карбонатов, легкорастворимых солей и значений магнитной восприимчивости и последующий перерасчет этих содержаний относительно фоновых аналогов позволяет проводить сравнение свойств почв различных хроносрезов, не только находящихся на разных элементах рельефа, но и удаленных пространственно.

В супесчаных и песчаных почвах квазиравновесное состояние устанавливается быстрее, чем в глинисто-суглинистых. На усиление увлажнения почва реагирует быстрым увеличением биопродуктивности, зарастанием, на аридизацию – развитием дефляции, особенно интенсивно при сочетании с пастбищными нагрузками¹⁹. Почва, погребенная под курганами *рубежа позднесарматского-гуннского времени* (конец IV в. н. э.) отражает гумидный эпизод в условиях почвообразования. Она более гумусирована, промыта от карбонатов, имеет повышенные значения магнитной восприимчивости по сравнению с современной почвой. Аналогичный микроплювиал зафиксирован в полупустынном Заволжье в конце

III–IV вв. н. э.²⁰, где авторы отмечают наметившиеся тенденции гумидизации климата, и в почвах пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья также во второй половине III–IV вв. н. э.²¹ в виде слабовыраженного кратковременного микроплювиала.

В степях Приазовья²², на рубеже эр имело место заметное изменение климатических условий. Аридные условия почвообразования IV–II вв. до н. э. сменились более гумидными в II–IV вв. н. э., эволюционные изменения при этом не превышали родового таксономического уровня.

Согласно нашим данным, подтверждаются представления о преобладании процесса черноземообразования в течении последних 4000 лет с постоянным набором генетических горизонтов в почвах дренированных ландшафтов степного Зауралья облегченного гранулометрического состава. На протяжении сарматского времени для относительно дренированных ландшафтов (SA1, первая половина SA2, IV в. до н. э. – IV–V вв. н. э.) выделяют чередующиеся кратковременные влажные и засушливые климатические периоды (ранне-среднесубатлантические микроариды и микроплювиалы)²³. Согласно А. Л. Александровскому²⁴, иссушение 3000–2500 лет назад отчасти совпадает с похолоданием (2700 и 2300 лет назад). Как и в лесостепи, в степи 2000–1700 лет назад наблюдается кратковременное увеличение засушливости. Около 1000 лет назад также существовали аридные условия, сменившиеся затем максимально гумидными «мало ледникового периода» 800–100 лет назад. По данным В. В. Клименко²⁵ и В. А. Климанова²⁶, самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на середину I тыс. до н. э., включая первую половину V в. до н. э. В первой половине V и I вв. до н. э. фиксировались наиболее низкие температуры (за период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э.), а в IV в. н. э. и на рубеже III–II вв. н. э. – наиболее высокие температуры за этот же период.

Полученные нами палеопочвенные данные укладываются в имеющиеся представления, детализируя их для степного Зауралья, и свидетельствуют о смене в этом регионе аридных климатических условий более влажными на протяжении раннего железного века, что отразилось на различных параметрах гумусового, солевого и карбонатного профилей палеопочв.

Таблица 1

Морфологическое строение почв комплекса «Курган с “усами” Солончанка IX»

Параметры	Почва рубежа позднесарматского-гуннского времени	Почва насыпи, 0,18–0,27 м.	Современная фоновая почва
Число разрезов	4	4	2/2
Литология	переслаивание П/СП/ЛС до 80 см с 80 см – П	супесь	переслаивание П/СП до 90 см с 90см – СП
Солонцеватость	отсутствует		
Глубина грунтовых вод	Не менее 3–4 м		
Мощность/нижняя граница горизонтов, см			
A	[A] 15/15	A1 17/17	A _{ПАХ} 24/24
AB	[AB] 10(20)/25(45)	AB _{НАС} 10/27	AB 6(26)/30(50)
B	[A/B] 15/40(60)		A/B 20(10)/50(60)
BC	[B] 30/70		B 40(30)/90
C	[BC] 40/110		BC _{СА} 35/125
D	C _{СА} 40/150↓		CD 65/190↓
Карбонаты			
Глубина вскипания	в среднем со 120 см	нет	в среднем с 80 см
Форма выделения	Пропиточные: кровля мощностью 2 см, варьирует в интервале 110–130 см; Пятна, конкреции в гор. BC, 130–140 см	нет	Пропиточные: кровля мощностью 2 см, варьирует в интервале 80–120 см; Пятна, конкреции в гор. BC, 90–110 см
Оксиды			
Ржавые пятна Fe ³	нет	нет	нет
Зеленые пятна Fe ²	нет	нет	нет
Розовые точки Mn	нет	нет	нет
Почва	Чернозем обыкновенный языковатый маломощный слабодифференцированный глубоковскипающий незасоленный остаточнo-луговатый супесчаный на аллювиальных супесчано-песчаных отложениях.		

Таблица 2

Средневзвешенные показатели для почв раннего железного века долины р. Суундук

Хроносрез, лет	Почва	Расчетный слой						
		0–50	50–100	100– 150	150– 200	0–100	0–150	0–200
Средневзвешенное содержание CaCO ₃ , %								
1600	погребенная (курган 1)	0,0	0,2	4,1	2,5	0,1	1,4	1,7
	погребенная (курган 5)	0,4	1	–	–	0,7	–	–
	современная	0,0	0,7	8,6	1,6	0,4	3,1	2,7
1500*	погребенная	7,1	6,8	–	–	7,0	–	–
	современная	6,4	8,2	–	–	7,3	–	–
Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей (по сухому остатку), %								
1500*	погребенная	0,77	1,08	–	–	0,93	–	–
	современная	0,53	0,29	–	–	0,41	–	–
Средневзвешенное содержание гумуса (с учетом реконструированных значений), %								
	современная	1,52	0,68	0,29	–	1,10	0,83	–
1600	погребенная (курган 1)	1,90	0,64	0,17	0,00	1,27	0,90	0,68
	погребенная (курган 5)	2,64	0,67	–	–	1,66	–	–
	современная	0,98	0,27	0,05	0,00	0,63	0,43	0,33
1500*	погребенная	1,5	0,5	–	–	1,0	–	–
	современная	2,4	0,7	–	–	1,6	–	–
Средневзвешенные значения магнитной восприимчивости, χ , $n \cdot 10^{-5}$ ед., СИ								
1600	погребенная (курган 1)	20	16	12	11	18	16	15
	погребенная (курган 5)	23	6	–	–	15	–	–
	современная	21	9	9	3	15	13	6
1500*	погребенная	102	48	–	–	75	–	–
	современная	104	77	–	–	90	–	–

*Для хроносаза 1500 лет назад средневзвешенные величины рассчитаны по исходным данным С,С, Чернянского и др, (1999) комплекса «Курган с “усами” Солончанка I»,

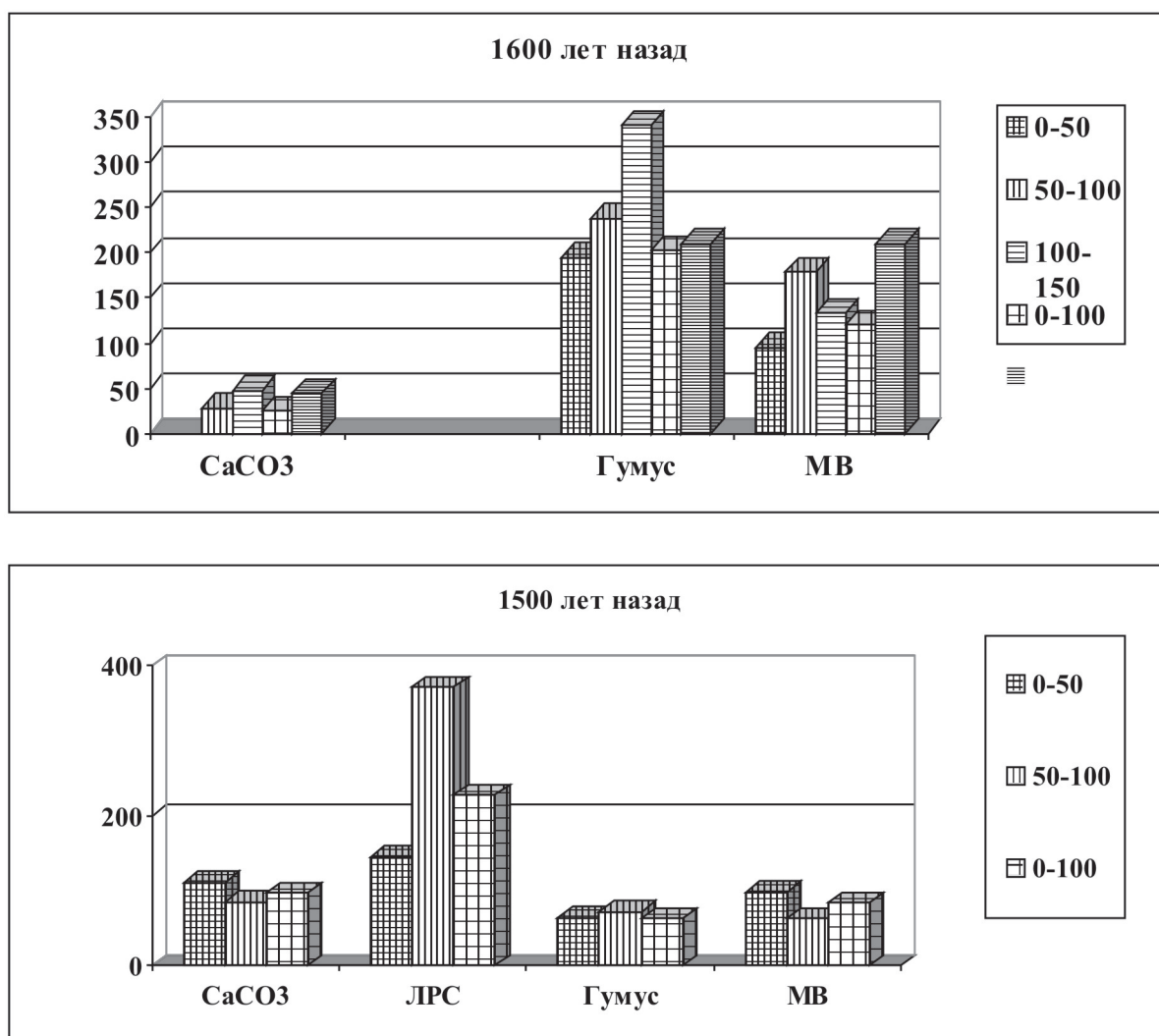

Рис. 1. Соотношения средневзвешенного содержания карбонатов (CaCO_3), легкорастворимых солей (ЛРС), гумуса и магнитной восприимчивости (МВ) по слоям различной мощности (в см) почв разных хроносрезов.

За 100 % взято содержание в фоновых аналогах погребенных почв.

Хроносрез 1500 лет рассчитан по данным С. С. Чернянского и др. (1999).

Примечания

¹ См.: Иванов, И. В. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья / И. В. Иванов, С. С. Чернянский // Почвоведение. 1996. № 9. С. 1045–1055; Иванов, И. В. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы / И. В. Иванов, Л. Н. Плеханова, О. А. Чичагова, С. С. Чернянский, Д. В. Манахов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 375–384; Плеханова, Л. Н. Природно-

антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. : МГУ, 2004; Плеханова, Л. Н. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья / Л. Н. Плеханова, В. А. Демкин // Почвоведение. 2005. № 9. С. 1102–1111; Плеханова, Л. Н. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена / Л. Н. Плеханова, В. А. Демкин, Г. Б. Зданович. М. : Наука, 2007. 236 с.

² См.: Демкин, В. А. История развития почв пустынно-степной зоны Европейской части СССР в голоцене // История развития почв СССР в голоцене. Пущино, 1984. С. 131; Демкин, В. А., Развитие почв сухостепного Заволжья в голоцене и особенности освоения

- территории с древнейшего времени до наших дней / В. А. Демкин, А. В. Лукашов, В. Е. Приходько // Эволюция и возраст почв СССР : сб. науч. тр. Пушкино, 1986. С. 207.
- ³ См.: Плеханова, Л. Н. Природно-антропогенная эволюция почв... С. 43.
- ⁴ См.: Агроклиматические ресурсы Челябинской области. Л. : Гидрометеиздат, 1977; Агрехимическая характеристика почв СССР. Казахстан и Челябинская область. М. : Наука, 1968; Борисов, А. А. Климаты СССР. М. : Учпедгиз, 1948.
- ⁵ См.: Чернянский, С. С. История развития почв черноземного Зауралья во второй половине голоцена : дис. ... канд. геогр. наук. М. : МГУ, 1999. С. 204.
- ⁶ Там же. С. 205.
- ⁷ См.: Любчанский, И. Э. Хронологические аспекты комплексов курганов с «усами» евразийской степи // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. : вопросы хронологии. Самара : Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П. В. Алабина, 1998. С. 304.
- ⁸ См.: Зданович, Д. Г. Курганные памятники Южного Зауралья : археоастрономические аспекты исследования / Д. Г. Зданович, А. К. Кириллов. Челябинск : Крокус, 2002. С. 56.
- ⁹ Там же. С. 49.
- ¹⁰ Там же. С. 55.
- ¹¹ См.: Чернянский, С. С. Черноземы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена : результаты почвенно-археологических исследований / С. С. Чернянский, И. В. Иванов, В. А. Демкин, А. Д. Таиров // Курган с «усами» Солончанка-I; Тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1999. С. 98–138; см. С. 116.
- ¹² См.: Любчанский, И. Э. Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I / И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск : ЧелГУ; центр «Аркаим». 1999. С. 32.
- ¹³ См.: Аринушкина, Е. В. Руководство по химическому анализу почв. М. : МГУ, 1970; Мякина, Н. Б. Методическое пособие для чтения результатов химических анализов почв / Н. Б. Мякина, Е. В. Аринушкина. М. : МГУ, 1979.
- ¹⁴ Имеется в виду быстрое исчезновение во времени приобретенных почвой признаков, невозможность «прочитать» почвенную историю. См.: Таргульян, В. О. Эволюция почв в голоцене. Проблемы, факты, гипотезы / В. О. Таргульян, А. Л. Александровский // История биогеоценозов в СССР в голоцене. М., 1976. С. 61.
- ¹⁵ См.: Чернянский, С. С. Черноземы и солонцы... С. 116.
- ¹⁶ Там же. С. 133.
- ¹⁷ Там же., С. 118.
- ¹⁸ Там же. С. 119.
- ¹⁹ См.: Иванов, И. В. Динамика природных условий почвообразования и взаимодействие природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена / И. В. Иванов, Т. С. Луковская // Экология и почвы : Избранные лекции I–VII Всероссийских школ / под ред. акад. Г. В. Добровольского. Пушкино, 1998. Т. 1. С. 285.
- ²⁰ См.: Демкин В. А. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет / В. А. Демкин, Т. С. Демкина, А. В. Борисов, А. С. Якимов, И. В. Сергацков // Почвоведение. 2004. № 3. С. 282.
- ²¹ См.: Демкин, В. А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене / В. А. Демкин, М. И. Дергачева, А. В. Борисов, Я. Г. Рысков, С. А. Олейник // Почвоведение. 1998. № 2. С. 155.
- ²² См.: Песочина, Л. С. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. : МГУ, 2004. С. 22.
- ²³ См.: Иванов, И. В. Динамика природных условий почвообразования и взаимодействие природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена / И. В. Иванов, Т. С. Луковская // Экология и почвы : Избранные лекции I–VII Всероссийских школ / под ред. акад. Г. В. Добровольского. Пушкино, 1998. Т. 1. С. 293.
- ²⁴ См.: Александровский, А. Л. Палеоклиматы голоцена по данным изучения погребенных почв степной зоны // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном историческом музее. Ч. I. М., 2003. С. 193.
- ²⁵ Цит по: Таиров, А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- ²⁶ См.: Климанов, В. А. Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // Докл. Академии наук. Т. 386. 2002. № 5. С. 679.

БАШКИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ – КУРАЙ: К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье раскрывается краткая история происхождения музыкального инструмента башкир – курая. Делается попытка сравнения курая с родственными музыкальными инструментами, которые относятся к типу продольной открытой флейты и известны у соседних народов. На основе археологических, литературных источников, материалов лингвистических исследований выявляется ориентировочный возраст музыкального инструмента.

Ключевые слова: курай, продольная открытая флейта с грифными отверстиями, история духовых инструментов.

У башкир издавна известен музыкальный инструмент – курай. Этот инструмент считается одним из национальных символов башкирского народа. Стилизованное соцветие курая, состоящего из семи лепестков, изображено на гербе и флаге Республики Башкортостан¹.

В Краткой энциклопедии Башкортостана приводятся такие сведения: «КУРАЙ (курай), башкирский духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты. С древних времен курай изготавливали из стебля зонтичного растения с одноименным названием. Биологическое название – Реброплодник уральский (*Pleurospermum uralense*). Стебель курая прямой, высотой около 2-х метров»².

По классификации музыкальных инструментов Хорнбостеля-Закса, курай относится к аэрофонам, подгруппе флейтовых, виду продольных флейт, подвиду открытых одиночных флейт с боковыми отверстиями. Указывается, что такие типы флейт распространены почти во всем мире³. Учитывая специфические особенности башкирского народного музыкального инструмента, ограничимся исследованием и сравнением с наиболее близкими, подобными кураю, музыкальными инструментами других народов.

Продольная открытая флейта имеет весьма древнее происхождение, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок и литературные источники. Так, например, литературные источники сообщают о существовании флейты, которую шумеры называли *gi-gid* (*gi* = тростник, бамбук, камыш), упоминая материал, первоначально используемый пастухами для его изготовления. Позже эти флейты также изготавливали из бронзы, серебра и золота⁴. В музее Филадельфийского университета хранится серебряная шумерская флейта, датированная примерно 2600 годом до н. э.⁵ Заметим, что

количество, конфигурация размещения грифных отверстий на духовых инструментах подобного типа у народов мира бывают очень разными. Шумерская флейта имеет 5 игровых отверстий, расположенных следующим образом: 4 – на внешней стороне в нижней части трубки, выстроены в линию, и 1 – на тыльной (со стороны груди) чуть выше крайнего верхнего четвертого игрового отверстия внешней стороны. Такое расположение удобно для играющего. Как известно, аналогичное количество игровых отверстий и их расположение на трубке инструмента встречается и у башкирского курая.

Весьма показателен способ измерения музыкального инструмента курай. Учитывая способ определения пропорции курая с помощью естественных линейных мер (ладони рук, пальцы), давших происхождение регламентированным шумерским мерам, мы имеем инструмент, происхождение которого можно отнести к эпохе более древней, чем эпоха, в которую были изобретены шумерские меры⁶.

Во многих случаях первоначальным названием флейт, как и вообще духовых инструментов, служило название материала, из которого эти инструменты изготавливались (как и у шумер. – *Т. И.*). Отсюда же название ряда духовых инструментов – най, что по-ирански значит «тростник». Отсюда же названия башкирской и абхазской продольных флейт – курай и ачарпан, обозначающие растения, из которых эти инструменты сделаны⁷. Подобное происхождение названий своих продольных флейт имеют так же туркменский каргы-туйдюк⁸, адыгский камыль⁹, тувинский шоор¹⁰, бурятский суур¹¹. Туркменистан, Казахстан и Киргизия имеют сходную между собой открытую флейту – каргы-туйдюк, сыбызгы, чоор. Сюда же примыкает и башкирский курай¹².

На территории Башкортостана археологами так же обнаружены музыкальные инструменты типа продольной флейты. В кургане 3 Бишунгаровского могильника Башкортостана раннесарматской (прохоровской) культуры найдена костяная флейта с прямоугольным стволом и прямоугольным каналом для потока воздуха и извлечения звука с одиннадцатью отверстиями. Она датируется IV–II вв. до н. э. Символ одноствольного духового инструмента найден в Ананьинском могильнике¹³. Однако говорить о преемственности этого инструмента и башкирского курая, видимо, неверно.

Исторические корни курая необходимо искать в истории скотоводческих племен. На это указывает и тот факт, что музыкальные инструменты типа продольной открытой флейты, изготавливаемые из стебля зонтичного растения, были изначально, в основном, инструментами пастухов. Как, например, ачарпын у абхазов, уадынз у осетин, камыль у адыгов, шоор у тувинцев, чабан саламури у аджарцев, фуруйя у венгров, древний ги-гид у шумер, флейта коптских пастухов в Египте, чоор у киргизов, сыбызгы у казахов и др.

Д. С. Дугаров считает, что древнейшей формой венгерского фуруйя, башкирского курая, бурятско-монгольского модон сура и казахской сыбызгы был стебель («дудка») зонтичного растения, в которую дули, выводя свои степные мелодии, еще древние охотничьескотоводческие племена Центральной Азии, Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья, а также древние кочевники монгольских степей – хунны¹⁴. Действительно, в формировании башкирского народа активно принимали участие скотоводческие племена Южного Урала эпохи средневековья, тесно связанные своим происхождением с Южной Сибирью и Алтаем. Этнические истоки племен бурзян, байляр, киргиз (потомки енисейских киргизов), елан, таз, дуваней, уран, балыксы, мин, тамьян, кыпчак, кудей, катай, табын, салыот находятся в среде тюрко-монгольских племен Центральной Азии и Алтая¹⁵.

Исследования Дж. Кiekбаева свидетельствуют о башкирско-венгерской этнической связи. Очень много общих слов в башкирском и венгерском языках. Многие из них являются общетюркскими¹⁶. Возможно, имеют близкую связь и названия музыкальных инструментов: курай – фуруйя. Название же бурятского суура имеет монгольские корни. Это

свистковая флейта, имеет общую технологию изготовления с оленней трубой¹⁷, отличается количеством игровых отверстий.

В Кош-Агачском районе Республики Алтай находится село Курай. Сюда же можно отнести такие топонимы как Курайская степь, хребет Курай и гидроним Курай. Эти названия, возможно, косвенно свидетельствуют об истоках происхождения курая из Южной Сибири и Алтая. Мотив легенды о юноше Курае и красавице Чуе, браку которых препятствовал злой хан¹⁸, перекликается с башкирскими легендами.

На территории Прибайкалья археологом А. П. Окладниковым обнаружены одноствольные костяные продольные флейты в ряде погребений китойского времени. Мысль о наличии флейты у неолитических жителей Восточной Сибири может показаться маловероятной, однако костяные трубочки с дырочками не раз отмечались для неолитических памятников Европы¹⁹. Может быть эти инструменты были прообразом и башкирского курая?

Флейты из трубчатых трав, несмотря на то, что сделаны они из менее стабильного по сравнению с костью и деревом материала, выделяются в качестве акустических избраников. Стабилизация инструмента из столь хрупкого и недолговечного материала предполагает постоянное акустическое внимание к нему в интонационной культуре этноса²⁰. К сожалению, у некоторых народов этот инструмент этнографы застали только на уровне национального названия и устных описаний конструкции. Инструментом из воспоминаний можно назвать «игральную дудку» из зонтичного растения сыбыскы-сывыска, известную у тюрков Южной Сибири. Термин очень редкий и употребляется преимущественно в фольклорных текстах (эпосе, мифах, преданиях)²¹. Музыкаведческие исследования показали, что термин сыбыскы является одним из возможных названий флейтового инструмента. Данный инструмент изготавливают из сухого стебля пустотелой травы, имеющей общее название у всех тюркоязычных народов Южной Сибири: комыргай, кобыргай, кобрак, хобрах, корак, корок, *курай*²².

Названия духовых музыкальных инструментов сыбызгы, сырнай, *курай*, керней, входящие в корпус общетюркских терминов, служат косвенным подтверждением существования исторически обусловленной тюркской этнокультурной общности²³.

Существует легенда о происхождении музыкального инструмента – курай, согласно которой жил злой хан, у которого на голове рос рог. Каждый раз вызывали молодых людей, которые при стрижке волос узнавали тайну хана, поэтому их ждала смерть. Один из них, использовав уловку, спасся. Бежал, на горе он услышал звуки, издаваемые травяным растением, срезал его и сыграл мелодию, которая поведала всей стране о злой тайне хана²⁴. Согласно туркменской легенде о происхождении каргы-тюдюка, Искандер (Александр Македонский) имел на лбу рога. Тщательно скрывая свое уродство, он приказывал казнить всех парикмахеров, которые подстригали ему волосы. Одного очень красивого юношу он не решился предать казни, взяв с того слово, никому не говорить его тайну. Юноша нарушил её, рассказав о виденном одинокому колодцу. Тогда около колодца вырос тростник, чабаны стали делать из него каргы-тюдюки, которые и поведали миру о тайне Искандера²⁵. Эти легенды дополняют вариант древнегреческого мифа о царе Мидасе.

В многочисленных башкирских песнях, эпосах и эпических сказаниях курай также нашел свое историческое отражение. Так, курай упоминается в древних башкирских эпосах «Кунгыр Буга», «Акбузат», «Кара Юрга», «Заятуляк и Хыухылыу». Слова о курае встречаются еще в преданиях и легендах «Балакарга», «Килен тауы». Так, согласно легенде «Балакарга», в древности, еще во времена существования обрядов умыкания (барымта, карымта), жил один батыр, который был кураистом, певцом, сказителем²⁶. Архаичные мотивы этой легенды встречаются в древних легендах Китая и иранской мифологии²⁷.

В «Записке» о путешествии на Волгу Ахмеда Ибн-Фадлана, находившегося в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908–932 гг.) приводится множество уникальных сведений этнографического характера о башкирах. «...(третья) группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (некогда) вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они (враги) обратили их (башкир) в бегство и что журавли закричали сзади них (врагов), так что они испугались и сами были обращены в бегство, после того, как обратили в бегство (башкир), и поэтому они (башкиры) поклоняются журавлям и говорят: “Эти (журавли) наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов”, и

поэтому они поклоняются им (и теперь)»²⁸.

Сакральный смысл поклонения журавлям проявляется и в легенде мелодии «Сынрау торна», согласно которой, эта мелодия предвещает беды, войны²⁹. Эта мелодия исполняется только на курае, так как только на этом инструменте можно издать звук, подобный крику журавлей. Это сопоставление также свидетельствует о более чем 1000-летней истории курая. В одном из вариантов эпоса «Идукай и Мурадым» обнаружен как раз такой случай. Ыласын, поняв, что угрожает опасность, сыграл мелодию «Сынрау торна», которая прозвучала на весь Урал³⁰.

В более поздний период, курай у башкир уже не просто пастушеский инструмент. Происходит увеличение функций, которые он выполняет. Кураисты – должны знать легенды, истории песен, многочисленные факты из жизни племени, народа – хранить все духовное наследие башкир³¹. Курай для башкир не только музыкальный инструмент, но и средство передачи исторических знаний от поколения к поколению. Известно, что раньше, перед началом исполнения какой-либо мелодии, песни кураисты вкратце рассказывали легенду их происхождения³².

Как известно, с конца XIX основной территорией распространения исполнительства на курае были южная и юго-восточная части современного Башкортостана, а также соседние с ними районы Оренбургской и Челябинской областей. Относительная узость распространения башкирского народного инструмента в этот период, на наш взгляд, объясняется следующим. Определенное влияние оказал процесс перехода от кочевого и полукочевого скотоводства к оседлому земледелию, который у юго-восточных башкир проходил значительно позднее, чем у северо-западных, западных башкир. То есть в районах, где сохранялось скотоводство, в качестве основного вида хозяйства, сохранялся и «пастушеский» инструмент типа продольной открытой флейты – курай.

Курай – древнейший музыкальный инструмент башкир. Несмотря на длительную, сложную этническую историю народа, этот музыкальный инструмент сохранил свою самобытность, способствовал развитию уникальной музыкальной культуры башкир.

Примечания

- ¹ См.: Флаг, герб, гимн Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 1996. С. 15, 30.
- ² Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа : Башкир. энцикл., 1996. С. 357–358.
- ³ См.: Хорнбостель, Э. М. Систематика музыкальных инструментов / Э. М. Хорнбостель, К. Закс ; пер. с нем. И. З. Алендера // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка : сб. ст. и материалов в двух частях. Ч. I. М. : Сов. композитор, 1987. С. 254–255.
- ⁴ См.: Buchner, A. Colour Encyclopedia of musical instruments. L., 1980. С. 30.
- ⁵ Там же. С. 31.
- ⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 157. Л. 69.
- ⁷ См.: Беляев, В. М. Музыкальные инструменты народов СССР // Советская музыка. М., Музгиз, 1937. № 10–11. С. 146.
- ⁸ См.: Атлас музыкальных инструментов народов СССР. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 152.
- ⁹ Там же. С. 141.
- ¹⁰ Там же. С. 186.
- ¹¹ См.: Дугаров, Д. С. О традиционных народных инструментах бурят // Традиции и современность в народной музыке Евразии : материалы науч. конф. Междунар. фестиваля «Звуки инструментальной Евразии». Улан-Удэ, 2006. С. 10.
- ¹² См.: Атлас музыкальных инструментов народов СССР. С. 9.
- ¹³ См.: Корепанов, К. И. Музыкальные инструменты эпохи железа Волго-Камского региона VIII века до н. э. – III века н. э. Уфа : Издательство БЭК, 1998. С. 9.
- ¹⁴ См.: Дугаров, Д. С. О традиционных народных инструментах бурят. С. 11.
- ¹⁵ См.: Янгузин, Р. З., Коренные народы России. Башкиры / Р. З. Янгузин, Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа : Китап, 2007. С. 37–81.
- ¹⁶ Там же. С. 16–17.
- ¹⁷ См.: Шейкин, Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири : сравнит.-ист. исслед. М. : Востлит, 2002. С. 102–103.
- ¹⁸ См.: URL : www.myaltai.ru.
- ¹⁹ См.: Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья : ист.-археол. исследование. Ч. II. Прибайкалье в неолитическое время (до распространения металла) // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1950. № 18. С. 397.
- ²⁰ См.: Шейкин, Ю. И. История... С. 111.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 112.
- ²³ См.: Утегалиева, С. Тюркские музыкальные инструменты в народной терминологии // Проблемы инструментоведческой терминологии. СПб. : РИИИ, 2005. С. 30.
- ²⁴ См.: URL : <http://www.bashskaz.ru>.
- ²⁵ См.: Атлас музыкальных инструментов народов СССР. С. 152.
- ²⁶ См.: Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Т. 2. (на башк. языке). Уфа : Китап, 1997. С. 47.
- ²⁷ Там же. С. 352.
- ²⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского ; под ред. И. Ю. Крачковского. М. ; Л. : АН СССР, 1939. С. 67–68.
- ²⁹ См.: БНТ. Т. 2. (на башк. языке). С. 45–47.
- ³⁰ См.: Башкирское народное творчество. Эпос : иртэки и эпические кубаиры. Т. 8. (на башк. языке). Уфа, 2006. С. 162.
- ³¹ См.: Зелинский, Р. Ф. Башкирское народное музыкальное искусство. Т. IV. Инструментальная музыка. Уфа : Гилем, 2003. С. 21.
- ³² См.: Гайнетдинов, Ю. Курай и кураисты (на башк. языке) // Ватандаш. Уфа, 2008. № 3. С. 101.

ШИБАНИДЫ И ТУКАТИМУРИДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

В статье дается сжатый очерк политической истории Улуса Джучи в период смуты 1360–1380 гг. Автор приходит к выводу, что, хотя большинство ханов являлись потомками либо Шибана, либо Тука-Тимура, борьбу за трон Сарая нельзя считать схваткой двух сплоченных кланов, солидарных в поддержке своего кандидата. Успех того или иного претендента на власть определялся многими, часто случайными факторами.

Ключевые слова: Улус Джучи, «великая замятня», Шибаниды, Тукатимуриды, борьба за ханский престол, генеалогия ханов.

Большинство из тех двух десятков ханов, что сменились на сарайском престоле в период «великой замятни» – политического кризиса 60–70-х гг. XIV в., являлись потомками пятого сына Джучи Шибана и тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура. Главной причиной выдвижения на первый план представителей именно этих родов был тот простой факт, что ко второй половине XIV в. другие линии Джучидов либо измельчали и выродились, либо вовсе исчезли. В первую очередь это относится к ветви старшего сына Джучи – Орду, длительное время раздражавшей Батуидов претензиями на независимость и особые отношения с Великими ханами и Хулагуидами¹.

Физическое устранение реальных и потенциальных претендентов на трон не было чем-то экстраординарным на протяжении всей истории Монгольской империи. В Улусе Джучи такого рода практика становится заметной со времени отстранения от власти Туда-Менгу, а после смерти Тохты приобретает черты регулярности. Если Утемиш-Хаджи, стремясь представить в выгодном свете Узбека, установившего в своем государстве истинную религию, рассказывает, что он наказал потомков 17 сыновей Джучи, поддерживавших его соперника в борьбе за власть, всего лишь тем, что отдал их в «рабство» эмиру Исатаю², то автор «Продолжения Сборника летописей», равнодушный к репутации золотоордынских ханов, дает другую версию событий, последовавших после победы Узбека: «сына Токтая с 120 царевичами из урука Чингизханова он [Узбек. – В. К.] убил»³. Об ознаменовавших захват власти Узбеком казнях «вельмож», эмиров и буддийских священников сообщают также арабские летописцы.

Как представляется, отказ части джучидских огланов последовать примеру нового хана и принять ислам явился не столько причиной, сколько поводом для расправы с наиболее опасными конкурентами.

Достоверность известий письменных источников до некоторой степени подтверждается фактами джучидской генеалогии. Если в пятом поколении Джучидов, к которому принадлежали Тохта и отец Узбека, в генеалогической таблице, составленной А.Г. Гаевым, значатся 123 персоны, то в шестом – 81, а в седьмом – 86⁴. Репрессии, жертвою которых стали, в первую очередь, Батуиды, имели место в правление Джанибека, а в правление Бердибека вновь приняли массовый характер.

Шибаниды и Тукатимуриды сравнительно благополучно пережили опасный период. По всей видимости, это стало возможным благодаря тому, что они ревностно исполняли обязанности, налагаемые статусом *ини*, не уклоняясь с пути служения и повиновения Батуидам и избегая любого проявления оппозиционности. Не исключено также, что Шибаниды и Тукатимуриды, с одной стороны, и Батуиды, с другой, были связаны особыми моральными обязательствами, продиктованными и освященными реальными и легендарными деяниями основателей династий.

Утемиш-Хаджи, завершая рассказ о событиях в восточной части Золотой Орды после смерти Бердибека, пишет, что «сын Мангутая Хызр-хан и Кара-Ногай, в одном месяце стали ханами. Только Хызр-хан стал ханом в Сарая, на троне [Саина, а] Кара-Ногай – на берегу Сыра, на левом крыле»⁵. Здесь мы имеем дело с прозрачной политической декларацией, ее автор сообщает читателю, что Тукатимуриды

с возникновением династического кризиса признали сюзеренитет хана из клана Шибанидов, а взамен получили право осуществлять власть в восточной части государства. На самом деле ситуация была не столь однозначной, и даже если, действительно, имело место согласие кочевавшей в Восточном Дашт-и Кыпчаке группировки Тукатимуридов на воцарение в Сарае шибанидского оглана, оно не означало, что его признают ханом другие группировки.

После смерти Бердибека Сарай на короткое время оказался в руках Кульпы (с середины 760 г. х. до начала 761 г. х.), а затем Науруза (с начала до осени 761 г. х.). Происхождение Кульпы неизвестно, Науруз предположительно отождествляется с Базарчи, согласно «Чингизнаме» являвшимся потомком Бувала⁶, а согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» – потомком Тангута⁷. С осени 761 г. х., убив Науруза, в Сарае стал править шибанид Хызр. В 762 г. х. Хызр был убит, и в течение этого года на сарайском престоле успели побывать Тимур-Ходжа, Орду-Малик и Кильдибек. Тимур-ходжа – сын Хызра, Орду-Малик – по всей видимости, потомок Тука-Тимура, о происхождении Кильдибека достоверных данных нет. Появление на сарайском престоле Орду-Малика, возможно, тоже обязано усилиям крымской ветви Тукатимуридов. Ханов Мамаевой орды – Абдаллаха (762–770 гг. х.), Мухаммада (770–779 гг. х.) и Туляка (779–782 гг. х.) – принято считать потомками Бату, однако как убедительно показал А. Г. Гаев, они были потомками Кин-Тимура, младшего сына Тука-Тимура⁸.

В том же 762 г. х. в Сарае утвердился брат Хызра Мюрид, которого русские летописи называют «Хидыревым сыном» и убийцей своего отца. В 764 г. х. место Мюрида в Сарае занял представитель другой ветви Шибанидов – Пулад, правивший до 766 гг. х. В 766 г. х. Пулада на сарайском троне сменил Азиз Баба – выходец из еще одной конкурирующей со своими сородичами ветви Шибанидов. Азиз-Баба царствовал предположительно до 768 г. х., после него власть перешла к Улджай-Тимуру – хану, известному только по монетному чекану в Крыму (768 г. х.) и в Сарае (769 г. х.). Генеалогические источники позволяют видеть в нем принца крымской династии Тукатимуридов⁹. Сарай оставался в руках крымских Тукатимуридов до 776 г. х., когда в борьбу за него вновь включились Шибаниды и восточная ветвь Тукатимуридов.

Кара-Ногай, избранный в 761 г. х. «государем на берегах Сыра», «правил вилайетами Туркестана» три года. После его смерти ханом стал Туглук-Тимур – по словам Утемиша-Хаджи, младший брат Кара-Ногай¹⁰, но на самом деле, по-видимому, его племянник. Преемником Тоглук-Тимура есть основания считать Мубарак-ходжу, двоюродного брата Кара-Ногай. Этот хан упомянут в сочинении Натанзи как сын некоего Эрзена из потомков старшего сына Джучи Орды, вступивший на престол в 745 г. х. (т. е. в правление Джанибека) и продержавшийся на престоле всего 6 месяцев, так как «из-за большого желания и жадности начал смуту»¹¹. Причиной смуты, очевидно, стали претензии Мубарак-ходжи на независимость, подтверждаемые находкой монеты с его именем, чеканенной в Сыгнаке в 779 г. х. П. С. Савельев датировал монету 729 или 739 гг. х.¹², т. е. временем Узбека, однако, учитывая реалии областного управления в царствование Узбека, такая датировка представляется совершенно невероятной, и А. Г. Гаев совершенно справедливо относит выпуск этой монеты к 769 г. х.¹³ Мубарак-ходжу Шами, Йазди и автор «Родословия тюрков» именуют Мурад-ходжой, братом Тоглук-Тимура, а его преемником называют Кутлук-ходжу, при этом в «Родословии тюрков» уточняется, что Кутлук-ходжа был сыном Шахи¹⁴, что позволяет видеть в Кутлук-ходже брата Кара-Ногай. Кутлук-ходжу сменил Урус; это произошло не позднее 773 г. х., т. к. именно этим годом датируется наиболее ранняя монета Уруса, выпущенная в Сыгнаке.

Утвердившись в Сыгнаке, где его монетная чеканка фиксируется до 779 г. х. включительно, Урус попытался распространить свою власть на Сарай, что свидетельствуется как письменными, так и нумизматическими источниками. Конкурентами Уруса в борьбе за столичную область были хан Мамаевой Орды Туляк, шибанидский хан Ильбек и эмир Салджи-Черкес, владевший Хаджитарханом. Ход противоборства и его результаты ввиду лапидарности письменных известий и противоречивости монетного материала восстанавливаются лишь в самых общих чертах. В реконструкции, предложенной А. П. Григорьевым, Урусу в 775–776 гг. х. удалось овладеть главными городами Нижнего Поволжья, но долго удержаться здесь он не смог. В 776 г. х. Салджи-Черкес захватил Сарай, а Туляк, воспользовавшись отвлечением сил Уруса на

борьбу с Салджи-Черкесом, отвоевал Новый Сарай и вынудил Уруса вернуться в Сыгнак¹⁵. После смерти Уруса в 778 г. х. власть унаследовал его сын Токтакия, умерший в том же году. Преемником Токтакии стал другой сын Уруса – Тимур-Малик, в 780 г. х. потерпевший поражение в войне с Токтамышем.

В 777 г. х. в Сарае правил Каганбек (Каанбай) из потомства Шибана. Столичным центром родового удела Каганбека, по всей видимости, был Сарайчик. Здесь в 775 г. чеканил монету его отец Ильбек, который упоминается Ибн Халдуном под именем Айбекхан как один из трех «эмиров левого крыла», стремившихся захватить Сарай. По рассказу Ибн Халдуна, Ильбек отнял Сарай у Салджи-Черкеса, но вскоре погиб, «и после него Сараем правил сын его Карихан»¹⁶. Сарайский чекан Ильбека, между тем, не известен, а первый монетный выпуск Каганбека (776 г. х.) тоже был сделан в Сарайчике. Ибн Халдун сообщает, что Каганбек был изгнан из Сарая Урусом, но, как отмечалось выше, сарайские монеты Уруса, по-видимому, следует датировать 776 г. х., в то время как сарайский чекан Каганбека относится к 777 г. х. В 779 г. в Сарае чеканит монету двоюродный брат Каганбека, сын владевшего Сараем в 764–766 гг. х. Пулада, Арабшах. По мнению А.П. Григорьева, Арабшах погиб при захвате Сарая Токтамышем, «успев перед смертью отчеканить партию дирхемов, датированных 782 г. х.»¹⁷.

Успех Токтамышя в длительной борьбе с Урусом и его преемниками в значительной мере был обеспечен поддержкой Тимура. Признавая этот хорошо прописанный в источниках факт, следует добавить, что своим возвышением Токтамыш, видимо, был обязан не только неумолимому содействию могущественного эмира Мавераннахра и замеченному соплеменниками «царственному фарру», но и наследственным правам. Упомянувшийся выше Кутлук-ходжа, сменивший на сыгнакском престоле Мубарак-ходжу, возможно, происходил не из потомков Бай-Тимура, а из потомков Урунг-баша (Уз-Тимура), т. е. был дедом Токтамышя. В таком случае, отец Токтамышя Гуй-ходжа был убит Урусом потому, что был наследным принцем и политическим соперником, а не из-за отказа участвовать в походе на Сарай.

Настойчивые усилия Тимура отнять власть у Уруса и его наследников и передать ее Токтамышю в литературе обычно объясняются

стремлением Тимура предотвратить объединение Улуса Джучи (и, тем самым, ослабить его) и обезопасить Мавераннахр от нападений узбеков, поставив во главе «левого крыла» своего вассала. Такое объяснение представляется, по меньшей мере, недостаточным. Тимур в своей деятельности, разворачивавшейся в период, когда все монгольские улусы переживали глубокий кризис, несомненно, руководствовался идеей создания мировой державы. Фактически Тимур намеревался возродить и возглавить Монгольскую империю, используя ресурсы военной и политической доктрины Чингиз-хана и опираясь на авторитет Чингизидов, по-прежнему остававшийся высоким в пределах монголосферы.

Панегиристы Тимура описывают его отношения с Токтамышем, мягко говоря, неточно. В этом, в частности, убеждает совершенно невероятное содержание увещеваний, с которыми, якобы, обращались к Токтамышю наделенные «большим умом и здравомыслием» эмиры. Отношениям вассалитета мало соответствует также реакция Тимура на меры, которые Токтамыш принял в ответ на захват Тимуром Азербайджана, а также на ряд других, казалось бы, немотивированно агрессивных действий джучидского хана. Более вероятно, что между Тимуром и Токтамышем был заключен союз, предусматривающий раздел объектов военной экспансии и согласованные действия по восстановлению и расширению монгольского господства. Идея возрождения имперской мощи и прекращения усобиц ради успеха новых завоеваний никогда не утрачивала популярности среди монгольских лидеров, что подтверждается формальным признанием главенства Хубилая и его наследников большинством улусных владетелей и периодическими коллективными декларациями о преодолении раскола. Этот факт и легкость, с которой Токтамыш овладел западной частью Улуса Джучи, позволяют утверждать, что великодержавная программа Токтамышя, под знаменем которой он продвигался к сарайскому трону, и реальность ее исполнения, гарантированная союзом с Улусом Чагатая, привлекли на его сторону подавляющее большинство эмиров и джучидских огланов.

Утемиш-Хаджи, передавая шибанидское восприятие прихода к власти Токтамышя, описывает его как событие случайное, ставшее возможным только благодаря тому, что в то время в Сарае «не было ни хана, ни сул-

тана», глава Шибанидов оказался человеком нерешительным и бездеятельным, а молодые и честолюбивые огланы были связаны клановой дисциплиной и субординацией; вместе с тем, в списке «Чингиз-наме», опубликованном В. П. Юдиным, ханство Токтамыша не оспаривается, и его милости и пожалования Араб-шаху перечисляются с горделивостью¹⁸. Несмотря на то, что нумизматические материалы, предполагающие, что Араб-шах являл собой препятствие на пути Токтамыша к сарайскому трону, не согласуются с рассказом Утемиша-Хаджи, о поддержке Шибанидами Токтамыша можно говорить с достаточной долей уверенности.

В условиях, когда города Мавераннахра перестали быть легкой добычей узбеков, и правившие в Восточном Дашт-и Кыпчаке Джучиды не только утратили возможность беспрепятственно грабить оседлые области, но сами ради безопасности были принуждены отказываться от зимовок на присырдарьинских пастбищах, воцарение Токтамыша открывало дорогу новому формату политических и экономических отношений узбеков с западной частью Улуса Чагатая и новым военным проектам. Другое дело, что союз Токтамыша и Тимура оказался недолговечным. Причиной разлада стали те же самые земли, спор за обладание которыми некогда сделал непримиримыми врагами Берке и Хулагу и стал одной из главных причин раскола Монгольской империи. Не известно, какими были предварительные договоренности между Тимуром и Токтамышем относительно территорий к югу от Кавказа, но какими бы они ни были, с преодолением династического кризиса внешняя политика Улуса Джучи неизбежно должна была вернуться к этой болезненной проблеме.

Конфликт с Тимуром вскрыл наличие в элите Улуса Джучи двух партий. Одна поддерживала Токтамыша и намеревалась отстаивать исторические права Джучидов на территории, подвергшиеся нападению «союзника», другая выступала за продолжение с ним сотрудничества. Первая партия преследовала прагматические, державные цели и объединяла большинство джучидской аристократии, вторую партию составляли сравнительно немногочисленные, так сказать, идейные приверженцы планов возрождения империи и столь же немногочисленные искатели сарайского трона, надеявшиеся использовать

разногласия между Тимуром и Токтамышем для достижения своих целей. Впрочем, среди авантюристов либо обиженных Токтамышем огланов, в разное время оказывавшихся в лагере Тимура и предлагавших ему свои услуги, могли быть и поклонники имперской идеи.

Шибаниды, которые с началом конфликта Токтамыша с Тимуром, казалось бы, должны были при первом удобном случае отложиться от Токтамыша, как свидетельствуют источники, продолжали служить Токтамышу. Среди военачальников Токтамыша, участвовавших в военных кампаниях против Тимура, можно обнаружить, по меньшей мере, трех шибанидских огланов. В битве, состоявшейся пятнадцатого дня месяца раджаба 793 г. х. в местности Кундузча, «Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода, как-то: Таш-Тимур-огланом, Бек-Ярык-огланом, Илыгмыш-огланом, Бек-Пулад-огланом, Али-Огланом, Ченте-огланом и другими...»¹⁹ Али-оглан идентифицируется с Али, сыном Бек-Кунди, основателя «сибирской» династии Шибанидов, младшего брата Эль-бека и Пулада, а Ченте-оглан – со старшим братом Бек-Кунди, Джанта, не оставившим потомства.

Еще один шибанидский оглан отмечен при описании событий, предшествовавших битве на Тереке: «В это время (в конце 796 – начале 797 г. х. – В. К.) поступило сведение, что войска Токтамыша во главе с Али Огланом, Ильяс Огланом, Иса-беком, Яглибием и другими беками прошли Дербент и разграбили области, относящиеся к Ширвану»²⁰. Ильяс-оглан, как следует из его родословной, был старшим братом того самого Каганбека, который согласно шибанидскому преданию проигнорировал предложение изгнать Мамай и стать «превеликим ханом», в результате чего на сарайском престоле оказался представитель клана Тукатимуридов.

Судя по описанию похода 793 г. х., узбеки Восточного Дашт-и Кыпчака зимовали где-то вдали от присырдарьинских областей, а при приближении противника либо ушли на соединение с войском Токтамыша, либо удалились в безопасные места. Так, согласно позднему источнику, некоторые из шибанидских огланов в период военного противостояния Тимура и Токтамыша нашли убежище у кыргызов. Изложенные факты, наряду с полным отсутствием свидетельств сотрудничества шибанидских огланов с Тимуром,

как представляется, несколько противоречат мнению о глубоком расколе в джучидской элите, вызванном внешнеполитическим курсом Токтамыша, и особой склонности аристократии Восточного Дашт-и Кыпчака к союзу с Тимуром. Наоборот, скорее можно утверждать, что лишь отдельные огланы и эмиры решились открыто выступить на стороне Тимура, но и тогда некоторые из них, подобно Кунча-оглану, хотя и ушли к Тимуру, «понося Токтамыша», видимо, не совершили проступков, окончательно закрывавших путь к возвращению.

Подводя итог краткому очерку политической истории Улуса Джучи во второй половине XIV в., правомерно сделать вывод, что утверждение на сарайском троне того или иного джучидского оглана зависело от многих факторов, в значительной части обусловленных спецификой экономики и политического устройства государства. С пресечением династии Батуидов и выходом на политическую сцену соперничающих династий «второго эшелона» прежние механизмы передачи верховной власти, допускавшие насилие и физическое устранение конкурентов, но формально остававшиеся в рамках легитимности, традиции и преемственности, уступили место прямому захвату. Вследствие чрезвычайной разветвленности родов Шибана и Тука-Тимура, мозаичного расположения владений огланов одного линиджа, несовпадения актуальных интересов различных его ответвлений и других причин вряд ли есть большие основания оценивать Шибанидов и Тукатимуридов как сплоченные кланы, способные мобилизовать все силы и средства для продвижения своего кандидата на сарайский престол. Понятия клановой общности и клановой солидарности, разумеется, существовали, но не исключали ни ожесточенной внутриклановой борьбы, ни альянсов с группировками из другого клана.

Примечания

¹ См.: Костюков, В. П. Улус Джучи и Синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2007. Вып. 6. С. 169–207.

² См.: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина; Утемиш-хаджи. Алма-Ата, 1992. С. 109.

³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 141.

⁴ См.: Гаев, А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов: нумизматич. сб. Н. Новгород, 2002. Вып. IV. Т. 3. С. 48–55.

⁵ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 112.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ См.: Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969. С. 38.

⁸ См.: Гаев, А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. С. 20–26.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ См.: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 113.

¹¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. С. 130.

¹² См.: Савельев, П. Монеты Джучидов, Джатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1857. Вып. 1. С. 160.

¹³ См.: Гаев, А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. С. 14.

¹⁴ См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. С. 106, 146, 207.

¹⁵ Григорьев, А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук. Вып. 27. Востоковедение 11. Филологические исследования. Л., 1985. № 417. С. 166.

¹⁶ Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / В. Тизенгаузен. – СПб., 1884. С. 389–391.

¹⁷ Григорьев, А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле. С. 176.

¹⁸ См.: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. С. 117–118.

¹⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 168.

²⁰ Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Перевод со староузбекского, предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова / Йазди Шараф ад-Дин Али. Ташкент, 2008. С. 193.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ УДМУРТОВ УФИМСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ФИНСКОГО ЭТНОЛОГА УНО ХОЛЬМБЕРГА)¹

В статье дается источниковедческий анализ неопубликованных полевых материалов финского этнолога У. Хольмберга (Харвы): записи, зарисовки, фотографии, собранные им в ходе экспедиции 1911 г. среди закамских удмуртов в бывших Пермской и Уфимской губерниях и содержащих уникальные сведения о религиозных обрядах и верованиях данной группы удмуртов. Ныне они хранятся в Архиве рукописей и Фотоархиве Финского литературного общества (г. Хельсинки, Финляндия) и практически не известны научной общественности.

Ключевые слова: закамские удмурты, религиозные верования и обряды, финские архивные материалы, полевые материалы.

В удмуртской этнографии почетное место занимает имя финского исследователя, этнолога и религиоведа Уно Харвы (Хольмберга)¹. Изданная им в 1914 г. книга «Permalaišten uskonto»² («Верования пермских народов»), без сомнения, является энциклопедией традиционной этнической религии удмуртов. Основным источником написания книги явился полевой материал, собранный автором в ходе экспедиции весной-летом 1911 г. в удмуртских деревнях.

Книга написана на финском языке, поэтому она малоизвестна для российских исследователей. Но ее содержание уже спустя некоторое время после издания стало известно российской научной общественности. Как известно, в 1921 г. профессор Казанского университета А. И. Емельянов издал книгу, озаглавленную «Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков»³. В предисловии к этой публикации автор отмечает, что «содержание настоящего выпуска мною взято не из первоисточников, а из готового уже труда на финском языке Гольмберга «Permalaišten uskonto». Труд финского ученого мною только сокращен, переработан и приспособлен к условиям преподавания»⁴. Таким образом, работа А. И. Емельянова является переложением труда У. Хольмберга на русский язык. К сожалению, исследователи не всегда обращают внимание на этот факт и не упоминают, что книга написана на основе материалов У. Хольмберга.

Не так давно содержание книги стало известно удмуртским читателям и на родном языке. Журнал «Инвожо» опубликовал осуществленный С. Максимовым перевод книги с финского на удмуртский язык⁵.

В ходе экспедиционной работы в течение пяти месяцев Уно Хольмберг изучал религиозные традиции удмуртов деревень Старая Кирга Пермской, Можга и Каймашабаш Уфимской, Ошторма-Юмья, Старый Канисар, Средний Кумор, Старая Юмья, Верхняя Юмья, Старая Уча Казанской губерний⁶. Помимо записей полевого материала, произведенных посредством бесед с информаторами и личного наблюдения, финский исследователь занимался также фотографированием объектов религиозного культа удмуртов. Таким образом он сделал около 150 фотоснимков⁷. В настоящее время фотографии У. Харвы хранятся в Фотоархиве Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kuvaarkisto). Наиболее примечательные фотоснимки опубликованы в упомянутой книге ученого и в других его работах, но также есть среди них такие, которые остались без публикации. Среди них большую научную ценность представляет, например, снимок святилища лыкелян («костей выбрасывания [место]»). На фотографии видим три лиственных дерева, на которых на лыковых веревках развешаны черепки и кости конечностей жертвенных животных. Рядом с деревьями также видны кости, которые упали на землю. Фотография не ан-

¹ Пользуясь случаем выражаю огромную признательность Илдико Лехтинен (Музей культур, г. Хельсинки), Кирси Мякеля (Хельсинкский университет), сотрудникам Фотоархива и Архива рукописей Финского литературного общества, а также сыну У. Харвы – Мартти Харва, за организацию работы с неопубликованными материалами финского ученого.

нотирована. Но по полевым записям ученого можно установить, что святилище принадлежало жителям д. Каймашабаш Бирского уезда Уфимской губернии: «Лы куян находится в одной болотистой ложбине, где растут некоторые листовые деревья ... и ивы. На них видны развешанные черепа и кости ног»⁸.

Среди неопубликованных фотографий имеется также снимок удмуртской девушки с серебряными украшениями у ткацкого станка из д. Можга Бирского уезда, которую У. Хольмберг отправил по почте родственникам, подписав ее таким образом: «Я переехал в другую деревню, потому что в предыдущей подумали, что я принес им холодную погоду. Я не знаю, как долго буду здесь. Потому не могу дать вам свой адрес. Здесь вотская девушка у ткацкого станка. У нее на груди много серебряных монеток. Сердечный привет домой. Уно»⁹ (25 май 1911 г.).

У любого этнографа-полевика, как бы максимально он ни стремился использовать свои полевые материалы в публикациях, зачастую многие очень ценные сведения и факты так и остаются в рукописной форме, в лучшем случае находя место на архивных стеллажах, в худшем – бесследно исчезая. К счастью, полевые записи финского этнографа полностью сохранились, как в черновом, так и беловом вариантах. Хранятся они в Архиве рукописей Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto)¹⁰ в г. Хельсинки. 338-страничная беловая рукопись, состоящая из нескольких тетрадей, повествует о религиозных верованиях и обрядах удмуртов и марийцев¹¹. 156 страниц рукописи посвящено описанию полевых наблюдений ученого среди закамских (по определению автора «восточных») удмуртов в Пермской и Уфимской губерниях.

Записи автора сопровождаются небольшими зарисовками культовых объектов. Это в основном схемы святилищ куала и луд, рисунки алтарных полок в куала, надмогильных сооружений и т. д. Большой интерес представляют схематические изображения культовых конструкций из дерева, устанавливаемые во время жертвоприношений (два срубленных ствола молодых деревьев (ель, береза) втыкают в землю, поверх них ставят горизонтально в виде перекладины третий ствол). В настоящее время подобные «небесные врата» устанавливаются лишь изредка в некоторых деревнях.

Ознакомление с рукописью показывает, что она содержит богатый уникальный материал по религии закамских удмуртов, только частично использованный самим автором, и естественно, почти не известный научной публике. Рукопись содержит сведения о святилищах луд и куала; родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах; годовом цикле жертвоприношений, мифологических представлениях. В ней приводятся очень ценные фольклорные тексты, как в оригинале, так и в переводе на финский язык.

Научная деятельность Уно Харвы (Хольмберга) обстоятельно проанализирована финским исследователем В. Анттонен в книге «Уно Харва и финское религиоведение» («Uno Harva ja suomalainen uskontotiede»¹²). В данной работе уделено немало внимания и экспедиционной работе ученого. Удмуртские штудии У. Харвы нашли отражение в работе А. Е. Загребина¹³.

Приводим некоторые сведения о полевой работе ученого среди закамских удмуртов, основываясь на его рукописи и газетных корреспонденциях. Последние, являясь его письмами с мест экспедиционной работы в редакцию газеты «Turun Sanomat» («Туркуские вести») и адресованные широкой аудитории, также являются очень ценными в источниковедческом плане. Всего за период экспедиции 1911 г. вышеуказанная газета опубликовала 9 «путевых писем» («matkakirjeitd») У. Хольмберга. Четыре из них посвящены непосредственно закамским удмуртам и содержат описание экспедиционной работы и некоторых этнографических реалий («Старая Кирга», «На жертвенной горе», «Свадебные обряды вотяков», «Почитание умерших у вотяков»¹⁴.

В конце марта 1911 г. Уно Хольмберг приехал в Казань, где при поддержке местных ученых разрабатывал маршрут и изучал имеющуюся литературу¹⁵. В начале мая он приплыл по Каме к пристани Николо-Березовка, откуда направился к удмуртам Осинского уезда Пермской губернии, в деревню Старая Кирга¹⁶. В самом начале исследовательской работы в одном из писем на Родину исследователь отмечал, что «Деревня подлинно языческая. Здесь повсюду священные рощи ... Я успел на первый весенний пароход вовремя, потому что уже на следующий день здесь проводился обряд начала сева, и я его фотографировал. Скоро здесь будут проводиться и дру-

гие ритуалы. Жизнь здесь очень интересна»¹⁷. Ученый также побывал на молении Буэ дюк вць («Моление в овраге у р. Буй»), где принимали участие жители нескольких деревень; осматривал святилища и кладбища, беседовал со сведущими стариками. Как он сам отмечает: «Я ходил в гости во многие дома вотяков, угощали меня везде чаем и белым хлебом. Старики дали мне хорошие сведения...»¹⁸ Но вскоре ситуация резко изменилась, в результате чего финский ученый был вынужден покинуть удмуртскую деревню. Надо отметить, что еще в начале своего пребывания в деревне Уно Хольмберг встретился с определенными трудностями: «Когда я приехал в деревню, трудно было устроиться на ночлег. Никто не понимал, зачем я приехал. Сложно было объяснить, что я приехал изучать их обряды. Я сказал, что меня послал царь, т. к. он хочет знать, как живут вотяки»¹⁹. Тогда он всё же вошел в доверие жителей деревни, хотя некоторые «цивилизованные», по словам ученого, местные жители приняли его даже за японского шпиона. Но на этот раз ситуация оказалась критической: «В одну ночь выпал снег, что земля стала совершенно белой. Такого не было 10 лет и старики удивились. Мудрецы собрались обсудить, что необходимо делать и какую жертву надо принести. Я узнал, что, по мнению многих, причиной снегопада является “вотяк” из Финляндии, который в один день ходил по всем святым рощам без жертвоприношений. Умершие рассердились и сильно отомстили. Они все были единодушны и решили прогнать гостя»²⁰, т. е. У. Хольмберга. В результате к нему пришли два почтенных старика и попросили его уехать из деревни. Финский ученый, не найдя понимания среди местных удмуртов, был вынужден прервать свои исследования и отправиться в другие места. Несмотря на это, У. Хольмберг успел собрать значительный материал по верованиям жителей данной деревни, сделать интересные фотоснимки.

Экспедиционная работа в Уфимской губернии, видимо, происходила в спокойной обстановке. По крайней мере, У. Хольмберг не сообщает о возникших препятствиях для его исследований. Здесь он работал в деревнях Можга, Конигово и Каймашабаш, затем продолжил свою экспедиционную работу у удмуртов Мамадышского уезда Казанской губернии.

Таким образом, полевые экспедиционные материалы У. Харвы (Хольмберга): записи, зарисовки, фотографии, представляют собой уникальный источник по традиционным религиозным верованиям и обрядам закамских удмуртов. До настоящего времени они практически не были известны научной общественности, как в Финляндии, так и в России.

Примечания

¹ В 1920-е гг. У. Хольмберг поменял свою фамилию на Харва.

² Holmberg, U. *Permalaiستن uskonto*. Porvoo, 1914.

³ Емельянов, А. И. Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921.

⁴ Там же С. 1.

⁵ См.: Хольмберг, У. Перма калыкъёслэн осконъёссы // *Инвожо*. 2001. № 1–2; 2002. № 6–7; 2003. № 3.

⁶ См.: Загребин, А. Е. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 73–76.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Uno Harvan matkamuistiinpanoja // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto*. S. 116.

⁹ *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kuvaarkisto*. N 1.

¹⁰ См.: Uno Harvan matkamuistiinpanoja // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto*.

¹¹ Материалы о марийцах собраны в ходе экспедиции ученого в 1913 г.

¹² Anttonen, V. *Uno Harva ja suomalainen uskontotiede*. Helsinki, 1987.

¹³ См.: Загребин, А. Е. Финны об удмуртах...

¹⁴ Holmberg, U. *Matkakirjeitd* // *Turun Sanomat*. 1911, № 1938, 1975, 1982, 1999.

¹⁵ См.: Загребин, А. Е. Финны об удмуртах... С. 73.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Цит. по: Загребин, А. Е. Финны об удмуртах... С. 74.

¹⁸ Holmberg, U. *Matkakirjeitd*. *Staraja Kirga* // *Turun Sanomat*. 1911. № 1938.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАГРУДНЫХ ВЫШИВОК НА ЧУВАШСКИХ ЖЕНСКИХ РУБАХАХ

В статье обобщаются материалы, имеющие отношение к декору чувашских женских рубах. Приводятся этнографические факты о способах орнаментации женских и девичьих рубах, получивших распространение среди чувашей и других народов Волго-Уральского региона. Автор приходит к выводу, что нагрудный декор на женских рубахах наряду с охранительным выполнял выраженную социально-разделительную функцию и служил знаком половозрастной стратификации.

Ключевые слова: женская одежда, нагрудная вышивка, символика.

Одежда является одним из ярких и устойчивых компонентов материальной культуры этноса. Оберегая тело от возможных негативных воздействий и опасностей, одежда выполняет не только защитные функции, но и существует как одно из воплощений человека. В этом свете чрезвычайно интересным представляется орнаментация народной одежды. Вышитые узоры или другие декоративные элементы дают исследователю богатейший материал для изучения пережитков древней идеологии, позволяют прочесть своеобразные символические знаки, отражающие различия по полу, возрасту, семейному положению носителя и т. д.

В данной работе на основе ранее опубликованных литературных источников, музейных и полевых материалов делается попытка анализа узоров-знаков половозрастной стратификации, которые в рудиментарном виде сохранились на старинных вышитых женских рубахах чувашей. Материал и крой

женских рубах разных возрастных групп в целом совпадают. Различия проявляются в способах украшения, в форме декоративных элементов и в композиции их размещения на предмете. Имеющиеся в музейных собраниях старинные женские рубахи чувашей дают основания утверждать, что именно в декоративном оформлении одежды наиболее полно проявляется специфика одежды различных возрастных групп и подчеркивается их статус. Основным элементом декора старинных женских рубах низовых и средненизовых чувашей являются вышитые нагрудные розетки, носящие общее название *кёскё*. Основной мотив украшений – четыре наложенных друг на друга спицеобразных элемента или многоугольные медальоны, выполненные с использованием геометрического, зооморфного или стилизованного растительного орнамента¹. В старину замужние женщины носили рубахи с двумя, четырьмя и более вышитыми на груди розетками, которые симметрично располага-

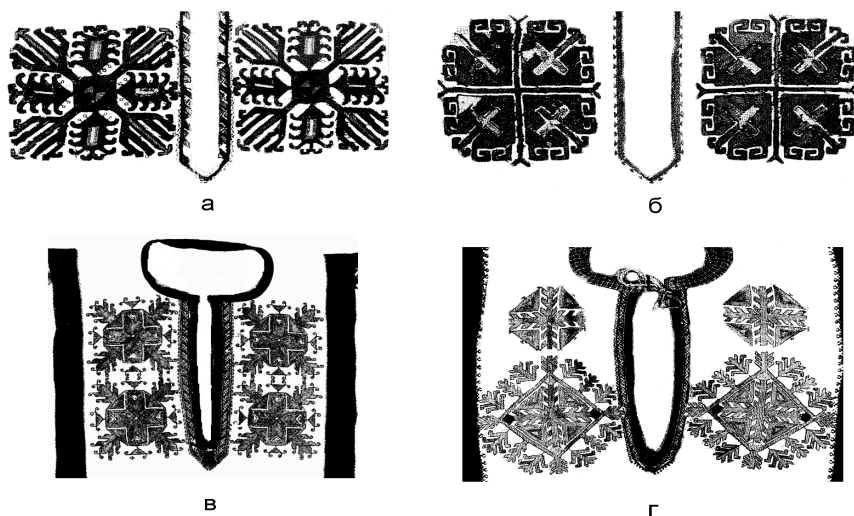

Рис. 1. Вышитые розетки *кёскё* в декоре чувашских женских рубах

лись по обе стороны грудного разреза. Г. А. Никитин и Т. А. Крюкова считали, что в увеличении их числа на женских рубашках «можно усмотреть стремление усилить плодovitость женщины»².

Смысловое значение узора *кёскё* исследователи объясняют по-разному. Н. И. Ашмарин отмечает, что «по словам старых чуваш, рисунки узоров изображают солнце, как подателя жизни»³. Другие исследователи в символике *кёскё* усматривают древнейшие мифологические и космогонические представления чувашей⁴. В более позднее время, по мнению А. А. Трофимова, *кёскё* вышивались как узоры, носящие исключительно декоративный характер. Подытоживая смысловые значения узоров *кёскё*, ученый приходит к выводу, что все они появились в определенный исторический период, были тесно связаны с миропониманием, воззрениями человека и соответствовали определенным социально-общественным отношениям⁵. П. В. Денисов считает, что основным предназначением узора *кёскё* является защита женских грудей. Он подчеркивает, что *кёскё* на женских рубашках выражали не только половозрастные отличия, но выступали еще в роли оберега женских грудей⁶. На охранительное предназначение *кёскё* достаточно прозрачно указывает название вышивки, выявленное в 1930-е гг. Г. А. Никитиным во время экспедиционных исследований. Так, в одном из районов Чувашии ученому вместо общераспространенного названия удалось записать другой термин – «*чёчэ карти*», что в переводе с чувашского означает «ограда груди»⁷. Очевидно, в прошлом подоб-

ного рода узоры в данном контексте на женских рубашках народов Урало-Поволжья имели широкое распространение. На это указывает марийское название вышитой розетки «*чызе орол*», т. е. «сторож грудей» в говоре марийцев Моркинского района Марийской АССР (ныне Республики Марий Эл)⁸. Близкий по смыслу термин нагрудных розеток удалось записать Н. П. Гринковой у марийцев Башкирии – «*ордыш-тамга*», т. е. «реберный знак». Ученый выяснила, что *ордыш-тамга* вышивается исключительно на женской рубашке для защиты грудного соска женщины⁹. Примечательно, что в аналогичном контексте бытует треугольная нагрудная нашивка из красной ленты на девичьих рубашках косинских и слободских удмуртов – *гадь котыр-тэм* («грудь ограждена») ¹⁰. Подводя итог сказанному, можно заключить, что розетки *кёскё* на груди женских рубаш, воплощая в себе космогонические образы, содержали солярную символику и как таковые являлись надежным вышитым оберегом. С другой стороны, они являлись символическим выражением женской детородной сущности. Розетки *кёскё* не только пассивно ее отражали, но и активно воздействовали на нее, усиливая женское плодородие. И, наконец, вышитые розетки являлись знаком особого социального статуса замужней женщины, женщины-матери. В пережиточной форме нагрудные узоры в виде солярных знаков, напоминающих *кёскё*, имеют место на русских и марийских женских рубашках¹¹. На позднем этапе аналогом вышитых медальонов *кёскё* на женских рубашках являются парные ромбические нашивки по сто-

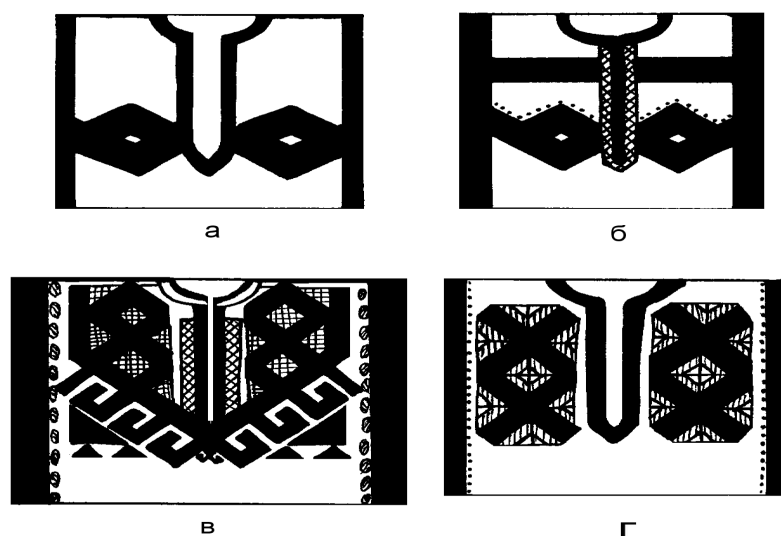

Рис. 2. Аппликативные медальоны *сунтăх*, *пӳитӳр* на чувашских женских рубашках

ронам нагрудного разреза – *сунтӑх*, *пӳштӑр* у низовых чувашей и *кӳнчӑк* у средненизовых. Первоначально они выполнялись нашивками домашней тесьмы маренового цвета, а с появлением фабричных тканей, в особенности красного кумача – небольшими полосками ткани красного, черного или синего цвета. Следует заметить, что ромбовидные нашивки на женских рубашках (как и *кӑскӑ*) всегда парные и располагаются по обе стороны грудного разреза. Т. М. Акимова подчеркивала, что рубашки с нагрудной вышивкой, состоящей из двух розеток или ромбов по обе стороны от разреза ворота являются одежаниями замужних женщин¹². По мнению исследователя, иногда такая вышивка на женских рубашках заменялась кумачовыми нашивками в виде двух, обращенных друг к другу основаниями углов, что, впрочем, являлось локальной традицией, характерной для саратовских чувашей.

Существует мнение, что *сунтӑх* стадильно является более поздним явлением, заменившим и вытеснившим *кӑскӑ*¹³. Впрочем, А. А. Трофимов считает, что вышитые *сунтӑх* и *кӑскӑ* в какой-то период времени существо-

о бытовании в прошлом рубаш с особыми «девичьими» знаками прочно сохранились в народной памяти. В связи с этим достаточно упомянуть о том, что Н. И. Ашмарину в конце XIX – начале XX в. в обыденной речи чувашей удалось зафиксировать название т. н. девичьей рубахи – *хӑр сынла кӑпе* (букв. «рубаха на девичий лад»). В кратком ее описании он поясняет, что она декорировалась лишь одним *пӳштӑр*, который располагался на правой стороне груди¹⁷. Впрочем, такую особенность декорирования рубахи в свое время отмечал В. А. Сбоев – автор первого монографического труда о чувашах. В своем сочинении он писал: «У девок на груди бывает одна вышивка наподобие креста с венком, у замужних женщин – две»¹⁸.

Рубахи с ассиметричной композицией, состоящей из ромба и косой полоски, к девичьим относит и Л. М. Лойко. Она подчеркивает, что «это подтверждается массовостью информационного материала, почерпнутого из коллекционных описей и достоверными сведениями такого глубокого знатока этнографии чувашей, как М. С. Спиридонов, по-

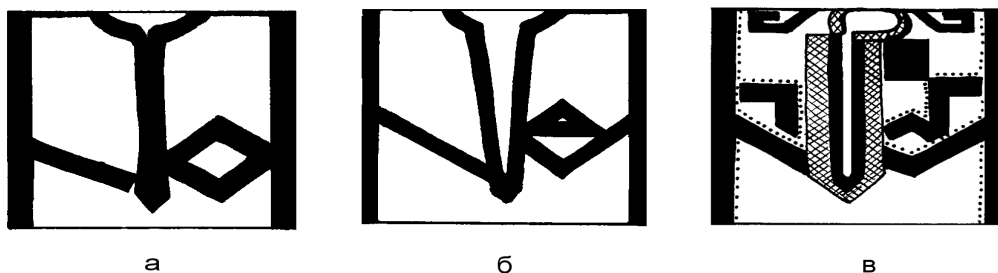

Рис. 3. Декор рубах с ассиметричной композицией нашивок

вали одновременно¹⁴.

Теперь обратимся к девичьим рубашкам. Первое, что бросается в глаза, это минимальное использование вышивки на рубашках. В свое время по этому поводу Т. М. Акимова отмечала, что у саратовских чувашей девушки «носили рубашки совсем без розеток и без какой-либо нагрудной вышивки», а иногда делали «вышивку только по разрезу ворота в виде узенькой полоски «*кӑпе умӑ*»¹⁵. У других групп чувашей основным способом украшения девичьих рубах является аппликация из узких полос домашней тесьмы (изначально) или фабричной ткани красного цвета. На таких рубашках фигурой ромбической формы (*сунтӑх*, *пӳштӑр*) украшается лишь одна, как правило, левая сторона груди, тогда как другая сторона декорируется нашивкой в виде косой полосы¹⁶. Примечательно, что представления

черпнутыми из его дневников»¹⁹. В связи с этим интересно отметить, что Г. А. Никитин в работе «Чувашская вышивка: этнографический очерк», сохранившейся в рукописи, также сослался на мнение М. С. Спиридонова, согласно которому нашивки на поздних экземплярах чувашских женских рубах носили общее название «*кӳпелек*», однако при этом ромбовидная нашивка на левой стороне груди называлась «*хӑр кӳпелек*», т. е. девичий «*кӳпелек*», а на правой – наклонные полосы – «*ар кӳпелек*», т. е. мужской «*кӳпелек*»²⁰. Это очень важное замечание, которое в дальнейшем поможет нам понять значение этих нашивок. Г. Н. Иванов-Орков также считает, что замужние женщины, как правило, «носили два «женских» знака – ромба, симметрично расположенных по обе стороны груди. Девочки с 7–9 лет, как и девушки постарше, нашивали

на одну сторону груди ромб, а на другую – так называемый «мужской» знак в виде косой полосы»²¹. И так, на девичьих рубахах главенствующим принципом декорирования нагрудника является асимметрия. На наш взгляд, оппозиция правого и левого на таких рубахах символически выражает оппозицию мужского и женского. Одна половина девичьей рубахи, украшенная ромбом, является «женской» и по узору соответствует убранству рубах замужних женщин, а другая половина с нашивкой наклонной полосы является «мужской». Обращает на себя внимание и то, что «мужская» нашивка располагается на правой стороне рубахи, которая традиционно ассоциируется с мужским началом. Таким образом, асимметричная композиция является визуальным кодом, свидетельствующим об особом социальном статусе девушки. Композиция узора в целом означала, что владелица рубахи еще не женщина в полной мере, хотя и достигла половой зрелости, и является женщиной лишь «на половину». Поэтому одна половина рубахи девушки «женская» (со знаком *сунтӑх*), а другая – «мужская». Одинарность специфических женских знаков-оберегов на девичьих рубахах чувашей, видимо, объясняется тем обстоятельством, что до рождения ребенка и начала грудного кормления охранительная сила этих знаков была менее востребована. В целом декор на девичьих рубахах в праздничной или обрядовой ситуации нес в себе символику переходного состояния и выражал готовность к браку.

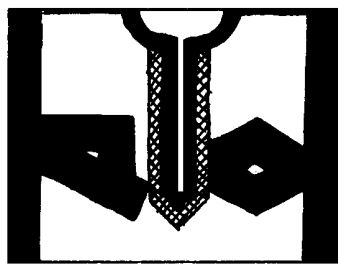
Различные по типу декорирования женские рубахи, по мнению Н. П. Гринковой, являются пережитком деления женщин в родовом обществе на четыре возрастные группы: 1) девочек; 2) девушек, достигших брачного возраста и молодых; 2) женщин, ставших матерями; 3) пожилых женщин²².

Далее опишем типы чувашских женских

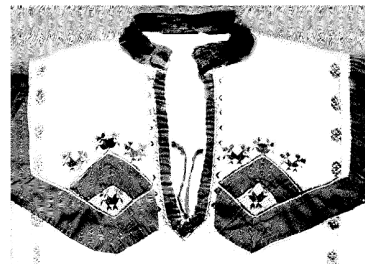
рубах, атрибуция которых неоднозначна. Один из типов представляет собой рубаху с асимметричной композицией нагрудного аппликативного декора, которая состоит из нашитой фигуры ромбической формы (*сунтӑх*) по левую сторону разреза и «неправильного» ромба по другую. «Неправильный ромб» образует прямую наклонную полосу (типичный для девичьих рубах «мужской» знак) и красная тесьма, нашитая над нею углом (∟). По сути, перед нами и не девичья рубаха (хотя композиция декора несет на себе ее черты в виде прямой наклонной нашивки), но и не женская, т. к. ее композиция асимметрична и имеет всего один ромб правильной формы («женский» знак). Можно предположить, что мы имеем дело либо с девичьей рубахой другого типа, либо с одеждой молодухи, еще не родившей ребенка. Потому что в традиционной культуре женщиной в полном смысле этого слова она становилась только после рождения ребенка. Впрочем, это только предположение.

Неясной остается типология рубах с нашивками в виде так называемых «процветших» ромбов, представляющих собой небольшие парные ромбы, выложенные полосками ткани, внутри и над которыми имеется вышивка с растительными элементами. Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова, Н. П. Гринкова, Г. Н. Иванов-Орков такие рубахи относят к девичьим²³. По полевым материалам автора, в Кармаскалинском районе РБ рубахи с процветшими ромбами надевали исключительно невесты, а потом использовали ее в качестве смертной одежды. Вероятно, в прошлом возрастная дифференциация в одежде была отражена детальнее и выражала все нюансы изменения социального статуса, что породило существование различных по отделке типов рубах.

Таким образом, в традиционном обществе нагрудные узоры на женских рубахах высту-

а

б

Рис. 4. Рубаха с асимметричной композицией из ромба и полуромба (а).
Рубаха, украшенная т. н. процветшими ромбами (б)

пали достаточно весомым маркером. Важную роль при этом играла не только композиция (симметричная на женских и асимметричная на девичьих), но и форма узора.

Во-первых, женским знаком на чувашских рубахах всегда выступает ромб (в аппликации) и медальон *кёскё* (в вышивке). О значении ромба, как символа плодородия существует обширная литература. Отметим лишь, что в орнаменте ромб нередко служил условным изображением круга и в связи с этим ромбические нашивки на груди семантически сближаются с вышитыми *кёскё*, о солярной символике которых уже писалось выше. На некоторых девичьих рубахах мы встречаем не ромб, а нашивку в форме треугольника (полуромба).

Во-вторых, на женских рубахах узоры всегда выполняются парными, т. е. соблюдается симметрия. Такую закономерность локализации орнамента на женских рубахах Н. П. Гринкова напрямую связывает с репродуктивной миссией женщины. Она отмечает, что «данную вышивку можно считать магическими знаками, которые, вероятно, сначала наносились на тело, а позднее перешли на одежду и служили особыми объектами, предохранителями, имевшими цель сохранить способность женщины кормить ребенка... Заботясь о своеобразном производстве – о “производстве самого человека”, человек доклассового общества осуществлял “охрану материнства и младенчества” своеобразными средствами, обусловленными степенью развития производительных сил и идеологией данного общества»²⁴. Обилие вышивок на одежде было связано с расцветом женщины, ее детородных возможностей. На подростковых и девичьих рубахах вышитые женские медальоны отсутствовали вовсе, а аппликативные ромбические нашивки были одинарными и составляли обязательно асимметричную композицию. Важно подчеркнуть, что женские знаки являлись не «изображением» груди в буквальном смысле слова, а своеобразным социальным кодом. Точно так же одинарные ромбы на рубахах девушек отражали, естественно, не анатомическое своеобразие, а исключительно специфику их статуса. Композиция из ромба и наклонной полосы на нагрудной части девичьих рубах, вероятно, символизировала соединение мужского и женского начал в статусе владелицы. Г. С. Маслова полагала, что размещение в русской вышивке рядом ромба и креста, ромба и розетки в далеком прошлом связывалось с

символикой соединения женского и мужского начал²⁵. Аналогичных взглядов придерживался Б. А. Рыбаков. Он считал, что ромб символизирует женское естество и воспроизводящую в нем силу жизни. Именно поэтому в русском крестьянском быту, по его мнению, ромбические изображения встречаются на одежде молодых, способных к деторождению женщин. Тогда как на детских, на старушечьих женских рубахах ромбическая символика отсутствует²⁶. С переходом в брачное состояние, когда посредством многочисленных свадебных обрядов происходило снятие оппозиции женское / мужское, замужняя женщина меняла свое платье, что выражалось в изменении композиции и формы его декоративных элементов. Визуальным кодом одежды замужних женщин становились вышитые или нашитые парные розетки, в то время как «мужские» знаки исчезали. Особенно значимыми женские знаки в декоре рубахи становились с рождением детей, когда женщина, по словам Н. П. Гринковой, приступала к «производству самого человека». Отсюда можно заключить, что симметрично расположенные вышитые или нашитые узоры-нагрудники на рубахе были напрямую связаны с производительным или фертильным периодом в жизни женщины. С одной стороны, они содействовали плодородию и благополучию, а с другой – выступали охранительным знаком.

Таким образом, имеющиеся материалы по женской одежде чувашей, других народов Урало-Поволжского региона прозрачно показывают наличие в старинных образцах рубах признаков, подчеркивающих принадлежность к определенной половозрастной группе. Эти знаки и «украшения» на одежде демонстрировали связь человека с его родовой, половозрастной, этнической группой, этнокультурной средой, служили средством самовыражения и коммуникации.

Примечания

¹ См.: Денисов, П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969. С. 24; Трофимов, А. А. Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1977. С. 64.

² Никитин, Г. А. Чувашское народное изобразительное искусство / Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова. Чебоксары, 1960. С. 22.

³ Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка (далее СЧЯ). Т. 7. Чебоксары, 1934. С. 302.

- ⁴ См.: Трофимов, А. А. : 1) Орнамент чувашской народной вышивки; 2) Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей // Искусство. Избранные труды : сб. ст. Чебоксары, 2005. С. 320–354; 3) Космогонические представления древних чувашей и их отражение в орнаменте вышивки // Там же. С. 278–319; Захарова, Н. И. Отражение мифологической картины мира в чувашской нагрудной вышивке «кёскё» // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона : материалы межрегион. науч. конф. к 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2001. С. 213–218.
- ⁵ См.: Трофимов, А. А. Композиция узоров чувашской вышивки // Искусство. Избранные труды : сб. ст. Чебоксары, 2005. С. 411.
- ⁶ См.: Денисов, П. В. Этнокультурные параллели... С. 22, 24.
- ⁷ См.: Никитин, Г. А. Чувашское народное изобразительное искусство. С. 22.
- ⁸ См.: Крюкова, Т. А. Марийская вышивка. Л., 1951. С. 22.
- ⁹ См.: Гринкова, Н. П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 36.
- ¹⁰ См.: Косарева, И. А. 1) Традиционный женский костюм косинских удмуртов конца XIX – начала XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск, 1991. С. 135; 2) Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, замкамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск, 2000. С. 66–67.
- ¹¹ См.: Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 16–17; Молотова, Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. С. 21–23; Сепеев, Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. С. 160–161; Ildiko, Lehtinen. *Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista*. Helsinki, 1999. P. 29.
- ¹² См.: Акимова, Т. М. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш // Тр. Нижне-Волж. обл. науч. об-ва краеведения : этногр. секция. Саратов, 1928. Вып. 35. Ч. 5. С. 25–39.
- ¹³ См.: там же; Гаген-Торн, Н. И. Женская одежда народов Поволжья : Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960; Денисов, П. В. 1) Этнокультурные параллели...; 2) Национальная одежда низовых чувашей южных районов Чувашской АССР // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 11. С. 210–251 и др.
- ¹⁴ См.: Трофимов, А. А. Вопросы изучения чувашской народной вышивки // Искусство. Избранные труды : сб. ст. Чебоксары, 2005. С. 478.
- ¹⁵ См.: Акимова, Т. М. Эволюция женского костюма... С. 31, 32.
- ¹⁶ См.: Денисов, П. В. Этнокультурные параллели... С. 20; Лойко, Л. М. Коллекции по этнографии чувашей в Государственном музее этнографии народов СССР и их практическое применение // Проблемы развития художественных промыслов и народного искусства. Чебоксары, 1988. С. 50–64; Николаев, В. В. Чувашский костюм от древности до современности / В. В. Николаев, Г. Н. Иванов-Орков, В. П. Иванов. М. ; Чебоксары ; Оренбург, 2002. С. 112–113.
- ¹⁷ См.: СЧЯ. Т. 17. С. 38.
- ¹⁸ Сбоев, В. А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М., 1865. С. 67–68.
- ¹⁹ Лойко, Л. М. Коллекции по этнографии... С. 56.
- ²⁰ Цит. по: Гумилев, Л. Н. Китайские письма на чувашской рубашке / Л. Н. Гумилев, Т. А. Крюкова, М. Ф. Хван // Чуваш. гуманитар. вестн. 2006. № 1. С. 182–183, 185.
- ²¹ Николаев, В. В. Чувашский костюм... С. 112–113.
- ²² См.: Гринкова, Н. П. Родовые пережитки... С. 24, 53.
- ²³ См.: Там же. С. 34; Никитин, Г. А. Чувашское народное изобразительное искусство. С. 24; Николаев, В. В. Чувашский костюм... С. 172.
- ²⁴ Гринкова, Н. П. Родовые пережитки... С. 36.
- ²⁵ См.: Маслова, Г. С. Орнамент... С. 155.
- ²⁶ См.: Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. М., 1997. С. 56.

О. Ю. Мальцева

ТРАДИЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ У РУССКИХ ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье проводится анализ системы воспитания детей у русских Южного Урала в конце XIX – начале XX века. Прослеживается взаимосвязь традиционного земледельческого календаря и трудового воспитания. Определяется характер половозрастного разделения труда. Рассматриваются народные праздники, обряды и игры как элемент трудового воспитания детей.

Ключевые слова: традиционный календарь, система воспитания, народные праздники, трудовые обряды, посиделки, хоровод, игры.

Актуальность данной работы определяется необходимостью введения в научный оборот регионального материала. Анализ источников и литературы убеждает в том, что этнографические материалы по народному календарю русских Южного Урала до настоящего времени остаются на периферии научного знания. Система воспитания детей, отраженная в традиционном русском календаре, на наш взгляд, интересна и значима.

Традиции воспитания детей у русского народа складывались веками и вошли в его духовную культуру. В определении характера воспитания значимыми были многие факторы и условия, такие, как природа, история народа, религия, обычаи и обряды.

По замечанию Н. Бердяева, «человек рождается и входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец»¹. Каждый представитель человечества несет в себе черты индивидуально-национальные, поэтому тщетно пытаться создать культуру без осознания себя частью народа и нации. Ведь сразу при рождении ребенок обладает темпераментом, способностями и возможностями, характерными для данной этнической среды. Стереотипы поведения также формируются в первые годы его жизни в определенной национальной среде². То есть система воспитания является неотъемлемой частью этноса и его этнокультуры, она своеобразна, как и сам этнос.

Несомненно, что ядром русской народной культуры и педагогики была русская земледельческая культура и традиционная педагогика. Земледелие исстари было основным занятием русских, именно оно определяло весь быт и уклад жизни. Земледельческий характер носи-

ло большинство праздников и обрядов, детей очень рано подготавливали к будущей работе на земле, а в среде оренбургских казаков – и к военной службе, защите государства.

Сложившаяся народная культура являлась устойчивым элементом и не подвергалась значительным внешним влияниям.

Вся жизнь сельского жителя, его трудовая деятельность и хозяйственный уклад регулировались реальными условиями – сменой времен года. Варианты трудовой деятельности, календарные исчисления, народные праздники, обычаи, фольклор определялись изменениями в природе, к ним также были привязаны приметы, игры, развлечения. Здесь уместно заметить, что Южный Урал – один из интереснейших районов Старого Света, где пересеклись судьбы многих народов: здесь осознавали себя как самостоятельные этносы башкиры и казахи, здесь нашла свое самобытное выражение культура казачества. Богатая и суровая природа Урала, сочетание гор и равнин, таежных лесов и разнотравных степей – все это способствовало рождению людей, сильных духом и характером.

История народов Южного Урала – неразрывная часть истории России, ее настоящего и будущего. Русские на территории Южного Урала – переселенцы, естественно, что процесс миграции вел к переносу своей культуры и заимствованию разных этнокультур. Но миграция не означала постоянного кочевья, это были эпизоды, хотя и много значившие для судьбы народа. Обосновавшиеся на новых местах затем из поколения в поколение, из века в век осваивали эти земли и не покидали их, если не возникала особая ситуация. Огромные расстояния и достаточно долго небольшая численность населения, а также военная необходимость надолго привязывали людей к своей местности, что вело к соз-

данию и консервации культуры и включению в нее местных особенностей. Таким образом, на протяжении всей истории Южного Урала в результате миграционных процессов происходило проникновение в русский этнос различных этнических компонентов – финно-угорских, тюркских и др. Многообразные контакты с другими этносами, населявшими Южный Урал, сделали русских достаточно открытыми для сотрудничества. Возможно, это обстоятельство и определило главное в стиле взаимоотношений – принцип этнической терпимости, особенно среди оренбургских казаков.

В процессе переселения в новые природно-климатические условия изменялись быт, виды труда, появились новые занятия. Это означало необходимость вовлечения детей в трудовые заботы, обучения военным приемам, развития у них тех навыков, которые диктовались новыми обстоятельствами жизни (например, уход за скотом в более суровых условиях, подходящее для данной местности рукоделие, навык военной службы и т. п.). При этом в традиционную культуру проникали приемы и методы воспитания, используемые соседними народами (коренными и пришлыми), приспособившимися к данным условиям жизни ранее.

Краткий период теплого времени и долгая холодная зима на Южном Урале вызывали относительную пассивность в зимние месяцы и бурную эмоциональную разрядку летом. Итак, во многом под влиянием климата складывались виды деятельности, определялись быт и взаимоотношения людей, традиции, обычаи, формировались психические черты. Все эти реалии, в свою очередь, сказывались на характере подготовки детей к жизни, передаче опыта хозяйствования, методов воспитания. Отметим и педагогическое значение природных условий, которые влияли непосредственно на каждого ребенка: его учили лес и трава, степь и река, птицы и животные. Мир живой природы открывал перед ним свои законы, вызывал радостные и печальные чувства, учил правилам поведения.

Труд в развитии личности ребенка. Общественное мнение высоко оценивало трудолюбие как важнейшее качество человека, воспитывалось в детях с малых лет.

Детство, начинаясь с момента рождения ребенка, продолжалось до 13–18 лет – все зависело от местности проживания. Если замечали, что девочка «заневестилась», а мальчик стал «женихаться», то считали их уже взрослыми.

В семье родители своим примером с малых

лет приучали детей к нелегкому труду в поле, на огороде и по дому: ухаживать за скотиной и птицей, поддерживать порядок в домашнем хозяйстве, заботиться о младших и опекать их. А во всех домашних заботах дети равнялись на старших братьев и сестер, которые уже к 10 годам становились помощниками отца и добытчиками в семье, выполняя по мере своих детских сил и возможностей все сельскохозяйственные работы – от пахоты и сева до прополки и уборки урожая.

Как только ребенок подрастал, начинал твердо стоять на ногах и понимать речь окружающих, он легко и естественно включался в работу. Его *не принуждали*, не заставляли трудиться, а *заинтересовывали* делом, позволяли делать что-то самому, ведь известно, что ребенок по природе своей существо активное. Детская жажда подражания, активность, пример окружающих были самыми действенными побудителями к труду. Уже в 4–5 лет девочка помогала сестре сматывать нитки, кормить кур; очень рано начинала нянчить младших братьев и сестер и приобщалась к работе по дому – ухаживала за птицей, мыла посуду и полы, носила воду; мальчик начинал гонять скотину на водопой, учился ездить верхом. *6–7-летнему* ребенку доверяли загнать скотину во двор, принести дров в избу. Мальчики находились возле плотничающего отца, девочки – возле матери за прялкой и выполняли их несложные, посильные поручения.

Мальчик в 7–8 лет уже помогал отцу весной на пашне, управляя лошадей; зимой – в заготовке дров, учась владеть пилой и топором. Ходил с отцом на охоту: учился ставить силки рыбачить.

В 9–10 лет подросток сам мог управляться с лошадей, умел запрягать ее.

Но дети не сразу принимались за настоящее дело, народный опыт подсказывал, что делать это надо постепенно, включая малышей в игру. Маленькая лопата и грабли были в руках у ребенка, когда он работал вместе со взрослыми; отец часто оставлял для сына небольшой клочок земли, где мальчик учился пахать. Девочка училась стряпать вместе с матерью, делая из теста крошечные лепешки и хлебцы. В маленьком ведерке она начинала носить воду. Для девочки делали маленькую прялку, и она сидела за нею рядом со старшими сестрами. Она училась шить наряды для куклы, которую могли изготовить дети постарше. Так, постепенно овладевая трудовыми навыками, дети втягивались

в работу, умело обращаясь с орудиями труда, инвентарем, скотиной. От игры они постепенно переходили к настоящей работе.

В 10–13 лет подросток работал во время пахоты, а к четырнадцати годам – косил, жал серпом, работал топором и цепом, т. е. становился настоящим работником.

Парень в 14–16 лет обучался таким трудным видам работы, как косьба, занимался молотью, заготовкой дров в лесу, знал многие тонкости земледельческого труда. В 18 он мог провести сев – самую сложную работу – и с этого времени считался полноценным хозяином.

Помогали подростки семье и своим заработком, нанимаясь на лето в подпаски или выезжая пасти лошадей в «ночное» вместе с группой сверстников. Для семейства это был приработок, а для самого подростка – еще одна школа, где он выучивался соблюдению взятых на себя обязательств и дисциплинированному выполнению дела.

Девочка шести-семи лет нянчила малыша дома, качая его в люльке и напевая колыбельные песни; приглядывала за ним на улице; таскала его за собою, отправляясь в лес, на луг, на купанье. Маленькая няня, несущая на руках грудного младенца, с бегущим рядом трехлетним братиком, держащимся за сарафан сестрички, – такая картинка была типична.

Игры старшей сестры с младшими детьми были самыми разнообразными. Так, очень распространены были игры-«ловишки», сопровождавшиеся легким ритмизованным диалогом или песенкой. Среди них были такие игры, как «Волк и овцы», «У медведя во бору», «Стадо и пастух» и др.

Девочка, кроме домашней работы, к которой приобщалась очень рано, начинала с 9–10 лет полоть грядки, тереть лен и коноплю. В 10–12 лет она уже многое делала по хозяйству: доила корову, стряпала, могла замесить тесто, стирала, присматривала за детьми, носила воду, шила, вязала.

В 14 лет девочка начинала работать наравне со взрослыми. К этому времени она должна была и заготовить себе приданое.

Девочек, таким образом, прежде всего обучали домашнему мастерству: учили прясть на самопрялке; вышивать; шить рубахи и вымачивать холсты; самой устанавливать ткацкий стан.

Полной работницей она считалась в 16–18 лет. К этому времени хорошая невеста должна была еще уметь печь хлеб и стряпать. Ценились

также владение всеми стадиями обработки льна на волокно (таскать, стлать, мять, трепать, спускать, чесать), знание сортов холста, умение подобрать гребни в ткацком станке соответственно желаемому виду ткани.

В 14–16 лет и мальчики-подростки, и девочки, пройдя большую трудовую выучку, становились самостоятельными, уверенно принимались за работу, держались более степенно.

Менялись с возрастом и требования взрослых к поведению молодых людей: парни были более свободны от родительской опеки, они могли без спроса уходить вечерами, бывать на гулянках. Другое дело девушки, с них родители старались не спускать глаз, им нельзя было без разрешения взрослых посещать гулянья; вести себя в доме при гостях положено было скромно: есть мало, больше молчать, потупив взор, и не смеяться громко.

Трудно описать все те трудовые занятия, в которые включался ребенок с ранних лет. Но и сказанное свидетельствует о том, как много они значили для подрастающего ребенка.

Трудовые обряды. Выработке серьезного и уважительного отношения детей к труду способствовали и обряды, связанные с основными сельскохозяйственными работами.

Обряд *начала земледельческих работ.* «Правильное поведение при “зачине” должно было обеспечить успех в дальнейшем, предотвратить возможные неприятности и стихийные бедствия»³, помочь оградиться от них всем миром вместе. Дети с ранних лет начинали проникаться пониманием исключительной важности для жизни семьи будущего урожая и разделять озабоченность взрослых о нем.

Обряд *первого выгона скота* совершался 6 мая, в день Георгия Победоносца, которого исследователи считают пришедшим на смену языческому Яриле⁴. Крестьяне верили, что Егории сам выезжает на своем коне и пасет скот, оберегая его от зверей, над которыми тоже властвует (известно, что выпас скота был всегда связан с опасностью нападения зверья, которого в окружающих лесах было полно). «Отче наш, Георгий, спаси и сохрани нашу скотинку в темных лесах, в жидких местах от диких зверей, от ползучих змей и от злых людей. Аминь»⁵.

Перед этим ребяташки ходили по домам с песней «Батюшка Егории» и собирали мзду. В семьях совершали целый ряд ритуальных действий, направленных, как считалось, на сохранение скота: например, хозяева молились, потом обходили свой скот с хлебом-солью, с

иконой святого Георгия, приговаривая: «Святой Егорий-батюшка, сдаем на руки тебе свою скотину и просим тебя: сохрани ее от зверя лютого!» Затем клали под ворота замок и ключ, чтобы пасть звериная была так крепко заперта, как запирается замок ключом. Выгоняя скотину со двора, приговаривали: «Егории храбрый, прими мою животину на все полное лето и спаси ее!»

Выгон скота начинался одновременно из всех дворов перед обедом. Именно дети гнали веточками вербы коров, овец и свиней, за ними шли хозяин с хозяйкой. Когда стадо собиралось, пастух обходил его трижды, держа на голове ковригу хлеба, а на плече кнут. За пастухом шла здоровая, цветущая молодуха, за нею – староста, тоже с ковригой на голове. Затем все молились.

Пастух собирал все стадо потеснее и перебрасывал через него палку: «Ну, слава Богу, перешвырнул все болезни нашей скотинушки через все стадо». Ну, а после этого мальчишки играли в горелки, бегая вокруг стада, что должно было способствовать хорошему удою. Работать в этот день было нельзя.

За этими днями шли и другие, обставляемые определенными ритуальными действиями, например, «Зажин» – начало жатвы; начало сенокоса и др.

Оценивая в целом значение детского труда в становлении личности, отметим его огромную роль в развитии физических и духовных сил ребенка, а также в подготовке к активной трудовой деятельности. Основная особенность труда крестьянских детей видится в *привязанности* его ко всем видам работ взрослого крестьянина. Именно так, входя в трудовые отношения и обязанности, дети постепенно, шаг за шагом включались в основные сферы жизнедеятельности, проживали еще в детстве основные ее этапы. Они *не готовились* к будущему труду, а *жили им*, занимались значимыми для семьи и общества делами, одновременно овладевая практическими навыками и умениями, выдавая определенный продукт работы. Труд являлся не столько средством воспитания, сколько смыслом жизни человека с раннего возраста.

Традиционные праздники. Большое место в жизни русского населения занимали народные праздники. Они являлись специфическим видом народной культуры, и многие из них уходили своими корнями еще в дохристианские, языческие времена, складываясь, развиваясь в течение веков, сохраняли древние традиции и впитывали новые черты. Большинство празд-

ников и обрядов носило земледельческий характер, это были календарные праздники.

Говоря об особенностях праздников, выделим *две основные их черты*: мировоззренческий аспект и коллективный характер проведения.

Уклад жизни земледельца определялся прежде всего естественной сменой времен года, где главными ориентирами были летний и зимний солнцеворот, весеннее и осеннее равноденствие, а также естественная смена времен года, когда происходили качественные изменения в природе. Переход от одного этапа к другому отмечался календарными праздниками: Святки, Масленица, Семикотроицкие празднества, Иван Купала. Между ними в каждом цикле имелся ряд мелких земледельческих праздников.

Отметим особенности календарных праздников: они были «не просто эмоциональной разрядкой» от трудовых будней, а своеобразным итогом прожитого отрезка времени и одновременно «подготовкой» к следующему. Как «итог», так и «подготовка» осуществлялись через определенные обряды и ритуальные действия... В центре календарных праздников – *«мотивы продолжения человеческого рода, плодородия земли, плодovitости скота, птиц»*⁶.

Украшаясь цветами и листьями, считает А. Ф. Некрылова, земледелец надеялся тем самым помочь обнаженной земле покрыться зеленью; катаясь зимой на санках, а весной раскачиваясь на качелях, он предполагал, что чем дальше прокатится и чем выше раскачается, тем выше поднимется летом лен и гуще взойдут хлеба.

Земледелец считал, что на зиму земля засыпала, а в начале лета была беременна урожаем, страдала (отсюда, возможно, «страда»), рожая хлеб, лен (отсюда «урожай»).

Выпекая печенье в форме домашних животных и съедая его, люди верили, что так будет обеспечен приплод скота. Яйца, зерна символизировали новую жизнь, пробуждение природы, земли. Поэтому обряд поедания яиц в поле перед началом сева или первом выгоне скота, катание яиц с горки призваны были вызвать плодородие земли, обеспечить сохранение скота. Также обряд сжигания чучел (Масленица) символизировал смерть и одновременно возрождение жизни, что постоянно происходило в природе.

Земледелец был уверен, что особой силой воздействия на природу обладает *слово*.

Поэтому мы находим в обрядовых текстах много повелительных обращений: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком!», «Жаворонки, летите, весну-красну принесите!». Соединенное с музыкой и пением, слово приобретало еще большую силу. Отсюда в обрядовых действиях так много песен, музыки, ритмических плясок.

С магией слова были связаны и обрядовые песни; описывая изобилие, довольство, они призывали их в реальную жизнь. В песнях-пожеланиях, величаниях воспевались неправдоподобное благополучие, идеальные семейные отношения. С такими пожеланиями обходили двory колядовщики на Святки, во время Масленицы, первого выгона скота. Выполняющие такой обход выступали не скромными просителями, а коллективом людей, магический обряд которых должен был вызвать желаемое в будущем. Поэтому ватага колядовщиков просила не смиренно и покорно, а требовала угощения.

Земледельческие праздники давали ощущение полного слияния с природой.

Виды праздников. Первыми возникли праздники, связанные с земледельческим календарем славян, – *календарные*, которые начинались в декабре и заканчивались осенью, с завершением уборки урожая.

Затем, с принятием Русью христианства, появились праздники *церковные* (православные, религиозные). В праздничные дни верующие обязаны были посещать церковь для общей молитвы, а по выходе из нее занимались богоугодными делами: молитвой, утешением скорбящих.

С принятием христианства появились и особые праздничные дни, посвященные святым, чудотворным иконам, событиям священной истории. Многие из них совпадали по датам с древнеславянскими календарными праздниками. Так, Пасха слилась с продолжительными празднествами, включающими жертвоприношения и магические обряды, призванными обеспечить обильный урожай и приплод скота. Рождество Христово – с древнеславянским праздником, посвященным зимнему солнцевороту; праздник Ильи-пророка – с культом древнего Перуна; Успение, проводившееся в период завершения жатвы, совпало с древними празднествами по этому поводу и т. п. И не спешили славяне расставаться со своими играми, хороводами, песнями и плясками, ряженьем, играми вокруг костров и т. п., которых не одобряла

Церковь. Хотя Церковь не только обличала, но даже расправлялась физически с участниками «бесовских игрищ», она так и не смогла полностью вытеснить из жизни древние верования, обряды и обычаи.

Молодежные праздники. Особенности *молодежного досуга* состояли в том, что чаще всего гулянья молодежи не были бессмысленным времяпрепровождением, они тесно связывались с трудом, отражая его последовательность в связи с природными циклами. В процессе различных форм проведения досуга шла *передача* от поколения к поколению представлений об окружающем мире, опыта, навыков труда и повседневной жизни, происходило освоение нравственных норм младшими его участниками и развитие их эстетических вкусов.

Рассмотрим на примере наиболее массовых досуговых форм, как шло вписывание молодых в жизнь общества и общественные отношения, освоение детьми и подростками норм поведения в легком, приятном, притягательном для них виде.

Хоровод. Обязательной частью почти всех летних народных праздников являлись хороводы. Они зародились еще в дохристианский период Руси и имели магический смысл: с помощью специальных способов – песен, игр, наполненных особым содержанием, воздействовать на природу. Целью же такого воздействия было стремление вырастить и сохранить урожай. Хоровод – особый ритуал, со своими правилами и запретами для его участников, и представление для тех, кто пришел посмотреть на него. Он проводился в весенне-летний период (зимой были редки), главными его участниками были молодые девушки; девочки начинали входить хоровод с 10–12 лет, примерно с 12–13 лет – парни. Правда, младшие допускались в хоровод чаще как зрители и участвовали не во всех развлечениях, они должны были рано уходить домой. Приходили посмотреть на хоровод и крестьяне старшего поколения, и совсем маленькие дети.

Хороводы в русских деревнях начинали водить с появлением первой весенней травки, с Пасхи могли проводить их непрерывно. «Весна пришла – игра пошла». А местом их проведения чаще всего были деревенская улица, луг за околицей, пригорок над речкой, площадь у церкви.

Хороводы водили по *праздникам* (Пасха, Семик, Иван Купала и др.) и в *будни*, бывали они *днем* или *вечером*, были для *молодых женщин и девушек*. И даже если состав их был сме-

шанным, костяк хоровода составляли девушки; бывали на хороводах и молодые замужние женщины. Возглавляла и направляла хоровод самая бойкая, бедовая и умелая молодая женщина. Она не только вела весь хоровод, но одновременно обучала искусству его проведения и тех, кто шел в хороводе, и тех детей, которые наблюдали за ним.

Часто хоровод проходил с гармошкой и балалайкой, а в более давние времена – с жалейкой, рожками, дудочками, на которых играли парни. Плясуны и плясуньи ценились в хороводе особенно, они имели большой успех у сверстников (замужняя женщина или мужчина не могли плясать среди молодежи). При хороводе проводились коллективные игры, сопровождаемые часто речитативами, в них охотно принимали детей (например, в «редьку»). Эти динамичные игры включали в себя бег и борьбу по определенным правилам, в них ценились подвижность и быстрота реакции.

Хороводы вызывали одобрительное отношение старших. Правда, пожилые грехом считали пляску: «Ежели тихо ходят, не топают, ногами кверху не задирают, то пусть ходят»⁷.

Посиделки, вечерки. В праздники осенне-зимнего периода (капустки, Святки и др.) и в обычные дни проводились посиделки – одна из форм общения молодежи. Собирались на них либо постоянно в одной избе, договорившись с хозяином об условиях предоставления помещения, либо переходили из одной избы в другую поочередно. Девушки начинали ходить на них с 14–15 лет, парни с 16–17. Обычно на посиделках работа соединялась с развлечениями. Но были посиделки только развлекательные или только трудовые (например, во время различных праздников или постов).

Девушки приносили с собой прялки или пяльцы для вышивания, либо шитье, а парни плели лапти, вили веревки и высматривали себе невест.

Посиделки девочек. На дневные посиделки девочки собирались с 8–9 лет, главной здесь была работа – прядение. Приносили с собой лучину, а хозяйке – гостинец (хлеба или кусок пирога). Чтобы скрасить однообразную работу, девочки придумывали игровые приемы: тянет пряжа нитку и говорит: «Я к Степановым пошла, потом – к другим соседям». Сообщая вслух, из какой избы в какую шли, «проходили» всю улицу с одной и другой стороны. «Ты вот так, нитка за ниткой, идешь будто по деревне, а подружка тебя

догоняет, ты поторапливаешься, так время-то и проходит». Скрашивало трудную работу и предстоящее ожидание игр и развлечений. Играли в «клетки» и «уголки», в «лягушки» (подвижные игры). Принимались играть и в куклы. Идет девочка на посиделки: в одной руке прялка, в другой – повозочка с куклами.

Так трудоемкая, утомительная работа среди ровесниц проходила веселее, а ожидание игры придавало ей заманчивость.

Игры. Народные игры – традиционное средство педагогики. Испокон веку в них отражались образ жизни людей, их быт, труд, национальные обычаи, представления о чести, смелости, мужестве, желание обладать силой, ловкостью, выносливостью, быстротой и красотой движений, проявлять смекалку, выдержку, находчивость, волю и стремление к победе. Русские народные игры передавали из поколения в поколение национальные особенности обычаев, своеобразие языка, форму и содержание разговорных текстов.

Главным занятием малыша до шести-семи лет была игра, она заполняла всю его жизнь, была основной формой его бытия, и через нее реализовывались задачи физического и психического развития. Через игру дети обучались бегу, прыжкам, тренировали память, внимание, приобретали навыки общения со сверстниками и взрослыми. Играя, как отмечает И. И. Шангина, они получали информацию о мире, в котором жили.

Игры были не только развлечением и забавой. В них с малых лет дети сначала путем подражания привыкали к тем обязанностям и ремеслам, которыми они будут заниматься, став взрослыми. Родители считали важным стимулировать у ребенка желание помочь взрослым выполнить какую-либо работу или выполнить ее самостоятельно. В деревне родители уже с малышом двух-четырёх лет как бы играли «в труд». Например, отец находил обрывок какой-нибудь веревки, на конце ее делал петлю и велел своему сыну ставить эту ловушку где-нибудь в огороде. Тот привязывал ее к палке или к жерди и приходил в избу и ждал, не попадет ли кто-либо в его петлю. Мать или кто из домашних брали добытую накануне отцом утку, сажали ее в петлю ребенка и потом напоминали малышу, что уже время посмотреть ловушку. Ребенок бежал в огород и возвращался оттуда с уткой и ловушкой, показывал всем свою добычу. Взрослые хвалили малыша, называли «промышленником».

Видя, что дочка играет в куклы, мать напоминала ей, чтобы она не забыла сварить для кукол обед, а то они останутся голодными. В этих играх с ребенком родители проявляли уважительное отношение к его «труду», а не желание посмеяться над несмышленишкой, подшутить над ним. Такая игра, умело стимулируемая взрослыми, исподволь подготавливала детей к настоящей деятельности⁸.

Сюжетно-ролевые игры. В игре со сверстниками ребенок получал возможность подготовиться к жизни. Дети увлеченно изображали трудовую жизнь крестьян, их повседневные заботы и радости. Так, например, в свободное от домашних дел время собирались соседские ребята, искали укромное местечко и там строили шалаш из прутьев. Покрывали его соломой или травой и устраивали в нем все так, как в настоящей избе: ставили горницу, сени, хлевы, сарай. Потом начиналась игра: «мужчины» уходили за дровами, пахать, косить, а «женщины» оставались дома стряпать, прясть пряжу, ткать холсты, нянчить детей.

Часто в играх участвовали куклы, и в кукольных забавах проигрывались почти все праздничные деревенские обряды.

Подвижные игры. Игра едва ли не самое древнее средство физического воспитания детей. Она всегда связана с радостными эмоциями и поэтому помогает маленькому человеку освоить важные жизненные функции легко и быстро.

В старину особенно много было игр с оттенком языческого культа. Например, коляды и игры в честь Ярила и др. В игровой ситуации дети приучались регулировать степень внимания, физические нагрузки, приспособляться к изменяющимся условиям окружающей среды, находить выход из критического положения, быстро принимать решение и приводить его в исполнение, проявлять инициативу, помогать товарищам.

Знакомясь в играх с природой, ребенок невольно изучал и ее особенности, начиная с минералов и кончая животными. Дети часто играли в животных. Эти игры полезны тем, что дети узнавали массу новых названий животных, их привычки, повадки. Примером может служить игра в «кошки-мышки».

Здесь главным является ловкость, с которой кошка ловит мышку, а также симпатия, с которой дети помогают спастись мышке от врага. Дети ощущают коварство и хищность животных.

С помощью игры ребенок учился определять расстояния (тренировал глазомер), развивал свои чувства. Он приучался к образности, простоте, быстроте речи. В играх дети учились сочетать свое поведение с поведением других.

В русских народных играх было много юмора, шуток, соревновательного задора. Точные и выразительные движения часто сопровождались неожиданными веселыми моментами, интересными и любимыми детьми считалками, жеребьевками, потешками.

Воспитание детей и подростков заключалось в передаче им трудовых, практических знаний и навыков и в приобщении к духовному миру взрослых. Ребенок усваивал основные понятия и ценности человеческой жизни: нужно любить землю своих предков, уважительно и заботливо относиться к родителям, старым и немощным людям, к маленьким детям, быть милосердным к несчастным и обиженным, помнить о своей чести.

С самого раннего возраста детям прививалась любовь к Родине, к родительскому дому, родной деревне с ее лугами, полями, лесами, соседним селам и деревням, связанным друг с другом родственными узами.

Таким образом, на протяжении веков под влиянием многих факторов вырабатывались народные традиции воспитания и формировались национальные черты характера людей.

Примечания

¹ Бердяев, Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 93–94.

² См.: Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

³ Громько, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

⁴ См.: Русские / отв. ред. В. А. Александров, М. В. Власов, Н. С. Полищук. М., 1997. С. 632.

⁵ Круглый год : Русский земледельческий календарь / сост. А. Ф. Некрылова. М., 1989. С. 171.

⁶ Русские. С. 616.

⁷ Громько, М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 400.

⁸ См.: Миненко, Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. М., 1991.

Т. В. Любчанская

ОБРАЗ ПРОФЕССИОНАЛА В ЭКСПЕДИЦИОННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЧЕЛЯБИНСКИХ АРХЕОЛОГОВ

В статье сделана попытка выделить неформальный дискурс археологического сообщества, отраженный в экспедиционном фольклоре челябинских археологов и направленный на формирование образа профессионала.

Ключевые слова: археологический фольклор, образ археолога-профессионала.

Изучение научных археологических сообществ неизбежно подводит исследователя к необходимости рассмотрения профессиональной субкультуры. Специфика организации археологии как науки создает особый микроклимат коллективов, формирует своеобразный стиль поведения и общения внутри сообществ. Все это позволяет рассматривать отдельные корпорации с точки зрения теории субкультур¹, что дает возможность отметить и внутренние ценности сообщества, и социокультурные связи в коллективе и за его пределами. В данной статье мы попытаемся выделить неформальный дискурс археологического сообщества, отраженный в экспедиционном фольклоре челябинских археологов и направленный на формирование образа профессионала.

Фактически все уральские школы археологии можно отнести к научно-образовательным школам (по классификации М. Г. Ярошевского²). Связано это с двумя моментами: во-первых, формирование археологических коллективов на Урале во второй половине XX в. шло в условиях малочисленности местных археологов при наличии огромных неисследованных территорий, и функция подготовки профессиональных кадров становилась наиболее важной; во-вторых, археологические коллективы первоначально складывались в уральских вузах, что также определяло их образовательную направленность.

Кроме того, мною уже отмечалось, что по характеру внутренней организации в уральской археологии научные школы коммуникативного типа доминируют над лидерскими³. На наш взгляд, различие этих школ не только или не столько в наличии или отсутствии ярко выраженного лидера, но в способе приобщения к профессии. В лидерской школе руководитель определяет не только тему, направление исследования, но и в целом знаниево-

умениевый комплекс будущего специалиста – т. е. прежде всего «делает» профессионала, и уже наличие профессионализма открывает последнему возможность приобщиться к сообществу, к системе ценностей коллектива. В школах коммуникативного типа процесс идет от обратного: сначала неопит принимает ценностную ориентацию корпорации, становиться частью этой корпорации и уже тогда ему как «своему» сообществу открывают секреты профессии.

Таким образом, можно сказать, что для всех уральских археологических сообществ приоритетной является передача из поколения в поколение элементов субкультуры, формирование через них комплиментарного образа профессии. Необходимым элементом корпоративной субкультуры является профессиональный фольклор, так как создается коллективом, ощущающим потребность в «неофициальном» самовыражении⁴. Именно он передается из поколения в поколение как отражение ценностных ориентировок сообщества.

В данной статье рассматривается экспедиционный фольклор челябинских археологов, поскольку именно он, на наш взгляд, наиболее полно отражает специфику профессии археолога. В корпоративной среде достаточно прочно существует мнение о том, что археологов нужно разделять на «полевиков» и «теоретиков». Однако автору не удалось увидеть вочию «чистых» теоретиков, более того, в уральском археологическом сообществе существует убеждение, что археолог – не полевик – «не совсем археолог», «неправильный археолог» или даже «совсем не археолог». На наш взгляд, действительно возможно некое деление внутри сообщества, например, на «производственников» (тех, кто занимается непосредственно полевой и камеральной работой, не стремясь к научной интерпретации

материала) и «ученых» (соответственно, тех, кто воспринимает полевую работу как этап первичного накопления знания, собирания источниковой базы для дальнейшего исследования).

Под экспедиционным фольклором понимается область неформального дискурса – совокупность текстов, актуальных в контексте экспедиции и обладающих качествами стереотипности (повторяемости на уровне жанра, сюжета, мотивов, речевых формул и лексических маркеров), традиционности (т. е. воспроизводимости стереотипов во времени), бытующих в профессиональной среде и имеющих в ней статус фольклора (или его жанровых форм: баек, анекдотов и т. п.)⁵.

Основу материала исследования составил архив автора. Это нарративы (байки, рассказы о случаях); стихотворные тексты; экспедиционные песни (собрание челябинских экспедиций). Большинство из них записывались в ситуации «включенного наблюдения» на протяжении достаточно длительного периода с 1980 по 2008 г. в Урало-Казахстанской археологической экспедиции (ЧелГУ), экспедиции Челябинского государственного пединститута, экспедиции специализированного Центра «Аркаим». Всего использовано более 100 текстов. Отдельный пласт источников составила мемуарная и публицистическая литература, а также творчество археологов.

На основе этого материала сделана попытка рассмотреть, каким представляется образ профессионала внутри корпорации челябинских археологов. Здесь становятся важными представления о нормах отношений, моделях поведения во время полевых исследований, социальные позиции и роли участников экспедиции.

Сюжетная основа экспедиционного текста – это «путешествие за Знанием». Процесс «осюжетивания» можно схематично представить следующим образом: от неделимого жизненного континуума (1) к выделению и отбору событий – фабула (2), связыванию и экзегезе событий – сюжет (3), наконец, к материализации в конкретно нарративной форме (4)⁶.

В широкой теме «поля» можно выделить наиболее распространенные экспедиционные события (событием называется любое нарушение нормального течения жизни):

- природные катаклизмы;
- трудности работы;

- бытовые трудности полевой жизни;
- питейные практики;
- болезни, эпидемии, несчастные случаи;
- сексуальные и любовные похождения;
- столкновения с местными жителями.

Таким образом, событийный ряд археологического фольклора – это лишения, беды, неприятности, трудности, встречающиеся археологу в экспедиции и требующие героического преодоления. В целом экспедиция воспринимается как испытание, раскрывающее истинную сущность человека. «Мы не просто, не просто романтики, / Мы истории волонтеры». Определение «наш – не наш» часто можно трактовать как – подходит человек для поля или нет, а сами экспедиции рассматривать как вид профессиональной инициации.

Для того, чтобы принять человека в сообщество, необходимо оценить его возможности исповедовать подлинные ценности коллектива, увидеть обладает ли неопит качествами, которые обязательны должны быть присущи археологу. Археологический фольклор фиксирует «истинные» ценности полевой жизни, собственно то, что должно приниматься членом коллектива:

– **самоотверженный труд на благо сохранения памяти, прошлого, истории** («Здесь вам раскоп, / А не в парке гулянье. / Так оставьте все ваши желанья / Опрокинуть стаканчик-другой / В пивной»; «Пусть я погиб под Кулевчами, / Пускай костями на бровку пал, / Пускай мой труп вперед ногами / В молчанье вынесут в отвал... / Да только пожили б века»; «Мы не золото едем искать, / Расчищая эпохи руками, / Нам бы только найти и понять, / Что так скупо хранилось веками»);

– **«джентельменство», «рыцарство»** (многочисленные рассказы о запретах со стороны мужчин носить тяжелые носилки слабой половине; разведочные рассказы о том, как мужчины несли по два рюкзака; как переносили на руках женщины через реки и т. п.);

– **бескорыстие** (настоящий материал приходит к археологу, только тогда, когда уходит насущная потребность в этом материале – после защиты диссертации или отказа от темы);

– **проявление волевых качеств** (Например: «Конечно, ребята уставали, но никогда не просили поблажек. Девчонки были более выносливыми, а может просто более терпеливыми. Много лет спустя, Лена

Татаринцева вспоминала о том, как на перекурах не могла распрямить ладошки. И после перекура просто вставляла черенок лопаты в отверстия рук... Запомнился на Ильинке Володя Потапов: стоит с лопатой у бровки и уныло ее долбит, без результата, просто так – на другое сил нет»⁷);

– **способность прийти на помощь** (Гаяз проколол консервным ножом вену. И тихо так говорит: Я вену проколол. Мужики тоже, не паникуя, молча, встали. Таиров записал на бумажке время. Стал жгут накладывать. Стас Григорьев кроссовки надел, побежал Катангу в баню, туда Стас Кудрин на машине уехал...);

– **остроумие** (Аркаимский лагерь, наверно, в метрах 100 от нас находился. Там начальником был Витя Красуский. И должен был шеф подъехать. Вот Витя к нам приходит. Мы ему говорим: «Ну, что, Витя, приготовил лагерь к приезду шефа?» А он: «Да не совсем, туалеты хлоркой посыпали, чеснок купили. Теперь учу детей кричать: Надоело это сало!»);

– **толерантность** (На Аксаке было много всего интересного. Нас было немного, начальником был Костя Бабенков. Помню, что мы долго обсуждали этнический состав отряда, причем кажется, как раз тогда, когда Рыбалко уехал. Там, как-то так получилось, что люди были ну совсем разные: и по национальному составу – три татарина – Гаяз, Шамиль и Валерка Мухамадеев; украинцы-казаки – Рыбалко, Славик Евсеев, Мацьина (еще Рыбалко Костю Бабенкова все в хохлы записывал – объяснял ему, что буква «в» в конце фамилии у него явно случайно появилась); немка – Ирка Гехт; Танька Епимахова все говорила, что она полька; Кутепов – что он русский князь. Ну и по социальному происхождению тоже разница чувствовалась. Но жили как-то очень дружно, хотя тема национальной принадлежности все время в ходу была – все друг другу объясняли какие национальные черты они ценят);

– **романтизм и авантюризм** (Костя Коваленко мне говорил, что в разведку надо ходить только в одиночку. Есть время подумать о душе, о жизни. Правда, и сложности есть: так, уйдешь в разведку где-нибудь в мае, случись с тобой что – только в ноябре хватятся.);

– **«чутье», «нюх»** (...как мы ни напрягли зрение, на поверхности не удалось проследить

ни единого бугорка – оплывшего кургана. Первые рекогносцировочные траншеи пришлось закладывать наугад. Эта попытка не привела к успеху... Мы разошлись по обширной площадке, и каждый испытывал свою судьбу, закладывая новые и новые шурфы и траншеи. Я обратил внимание на Руслана Галиулина, который в отличие от всех не спешил начинать раскоп... То ли он что-то просчитывал, то ли слушал голос крови, но вдруг, резко остановившись, воткнул штык лопаты и поднял прицельную планку буссоли... Лишь только из его траншеи был выброшен пахотный слой, в грунте показалось круглое дно крупного горшка. Руслан победно поднял сияющее лицо и вполне по-деловому заметил: «Что и требовалось доказать»⁸);

– **удачливость** (фактически в каждой экспедиции есть «удачники» и «неудачники»; «золотые мальчики» – если они в отряде, обязательно будет золото).

Интересно, что сюжетов, отражающих профессионализм, в фольклоре археологов крайне мало, они скорее работают на антитезе, т. е. чаще высмеивается непрофессионализм, чем восхваляются профессиональные качества. В качестве «показательного непрофессионала» обычно выступает либо студент, либо человек с периферии сообщества: «Помню, как-то уехали в разведку, оставили Робоша яму вскрывать. Приезжаем, а у него все на бровке кучками разложено: отдельно кости, отдельно бронза... – Витя, это что? – Начальник, ты не ругайся, я точно помню, что где лежало. И начал все на вычищенной площадке раскладывать».

Как показывает анализ ценностей, наиболее часто встречающихся в экспедиционных текстах, фольклор отражает рефлексию археолога, не столько как специалиста по изучению древностей, сколько «настоящего мужика». В основном, качества, присущие настоящему полевику, – это качества, традиционно приписываемые романтическому мужскому образу. Хотя есть цикл в экспедиционном фольклоре, который можно охарактеризовать как отношения «профессионал – объект». Эти отношения нашли отражение в ритуалах, стереотипах поведения, суевериях, приметах. (Например, нельзя заранее готовить коробки под находки – это плохая примета – не будет материала. Выход на могильную яму обязательно сопровождается каким-либо катклизмом, чаще всего, природным). В какой-

то степени с этими представлениями связаны и мифические персонажи, схожие с Черным Альпинистом и Белым Спелеологом в туристской демонологии. Чаще всего, это Белый человек, Белая Женщина, Сарматская Бабушка. Так же как и у туристов, от них можно ожидать как помощи, так и причинения смертельного вреда. У казахстанских археологов в качестве «хтонического» персонажа в байках и рассказах фигурирует Ботайская Собака. Суть всех страшилок сводится к потревоженному духу умерших, которые могут наказать археологов. К той же серии относятся и рассказы о скоропостижных и непонятных кончинах археологов. Справедливости ради, надо отметить, что эти рассказы в челябинских экспедициях мало распространены, большинство археологов только слышали, что они существуют.

Для археологов крайне важно осознавать тот факт, что их работа трудна и опасна. Героизм присутствует в экспедиции ежедневно – «в жизни всегда есть место подвигу». Причем в рассказах об этих трудностях – демонстративное равнодушие: *Ураган. Березу срезало, так, что она в старый сортир мужской попала. – И что вы делали? – Что делали? Лагерь спасли. – Как спасали? – Да как... Выгнали всех в чисто поле, приказали всем лечь. Вот и все, через полчаса ураган закончился. – Ничего героического. – Ничего. – Только Ванька Ульянов в палатке сидел, держал ее, ему обидно было, если восемь налитых стопок пропадут. Тут был героизм – он же водку спасал.*

Героическое иногда создается в самых обычных житейских ситуациях: *Да, а еще же был героический момент. То есть, когда ты дежурил, тебе выдавали три морковки и одну луковицу. И вот ты втихаря крадешься в погреб, тыришь еще пару морковок и луковицу. Втихаря же режешь, и добавляешь в подлив, и вроде ничего такого, а вкус-то уже совсем другой. И ты уже суперповар, ты – герой. И ты вечером всем, опять же втихаря, рассказываешь, как ты достиг такого выдающегося результата. Причем заметь, никто и никогда не запрещал брать эту лишнюю морковку и лишнюю луковицу, но просто взять – это ж... ну, не подвиг же.*

В добывании знаний археологу постоянно кто-то мешает, его Высшая Миссия – спасение прошлого от рук современных вандалов, разного рода невежд, иногда от бездуховных чиновников, иногда от самих себя. Археологи

всерьез приравнивают свою профессию к тем, в которых ошибка исключена: *«...так как, исследуя памятник, археолог, извлекая из него артефакты и информацию, неизбежно уничтожает его. Следовательно, вместе с этим либо уничтожается (если исследование произведено некачественно), либо сохраняется овеЩественная память многих людей, живших когда-то и оставивших свою память»*⁹. Т. е. ошибка археолога приводит к повторной смерти ушедших поколений. Отсюда постоянная метафора боя, войны; экспедиция представляется как боевой отряд; а ежедневный труд – как подвиг – не подвиг, но что-то героическое. И даже в костюме археологов ясно прослеживается «стиль милитари» (могут происходить различные изменения в «моде» археологов – «треники» сменяются дранными джинсами; х/б платки – банданами; но военные элементы остаются всегда: гимнастерки, бушлаты, берцы, камуфляж, солдатские ремни и т. п.).

Если рассматривать субкультуру как формирование новой идентичности, то у челябинских археологов, безусловно, присутствует героическая самоидентификация. С ней же, вероятно, связан и подбор бардовских песен, обыгрывающих романтический мужской образ, и военных песен, поющих в экспедициях.

Такая самоидентификация неизбежно приводит к разведению гендерных конструктов. Пол персонажей в рассказах об экспедиции указан в нашей источниковой базе в 110 случаях: в 70 (63,6 %) текстах фигурируют мужчины, в 4 (3,6 %) – женщины. В 18 (16,3 %) случаях – совместное упоминание о женщинах и мужчинах. Прямые указания на статус начальника мужчины встречаются 25 раз (22,7 %), женщины – 3 (2,7 %). Таким образом, можно сказать, что главный герой в фольклоре челябинских археологов – мужчина. При общем количественном раскладе уже не обязательно указывать на пол начальника, он как бы сам собой подразумевается. Более того, рассказы о женщинах-начальниках, скорее подчеркивают исключительность, неординарность ситуации (рассказчики и сами удивляются, что это вообще возможно). Такая же картина складывается и при анализе песенных текстов, персонифицированных с конкретными участниками экспедиций. Здесь также чаще присутствуют имена мужчин (...и пускай гадает Мосин шельль или ашель; не пу-

скайте Русика во палеолит; получил по морде Серый Кормишаев; опять ты, Степа, зарядил про свое и др.). Среди «женских» персонажей только два: «жена лейтенант Петрова», «И не слышать уж Надежды Оттовны опять»; причем в первом случае – сам текст посвящен мужчине, и женский образ скорее должен подчеркнуть маскулинность главного героя; второе имя упомянуто в «сборной солянке» среди мужских персонажей. Не удивительно, что сегодня среди полусотни действующих челябинских археологов женщин менее 10 человек; среди 20 археологов, имеющих ученые степени, 3 женщины; среди шести докторов наук женщин нет вообще.

В целом образ археолога-полевика, представленный в экспедиционном фольклоре, характеризуется следующими чертами: это мужчина, в возрасте до 50 лет, сильный, надежный, настоящий друг, умеющий преодолевать препятствия, как ежедневные бытовые, так и катастрофические; не теряющий головы и чувства юмора в самых сложных ситуациях; обладает знаниями в различных науках; любит и умеет выпить; пользуется успехом у женщин; обладает различными талантами (хорошо рисует, поет, сочиняет стихи, играет на музыкальных инструментах и т. п.); либерален и демократичен. Во внешнем облике обязательными атрибутами являются усы и борода, длинные волосы (или на контрасте – голова должна быть полностью выбрита); в одежде – элементы военной формы.

Таким образом, фольклор челябинских экспедиций создает образ профессионала, привлекательный для романтически настроенной молодежи. С этой точки зрения он полностью выполняет свою основную функцию привлечения неофитов в профессию.

Примечания

¹ См.: Каган, М. С. *Философия культуры*. СПб., 1996.

² См.: Петровский, А. В. *Основы теоретической психологии* / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 116.

³ См., например: Любчанская, Т. В. *Научные школы в уральской археологии // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья : сб. науч. ст. по материалам междунар. конф. Т. 1. Проблемы археологии и этнографии. Чебоксары : Чуваши ГПУ им. И. Я. Яковлева, 2006. С. 131–132.*

⁴ См.: Гусев, В. Е. *Фольклор как универсальный тип субкультуры // В диапазоне гуманитарного знания : сб. к 80-летию профессора М. С. Кагана. Сер. «Мыслители». Вып. 4. СПб. : Санкт-Петерб. филос. об-во, 2001.*

⁵ См.: Щепанская, Т. Б. *Мужские персонажи в экспедиционном фольклоре // Гендерные исследования в контексте социологического образования. СПб. : Скифия, 2005. С. 195–205.*

⁶ См.: Веселова, И. С. *Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. URL : // http://www.ruthenia.ru/folklore.*

⁷ Зданович, С. Я. *Петропавловское начало // Время. Степь. Дороги. Челябинск : ООО «Жираф», 2007. С. 9.*

⁸ Боталов, С. Г. *Призраки Граултры (башкиры) // Боталов С. Г. Номады. Челябинск : Рифей, 2000. С. 105–106.*

⁹ Боталов, С. Г. *В поисках себя // Степные дороги : традиционное мировосприятие коренного населения полевых лагерей Урало-Казахстанской археологической экспедиции за последние 40 лет. Челябинск, 2007. С. 103.*

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

В. Д. Пузанов

РОЛЬ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ В КОЛОНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

В статье изучается роль военной политики Русского государства в процессе колонизации Западной Сибири. Главным соперником России на Востоке были могущественные кочевые племена. Еще в эпоху Киевской Руси возникли основные методы борьбы с кочевниками, которые позднее были использованы и в Сибири. Главную роль в Сибири в XVII в. играли служилые люди, которые находились в городах. Русские военные центры-города имели важное значение в защите уездов Сибири от кочевников.

Ключевые слова: Кочевники, город, военная колонизация, служилые люди, казахи, ойраты, уезд, стрельцы, дети боярские.

В истории Евразии можно выделить несколько глубоких переворотов, которые изменили политическую и этническую карту, наполнили последующее время своим политическим, этническим, культурным и социальным содержанием.

Завоевания монголов и создание всемирной империи монголов захватили большую часть известного окультуренного мира. Распад империи монголов в XIV в. под ударом национальных движений Китая, Западной и Средней Азии, России породил серию ожесточенных конфликтов между победившими национальными движениями, и традиционными центрами власти монгольского мира и вышедшими из под их контроля периферийными группами кочевников, часть которых стала ядром образования народов, сыгравших значительную роль в будущей истории.

В XV–XVI вв. кочевой мир постепенно преодолевал глубокий кризис распада империи монголов. Узбеки Абулхайра и Шейбани восстановили контроль над Средней Азией, казалось навсегда потерянной для монгольского мира. Калмыки освободились от подчинения монгольским центрам, и в конце XVI–XVII вв. начали ожесточенную борьбу друг с другом. Борьбу, победитель которой должен был стать новым объединителем кочевого мира евразийской степи и фактическим повелителем земледельческих центров по ее окраинам. Общее ощущение наката новой волны варварства дополняло победоносное шествие манжур в Китае. Однако мир окраины евразийской степи претерпевал глубокую трансформацию. Европейская тактика полевого применения огнестрельного оружия, после первых не очень

удачных экспериментов под р. Ворсклой и Грюнвальдом, позволила, наконец, противостоять крупным конным массам в бою.

Борьба калмыков с казахами затянулась на весь XVII в. и ее исход стал более-менее понятен только к 80–90-м гг. XVII столетия. Когда в 20-е гг. XVIII в. калмыкам удалось окончательно разгромить военные силы казахов, подчинить Старший жуз, а Малый и Средний изгнать к Уралу, то в это время кочевому миру в Азии противостояли преодолевшие потрясение XVII в. сильный Китай, и относительно устойчивая русская Сибирь¹.

Главной проблемой для калмыков оставался слишком большой, даже для кочевого общества, разлад среди знати. Его результатом на фоне демографического роста стала откочевка части калмыков – прежде всего группы торгоутов во главе с Урлюком на запад к Волге, и вытеснением оттуда ногаев. После разгрома Урлюка в 1643 г. народами северного Кавказа и ряда поражений, нанесенные русскими отрядами эта группа ойратов была вынуждена стать младшим партнером русского государства, заплатив военной поддержкой России в борьбе против ее главного соперника – Крымского ханства, а так же поднимавших восстание башкир и донских казаков за право жить на территории Нижнего Поволжья. В середине XVIII в. войска Китая воспользовавшись борьбой среди ойратской знати разгромили Джунгарию, и провели геноцид среди ойратского населения. В результате Джунгария навсегда перестала быть соперником двух великих держав Азии – Китая и русского государства. Однако старые соперники ойратов, казахи не смогли восполь-

зоваться этим разгромом для своего подъема и образования нового могущественного кочевого государства². Удары, которые нанесли по казахам ойраты в конце XVII – первой трети XVIII вв. оказались слишком сильны, а потери казахов, которые потеряли в этот период контроль над городами Средней Азии и превратились в народ беглецов, слишком велики. Глубокие изменения в военном деле начатые европейской и военной революцией XVI в., что военная мощь земледельческих государств резко увеличилась. Теперь кочевники, которые на протяжении двух тысячелетий были наиболее мощной военной силой Евразии, утратили свое военное превосходство, и политическое могущество, побежденное новыми централизованными империями. Этот глубокий переворот в политической истории Евразии завершился в XVIII в. тремя катастрофами крупнейших кочевых народов. Ойраты разгромили казахов в 20-е гг. XVIII в. В 1735–1741 гг. башкиры были разгромлены в ходе крупнейшего восстания против русского государства, а территория Башкирии, которая до этого времени была фактически независимым, за исключением нескольких районов, где стояли русские города, теперь попала под полный контроль Российской империи. В середине XVIII в. Китай разгромил ойратов, а казахские роды были вынуждены принять в подчинение более могущественные государства региона Российской империи и Китая. На юге русской Сибири на протяжении всего периода с XVII–XVIII вв. – последней эпохи, когда кочевые народы могли еще оказывать глубокое политическое влияние на соседнее государство шли интенсивные контакты между русскими и кочевым миром³.

Главной политической проблемой Руси было соседство с кочевыми народами. Приходившие в Европу волна за волной они нападали, уводили в рабство, стремились подчинить племена Восточно-Европейской равнины. Прирожденные воины, кочевники были очень серьезным соперником оседлых обществ⁴.

В эпоху Киевской Руси основной формой защиты земледельцев от кочевников стал город – славянская форма крепости, которая позволяла укрыть ближайшие населенные территории Руси были построены сотни таких городов. На юге, где опасность была особенно велика, постепенно сложилась целая система городов в важнейших пунктах на определенном расстоянии друг от друга, ко-

торые при князе Владимире были связаны системой непрерывных укреплений.

Кроме дружины, русские князья опирались здесь на поселения на юге групп кочевников, которые были изгнаны с поля более сильные конкурентами – их было более сотни тысяч человек. Однако все эти меры не могли вернуть славянам потерянные в X в. земли. В это время только удалось задержать и остановить наступления кочевников на лесные районы.

Характерно, что даже блестящие победы Владимира Мономаха, которые изгнали половцев от Руси, не принесли возвращения старых земель и даже не вернули потерянного Приазовья. Позднее после изгнания детей Мономаха из Киева и возобновления борьбы на Руси, кочевой мир смог восстановить свои силы и вернуть равновесие.

В XIII в. и русские земли и половцы были завоеваны монголами, которые пришли в Европу не изгнанные более сильными соперниками, а для решающих завоеваний. В XV в. Орда ослабла и распалась на ряд кочевых государств. Русь в это время смогла объединиться и положить конец владычеству кочевников. Военные силы Руси изменились. В ходе монгольской власти давний процесс влияния военного искусства кочевников на русскую конницу дошел до своей высшей точки. По сведениям европейцев, приезжавших в это время в Московское государство вообще было очень трудно отличить русскую конницу от кочевой, как по внешнему виду, так и по тактике. В ходе реформ XV–XVI вв. 75 000 дворянская конница стала основной силой русской армии.

Город из главного средства обороны стал средством наступления на поле. Очень рано эта новая роль города показала себя в боях за Рязанский край.

Переломом стала борьба за Казанское ханство. Несколько крупных походов русских в Поволжье не принесли победы, пока не был построен в центре Казанского ханства русский город Свияжск, быстро собранный из готовых сплавленных блоков. В результате этим одним русское правительство добилося больше, чем многолетними войнами. Казанские земли были разделены на две части, одна из них признавала русскую власть, а другая вернулась к протекторату и приняла русского ставленника. Через год Свияжск стал центром и военной базой последнего наступления на Казань, после которого Казанское

ханство перестало существовать, и Россия добилась первой крупной победы в борьбе с кочевыми государствами. Позднее опыт был использован на юге, где с конца XVI в. массовые строительства городов и острогов, позволило за столетие постепенно отвоевать у кочевников поле. Важной особенностью в этом наступлении на кочевой мир стала опора на речные коммуникации.

Поле все еще находилось во власти кочевой конницы, более многочисленной и опасной. Зато реки стали путями русского наступления на юг. Там уже в 1556 г. русскому отряду удалось утвердиться в Астрахани и подчинить себе Нижнем Поволжье. Затем на р. Волге строятся русские города, которые окончательно подчиняют ее бассейн русской власти. Главной линией связи между этими крепостями остаются р. Волга, которая для Руси стала ключом к южным землям.

В городах стояли отряды конницы и пехоты, вооруженные пищальями. Главным образом наиболее важными новациями в русском военном искусстве в XVI в. стали три элемента, которые позволили Руси перейти в контр наступление на поле.

Опора на реки, ставшие главными коммуникациями русского наступления строительство на реках городов с артиллерией, которые сделали их почти не доступными для кочевников. Города позволяли контролировать территорию между реками. Этот контроль проводился мобильными конными, тактика и вооружение, которых были заимствованы у кочевого мира. Русская конница уступала своим кочевым учителям и была бы разбита ими, но она базировалась в городах, недоступных для кочевников, снабжение, которых проходило в обход полей, по рекам.

Кочевники могли разбить конные отряды, осадить города, победить все эти элементы по отдельности, но не в их совокупности. Эта система и позволила Руси одержать победу над кочевым миром в XVI–XVII вв. Использование рек в качестве главного средства коммуникации было известно еще во время Киевской Руси.

В X–XI вв. состоялись ряд крупных русских походов в Поволжье, Каспийское море и богатые города Кавказа, самыми известными из них стали походы Святослава, разгромившие Хазарию. Однако даже в этом наиболее удачном походе русские не смогли надолго закрепиться на Волге. Победой Святослава воспользовались в первую очередь печене-

ги, которые из союзников Святослава быстро стали самым опасным соперником Руси в последней трети X – начале XI вв.

В XIV в. в русских городах появляется артиллерия, которая резко усилила возможность сопротивления кочевникам. Кроме того, Надо отметить, большое искусство русских правителей. Русь тонко использовала борьбу кочевых народов между собой. Кочевники никогда не воспринимались как безликая масса. Русские великие князья и цари умели находить общий язык с кочевой знатью, которая принималась как равная в элиту Русского государства XV–XVII вв.

После завоевания Сибири русская военная политика опиралась на все эти три элемента уже опробованные на Восточно – Европейской равнине.

Русская колонизация Сибири в XVI–XVII в. шла с неизменным успехом до тех пор, пока русские могли полностью контролировать речные коммуникации.

К приходу в Сибири русских, они к XVI в. имели длительные контакты с народами Сибири, которые заключались главным образом в торговле и в попытках поставить часть родов в отношения зависимости для получения дорогих сибирских товаров экономическими средствами, а если возможно и политическими. Традиции подобных отношений были заложены новгородской республикой, где отношениями с народами востока занимались главным образом частные лица, представители знати и купечества, которые могли собирать крупные отряды для экспедиций на север.

Позднее конкурентом Новгорода в продвижении на восток стала Москва, которая после подчинения республики в 1471 г. организует две крупные военных экспедиции для подчинения севера Западной Сибири. Традиции Новгородской политики наследовали русские поморы в XVI–XVII вв., однако их возможности на севере Сибири без помощи государства были малы.

Московская военная колонизация XV в. имела ряд успехов, однако они не были значительными и длительными. Роды севера Западной Сибири были вынуждены платить дань под угрозой военных экспедиций из Московского государства. Но еще большей была их зависимость от тюрков, живущих на р. Тобол и р. Иртыш, которые находились гораздо ближе, чем Русское государство. Таким образом, подлинная власть над северной Сибирью достигалась только при условии

присоединения центральной части Западной Сибири.

Власть над этой частью Сибири могла быть получена Русским государством только при условии подчинения всего Поволжья. Частичный контроль (протекторат) над Казанским ханством с 1487 г. этой власти не давал.

В 1552–1556 гг. Русскому государству удалось решить эту задачу, после подчинения центров Казани и Астрахани все Поволжье оказалось под русским контролем к 80-м гг. XVI в. После этого разгром Сибирского царства оказался довольно легким делом, неожиданно для царского правительства. Однако победа над Сибирским ханством поставила русскую власть перед новыми проблемами. Разгром Кучума не привел к подчинению всего сибирского царства. В Сибири началась война между группами знати и родами, в которой участвовали русские, Кучум и старая династия, свергнутая Кучумом. Эта борьба проходила при активном участии народов поля – ногаев и ойратов.

Они поддерживали Кучума, а затем после ослабления его сил, стали преследовать собственные цели – эти кочевые этносы интересовали южные земли Сибирского царства с местным тюркским населением.

В 50-е гг. XVI в. России удалось сломить мощь двух волжских татарских ханств, после чего ее экспансия в восточном направлении фактически не встречая серьезного сопротивления продолжалась в течение столетия, пока не натолкнулась на естественную границу – Тихий океан.

Необходимо отметить, что это продвижение могло быть успешным только при условии соблюдения русскими второй естественной границы Сибири – менее заметной, но оттого совсем не менее определенной – азиатской половины Великой степи. Эта Великая степь, до XVI в., играла роль сердцевины политической жизни Евразии, движения, откуда сметали государства периферии материка и образовывали на их развалинах непрочные кочевые империи.

В первые десятилетия XVII в. ойраты отбросили далеко на запад своих главных соперников в борьбе за южные земли – ногаев – и стали единственными крупными соседями русских от р. Иртыша до р. Волги. В результате всех этих бурных политических событий русская колонизация Сибири приняла военный характер⁵. Крестьянская колонизация в это время не могла иметь в Сибири

значительного размера. Земли пригодные для хозяйства были нужны и кочевникам, у которых в это время имелось больше военных возможностей их удержать. Количество удобной земли в Сибири было малым.

В XVII в. край был удержан в составе России военными силами. Как справедливо показал Н. И. Никитин, служилые люди являлись преобладающей группой русского населения на протяжении первого столетия колонизации Сибири⁶. В 1625 г. во всех 13 сибирских городах имелось 2696 служилых людей, к 1628 г. в 14 городах количество служилых выросло до 3449 человек (главным образом, за счет восточных городов Красноярска, Енисейска, Томска). В 1635 г. гарнизоны Сибири были увеличены до 5146 человек (путем перевода служилых людей из центра в связи с резким обострением отношений с ойратами). В это время в первую очередь увеличились именно центральные сибирские гарнизоны – Тобольска с 851 до 1309 человек, Тары с 313 до 735 человек, а служилый мир Тюмени возрос в 3 раза с 331 до 981 человек⁷.

Позднее в 40–90 гг. XVII в. численный состав большинства старых сибирских гарнизонов входивших в Тобольский разряд (Тюмень, Тобольск, Тара, Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов, Сургут) изменялся незначительно. Только в Тобольске – главном городе всей Сибири количество служилых людей постоянно росло: 1645 человек в 1663 г., 1990 человек в 1684 г. и 2156 ч. в 1699 г.⁸. В результате Тобольск – самый крупный центр Сибири надолго приобрел особый характер преимущественно военно-служилого города. В 1624 г. в Тобольске 77,6 % дворов владели служилые люди и церковные люди, 16,8 % дворов принадлежали посадским людям, даже в конце XVII в. в городе 64,8 % дворов принадлежало различным группам военно-административного населения, и только 35,2 % – посадским людям⁹. Северные города Березов и Сургут еще в XVIII в. оставались преимущественно военными городами, где единственной категорией населения были служилые люди и их семьи. Причем только в этих двух центрах, представлявших русскую власть на северо-западе Сибири было сосредоточено все постоянное русское население, проживавшее на этой огромной территории. Но, что говорить о севере, если в южном Тарском уезде с его плодородными землями даже через 50 лет после начала колонизации

служилые люди оставались фактически единственной группой населения. По сообщению списка Тобольска и Тобольского разряда городов за 1633 г. в Таре «при служилых людях у Государевых дел быть некому, посадских людей на Таре нет»¹⁰. Во всем Тарском уезде в 1624 г. имелось 7 дворов пашенных крестьян и 2 двора гулящих людей. К 1645 г. в Тарском уезде было только 29 крестьян, живших у стен города¹¹.

Правительство неоднократно пыталось увеличить количество не служилого населения – в первую очередь крестьян, посылая из европейской России ссыльных на пашню, но эти попытки долго терпели неудачи. В Томске – главном русском центре Приобья, который с 1629 г. стал центром не только уезда, но и особого разряда, охватывающего все восточные уезды Сибири также в это время абсолютное большинство населения составляли служилые люди и члены их семей. В 1626 г. 386 из 531 человек русского населения Томского уезда были служилыми людьми, в 1632 г. 555 из 719 ч., в 1646 г. 767 из 1045 человек. Иной в это время была ситуация только в 3 уездах юго-запада Сибири – Верхотурском, Тюменском и Туринском. В Тюменском уезде уже в 1623 г. имелось наряду с 177 дворами служилых людей 85 посадских и 106 крестьянских дворов. В Туринске к 1624 г. жилецкие люди в несколько раз обогнали по численности служилых, на 30 дворов служилых людей приходилось 54 двора крестьян¹³.

Подобное преобладание служилого населения почти во всех сибирских городах и их уездах имели разные причины. Северные уезды, где жизнь была спокойней, чем на юге мало подходили для занятия хлебопашеством и ремеслом. На юге наоборот были хорошие возможности для занятия пашней и промыслами, но здесь долго это не давала сделать военная обстановка.

Русское население сибирских уездов в это время стремилось жить здесь либо в самом городе, либо, в крайнем случае, рядом с ним. Неоднократно енисейские киргизы или ойраты разоряли не только территорию уездов, но решались напасть и на сам уездный центр. Только во второй половине XVII в. обстановка на сибирском юге постепенно меняется. Восстание 1662–1667 гг. стало последним антирусским движением, в котором участвовали представители всех крупных этносов Западной Сибири. Еще до того русским удалось урегулировать и отношения с ойратами. В конце XVII в. были

разгромлены енисейские киргизы, оказывающие самое ожесточенное сопротивление русским по Оби и Енисею. Ушли от русских границ Кучумовичи, которые в первой половине XVII в. являлись знаменем для всех антирусских сил. В результате сложились благоприятные возможности для вольной колонизации.

В первые десятилетия русской колонизации Сибири русское население сосредоточилось почти исключительно в городах, которые не хотели покидать даже при условии наличия поселений за стенами укреплений. Русские служилые люди, посадские люди и крестьяне в это время стремились иметь дворы в городе под защитой укреплений.

Города эти имели главным образом военный характер. Первой группой жителей, здесь селились служилые люди, присланные правительством на восток. Характерно, что в большинстве городов Сибири служилые люди оставались преобладающей, а часто и единственной группой населения до конца XVII в. Только после того как русское военное влияние в крае было усилено и развивалось в форме служилой колонизации, началось заселение южных земель Сибири крестьянской колонизацией. Крестьянская колонизация с начала XVII в. получила главное развитие на Урале не выходя за пределы Верхотурского, Туринского, а также западных территорий Тобольского уездов.

В 1633 г. в городах Тобольского разряда служили 117 начальных людей, 6 голов и 84 детей боярских, из них 75 детей боярских и 9 человек литвы, поляков и немец, которые служили с детьми боярскими. В городах служили 2 ротмистра литовских, 25 сотников стрелецких, атаманов, новокрещенных тюрков конных казаков и пеших казаков.

По данным списка, в Тобольском разряде имелось 160 человек литвы и черкас и немец, которые служат государеву службу, 42 человек литвы сибирских уроженцев, 17 новокрещенных тюрков и черемисов, 100 тюрков сибирских уроженцев. 1901 литовского списка конных казаков, новокрещенного списка и пеших казаков и стрельцов. 35 пушкарей и затинщиков. Всего в Тобольском разряде служили 2282 человека служилых людей¹⁴.

Кроме того, в городах служили 56 человек оброчников. 4 приказчика городских и пашенных крестьян, 7 татарских, остяцких, вогульских толмачей, 1 житницкой целовальник, 1 часовщик, 32 городских острожных воротников и сторожей. К этому времени в Тобольске,

Тюмени и Таре было 379 человек юртовских служилых татар. Кроме того, имелось 252 человека родственников и захребетных тюрков, которые не в службе.

Всего в 1633 г. в городах Тобольского разряда служило 2717 человек всяких служилых людей и тюрков¹⁵.

По списку 1672 г. в городах Тобольского разряда имелось 4495 человек всяких чинов служилых людей, кроме ружников, чиновников, рейтар, драгун и захребетных тюрков. Кроме того, в Тобольском разряде служили 895 человек рейтар и драгун с начальными людьми в Тобольску, на Тюмени, на Таре, и 850 захребетных тюрков в Тобольске. Всего в Тобольском разряде имелось 6240 человек всяких чинов служилых людей. По списку на службах и в посылках служилых людей было 2107 человек¹⁶.

В списке 1672 г. отмечалось, что в Тобольску «ратных людей за службами в остатке небольшие, а иные многие ратные люди живут Тобольского уезду в дальних местах в деревнях и вскоре их в опасное время собрать в города некоторыми мерами нельзя и они боярин и воевода о том опасны, чтоб воинские люди к Тобольску и Тобольского разряду под города и на уезды войной не пришли и разорения не учинили, видя в остроге нестроение и воинских людей скудость, что уездные люди, слыша много собрание ойратов не впади в шатость»¹⁷.

К 1703 г. в Сибири служили 2 полковника, 3 подполковника, 14 голов, 32 дворянина, 786 детей боярских, 71 сотник, 1 поручик, 2 прапорщика, 2374 конных казака, 6022 пеших казака, 1000 драгун, 28 беломестных казаков, 75 пушкарей, 477 служилых татар, 10884 человек¹⁸.

Служилые люди по прибору в целом обходились дешевле для государства, чем дворяне, но отсутствие значительного количества конницы отрицательно сказалось позднее, когда начались столкновения с большими кочевыми народами. Служилые люди по прибору хорошо могли защищать уезды Сибири, города, которые так ни разу, не смотря на десятки нападений на них, так никогда и не были взяты. Но с защитой уездов, особенно южных, было совсем по другому, слабые гарнизоны, насчитывающие в среднем 1–2 сотни служилых людей, не могли хорошо контролировать громадные пространства уездов. В обычной ситуации, однако, эта слабость уравновешивалась малочисленностью и еще большей слабостью местного на-

селения. Но когда к югу Сибири подошли калмыки, а затем произошли, ряд восстаний тюркского населения южные уезды Тюменский, Тарский, Томский оказались фактически вне русского контроля и власти. И воеводам часто не на кого было опереться. Второй особенностью сибирского войска стало большое количество инородного компонента. Помимо того, что в каждом городе в отрядах имелось много выходцев из местного населения, крестившихся в Тобольске, Таре, Тюмени и Томске имелись целые отряды из тюрков. В ходе многочисленных конфликтов с Польшей в XVII в. сотни взятых в плен шляхтичей отправили в Сибирь, где они составили подразделение черкас и литвы, многие из которых не теряли даже здесь надежду вернуться на родину. Так в 1634 г. литва Томска задумала истребить русское население города и бежать в Польшу.

Одновременно связь начальных людей и основную массу усиливала устойчивость войска, придавала ему большую внутреннюю связь – там были невозможны события, происходившие в 1700 г. под Нарвой, когда солдаты убивали своих офицеров.

Русское государство обладало двумя ко времени завоевания Сибирского царства системами комплектования войска, основу боевой мощи составляли служилые люди по отечеству – около 25 000 дворян, имевших в качестве обеспечения поместья.

Второстепенную роль в XVI в. играли служилые люди по прибору – стрельцы, городовые казаки, служившие за небольшую денежную сумму. В XVII в. их роль постепенно все росла, тогда, как роль дворянской конницы уменьшалась. Здесь главную роль играл процесс усиление роли пехоты по сравнению с конницей и переход от восточной тактики к новоевропейской, что происходило на протяжении всего XVII в.

В Сибири, с самого начала поселения здесь русских, главную роль играли служилые люди по прибору. Русское правительство не могло перебрасывать крупные контингенты дворянской конницы с юга на запад, где постоянно имелась большая опасность государству, на далекий восток. И даже если бы оно решилось это сделать, то в Сибири не было возможности создать сколько-нибудь значимую поместную базу из-за отсутствия необходимого количества крестьян, инородцев же русское правительство крепостить не давало, справедливо опасаясь, что в этом случае они разбегутся. Служить в Сибири, с

поместий, расположенных в центре страны было бы очень затруднительно из-за дальности расстояния – это сделало бы невозможным управление поместьями. Кроме того, известно, что дворяне под разными предлогами отказывались от службы в Сибири еще в середине XVIII в.

Основной войска в Сибири стали силы расположенные в немногочисленных городах – уездных центрах. Там собирали известное количество стрельцов, казаков, литвы и детей боярских – элиту сибирских служилых людей, которые происходили в большинстве своем из выслужившихся из простых чинов. Таким образом, офицерский корпус комплектовался непосредственно на месте из служилых людей и был тесно с ними связан. Поэтому в конфликтах с воеводами, сибирские начальники люди, в большинстве своем, поддерживали служилых людей.

Примечания

¹ См.: Пальмов, Н. Н. : 1) Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926. Ч. 1; 2) Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922; Богоявленский, С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1937. С. 51; Преображенская, П. С. Калмыки в первой половине XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1963; Трепавлов, В. В. История ногайской орды. М., 2002.

² См.: Златкин, И. Я. История джунгарского ханства. М., 1983; Гуревич, Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983; Русско-монгольские отношения : сб. док. 1654–1685. М., 1996. Т. 3. С. 205.

³ См.: Миллер, Г. Ф. История Сибири. М. ; Л., 1941. Т. 2; Русско-монгольские отношения 1607–1636 : сб. док. М., 1959. Т. 1; Сперанский, М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Т. 1. Л., 1932. С. 27; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1, Д. 1542. Л. 123; Ф. 113, год 1595, Д. 1. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 22; Кн. 794. Л. 51; Ст. 455. Л. 3.; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 734. Л. 1, 5; Д. 743. Л. 7, 8; Д. 744. Л. 57; Д. 745, Л. 9, 16, 33; Д. 751. Л. 39; Д. 754. Л. 10, 101; Д. 755. Л. 16, 24, 25; Д. 756. Л. 1, 59; Д. 764. Л. 10, 14, 18, 24, 27, 30, 31.

⁴ См.: Вернадский, Г. В. Киевская Русь. М., 1996; Любавский, М. К. Обзор истории рус-

ской колонизации. М., 1996. С. 124; Расовский, Д. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 133; Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993; Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; Базилевич, К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 2001.

⁵ См.: Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Фишер, И. Е. Сибирская история. СПб., 1774; Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. Тюмень, 2003, С. 75; Преображенский, А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. М., 1972. С. 72. Колесников, А. Д. Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в. // Проблемы исторической демографии. Томск, 1980. С. 148; Никитин, Н. И. Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. // Вопросы истории: хозяйство и население Сибири XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 274; Сергеев, В. И. Правительственная политика Сибири на кануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 179. Емельянов, Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980. С. 52.

⁶ См.: Никитин, Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.

⁷ См.: Газенвинкель, К. Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892. С. 58.

⁸ См.: Никитин, Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 29.

⁹ История Сибири. Ленинград, 1968. Т. 2. С. 90.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 41.

¹¹ См.: Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 124.

¹² См.: Бояршинова, З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Томск. гос. ун-та : ист.-филол. науки. Томск, 1950. С. 121.

¹³ См.: Буцинский, П. Н. Заселение Сибири... С. 60.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 57.

¹⁵ Там же. Л. 58.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 91.

¹⁷ Там же. Л. 84.

С. Г. Шустов

ЗАВЕРШЕНИЕ ВЫКУПНОЙ ОПЕРАЦИИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1881–1906 ГОДЫ)

Автор исследует влияние законов 28 декабря 1881 и других правовых актов, направленных на завершение выкупной операции и снижение размера выкупных платежей бывших помещичьих крестьян. Впервые подведены итоги выкупной кампании в Пермской губернии, указано количество крестьян, площадь земли и размер полученных выкупных ссуд помещиками.

Ключевые слова: выкупная операция, землеустройство, горнозаводские вотчины Урала.

История проведения выкупной операции в помещичьих имениях России исследована в работах П. А. Зайончковского¹, Н. М. Дружинина², П. Г. Рындзюнского³, С. Хока⁴ и других отечественных и зарубежных ученых. Однако в этих солидных научных изданиях проведение выкупной операции в горнозаводских имениях Пермской губернии специально не рассматривалось. Поэтому и в наши дни продолжает оставаться актуальным призыв П. А. Зайончковского к региональным историкам заниматься изучением проведения реформы 1861 г. в отдельных губерниях⁵.

Исследование завершающего этапа выкупной операции имеет важное значение для понимания внутренней политики императора Александра III, в правительстве которого наряду с консерваторами были представлены и буржуазные реформаторы, это в первую очередь – министр финансов Н. Х. Бунге. Ученые, исследовавшие внутреннюю политику 80–90-х гг. XIX в., Л. Е. Шепелев⁶, Б. В. Ананьич⁷, В. Л. Степанов⁸ отмечали прогрессивное значение программ Н. Х. Бунге и их большое влияние на буржуазное развитие России.

Проведение реформы 1861 г. и наделение бывших крепостных горнозаводских вотчин Урала землёй до сих пор остаётся научной проблемой, не до конца изученной историками. Трудность исследования реформирования социально-экономических отношений в горнозаводских имениях прежде всего связана с тем, что бывшие вотчинные крестьяне и приравненные к ним в землеустройстве бывшие подзаводские крестьяне, отнесённые после 19 февраля 1861 к сословию сельских работников, наделялись землёй на основании «Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворённых на помещичьих землях в губерни-

ях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских»⁹. Промысловые работники соляных промыслов и приписанные к ним крестьяне получали земельные наделы на основании «Дополнительных правил о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах»¹⁰, а мастеровые горных заводов на основании «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов»¹¹. В соответствии с законами 19 февраля 1861 г. право на выкуп земельных наделов получили бывшие вотчинные крестьяне, сельские работники, крестьяне приписанные к соляным промыслам и те из промысловых работников солеварен, кто до 19 февраля 1861 г. имел пахотные угодья.

Как отмечает Н. Н. Алеврас, «аграрный курс для уральского региона вырабатывался на основе базисных положений крестьянской реформы», поэтому аграрная политика правительства в горнозаводских округах Урала представляется как одна из модификаций общего аграрного курса¹².

По истории выкупной операции в Пермской губернии существует всего одна статья, опубликованная Ф. С. Горовым¹³ в начале 1950-х гг. Профессор Горовой впервые исследовал процесс подготовки и проведения выкупной кампании в губернии с 1865 по 1881 гг., что, безусловно, является его заслугой. Однако ограничение хронологических рамок статьи 1881 г. не позволили автору рассмотреть очень важный этап – завершение выкупа крестьянами земли, последовавший после выхода указов от 28 декабря 1881 г. Поскольку не изучен завершающий этап выкупной кампании в Пермской губернии, то до сих пор неизвестными остаются её итоги: количество крестьян, выкупивших землю, её общая площадь,

а также размер выкупной ссуды, полученной помещиками. Ф. С. Горовой приводит в статье данные из книги пермского губернского статистика Е. И. Краснопёрова на 1 января 1885 г. – 128515 ревизских душ крестьян выкупили 955070,9 дес. земли, за что помещики получили 11706266,11 руб. выкупных ссуд, т. е. продали в среднем одну десятину за 12,25 руб.¹⁴ На основании собственных подсчётов Ф. С. Горовой называет две итоговые цифры (без указания даты) по выкупной операции в Пермской губернии: продано бывшим помещичьим крестьянам – 1045763,5 дес. земли, за которую помещики получили 12383122 руб. выкупных ссуд, или по 11,84 руб. за одну десятину земли¹⁵.

В данной статье рассматривается заключительный этап выкупа крестьянами и сельскими работниками земельных наделов в Пермской губернии с 28 декабря 1881 года по 31 декабря 1906 г. В статье широко использованы материалы по Пермскому нераздельному заповедному имению графов Строгановых, одному из крупнейших в России¹⁶. Значение Пермского нераздельного заповедного имения и его хозяина графа С. Г. Строганова в проведении реформы 1861 года в том, что Строгановский майорат стал своеобразным генератором новых подходов к землеустройству крестьян и промысловых работников. Здесь накапливался опыт, который затем передавался другим вотчинным имениям Пермской губернии. Ведущее место Пермского майората графов Строгановых в землеустройстве временнообязанных крестьян выразилось как в количественных показателях, так и в организации и проведении выкупной кампании. В Строгановском имении было землеустроено 55,7 % всех бывших помещичьих крестьян и промысловых работников Пермской губернии, им было продано 62,08 % всей земли, проданной в губернии, а Строгановы получили 55,86 % всех денег, вырученных за продажу земли пермскими помещиками¹⁷.

Основными источниками для написания статьи стали документы фонда Строгановых (№ 1278), хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), а также фондов Государственного архива Пермской области (ГАПО): № 41 – Пермского губернского по крестьянским делам присутствия; № 111 – Пермской губернской казённой палаты; № 682 – Усольского окружного

правления Пермского нераздельного имения графа С. А. Строганова. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Большое значение для изучения завершающего этапа выкупной операции имеют законодательные акты Российской империи и документы губернских органов управления, которые достаточно широко использованы автором.

На начальном этапе проведения реформы, в Пермской губернии (1861–1864 гг.) было сделано немало ошибок и допущено нарушений законов, что потребовало вмешательства правительства и принятия специального Высочайше утверждённого положения 15 июня 1865 года «Об уставных грамотах и выкупных актах по вотчинным имениям Пермской губернии»¹⁸, определившего основные направления исправления уставных грамот и проведения выкупной операции. Важным условием успешного проведения землеустройства крестьян и промысловых работников в вотчинных имениях Пермской губернии было соблюдение законов и привлечение к активному участию, на всех стадиях землеустройства крестьянских обществ. В ходе проведения кампании по исправлению состава волостей в 1865–1869 гг., а особенно с началом работы в 1870 г. Комиссии, созданной министерствами финансов и внутренних дел для окончания общественного и поземельного устройства крестьян вотчинных имений Пермской губернии, в значительной степени были учтены интересы и пожелания крестьян входить в те или иные сельские общества, а сельских обществ в состав волостей. Серьёзным успехом всех участников земельной реформы на подготовительном этапе к выкупной операции было достижение консенсуса по размерам оброчных платежей, площади и составу угодий крестьянских наделов большинства сельских обществ и волостей. Это убедило крестьян в необходимости принятия практически всеми волостными сходами решений о распределении сельскохозяйственных угодий между обществами и волостями и о распределении повинностей за пользование наделами по количеству находившейся у обществ удобной земли. Достижение согласия сельских сходов на переход к уравнивательным принципам землепользования, а затем и проведение выкупной операции, создавало основу для круговой поруки – гаранта возврата выдаваемых правительством выкупных ссуд.

На уступки крестьянам пермских помещиков ориентировало положение 15 июня 1865 г., которое, с одной стороны давало землевладельцам дополнительные гарантии получения полного размера выкупных ссуд, а с другой стороны обеспечивало казну постоянными поступлениями выкупных платежей в течение 49 лет после перехода крестьян в разряд собственников.

Большая работа по организации и проведению выкупной операции была проведена служащими окружных и Главного управления Строгановского имения, начиная от расчетов душевых оброков, составления дополнительных актов к уставным грамотам, выкупных договоров и объявлений, заканчивая контролем за проведением размежеваний земель вместе с доверенными от крестьянских обществ и волостей.

Главными экономическими факторами успешного проведения выкупной операции в Пермском нераздельном имении графов Строгановых стало понижение крестьянских оброков, проведенных четыре раза, с 9,0 руб., установленных «Местным положением...»¹⁹, до 5,37 руб. положенных в основу расчета выкупных ссуд и снятие ограничений на площадь душевого земельного надела. В уездах Пермской губернии этот размер «Местным положением...» был определен от 5,5 до 7,0 десяти²⁰. Фактически же крестьяне в Строгановском имении выкупили в среднем по 7,93 дес. на одну ревизскую душу. После графа С.Г. Строганова на уступки своим крестьянам пошли все крупные землевладельцы губернии: князя Абамелек-Лазаревы, графы Шуваловы и Голицыны.

Завершающий этап реформы начался с принятия Именного, данного Сенату указа императора Александра III «О выкупе наделов остающимися ещё в обязательных отношениях к помещикам крестьянами в губерниях, состоящих на Великороссийском и Малороссийском Местных положениях 19 февраля 1861 года». Указ был принят с той мотивировкой, что по большей части помещичьих имений крестьяне перешли в разряд собственников и во временнообязанном состоянии их числится сравнительно немного. «Дальнейшее оставление сих последних в обязательных отношениях к помещикам, препятствуя прочному устройству как крестьянской, так и помещичьей поземельной собственности, было бы сопряжено с важными

неудобствами, в сознании коих дворянство некоторых губерний, в последнее время, само ходатайствовало о переводе всех временнообязанных крестьян на выкуп, в виде общей правительственной меры»²¹.

Указом императора крестьяне оставшиеся ещё в обязательных отношениях к помещикам переводились на выкуп и причислялись к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 года. Перевод на выкуп осуществлялся на основании «Положения о выкупе наделов остающимися ещё в обязательных отношениях к помещикам крестьянами в губерниях, состоящих на Великороссийском и Малороссийском Местных Положениях 19 февраля 1861 года». Положение, являясь главной частью указа, значительно упрощало перевод с «оброчной (или издельной) в пользу помещиков повинности на выкупные платежи»²². Во-первых, выкупу подлежал весь состоявший в пользовании крестьян надел по уставной грамоте или дополнительно к ней акту. Содействие правительства, т. е. выдача выкупных ссуд распространялась и на «наделы, отведённые по уставным грамотам в количестве не достигающем установленного для местности низшего размера», т. е. выкупную ссуду могли получать те временнообязанные крестьяне и промысловые работники горнозаводских вотчин, чьи наделы состояли из усадебной оседлости, выгона и покоса. Более того, для крестьян, отбывавших доселе издельную повинность при совершении выкупа отменялось особое удостоверение в состоятельности их по взносу выкупных платежей²³. Статья 12 указа полностью подтверждала право и порядок выкупа крестьянами наделов расположенных в размежеванных дачах общего пользования нескольких владельцев-помещиков, сформулированные в Высочайше утверждённом 25 декабря 1879 г. положении Главного Комитета об устройстве сельского состояния²⁴.

Упрощалась процедура прохождения и утверждения выкупных актов, особенно в первые четыре месяца со срока перевода крестьян на выкупные платежи (с 1 января 1883 г.), однако закон давал право сделать представление выкупного акта непременно члену уездного по крестьянским делам присутствия и до 1 января 1883 г., т. е. в течение всего 1882 года²⁵.

«Положение о выкупе наделов...» устанавливало порядок, в соответствии с которым

данные на выкупленный крестьянами надел выдаются немедленно. Земельные споры «разбираются учреждениями по крестьянским делам, до тех пор, пока выкупленные крестьянами земли не будут окончательно отграничены в натуре по существующим для сего правилам, и пока крестьянам не будут выданы на эти земли данные»²⁶.

Упрощение процедуры выкупа, снятие ограничений по площади душевого надела, а также выкупа земель в дачах, принадлежавших нескольким владельцам имело огромное значение для завершения землеустройства крестьян и промысловых работников в горно-заводских вотчинах Пермской губернии.

В связи с опубликованием Высочайшего указа «О выкупе наделов...» от 28 декабря 1881 г., на заседании Пермского губернского по крестьянским делам присутствия 25 февраля 1882 г. был рассмотрен вопрос о ходе выкупной операции в губернии. На заседании был заслушан доклад П. Т. Лыкина – неперменного члена губернского присутствия, из которого следовало: всего в губернии подлежали выкупу наделы 826 сельских обществ, включавших 148370 ревизских душ, с выдачей от правительства не менее 13,5 млн рублей выкупных ссуд. С 1862 г. по 1 января 1882 г. выкуп крестьянских наделов в помещичьих имениях Пермской губернии был окончательно утвержден по 593 сельским обществам на 119550 ревизских душ с выдачей от правительства выкупной ссуды в сумме 10941579,94 руб., что составляло 71,8 % обществ, 80,5 % ревизских душ и 84,16 % общего объема выкупных ссуд. Пермскому губернскому присутствию оставалось утвердить выкупные сделки по 233 сельским обществам на 28820 ревизских душ с предполагаемой выдачей выкупной ссуды до 2,5 млн руб.

В докладе П. Т. Лыкина отмечалось, что «до сего времени выкуп заявлялся при помощи исправления уставных грамот особыми дополнительными актами согласно Высочайше утверждённому положению 15 июня 1865 г. и окончания инструментальной съёмки наделов». С опубликованием императорских указов от 28 декабря 1881 г. процедура выкупа значительно упрощалась и ускорялась²⁷.

В Строгановском нераздельном имении к 1 января 1882 года выкупили свои наделы 76331 ревизских душ крестьян, что составляло 89,8 % от числа внесённых в дополнительные акты крестьян и промысловых ра-

ботников. Площадь выкупленной ими удобной земли составила 603496,21 дес. или 91,9 % земли предназначенной к выкупу. Графы Строгановы получили за проданную землю 6956566,54 рубля выкупных платежей и прямых оплат, что составило 91,9 % всех средств вырученных ими от продажи земли²⁸. Сравнение данных П. Т. Лыкина по Пермской губернии с данными о выкупе земель в Пермском нераздельном заповедном имении показывает, что у Строгановых выкупная операция шла достаточно успешно.

В майорате графов Строганов на обязательный выкуп было переведено 3387 ревизских душ крестьян, которым по дополнительным актам предстояло выкупить 24972,47 дес. удобной земли, получив для этого 257437,49 руб. выкупных ссуд от правительства²⁹. По всем обществам и волостям, крестьяне которых были переведены в майорате на обязательный выкуп, – все выкупные документы были готовы, а некоторые уже находились в Пермском губернском по крестьянским делам присутствии или Главном выкупном учреждении. В докладе графу С. А. Строганову об итогах выкупной операции в 1886 г. доверенный по выкупным делам А. Я. Невзоров, сообщал, что на 1 ноября 1886 г. все крестьяне имения выкупили свои наделы, перешли в разряд крестьян-собственников и прекратили обязательные поземельные отношения. Единственной проблемой не решённой окончательно, оставалось отграничение выкупленных наделов общей площадью, вместе с неудобными землями – 67315,98 дес.³⁰, что составляло менее 10 % земли проданной Строгановыми своим бывшим крепостным крестьянам.

Важную роль в ускорении завершения выкупной операции сыграл второй указ императора Александра III от 28 декабря 1881 г. «О понижении выкупных платежей». В соответствии с указом понижение выкупных платежей производилось в размере одного рубля с каждого душевого надела в год, или душевого оклада выкупного платежа в год. По селениям крестьян собственников этот закон вводился с 1 июля 1882 года; для крестьян, осуществлявших выкуп в течение 1882 г. – со срока прекращения их обязательных отношений с помещиком; в селениях переведённых на обязательный выкуп с 1 января 1883 года³¹.

Кроме общего понижения выкупных платежей, в указе законодатель ставил перед

правительственными учреждениями задачу «собрать подробные сведения о тех селениях бывших помещичьих крестьян, кои, по случаю разных неблагоприятных обстоятельств, находятся в особенно расстроенном хозяйственном положении и, на основании данных нами указаний, сделать распределение добавочного для таковых селений понижения выкупных платежей»³².

С целью конкретизации некоторых общих положений двух Высочайших указов был принят третий указ «О выкупе наделов крестьянами, остающимися ещё в обязательных отношениях и помещику и о понижении выкупных платежей», так же датированный 28 декабря 1881 года. В указе назывались 36 губерний Европейской России и область войска Донского, на которые распространялось понижение выкупных платежей» на общую сумму 12 млн рублей в год. Указ определял порядок распределения этих средств между двумя видами понижений. «Сумма, которая останется от 12 млн рублей в год, за общим понижением выкупных платежей, предназначается на добавочное понижение выкупных платежей тех селений бывших помещичьих крестьян, которые в том нуждаются по особенно расстроенному их хозяйственному положению. Сумма сия должна быть распределена между таковыми селениями, сообразно степени их хозяйственного расстройства, по взаимному соглашению министерств внутренних дел, финансов и государственных имуществ»³³.

Проекты добавочного понижения в губерниях, согласно указа, должны были получить заключения губернских земских собраний с той целью, «чтобы причитающийся по каждому сельскому обществу, средним числом, оклад выкупного платежа за десятину удобной земли в крестьянском наделе был, за сделанным в оном понижением, общим и добавочным, не ниже подесятинного оклада оброчной подати, уплачиваемого бывшими государственными крестьянами в соседних селениях»³⁴. Распределение суммы добавочного понижения выкупных платежей указ определял не позднее начала 1883 года.

Для реализации указа Главное выкупное учреждение министерства финансов разослало 11 мая 1883 специальный циркуляр «О применении Высочайшего указа от 28 декабря 1881 года» всем губернским Казённым палатам. В результате взаимного соглашения министров внутренних дел, финансов и

государственных имуществ была назначена ведомость о суммах дополнительных понижений крестьянских выкупных платежей по 36 губерниям Европейской России и области войска Донского.

Пермской губернии был выделен лимит добавочного понижения в размере 73510,0 руб. Пермская казённая палата, по согласованию с губернским присутствием и губернским земством распределила эту сумму по уездам следующим образом: Пермскому – 3078,0 руб.; Екатеринбургскому – 9185,0 руб.; Ирбитскому – 487,0 руб.; Красноуфимскому – 2202 руб.; Кунгурскому – 462,0 руб.; Осинскому – 3420,0 руб.; Оханскому – 4112,0 руб.; Соликамскому – 50564,0 руб.³⁵ Больше половины 51,2 % общей суммы добавочного понижения по губернии пришлось на бывших строгановских крестьян³⁶, осуществивших выкуп надела при содействии правительства. Понижения выкупных платежей, естественно, не касалось тех крестьян, которые выкупили землю у Строгановых напрямую. Таких крестьян в Пермском нераздельном имении было немного – всего 163 ревизские души. Понижение выкупных платежей, таким образом, касалось 82505 ревизских душ крестьян имения уже выкупившим землю и переведённых на обязательный выкуп.

Понижение выкупных платежей произошло в два этапа. Первый, начальный этап был ограничен по времени одним 1882 годом. В соответствии с указами от 28 декабря 1881 года всем крестьянам-собственникам, бывшим помещичьим крестьянам, Пермская казённая палата уменьшила выкупные платежи на 50,0 коп. с душевого оклада. Крестьянам, переходившим в 1882 г. на выкуп, выкупной платёж понижался: для получивших разрешение на ссуду с 1 февраля на 8,33 коп. с душевого оклада, а получившим разрешение с 1 мая – на 33,33 коп. душевого оклада. Переходившим на выкуп с 1 августа и 1 ноября 1882 г. выкупной платёж за текущий год понижался на 50,0 коп. с душевого надела или оклада, как и крестьянам-собственникам³⁷. По округам Строгановского имения общее понижение составило 38691,41 руб. или 8,62 % всего годового оклада крестьян³⁸.

На начальном этапе, в течение 1882 года, губернскими органами управления – прежде всего Пермским губернским по крестьянским делам присутствием и Казённой палатой была проведена подготовительная работа ко второ-

му этапу, включавшему общее и добавочное понижения выкупных платежей крестьян и промысловых работников, как выкупивших землю, так и переведённых на обязательный выкуп. Особенно важное значение понижение выкупных платежей имело для крестьян, имевших малые душевые наделы и для промысловых работников, выкупавших весьма дорогие угодья – усадьбы, выгоны и присельные сенокосы.

С 1 января 1883 года сумма общего понижения выкупных платежей у крестьян и промысловых работников, проживавших в Строгановском майорате составила 84807,0 руб. Понижение, как и определялось указом от 28 декабря 1881 года, на один рубль уменьшило душевой размер выкупного платежа. В том же 1883 г. всем крестьянам и промысловым работникам, проживавшим в Соликамском уезде было проведено добавочное понижение выкупных платежей. В результате общего и добавочного понижения промысловые работники получили снижение выкупного платежа за душевой надел с 2,92 руб. до 1,29 руб., или на 55,9 %. У крестьян Усольского округа выкупной платёж был понижен с 4,78 руб. до 2,79 руб., т. е. на 41,64 %, у крестьян Инвенско-Кувинского округа с 4,9 руб. до 2,78 руб. или на 43,3 %. Добавочное сокращение затронуло волости Соликамского уезда, входившие в Ильинский округ майората: Богоявленскую, Нердвинскую, Воскресенскую и Козмодемьянскую. В этих волостях после общего и добавочного понижения выкупной платёж уменьшился с 5,63 руб. до 3,10 руб. или на 44,97 %. В том же Ильинском округе добавочное понижение было предпринято в отношении крестьян Кривецкой, Сретенской и Средне-Егвинской волостей Пермского уезда и составило в среднем 24,8 % вместе с общим понижением. В Кыновском округе Строгановского имения добавочное понижение было осуществлено в отношении 906 ревизских душ крестьян Кыновской волости, поэтому у них вместе с общим, понижение составило 35,2 %³⁹.

В волостях Оханского и Чердынского уездов, входивших в Строгановский майорат добавочного понижения не проводилось. Всего с 1 января 1883 г. у бывших крестьян и промысловых работников Пермского нераздельного имения добавочное понижение составило 37609,64 руб., что вместе с общим понижением позволило уменьшить душевой размер

выкупного платежа в казну с 5,37 руб. до 3,93 руб.⁴⁰ и это безусловно положительно повлияло на экономику крестьянских хозяйств, особенно расположенных на неплодородных землях Соликамского, северо-западной части Пермского уездов и в Кыновской волости Кунгурского уезда.

Некоторое облегчение в уплате выкупных платежей бывшие помещичьи крестьяне Пермской губернии получили в результате введения в действие Манифеста императора Александра III от 15 мая 1883 г. «О дарованных в день Священного Коронования Их Императорских Величеств милостях». Статья вторая Манифеста прощала все недоимки по выкупным платежам, платимым крестьянами всех разрядом, из накопившихся к 1 января 1883 года недоимок, которые превышали годовой оклад этих сборов, исчисленный в размере оклада за 1882 год»⁴¹. Департамент государственного казначейства министерства финансов разработал и направил в губернские Казённые палаты 1 мая 1883 г. специальный циркуляр, устанавливающий порядок применения статей Манифеста, и в частности правила списания и рассрочки недоимок крестьян по уплате окладных сборов по выкупным платежам⁴². Пермская казённая палата докладывала 16 марта 1884 г. в Департамент окладных сборов министерства финансов, что из 75302,29 руб. недоимок бывших помещичьих крестьян губернии 12724,0 руб. подлежали сложению, как превышающие оклад 1882 года; 32953,68 руб. подлежали безотлагательному взысканию и 29624,60 руб. должны были выплачиваться крестьянами в рассрочку в размере не менее 1/5 части годового оклада ежегодно⁴³. По Пермскому нераздельному имению общая сумма недоимок крестьян по выкупным платежам составила на 1 января 1883 г. 51647,72 руб. (68,45 % всех недоимок бывших помещичьих крестьян по губернии). Причем недоимочными были только 14 волостей с одним обществом, расположенные в Соликамском уезде. В соответствии с Манифестом от 15 мая 1883 г. Казенная палата сложила с бывших строгановских крестьян 4662,59 руб. недоимок; 25685,96 руб. подлежали безотлагательному взысканию, а 21199,17 руб. должны были выплачиваться крестьянами в рассрочку по 1/5 части годового оклада⁴⁴.

Следующее снижение выкупных платежей для бывших помещичьих крестьян произошло по Высочайшему указу от 21 февраля 1884

года. В результате понижений выкупных платежей, в Пермской губернии, последовавших на основании указов от 28 декабря 1881 и 21 февраля 1884 г., из всей суммы первоначального выкупного долга или выкупных ссуд бывших помещичьих крестьян – 13434573,95 руб. было сложено – 3627869,07 руб. или 27,0 %. В результате понижений 1882–1884 гг. средний размер душевого выкупного платежа с бывших помещичьих крестьян губернии уменьшился в среднем с 5,43 руб. до 3,96 руб. в год, что составляло в среднем на 1 дес. удобной земли 0,55 коп. и практически сравнялось с размером оброчной подати, платимой бывшими государственными крестьянами Пермской губернии: от 29 до 98 коп. с десятины⁴⁵.

По данным на 1 января 1883 г. представленным Пермской казённой палатой в Центральный статистический комитет МВД, выкупленные бывшими помещичьими крестьянами 1053981,0 дес. земли по составу угодий делились следующим образом: усадебные земли составляли 1,9 %, пахотные – 53,1 %, луговые и выгонные земли – 33,5 %, леса – 11,4 %. В комментариях Казенной палаты высказывалось мнение, что состав и площадь выкупленных земель бывшими помещичьими крестьянами явно недостаточны для успешной уплаты выкупных и оброчных платежей, т. к. за годы после составления уставных грамот только состав мужского населения увеличился с 148336 ревизских душ до 183684 наличных душ мужского пола на 1 января 1883 или на 23 %. В результате прироста населения фактическая душевая площадь надела уменьшилась с 7,08 дес. до 5,7 дес. В некоторых волостях уже в начале 1886 года стало ощущаться малоземелье и только по официально зарегистрированным данным бывшие помещичьи крестьяне девяти уездов Пермской губернии арендовали 51457 дес. пахотной и сенокосной земли. Наибольшие масштабы аренды были зафиксированы: в Соликамском уезде – 16296,0 дес., в Оханском уезде – 10417,0 дес. и в Пермском уезде – 9320,0 дес. что в сумме составляло 36033,0 дес. или 70,0 % от площади всей арендованной официально бывшими помещичьими крестьянами земли⁴⁶.

Кроме понижений выкупных платежей в соответствии с указами императора, по данным Пермской казённой палаты, на 1 января 1906 г. из общей суммы выкупного долга были исключены суммы особых взносов и периоди-

ческие погашения процентов на особые взносы тех крестьян, которые добились разрешения у общины выкупить свои душевые наделы в частную собственность. Всего таким образом, в уездные казначейства Пермской губернии было уплачено – 427093,82 рубля. Третья статья исключений выкупного долга бывших помещичьих крестьян называлась «исключения по разным случаям»⁴⁷ и по ней до 1 января 1906 г. было списано ещё 261552,41 руб. По данным Пермской казённой палаты на 1 января 1906 г. первоначальная сумма долга бывших помещичьих крестьян губернии по выкупным ссудам правительству уменьшилась с 13434573,95 руб. до 9118058,65 руб., а средний годовой размер выкупного платежа за душевой надел составил 3,69 руб. или 67,9 % к его начальному размеру⁴⁸. Всего по Пермской губернии землю выкупили 148336 ревизских душ крестьян, площадь удобной земли составила 1056086,59 дес., а помещики получили за проданные угодья 13434573,95 руб.⁴⁹

Итоги землеустройства крестьян Пермского майората графов Строгановых выразились в следующих показателях: землю выкупили 82668 ревизских душ крестьян, они получили в общинную собственность 655613,5 дес. удобной, а вместе с неудобной – 700897,67 десятин⁵⁰. В среднем на одну ревизскую душу крестьян приходилось по 7,93 дес. сельскохозяйственных угодий.

Владельцы имения графы Строгановы получили за продажу крестьянам 655613,5 дес. удобной земли – 7504999,53 рубля, т. е. выручили в среднем за одну десятину по 11,43 рубля. Остальные помещики Пермской губернии за продажу 400473,09 дес. удобной земли 65668 ревизским душам крестьян получили 5929574,42 руб., что составляло в среднем по 14,8 руб. за одну десятину, при душевой площади угодий – 6,1 дес. Таким образом, графы Строгановы продали своим крестьянам и промысловым работникам земли, в среднем на ревизскую душу больше на 1,83 дес., получив за каждую десятину меньше на 3,37 руб., чем другие помещики Пермские губернии.

Мероприятия правительства, направленные на некоторое снижение выкупных платежей бывших помещичьих крестьян, уменьшили за 1882–1905 гг. эти платежи по Пермской губернии примерно на одну треть.

Понижение выкупных платежей затронуло крестьян всех уездов Пермской губернии, но наибольшее облегчение выкупного бремени

испытали на себе крестьяне уездов и волостей с плохими почвенно-климатическими условиями. Меры правительства были направлены прежде всего на выравнивание размеров выкупных платежей бывших помещичьих крестьян с государственными, которого в Пермской губернии удалось достичь к концу 1880-х гг. Накануне и в годы российско-буржуазно демократической революции требование отмены выкупных платежей стало весьма популярным в среде крестьянства. Император Николай II Манифестом 3 ноября 1905 г. «Об улучшении благосостояния и облегчения положения крестьянского населения»⁵¹ отменил выкупные платежи с 1 января 1907 г.

Примечания

¹ См.: Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968.

² См.: Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978.

³ См.: Рындзюнский, П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978.

⁴ См.: Хок, Стивен. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

⁵ Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права... С. 5.

⁶ См.: Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1981.

⁷ См.: Ананьич, Б. В. Россия перед революцией. 1895–1904 годы // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

⁸ См.: Степанов, В. Л. Николай Христианович Бунге // История СССР. 1991. № 1.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1. № 36662. СПб., 1863.

¹⁰ Там же. № 36668.

¹¹ Там же. № 36667.

¹² Алеврас, Н. Н. Аграрная политика Российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1997. С. 345.

¹³ См.: Горовой, Ф. С. Проведение выкупной операции в Пермской губернии // Уч. зап. ПГУ. Т. VIII, вып. 2. Молотов, 1953.

¹⁴ См.: Краснопёров, Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царём освободителем Императором Александром II: ист-статист. очерк. Пермь, 1886. С. 119–120.

¹⁵ Горовой, Ф. С. Проведение выкупной операции в Пермской губернии. С. 210.

¹⁶ Пермское нераздельное заповедное имение графа С. А. Строганова после завершения выкупной операции (на 1892 г.) составляло площадь 1570900,62 дес. В имение входили заводы: Билимбаевский, Кувинский чугуноплавильные; Кыновской и Уткинский чугуноплавильные и железоделательные; Добрянский, Очерский и Павловский железоделательные, а также Усольские и Ленвенские солеваренные заводы, дававшие ежегодно до 3,5 млн пудов поваренной соли. Шустов, С. Г. Завершение территориального формирования Пермского нераздельного имения графов Строгановых в XIX веке // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края (16 июня 2006 г.) / под ред. С. Г. Шустова. Пермь : Прикамский социальный институт, 2006. С. 101–105.

¹⁷ ГАПО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 1154. Л. 90.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. № 42201. СПб., 1867.

¹⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1. № 36662. С. 258.

²⁰ Землеустройство. Вып. IV. Поземельное устройство. СПб., 1914. С. 30–31.

²¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 575. С. 372. СПб. 1885.

²² Там же. С. 373.

²³ Там же. С. 374.

²⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 54. Отд. 2. № 60322. С. 314–315. СПб., 1881.

²⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. № 42201. С. 374.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАПО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–2 об.

²⁸ Подсчитано автором на основании: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. I. Ед. Хр. 452. Л. 5; ГАПО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–18, 156 об. – 163 об.; Оп. 2. Д. 18. Л. 42–43 об.; Д. 20. Л. 37–38; Д. 21. Л. 62–64, 143; Д. 23. Л. 1–17; Д. 24. Л. 1–7 об.; Д. 25. Л. 36–79; Д. 96. Л. 1–6, 50–52; Д. 110. Л. 1–56; Д. 111. Л. 20–23; Д. 112. Л. 1–46; Д. 117. Л. 116–119. Д. 119. Л. 52; Д. 263. Л. 14–17, 27, 23–33; Д. 264. Л. 37 об. – 38; Д. 265. Л. 11–11об, 15об.; Д. 286. Л. 1–6; Д. 287. Л. 1–6; Ф. 111. Оп. 1. Д. 1489. Л. 280–281; Д. 1498.

- Л. 3–59; Д. 1492. Л. 558–583; Оп. 2. Д. 25. Л. 410–414; Ф. 682. Оп. 1. Д. 1154. Л. 5–96.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 1154. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 52–59.
- ³¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 576. Л. 376.
- ³² Там же. С. 375.
- ³³ Там же. № 577. С. 376.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1492. Л. 615–622.
- ³⁶ Там же. Л. 623–630.
- ³⁷ Там же. Л. 884.
- ³⁸ Там же. Л. 625.
- ³⁹ Там же. Л. 627.
- ⁴⁰ Там же. Л. 635.
- ⁴¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 3. № 1583. С. 235. СПб., 1886.
- ⁴² ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1492. Л. 890–891.
- ⁴³ Там же. Л. 917 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 913–916.
- ⁴⁵ Там же. Л. 627 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 623–624.
- ⁴⁷ Под разными случаями подразумевались: а) периодическое погашение при пересрочке долга по законам 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.; б) отсроченный долг и в) сложенный долг по тем же законам; г) особый взнос по зачётам башкирских припущенников по закону 21 марта 1900 г.; д) периодическое погашение по тому же закону; е) исключение долга за землю отошедшую под уральскую железную дорогу; ж) исключение долга за землю отведённую церковным причтам; з) неправильное начисление долга; и) исключение долга при перечислении в другие уезды и губернии (ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1514. Л. 73 об. – 74).
- ⁴⁸ ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1514. Л. 72 об. – 74.
- ⁴⁹ Там же. Л. 62–66 об; 69–74 об.
- ⁵⁰ ГАПО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 1154. Л. 92.
- ⁵¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. № 26671. С. 790.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭПИДЕМИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данная статья посвящена проблеме истории эпидемий в России. Автором анализируется комплекс социально-экономических причин широкого распространения эпидемических болезней на Южном Урале в конце XIX – начале XX века. На основе широкого круга источников выделяется система внутренних и внешних причин, а также показывается их взаимодействие.

Ключевые слова: эпидемии, многонациональность, переселенцы, неурожай, ярмарки.

В Докладе XXXVI очередному Губернскому Земскому Собранию Уфимская Губернская Земская Управа писала: «Эпидемия приходит, берет с населения дань жизнями и здоровьем, какую по силе эпидемии и слабости населения она может взять, и мы своими негодными условиями борьбы мучительно топчемся около нее и разоряем себя, не помогая делу»¹.

Эпидемии были настоящим народным бедствием, которое поражало не только беднейшие слои, живущих в антигигиенических условиях, но и людей зажиточных. Чума, холера, оспа, тифы разных форм, скарлатина, дифтерит, корь – вот далеко не полный перечень эпидемий, процветавших в России на рубеже XIX–XX веков. Те данные, которыми располагают сейчас ученые, не полные и не соответствуют действительности. Это связано с тем, что, во-первых, официальная регистрация заразных болезней в России очень долго не имела точно установленных правил и системы; во-вторых, местная врачебная система не обеспечивала на 100 % свое население качественной медицинской помощью; в-третьих, в силу невежественности и страха многие случаи болезней намеренно скрывались больными или их родственниками. И не смотря на это, Российская империя по показателям инфекционной заболеваемости и смертности занимала первое место в Европе! Действительно, большую дань получала эпидемия у простого русского народа. За что же расплачивалось население?

Проследив историю возникновения и распространения всех пандемий, можно сказать, что за развитие торговли, за неумемное желание экономического прогресса. Придя из далеких стран, болезнь развивается в значительные эпидемии, оставляла после вспышки

очаги, только при соответствующих «положительных» местных условиях. Люди расплачивались за неграмотность, незнание и невозможность применения элементарных гигиенических и санитарных правил, за материальную необеспеченность и экономическую беспомощность.

Поиск причин и источников эпидемических болезней являлся одним из важнейших направлений в деятельности русских врачей конца XIX – начала XX века. Сложилось несколько теорий о происхождении эпидемий. Сторонники теории об аутохтонном заражении холерой считали, что при определенных условиях болезнь может развиваться без заноса извне. Эти идеи отстаивались теми кругами в обществе, которые понимали всю тяжесть дорогостоящих противоэпидемических мероприятий. Например, они считали, что мера карантина – мера бесполезная и даже опасная². Существовала теория, объясняющая появление холеры и чумы с метеорологической точки зрения³.

Русская медицинская общественность в конце XIX века выработала теорию происхождения и развития эпидемий применительно к условиям России. Решающими факторами в возникновении эпидемии определялись два: наличие живого возбудителя (*contagium vivum*) и совокупность социально-экономических условий жизни населения. Как эти идеи подтверждались на практике? Изучение вопросов возникновения, развития и механизмов распространения вируса или инфекции оставим на рассмотрение специальных биологических наук. Наша задача – рассмотреть другой аспект – общество.

Социально-экономические условия жизни представляют собой совокупность явлений и событий, условий жизни населения, связан-

ных с факторами производства и благосостояния. В круге причин выделяются два сектора: внутренние и внешние. Явления и события в местности X, которые образуют благоприятную основу для превращения вируса в болезнь и способствуют ее развитию вплоть до размеров эпидемии, называются внутренними причинами. При условии проникновения вирусоносителя в место X из места Y любым путем говорится о внешних причинах. Они не существуют изолировано друг от друга, а взаимосвязаны и взаимозависимы. Так, главным фактором первого появления болезни может оказаться внешний (занесение вируса из одного места в другое).

Вирус здесь может получить более или менее широкое распространение при наличии определенных внутренних предпосылок. Так, здоровые и сильные люди, обладающие стойким иммунитетом, имеют меньше риск заболеть, чем слабые и истощенные. Совокупность тех или других в одном месте и определяет степень распространения эпидемии. Но и здесь еще может выступить один фактор – собственная неосторожность или невежественность. После окончания основного течения болезни, когда, казалось бы, эпидемия побеждена, существует опасность нового взрыва эпидемических болезней. Это связано с тем, что социально-экономические условия жизни позволяют эпидемии создавать своеобразные очаги заразы. Часты были случаи, когда болезнь, ярко проявившая себя в течение весенне-летнего периода, осенью затихала, зимой исчезала совсем, а с наступлением новой весны вновь давала большой процент заболевших. Все это указывает на первичную (не по значимости, а по ходу развития) роль внешних, и вторичную (основную) роль внутренних причин.

Структурно внутренние причины не являются целостными, а представляют собой соединение двух основных групп: биологических и культурных. К биологическим причинам относятся те, которые способствуют образованию человека с ослабленным иммунитетом. Сюда относятся социальные, национальные, экономические причины. Культурные причины составляют явления из области просвещения, мировоззрения, нравственности. Вместе с тем, все они тесно переплетаются друг с другом, образуя разноцветный клубок причин, распутать который довольно сложно.

На иммунитет человека оказывает влияние множество факторов – питание, гигиена,

условия жизни, благосостояние. Часто случается, что возможности для развития эпидемии представляли события, связанные с религиозными воззрениями народа. Заводской врач Благовещенского завода Уфимской губернии А. Федотов в отчете о развитии холерной эпидемии в 1892 году пишет, что большинство заболевших холерой «обязано Успенскому посту и лихорадке в связи с душной погодой»⁴. Эпидемический врач А. Алексеев, командированный на эпидемию брюшного тифа в 1908 году в деревню Кармановая и Кузговая так описывает ситуацию: «время начала эпидемии совпадает с магометанским постом («ураза») – башкиры днем голодают, а голод сопровождается жаждой. Это вызывает неумеренное количество потребления сырой воды, а вода здесь недоброкачественная». Получалось, что соблюдение строгих религиозных уставов оборачивалось для населения негативными последствиями. Потребление в пищу сырой воды, сырых овощей и фруктов при условии их недоброкачественности легко могло привести к заболеваниям.

Многонациональность Уфимской и Оренбургской губерний нашла свое отражение и здесь. В конце XIX – начале XX века башкиры осуществляли переход к оседлому образу жизни, что сказалось на состоянии их здоровья. «У башкир хлебопашество слабо развито, а вследствие неурожая хлеба и трав истощаются и без того скудные их средства к жизни. В их домах нет свежего воздуха – помещается 10 человек, где можно поместить только двух, помещения сырые и холодные»⁶.

По сравнению с ними русское и чувашское население было более приспособлено к условиям сельской жизни, занималось земледелием, скотоводством и огородничеством, обеспечивали себя свежими овощами и фруктами. В годы неурожая, которые представляли собой особую арену развития эпидемических заболеваний, башкиры находились в менее выгодном положении. Однообразие пищи, отсутствие витаминов в рационе снижало иммунитет башкир.

Незавидным было положение женщин-мусульманок. Н. В. Залесский в 1900 году писал: «Женщина у магометанина – это забитое, безответное существо, заваленная непосильной работой раба, жена, не знающая ласк мужа, готовая повиноваться по первому грубому окрику, это существо, питающееся остатками со стола мужа»⁷. (выделено автором. – Р. Т.) Врачам в таких условиях при-

ходилось находить общий язык с «иноверцами», договариваться. Так, татары с крайним подозрением относились к материальной помощи бедным семьям в виде раздачи материи и рубашек – боялись, что это подготовка к насильственному крещению.

Важными являлись социальные условия жизни и быта населения. Дореволюционная Россия представляла собой аграрно-индустриальную страну эпохи модернизации. Социальное неравенство и расслоение сильно отражалось и на бытовых условиях. Вот как описывал крестьянский быт А. Новиков: «Теперь еще половина изб топят по-черному. Тут живет семья душ в восемь: старик со старухой, сын женатый, девка, ребяташки тут едят, спят на соломе, тут бабы родят, ткут, тут ребятам надо уроки готовить; тут теленок, ягнята, поросята, куры. Тут вон невыносимая, свет от коптильни, т. е. лампы без стекла, а то и вовсе нет света, когда не на что купить керосину»⁸. Он же акцентирует внимание на антигигиенических условиях, пишет о том, что «мыло – роскошь богачей».

Особенное значение в развитии эпидемии имело неполноценное питание. Человек, в рационе которого нет сбалансированного наличия белков, жиров и углеводов наиболее подвержен разным инфекционным болезням. А вот как питалась крестьянская семья: «Щи пустые, т. е. горячая вода с плавающей в ней капустой и ложкой конопляного масла, вареный картофель и пшенная каша – это их обычная пища. Молоко далеко не везде, да и только для детей; мясо к праздникам, курица на Рождество и на Пасху. Часто нет картофеля, нет каши: тогда один черный хлеб. Неурожай – и хлеба нет»⁹. О каких тут витаминах и разнообразном питании может идти речь?

Вот они настоящие причины развития эпидемии – голод, нищета, антисанитарные условия жизни населения. Именно их наличие давало обществу людей со слабым иммунитетом, истощенных изнурительным трудом в связи с борьбой за выживание. Жизнь простого человека была направлена на то, чтобы прокормить свою семью. Общество на стадии модернизации еще не выработало механизмов защиты рабочей силы от природно-климатического фактора. В связи с этим очень тесной связью была между эпидемиями и неурожайными годами.

Настоящей проблемой Оренбургской губернии были засухи, неизбежным следствием

которых являлись неурожаи. Очень плохое положение в такие годы было у крестьян. Намолоченного хлеба им не хватало до нового урожая. К покупке хлеба приступали с осени 56 %, с Рождества – 64 %, с Масленицы – 68 %, с Пасхи – 75 % крестьян¹⁰. Черда неурожаев приносила сельскому хозяйству значительные убытки, а здравоохранению – новый всплеск заболеваний. Неурожай 1911 года потряс страну, затронув и Оренбургскую губернию. Это отразилось на росте показателей развития инфекционных заболеваний. Так, если в относительно благополучном 1904 году всего инфекционных болезней было зафиксировано 27159 человек с 11,6 % смертности, то в 1911 году те же показатели составили 68219 человек и 13,39 %¹¹. Приведенные данные показывают зависимость между неурожаем и ростом числа инфекционных заболеваний.

Невыгодным для здравоохранения оказался и культурный облик населения. В документах того времени при объяснении причин появления и широкого распространения эпидемий одно из первостепенных значений отводится необразованности народа. Л. Толстой-сын описывал в своих записках о голоде следующий случай. «Прихожу к Патриним, у них трое тифозных, спрашиваю у бабы: ну, что, была у вас фельдшерница? – Была. – Ну и что же она? – Да совала, совала чего это под мышку, да нет, не помогает. – Вы бы дали ей салицилки, – обратился я к фельдшернице, – они в нее больше верят, чем в градусник»¹². Так незнание элементарных правил медицины, как, например, градусник, хотя и смешило врачей, но это был смех сквозь слезы.

Невежество отправляло людей к знахарям, заговаривателям, шептунам. Д. И. Татаринов вспоминает о своем разговоре с бабушкой Федосьей, которая утверждала, что много людей выходила своими травами во время «мора» (эпидемии холеры). «Народ – дурак, спервачка меня боялся, бают шабры – ведьма. Я все Царице Небесной молилась и только свои травы пила, а вода была отравлена дохтурами»¹³.

Важными причинами возникновения эпидемий были внутренние причины – местные социально-экономические, национальные и культурные особенности жизни населения. Их сочетание в определенной местности создавало человека со слабым иммунитетом, легко поддающегося многим инфекцион-

ным болезням. В силу своей недостаточной грамотности население представляло собой поле для развития болезней, которые имели тенденцию перерастать в эпидемии.

Часто первоначальной причиной появления эпидемии был занос заразы из другой местности. К внешним причинам относятся следующие: занесение инфекции по транспортным артериям, переселенческое движение, массовые скопления людей (ярмарки, базары, религиозные праздники).

Пореформенная эпоха стала временем широкого развития торговых отношений, которые приводили к увеличению количества дорог. Развивающаяся экономика требовала увеличения товарооборота между районами. Требованиям времени отвечало появление новых видов дорог (железные дороги) и развитие старых (речное судоходство). Рост интенсивности дорожно-транспортного сообщения с одной стороны, приводил к экономическому росту, а с другой стороны, открывал широкие возможности для общения людей. В таких условиях была высока вероятность общения человека-вирусоносителя со здоровым, что в свою очередь могло привести к проникновению болезни в «чистое» место.

В конце XIX в. в Российской империи с появлением железнодорожной инфраструктуры завершился промышленный переворот. Именно с Оренбургской губернии начиналась Сибирская железная дорога, по которой двинулась волна крестьян-переселенцев из центральных районов в Сибирь. Уездный город Челябинск превратился в важный перевалочный и регистрационный пункт переселенческого движения. Эпидемическая опасность чувствовалась здесь очень остро, о чем свидетельствуют постоянные вспышки заболеваний¹⁴.

После каждой эпидемии санитарная организация Уфимской губернии анализировала причины ее появления, этапы, цифры, условия протекания, итоги, старалась делать выводы. В отчетах и трудах этого ведомства встречаются случаи, которые описывают цепочку проникновения инфекции и развития ее в эпидемическую болезнь. Здесь были задействованы такие пути сообщения, как речное судоходство и железные дороги. Особенно легко распространялась холера по дорогам с трех сторон – Самарской губернии, Сибирского железнодорожного пути и по водной системе (реки Волга, Кама, Белая).

Стихийные бедствия становились мощной активизирующей силой взлета переселенческой волны на Восток, в том числе и в Башкирский край. Неурожай и страшный голод 1891–1892 гг. толкало крестьян к бегству в поисках лучшей доли. Если в благополучный 1890 г. в Уфимскую губернию прибыло 668 семей, то в 1892 г. этот показатель достиг рекордной за пореформенный период отметки – 1553 семьи¹⁵. Отсутствие элементарных бытовых условий, скученность и антисанитария создавали благоприятные условия для распространения заразных заболеваний.

Увеличение пассажиропотока с началом Первой Мировой войны представляло собой серьезную опасность быстрого распространения эпидемий по стране. Эти опасения подтвердились. Так, в 1915 году холера в Уфу была занесена военнообязанными из Самары, которых сняли с поезда уже зараженными. Это привело к распространению холеры главным образом в районе железнодорожных станций среди беженцев, железнодорожных служащих. Всего заболело 220 человек, умерло 112¹⁶. Привлекательным очагом для проникновения болезней извне были тюрьмы. Так, эпидемия сыпного тифа 1908 года в Златоустовской тюрьме началась с болезни пересыльного арестанта из Челябинска¹⁷.

Часто начало или усиление эпидемии связывается с базарами и ярмарками. Оренбург являлся главным торговым центром края. Он был расположен на границе казахских степей и на старинной караванной дороге из Средней Азии в древние Булгары, а затем в Казанское ханство. Оренбургская ярмарка была специального назначения – меновническая, т. е. не носила денежного характера. В конце XIX века она занимала третье место в России среди 23 престижных ярмарок. В Оренбурге торговали казахи, купцы из Бухары, Хивы, Ташкента¹⁸. Обмен такими товарами, как скот, шерсть, шкуры, меха степных животных таил в себе опасность заражения инфекционными болезнями. Часто случалось так, что болезнями животных заражались люди, как это произошло в 1886 году при эпидемии сибирской язвы на людях в Оренбургской губернии¹⁹.

Главная причина ежегодного появления в Оренбургской губернии тифов – перенос заразы из заводов и золотых приисков, куда крестьяне губернии ежегодно отправлялись для заработков и возвращались домой поздно осенью уже больные, и заражали свои семьи.

В таких случаях эпидемии носили так называемый домовый характер – болели целыми домохозяйствами, если появлялся хотя бы один зараженный человек²⁰. Во время сезонных полевых работ по территории губернии двигались массы бедных семейств, пришедших на заработки из других губерний. Сезонные рабочие являлись распространителями эпидемий среди населения. Так, с наступлением осени в Оренбургской губернии резко усиливалась эпидемия натуральной оспы.

Причинами появления эпидемических болезней был ее занос из одной местности в другую. Переносчиками этих болезней выступали как люди, так и животные. Развитие современных путей сообщения являлось предпосылкой распространения заразы на дальние расстояния. Речное судоходство и железные дороги были теми транспортными артериями, по которым болезнь проникала в Уфимскую и Оренбургскую губернии. Скопление народа в тюрьмах, на ярмарках и базарах, сезонные сельскохозяйственные работы – все это способствовало развитию эпидемии вглубь территории.

Нередко случалось, что именно такие внешние факторы являлись первопричинами эпидемии в какой-либо местности. А если еще и местные условия (социальная нестабильность, несоблюдение элементарных гигиенических и санитарных правил) находились в не лучшем состоянии, то для развития эпидемии горел зеленый свет. Сочетание внутренних и внешних причин делало территорию более или менее уязвимой для эпидемии. А способность противостоять ей определялась внутренними ресурсами (экономическими, политическими, социальными, человеческими).

Примечания

¹ Центральный государственный исторический Архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 242. Л. 138–139.

² См.: Васильев, К. Г. История эпидемий в России / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. М., 1960. С. 271.

³ См.: К метеорологии холеры 1904 и 1905 годов в России и Пруссии. М., 1907. С. 28.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 540. Л. 280.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 229. Л. 12.

⁶ Государственный архив оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 196 об.

⁷ Залесский, Н. В. Из писем о голоде. II. Из Белебеевского уезда (Уфимской губернии) // Русское богатство. 1900. № 1. С. 80.

⁸ Новиков, А. Записки земского начальника. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 215.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ См.: Лапаева, М. Г. Экономика оренбургской области : опыт, проблемы, решения. Оренбург : ОГУ, 1998. С. 21.

¹¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 247/3. Л. 73; ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 331/1. Л. 48.

¹² Толстой-сын, Л. Записки из эпохи голода в 1891–1892 гг. // Вестн. Европы. 1899. Т. IV. С. 33.

¹³ Татарин, Д. И. Воспоминания // Башкирский край. Вып. 2. С. 12.

¹⁴ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1298. Оп. 243. Д. 362. Л. 242–243.

¹⁵ См.: Самородов, Д. П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период 60–90-е гг. XIX века. Стерлитамак : Издательство СГПИ, ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. С. 160.

¹⁶ См.: Обзор Уфимской губернии 1915 год. Уфа, 1917. С. 65.

¹⁷ См.: Обзор Уфимской губернии 1908 год. Уфа, 1909. С. 50.

¹⁸ См.: Акулова, Т. Л. Оренбургские ярмарки во второй половине XIX века / Т. Л. Акулова, О. И. Падалко // История оренбургского края : события, судьбы, реальность : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Г. Ивановой. Оренбург, 1994. С. 10.

¹⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 57. Л. 242.

²⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 149.

А. А. Иванов

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ В 1918–1919 ГОДАХ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Статья посвящена изучению эволюции принципов организационного строительства советской контрразведки в период Гражданской войны. На основе анализа опубликованных и неопубликованных документов предпринята попытка сравнить российские дореволюционные и постреволюционные контршпионские ведомства. Проведенное исследование позволяет глубже понять особенности советской политики в области обеспечения государственной безопасности в 1918–1919 гг.

Ключевые слова: контрразведка, шпионаж, Гражданская война, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия.

В настоящее время проблема переходных состояний в политике, экономике и социальных отношениях занимает важное место в исторических исследованиях. Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война представляют исключительный интерес в данном отношении. Раскол России на несколько противоборствующих лагерей оказал существенное воздействие на отечественную систему государственного управления, важнейшим элементом которой была сфера государственной безопасности. К настоящему моменту одной из центральных проблем истории спецслужб периода Гражданской войны является вопрос об уровне преемственности контрразведывательных органов, созданных после Октябрьской революции, и аналогичных дореволюционных учреждений.

Его сложность обусловлена тем, что идеологические догмы «красных» не помешали им создать под своим контролем сразу несколько контрразведывательных подразделений, в той или иной степени эксплуатировавших практический опыт Российской Империи и Временного правительства. В итоге, определенной доминантой стал постулат о том, что «необходимость в контрразведывательной деятельности остается неизменной при смене власти, проигранной войне и даже при потере страной независимости и территориальной целостности»¹. Тем самым необходимость в ведении контрразведывательной работы на государственном уровне признается априорной, подтверждая тезис контрразведчиков Временного правительства, что «ни один режим – от самодержавного до анархического – не может не заботиться о самосохранении»².

В то же время данные постулаты все же не объясняют, к примеру, причин сохранения в РСФСР дореволюционных контршпионских структур вопреки мнению многих членов большевистской партии, считавших дальнейшее существование органов госбезопасности прежних политических режимов нецелесообразным. Ведь для некоторых соратников В. И. Ленина слова «контрразведка» и «контрреволюция» по своей сути были синонимичны, а такой подход предполагал отказ от формирования спецслужб. Однако уже в первые постреволюционные месяцы появление в стране первых контрреволюционных организаций заставили Совет Народных Комиссаров (СНК) по-новому взглянуть на место органов безопасности в системе госуправления.

Хотя для основоположников марксистско-ленинской идеологии противоборство революции и контрреволюции было «объективным законом классовой борьбы в период ее наивысшего напряжения», Ленин в пятой главе своего труда «Государство и революция» сделал вывод, что «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело <...> легкое, простое и естественное»³, не требующее особой «машины». В то же время, в другой своей работе, датированной 1902 г., будущий глава Совнаркома заключал, что РСДРП «должна стремиться создать организацию, способную обезвреживать шпионов раскрытием и преследованием их»⁴. С приходом большевиков к власти этот тезис обрел огромную актуальность. Одним из сторонников данной точки зрения был Ф. Э. Дзержинский, начавший свою карьеру работника госбезопасности с поста сотрудника столичного Военно-революционного комитета.

Благодаря его деятельности на этой должности контрразведывательное отделение (КРО) штаба Петроградского военного округа было сохранено в функциональном состоянии и успешно интегрировано в силовые структуры новой власти. Более того, на заседании СНК 23 ноября 1917 г. было принято решение «поручить тов. Аксельроду представить задержанные ассигновки Военному ведомству на контрразведку в Военное ведомство»⁵. На этом заседании помимо В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого присутствовали также и В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Шотман, П. И. Стучка, что свидетельствует о наличии среди членов РСДРП (б) ряда работников, сознававших важность сохранения контршпионских органов, как минимум, до выхода из Мировой войны.

С другой стороны, если разоблачение контрреволюционных заговоров вполне укладывалось в описанную марксистами схему сохранения динамики революционного процесса, то ведение контрразведывательной работы в армии вступало с ней в очевидное противоречие. Ведь политическая программа РСДРП (б) по военному вопросу предполагала «замену постоянного войска всеобщим вооружением народа»⁶. Как следствие, декларируемый переход к милиционной системе комплектования вооруженных сил предполагал ликвидацию большинства органов централизованного управления войсками, а значит – и ведомств, руководящих борьбой с вражеской разведывательной деятельностью.

В итоге уровень финансирования региональных КРО был сокращен до предела, когда, по словам контрразведчиков, «дальнейшее существование» их ведомства «подлежит сомнению»⁷. В представлении многих большевиков основой советских ведомств госбезопасности должны были стать органы политической полиции (то есть учреждения по борьбе с контрреволюцией), а не контрразведка. В результате, в декабре 1917 г. была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров (ВЧК) во главе с Дзержинским. Первоначальные задачи Комиссии не включали необходимость участия в контршпионской работе. Отчасти это было связано с тем, что основой контрразведки любого государства является опора на секретных сотрудников, права на использование которых чекисты изначально не имели. Кроме того, провозглашение отказа

от секретной дипломатии, зафиксированное «Декретом о мире», вынуждало СНК дистанцироваться от применения агентурных методов работы на государственном уровне. Своеобразный перелом произошел после заключения в марте 1918 г. Брестского мирного договора с Германией.

Поскольку еще в январе 1918 г. Совнарком принял «Декрет об организации Рабоче-Крестьянской армии», согласно которому советские вооруженные силы приобретали постоянный характер, изменение приоритетов в области военного строительства требовало перестройки системы органов управления войсками. Весной 1918 г. к Народному комиссариату по военным делам (Наркомвоену), созданному на основе прежнего Военного министерства, добавились еще два военно-административных учреждения – Высший Военный Совет (ВВС) и Всероссийский Главный штаб (ВГШ). Данные органы взяли на себя реализацию комплекса мероприятий по практическому воплощению Декретов СНК в области создания новой армии.

Встав на путь формирования постоянных войск, советское руководство не могло обойти стороной вопрос о создании органов по обеспечению безопасности армии от вражеской агентуры, ведь после масштабной демобилизации прекратили свое существование и прежние контрразведывательные структуры. Им на смену пришли новые учреждения, созданные под контролем Наркомвоена, ВГШ и ВВС.

Так, в составе ВГШ ведением агентурной разведки и контрразведки занимался Военно-статистический отдел (ВСО) Оперативного отделения, образованный на базе дореволюционного Отдела 2-го генерал-квартирмейстера Главного Управления Генштаба. Однако контрразведывательная работа была для данного учреждения задачей второстепенной – из 12 отделов в структуре ВСО борьбой со шпионажем ведали только 3⁸. Главным недостатком контршпионской службы ВГШ было отсутствие сети местных филиалов, не переживших революционные потрясения 1917–1918 гг. Обладая большим потенциалом в сфере обработки и анализа информации, Военно-статистический отдел практически не имел возможностей для ее сбора. Тем самым, контрразведка ВГШ столкнулась с трудностями, характерными для первых военно-контрольных органов Российской Империи – к примеру,

сформированного в 1903 г. Разведочного отделения Главного штаба.

Что касается органов по борьбе со шпионажем Высшего Военного Совета, то для их организационного построения были характерны несколько иные тенденции. В отличие от Военно-статистического отдела контрразведка ВВС имела ряд региональных подразделений – специальные «отделения по борьбе со шпионством» (ОБШ) существовали при штабах военных округов и дивизий, а также отрядов «завесы» вдоль демаркационной линии с Германией⁹. Подобная организационная структура была во многом сходна с отечественной контрразведкой периода Мировой войны, что неудивительно – ведь основная масса руководящих работников приобрели опыт борьбы с агентурной разведкой именно в 1914–1917 гг.

Тем не менее, составленный проект организации ОБШ не отвечал условиям 1918 г. Во-первых, многие большевистские руководители не доверяли военспецам в Высшем Военном Совете, что ограничивало влияние данного органа. Летом 1918 г. глава ВВС М. Д. Бонч-Бруевич был даже вынужден обратиться к руководству Совнаркома с просьбой предоставлять полученные по дипломатическим каналам данные тем из его сотрудников, «кто ведает контрразведкой в государственном масштабе»¹⁰. Следовательно, в первые месяцы своего существования ОБШ таких данных не имели, что заметно усложняло работу. Во-вторых, при составлении штатных нормативов ОБШ не был учтен фактор нехватки кадров. В результате, хотя по штату противодействием вражеской агентуре в каждой советской дивизии должны были заниматься 22 сотрудника, эту работу нередко вели всего 4 контрразведчика¹¹. В данных обстоятельствах, ни о каком систематическом пресечении разведывательной деятельности не могло быть и речи.

Еще одним органом, ведавшим борьбой с вражеским шпионажем в Советской России, был Военный контроль (ВК) Наркомвоена под руководством С. В. Чикколини, а затем – М. Г. Тракмана. Задачами сформированного учреждения были пресечение шпионажа Германии и стран Антанты, вскрытие подрывной деятельности в красноармейских частях, сохранение военных и государственных секретов, а также регистрация мобилизованных в Красную Армию военспецов. Поскольку

штаты ВК Наркомвоена формировались в основном по партийному принципу, основная масса его руководителей (В. И. Дьяконов, Т. П. Самсонов, Г. И. Русанов и др.) никогда не служили в контрразведке и почти не имели четких представлений об организационном строительстве соответствующих ведомств. Не существовало ни унифицированной структуры, ни единообразного штатного расписания КРО, а формирование региональных отделений стало прерогативой военных командиров на местах.

При этом определенные нарекания вызывала вертикальная система подчиненности ВК Наркомвоена, предполагавшая подотчетность региональных филиалов исключительно вышестоящим органам, при полном отсутствии горизонтальных структурно-функциональных связей с иными элементами военного управления РСФСР. Так, по воспоминаниям главы Архангельской ЧК М. С. Кедрова, начальник Вологодского отделения Военконтроля «отказывался передавать фронтовому начальству получаемые сведения», так как «считал себя подчиненным только центру»¹². Причину оформления такой системы следует видеть в том, что организационное строительство ВК началось после назначения на пост начальника Наркомвоена Л. Д. Троцкого¹³, стремившегося сконцентрировать в своих руках наибольшие полномочия по контролю над армией.

Одновременно с этим процесс формирования советской контрразведки шел и в рамках ВЧК. Первая такая организация в структуре Комиссии появилась еще в январе 1918 г. по личной инициативе Дзержинского и активном участии опытного контрразведчика А. К. Шевары. Хотя решение о создании Контрразведывательного бюро (КРБ) не проходило через Совнарком или иные управленческие органы РСФСР, члены правительства проявили живейший интерес к его работе, поэтому в течение января Дзержинский представлял соответствующие отчеты 5 раз¹⁴. Тем не менее, полулегальный статус КРБ привел к тому, что после убийства Шевары в марте 1918 г. Бюро прекратило свое существование. В дальнейшем, руководством ВЧК были предприняты еще несколько попыток создания контршпионского подразделения, но они, в большинстве, заканчивались неудачами.

Ситуация изменилась летом 1918 г., когда по решению Совнаркома в Красной Армии были созданы первые армейские

Чрезвычайные комиссии, взявшие на себя борьбу как с контрреволюцией, так и шпионажем в вооруженных силах¹⁵. Для руководства ими в структуре центрального аппарата ВЧК был сформирован Военный отдел под руководством уже упоминавшегося Кедрова. Данный шаг чекистов лишь усилил децентрализацию советских контрразведывательных органов, но обжаловать его можно было только через структуру Совета Народных Комиссаров, поэтому руководители конкурирующих контрразведок оказались вынуждены примириться с таким положением дел. Одновременно Президиумом Комиссии было принято решение и об использовании секретной агентуры.

Таким образом, в первые месяцы Советской власти большевики, несмотря на декларируемый отход от дореволюционных принципов работы органов государственной безопасности, создали сразу несколько контрразведывательных учреждений, во многом сходных в структурном отношении с ведомствами Российской Империи. Одной из черт советских контршпионских органов стала своеобразная конкуренция различных ведомств, призванных выполнять одинаковые функции. Аналогичная схема контрразведывательного обеспечения действующей армии и тыла была свойственна для России в период Мировой войны, когда контршпионские функции Генерального штаба дублировались Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов. Характерным отличием советской системы от дореволюционной было включение в борьбу со шпионажем не только органов госбезопасности, но и ведомств, не имевших прямого отношения к данной сфере: политических отделов армий, окружных военных комиссариатов¹⁶ и т.д. Эта структура напоминала сложившуюся после Февральской революции, когда контрразведкой одновременно ведали не только Военное министерство, но и Министерство Юстиции и даже Военная комиссия Государственной Думы¹⁷.

Приведенные факты, характеризующие формы структурной организации советских спецслужб, позволяют сделать вывод, что на начальном этапе Гражданской войны им были присущи децентрализация, слабое взаимодействие и даже конкуренция между собой. Однако начало очередного витка военной реформы в РСФСР спровоцировало изме-

нение положения контршпионских ведомств. В сентябре 1918 г. в Советской России был образован Революционный Военный Совет Республики (РВСР) во главе с Троцким, подчинивший себе основные звенья советского военного управления: ВГШ, ВВС и Военно-законодательный совет. Как следствие, органы по борьбе со шпионажем, существовавшие при данных учреждениях были объединены в Военный контроль РВСР.

Образование единого органа советской контрразведки было существенным шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом, унифицировав и систематизировав центральный аппарат и структуру региональных филиалов. Тем не менее, данный орган просуществовал всего несколько месяцев, не успев толком приступить к работе, так как в конце 1918 г. чекистами была развернута кампания, имевшая целью дискредитацию Военконтроля с последующей передачей его функций армейским ЧК. Основные претензии сотрудников ВЧК к органам Военного контроля РВСР состояли в том, что те не до конца сознавали классовую природу шпионажа и относились к борьбе с ним, как к военно-технической задаче. Помимо этого определенные нарекания вызывал и низкий уровень контроля комиссаров за осуществлением контршпионской работы вопреки официальным распоряжениям¹⁸.

Для урегулирования конфликта была образована специальная Комиссия во главе с М. Я. Лацисом, в ходе работы которой на Южном фронте был сделан вывод о низкой эффективности местного отдела контрразведки РВСР¹⁹ и необходимости его объединения с армейскими и фронтовыми ЧК. В ходе долгих ведомственных споров между ВЧК и РВСР, новый контрразведывательный орган вошел в структуру Всероссийской Чрезвычайной комиссии под названием Особого отдела (ОО)²⁰. Он образовывался путем слияния органов Военконтроля с армейскими ЧК, а его первым начальником стал Кедров.

Внутренняя структура Особого отдела армии предполагала его деление на несколько подразделений (секретное, оперативное, следственное и др.²¹), каждое из которых выполняло собственные функции. Фактически, в рамках ОО ВЧК была осуществлена интеграция функций разведки, контрразведки и политической полиции в единый комплекс. Стоит заметить, что такого рода объединение не было

полностью инновационным для отечественных спецслужб, так как еще в период правления Временного правительства был создан контрразведывательный отдел Министерства Юстиции, также осуществлявший борьбу «со шпионажем под политическим флагом и контрреволюционными попытками»²².

С момента формирования Особых отделов их компетенция в отношении расследования фактов шпионажа и контрреволюции в вооруженных силах не подлежала какому-либо обсуждению и пересмотру. Фактически, Совнаркомом был принят курс на отказ от дальнейшего реформирования контршпионской службы – Особотделы ВЧК были сочтены оптимальными органами советской контрразведки, наиболее соответствующими большевистской идеологии, системе государственного управления и духу законов.

Таким образом, в 1918–1919 гг. советские спецслужбы находились в поиске принципов, форм и методов наиболее эффективного и целесообразного построения военно-контрольных ведомств. Этот процесс отражал неустойчивое состояние государственной власти в стране и отсутствие у руководства единых приоритетов в области обеспечения госбезопасности. Как следствие, формирование организационно-штатной структуры данных учреждений нередко представляло собой не единый поступательный процесс, а череду реорганизаций, приводивших как повышению, так и снижению качества контршпионских мероприятий. При этом использование практического опыта предшествующих режимов было вызвано не стремлением большевиков использовать традиционные принципы функционирования отечественных спецслужб, а сиюминутными практическими соображениями повышения эффективности управления.

Примечания

¹ Кирмель, Н. С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918 – 1922 гг.). М., 2007. С. 5.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 54.

³ Ленин, В. И. Государство и революция. Пг., 1918. С. 43–44.

⁴ Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1967. С. 17.

⁵ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. / под ред. Ю. Н. Амирантова, В. М. Лаврова. М., 2006. С. 46.

⁶ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост. : В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1995. С. 48.

⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 151. Л. 23.

⁸ См.: Кочик, В. Советская военная разведка: структура и кадры // Свобод. мысль. 1998. № 5. С. 99.

⁹ См.: РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 64.

¹⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 15. Л. 2.

¹¹ См.: РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 61. Л. 167, 263.

¹² Кедров, М. С. За Советский Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1963. С. 280.

¹³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 75.

¹⁴ См.: Протоколы заседаний... С. 194, 198, 202, 220, 249.

¹⁵ См.: ВЧК уполномочена сообщить... / под ред. В. К. Виноградова. М., 2004. С. 280–281.

¹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

¹⁷ См.: Николаев, А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. Рязань, 2002. С. 251, 281.

¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 50. Л. 23 об.

¹⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 321.

²⁰ См.: Лубянка : Органы ВЧК – ОГПУ – НККБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991 : справочник / сост. : А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 330.

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 70. Л. 74.

²² ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТРУДОВЫХ АРМИЙ В ИДЕОЛОГИИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА 1920 ГОДА)

В статье показано, что в начале 1920 г. многими представителями советского и партийного руководства, военными специалистами, частью общественности с трудовыми армиями связывались надежды перехода к новым, более прогрессивным формам трудовых отношений. Трудовые армии воспринимались не только как временная мера, вызванная чрезвычайными условиями Гражданской войны, но и способ осуществить радикальный прорыв в восстановлении народного хозяйства.

Ключевые слова: Гражданская война, военный коммунизм, милитаризация труда, трудовая армия, доктринальные предпосылки, периодические издания.

В советской историографии о трудовых армиях традиционно говорилось как о временной мере, вызванной чрезвычайными обстоятельствами: угрозой со стороны внешней и внутренней «контрреволюции», заставлявшей воздерживаться от демобилизации военнотрудовых; невозможностью по объективным причинам использовать нормальные, «мирные» формы организации рабочей силы¹.

Данное мнение основывалось, прежде всего, на ряде высказываний В. И. Ленина, некоторых законодательных актах, посвященных участию Красной Армии в решении хозяйственных задач².

Однако такое представление о роли трудовых армий в идеологии и политике военного коммунизма вряд ли следует признать исчерпывающим. Поэтому не случайно, что с начала 1990-х гг. наметился отход от оценки перевода военнотрудовых с боевого на хозяйственном фронте как меры, временность и вынужденность которой всегда осознавалась большевиками.

Так, Н. А. Васецкий указал на порочность самой идеи создания трудармий и несостоятельность попыток реализовать ее на практике³. А. А. Иголкин историю реорганизации 4-й армии Туркестанского фронта во 2-ю трудовую связал не с экономической целесообразностью, а скорее со сложными политическими интригами в советском руководстве⁴. В. С. Боже утверждал, что «Анализ целей и характера использования войск на “хозяйственном фронте” свидетельствует о том, что тем самым была сделана попытка провести в жизнь ряд программных положений РКП (б), например, о всеобщей труд. повинности»⁵.

Более детально разобраться в указанных противоречивых суждениях, и попытаться понять, какое место отводилось трудовым армиям в процессе перехода к бесклассовому строю, можно, обратившись к советской периодике первых месяцев 1920 года.

Решение о переводе с боевого на хозяйственный фронт первой из будущих трудовых армий принимается в середине января 1920 года. Известие об этом практически сразу же с большим энтузиазмом было воспринято многими партийными и советскими руководителями, и даже частью творческой интеллигенции. В статьях, брошюрах, выступлениях того времени трудовым армиям пели дифирамбы люди самых различных взглядов и профессий. Так, уже 18 января 1920 г. начальник Всевобуча Н. И. Подвойский выражал уверенность в том, что «успех этой армии несомненен», а к борьбе с разрухой должны быть привлечены все свободные силы республики «в том числе тыловые части Красной армии, гарнизоны, кадры Всевобуча и частично, в качестве руководителей, курсанты»⁶. Не менее оптимистичен был редактор «Известий ВЦИК» Ю. М. Стеклов: «Работа и подвиги армии труда послужат примером и поучением для миллионов трудящихся масс. Они увлекут и зарадят трудовой лихорадкой всю рабоче-крестьянскую Россию, они покажут ей образец объединенного, дисциплинированного и сознательного труда на пользу общества»⁷. В выступлении на 2-й армейской конференции коммунистов, состоявшейся 27 января 1920 г., председатель Петроградского совета Г. Е. Зиновьев убеждал слушателей, что «Неделя создания трудовой армии ... великая неделя, за развитием которой будут следить

трудящиеся всего мира. Это перевоспитывает весь народ...»⁸.

«Теперь мы должны перейти к регулярной Армии Труда, – говорилось в передовице «Правды», – объединив весь промышленный пролетариат в точно, планомерно работающую организацию, привлечь и крестьянство на помощь рабочему классу, перевести армию на трудовое положение»⁹. С этим мнением в полной мере была солидарна значительная часть руководителей военного ведомства во главе с Л. Д. Троцким, который призывал не смотреть на трудармии как «на временное недоразумение или печальную неизбежность»¹⁰.

Поддержка идее трудовых армий особенно активно выражалась на страницах различных фронтовых и армейских изданий. «Видела ли история человечества более грандиозное и знаменательное начинание! – восклицал член РВС Юго-Западного фронта Р. И. Берзин, – Нет. Это новый великий шаг вперед в деле организации массового принудительного труда – всеобщей трудовой повинности теперь в государственном масштабе, а затем – настанет время – и в мировом масштабе»¹¹. В «Обращении Ревсовета Первой Армии Труда к тт. Ленину и Троцкому» выражалась надежда на то, что «трудовые армии практической работой выведут угнетенное человечество из тупика голода, холода и разрухи»¹².

«Своим неутомимым порывом и своей упорной самоотверженной работой, – указывалось в редакционной статье органа Украинского Совета Трудовой Армии – Трудармия должна увлечь, заразить всех, в ком парализована воля и недостаточно ясно сознание в необходимости суровой борьбы с разрухой»¹³.

Такого же рода настроения были характерны и для части низшего командного состава, рядовых красноармейцев, отражавшиеся в резолюциях различных воинских соединений. Разведчики Н-ского батальона 7-й армии: «Привет солнцу социалистической жизни – революционной армии труда!». Бюро коллектива Н-ского Армзапполка: «Привет первой ласточке социализма – славной армии труда!»¹⁴. Надо думать, подобные широковещательные заявления делались не только для того, чтобы воодушевить военнослужащих, но и воспроизводили завышенные ожидания относительно реального экономического и политического потенциала трудовых армий.

На перевод воинских частей на трудовой фронт откликнулись и некоторые представи-

тели интеллигенции. Так, известный поэт Д. Бедный свой энтузиазм выразил в стихотворении «Песня труда»: «Вставайте, воины труда! / Вас ждет великая страда, / Последний трудный переход / К счастливой жизни – без господ...»

Не отстал от своего собрата по перу и другой пролетарский поэт В. Князев, автор стихотворения «Письмо трудармейца домой»: «Привет товарищам родимого села, / Сестрице Аннушке, мамаше и папаше! / Вчера у нас в лесу баталия была – / Как львы дрались трудоармейцы наши / И положили сосен без числа! ... / Что новый день, то новые победы, / И скоро, думаем, коль дело так пойдет / И впредь навек отхлынут беды, / И канут в пропасть дни невзгод!...»¹⁵

Однако почти сразу же высказываются и иные, более сдержанные оценки возможности активного использования военнотрудовых частей на трудовом фронте. Смысл данной точки зрения заключался в признании, прежде всего политического значения трудовых армий. Т. е. если армию нельзя распустить из-за угрозы контрреволюции, ее следует как-то задействовать, но рассчитывать на существенный экономический эффект от перевода воинских частей на трудовой фронт не приходится. Такое мнение высказывалось преимущественно представителями профсоюзов, ряда хозяйственных организаций.

В частности, против активного внедрения принципов милитаризации выступил член президиума ВЦСПС А. З. Гольцман: «Военно-дисциплинарные методы может быть и хороши, их в некоторых случаях безусловно придется применять, но их нужно строго изолировать от хищнических приемов организации хозяйства и организации труда, какие неизбежно сопутствуют всякой военной организации. Невозможно организовать труд чисто аракчеевскими методами; труд, как и все остальные элементы народного хозяйства, требует детального изучения, рациональной организации, словом – вдумчивого к себе отношения»¹⁶.

Еще один представитель профсоюзов Н. Рязанов утверждал, что «по самому существу своему военная работа, военная организация воспитывают в своих носителях особый “воинский дух”, важный при решении боевых задач, но плохо приспособленный для хозяйственной борьбы»¹⁷.

Сомнения в возможности обеспечить высокую производительность труда военнотрудовых частей при отсутствии надлежащего матери-

ального стимулирования высказываются известным экономистом С. Г. Струмилиным¹⁸.

Однако в целом подавляющее большинство материалов, опубликованных на страницах советских периодических изданий в начале 1920 г. связывали с трудовыми армиями огромные надежды. Критические голоса то и дело в хоре славословий.

Важно рассмотреть вопрос – как должна была выглядеть трудовая армия, организованная на самых «правильных», «научных» началах? Т. е. собственно говоря, начертить схему «идеальной» трудовой армии, существовавшей в представлении, прежде всего ее яростных защитников. По мнению Л. Д. Троцкого «колоссальным преимуществом» военной организации служит «налаженная централизованная, телеграфная и телефонная связь». Каждый полк устанавливает контакт со штабом бригады, через него – со штабом дивизии, армии. В результате «вы имеете таким образом большое количество трудовых рабочих артелей, разбросанных на огромном пространстве, привыкших точно подчиняться приказам, получающих приказы по определенным линиям и дающих отчет об исполнении в тот же день». Предполагалась соответствующая перестройка военного аппарата: разведывательный отдел будет преобразован в учетно-статистический. Неизменным останется отдел связи, который будет ежедневно к 22 часам сообщать в штаб результаты работы. Начальники отделов штабов заменяются военруками, на должности которых назначаются испытанные рабочие-коммунисты с хозяйственной подготовкой. При совете трудовой армии организуется научно-технический отдел для разработки народнохозяйственных планов¹⁹.

Более обстоятельно вопросы использования технических возможностей трудовых армий раскрывались в ряде статей военных специалистов. В частности, предлагалось подчинить гражданские учреждения связи начальнику связи трудового района, который должен: «1) обеспечить в них преимущественное внимание к трудовой корреспонденции, 2) поднять их пропускную способность путем технической помощи и усиления обслуживающего персонала в нужных пунктах, 3) вдохновить в них темп военной работы»²⁰. Для наблюдения за правильным прохождением корреспонденции на все телефонные и телеграфные станции могли назначаться «политконтролеры». Такая система предполагала существование стационарных трудовых райо-

нов дивизий, бригад, полков. Автор статьи отмечал, что радиостанция должна обеспечивать прием правительственных распоряжений из Центра, передачу трудовых сводок. Обмен информацией внутри района осуществлялся по телефону и телеграфу. Также указывалось на необходимость использования команды фельдъегерей из свободных красноармейцев, автомобилей, мотоциклов, ординарцев и т. д.²¹

Успешная работа военнослужащих, как считалось, была возможна при наличии мощного партийно-политического аппарата: «Трудовая армия только тогда будет способна стать строителем государственного хозяйственного аппарата на коммунистических началах, когда она будет насквозь пропитана духом нашей партии, т. е. когда ее работой в каждой мелкой единице будет руководить, будет вдохновлять масса новых трудополитработников... Организация клубов, развлечений и пр. становится необходимой предпосылкой организации мощной своим духом Трудармии»²². Выдвигались предложения по привлечению на трудовой фронт авиации²³.

Весьма широк был и диапазон задач, которые, как представлялось, в состоянии решать трудовые армии. Анонимный автор, укравший за подписью «Главземхоз», предлагал их применять в сельском хозяйстве. По программе Главсахара предполагалось засеять весной 1920 г. до 100 тыс. дес. сахарной свеклы. Все работы, связанные с обработкой полей, сбором и подвозом урожая могли быть выполнены «целыми и неделимыми» воинскими частями: вспашка, прополка сорняков, сбор и транспортировка к заводам свеклы. По расчетам автора потребовалось бы всего 400 тыс. человеко-дней (ч/д) и 800 тыс. коне-дней (к/д) весной и 5 млн ч/д и 1 млн к/д осенью. Из военнослужащих следовало образовать большие отряды, предварительно рассчитав их численность и земельную площадь, которую можно было бы передать в ведение одного отряда. Трудармии предлагалось также использовать для мелиорации заболоченных пойм некоторых рек в Центральной России – Оки, Волги, Дона, Москвы и др. Военнослужащих, по мнению автора, требовалось концентрировать по течению одной реки, чтобы «создать районы культурных лугов». Кроме того, «широкой ареной применения сил трудармий» являлось лесное хозяйство. Военнослужащие могли помочь в приведении в порядок грунтовых дорог и т. д., и т. п.²⁴

Некоторые авторы предполагали, что трудовые армии будут способствовать револю-

ционизированию европейского пролетариата: «Трудовая армия – рабочие и крестьяне в серых шинелях. Чем дальше, тем труд их становится энергичнее и продуктивнее, тем больше порождается порыв среди наших западноевропейских товарищей последовать примеру российских рабочих и самим так же устраивать свое благополучие, как устраиваем его мы»²⁵.

Трудовые армии рассматривались и как этап перехода к милиционной системе организации вооруженных сил: «Они желательны и неизбежны как необходимая переходная стадия к милиции, что очень важно для проведения безболезненно всеобщего трудового начала»²⁶.

Высказываются мысли, напрямую перекликающиеся с идеей всеобщего вооружения народа, соединения мирного труда и военного дела: трудовая армия «не ляжет бременем на шею народную. Ей одной суждено извлечь богатства, которыми так обильна наша родина ... работая на мирной почве труда, Красная армия останется и боевой грозной для врагов народа. Несколько часов в неделю на изучение военного дела, периодические сборы для практических занятий в поле, разумное воинское воспитание в длинные зимние вечера и товарищеская спайка при сознательной дисциплине создадут из нее несокрушимую воинскую силу ... Таким я мыслю будущее Русской Народной Армии»²⁷.

Грандиозные надежды, связанные с обеспечением всеобщности труда, возлагались на 1-ю Революционную армию труда: «Смешивая и переплетая армию и рабочее население Урала, Совтрударм стал на путь осуществления территориальной областной трудармии, построенной по трудовому принципу и охватывающей все население края... Следующей была всеобщая мобилизация всего населения Урала, включая и женщин. Взятые на учет, оно в порядке трудовой повинности постепенно ставится в условия правильного распределения живой рабочей силы. Эта огромная работа идет неуклонно и должна привести к тому, что весь Урал составит одну огромную мощную Трудармию»²⁸.

Вполне очевидно, что в данных высказываниях речь не идет только о необходимости сохранить армию для фронта, попутно выполняя некоторые простейшие производственные задания. Первоначально очень многие (в первую очередь лица, непосредственно связанные с вооруженными силами) не воспринимали трудармии как временное явление, вызванное чрезвычайными обстоятельствами.

Не случайно и В. И. Ленин называл трудовые армии «необыкновенным явлением», невозможным ни в каких странах²⁹. Разве любая другая страна не могла оказаться в аналогичной ситуации? Если это лишь способ «убить двух зайцев» – сберечь армию и решить ряд хозяйственных задач, то чем же тогда трудармейцы принципиально отличаются от солдат петровских времен, которые тоже строили дороги, города, участвовали в заготовке топлива или же от аракчеевских военных поселян? К аналогичным мерам неоднократно прибегали правительства разных стран в разные эпохи. Отчего же тогда велись ожесточенные дискуссии вокруг трудовых армий, если речь шла бы только об ординарном случае хорошо всем известном в истории?

В трудовых армиях виделось гораздо большее – средство переломить ситуацию, осуществить радикальный прорыв в восстановлении народного хозяйства. Наряду с субботниками они воспринимались на каком-то этапе как локомотив, который потянет страну на всех парах в светлое будущее, своеобразный мост, перекинутый в эпоху господства сознательного, добровольного труда. Поэтому-то В. И. Ленин и считал трудовые армии «практическим осуществлением» коммунистического труда³⁰. Характерно, что и один из главных идеологов военного коммунизма Н. И. Бухарин в примечании к своей знаменитой работе «Экономика переходного периода» назвал 1920 г. годом «трудовых армий, коммунистических субботников, трудовой дисциплины»³¹.

Хорошо известно, что большевики достаточно легко экспериментировали с формой и содержанием основных постулатов марксизма. Трудовые армии являлись в какой-то степени одним из таких экспериментов, базировавшемся не на выверенных математических расчетах и не на скрупулезном анализе объективных трудовых возможностей вооруженных сил в начале 1920 г., а на надежде, что армия рабочих и крестьян, справившаяся с Колчаком и Деникиным, охваченная революционным энтузиазмом, в состоянии решить и любые другие поставленные перед ней задачи. Это казалось, подтверждало и то, что военные сами выступили с инициативой перевода боевой армии на хозяйственный фронт.

Представление о трудовых армиях исключительно как о порождении «мирной передышки» начала 1920 г., приводившееся в «Кратком курсе» истории ВКП (б) и отсюда прочно вошедшее в советскую историогра-

фию, не отражает всей сложности и противоречивости процесса строительства нового общества. На основе марксистской теории, эмпирическим путем большевиками велся постоянный поиск методов, с помощью которых можно было бы совершить прыжок в «светлое завтра». В качестве такого своеобразного «трамплина» в первые месяцы 1920 г. многими признавались трудовые армии.

Однако низкая эффективность работ трудовармейцев, неприспособленность вооруженных сил к производственным процессам заставили довольно быстро разочароваться в их возможностях. Хотя воинские соединения использовались на хозяйственном фронте еще около двух лет, прежнего внимания со стороны высшего партийного, советского и военного руководства они уже не удостоивались.

Примечания

¹ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 599. История Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5. С. 18; Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 126–127.

² См.: Ленин, В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 105; Ленин, В. И. Речь на III всероссийском съезде советов народного хозяйства 27 января 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 79; Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 97.

³ См.: Васецкий, Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992. С. 141–142.

⁴ См.: Иголкин, А. А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах. М., 1999. С. 160–162.

⁵ См.: Боже, В. С. Первая революционная армия труда РСФСР. URL : <http://www.bookchel.ru/ind.php?what=card&id=2110>.

⁶ Подвойский, Н. Организация победы в Красном тылу // Известия ВЦИК. 1920. № 12. 18 янв.

⁷ См.: Стеклов, Ю. На новом фронте // Известия ВЦИК. 1920. № 17. 27 янв.

⁸ См.: Известия ВЦИК. 1920. № 19. 29 янв.

⁹ См.: Правда. 1920. 25 янв.

¹⁰ Экономическая жизнь. Ежедневная газета Высшего Совета Народного Хозяйства и Народных Комиссариатов: Финансов, Продовольствия, Торговли и Промышленности. 1920. № 18. 28 янв.

¹¹ Берзин, Р. Красная армия труда // Революционный фронт. Орган РВС Южного и Юго-Западного фронтов. 1920. № 2. С. 8.

¹² См.: Красный набат. Издание политотдела Реввоенсовета Первой трудовой армии. 1920. № 23. 27 янв.

¹³ См.: Наши задачи // Трудовая армия. Орган Украинского Совета Трудовой Армии. 1920. 5 марта.

¹⁴ Боевая правда. Ежедневная красноармейская газета. Издание политического отдела 7-й Армии. 1920. № 18. 27 янв.

¹⁵ Боевая правда. 1920. № 31. 11 февр.; № 39. 20 февр.

¹⁶ Гольцман, А. По поводу тезисов т. Троцкого // Экон. жизнь. 1920. № 2. 2 янв.

¹⁷ Рязанов, Н. О всеобщей трудовой повинности // Там же. 1920. № 13. 21 янв.

¹⁸ См.: Струмилин, С. Трудовые армии и производительность труда // Там же. 1920. № 37. 19 февр.

¹⁹ См.: Доклад Троцкого на объединенном заседании III съезда СНХ и Московского совета рабочих и крестьянских депутатов // Там же. 1920. № 19. 29 янв.

²⁰ Гусев, А. Войсковые средства связи на службе трудовармии // Революционный фронт. 1920. № 4. С. 72.

²¹ См.: Там же. С. 73.

²² Флаксерман, Ю. Трудовая армия и политотделы // Трудовая армия. Орган Украинского Совета Трудовой Армии. 1920. 20 марта.

²³ Вечфинский. Роль авиации в области фронта труда // Революционный фронт... С. 73–75.

²⁴ См.: Главземхоз. Трудармии и сельское хозяйство // Экон. жизнь. 1920. № 79. 15 апр.

²⁵ Вологодский. Первое мая и Красная армия // Красный боец. Орган Политического отдела при Реввоенсовете Запасной Армии Республики. 1920. 1 мая.

²⁶ Дмитриевич, Г. Трудовая армия // Военная мысль. Издание Революционного Военного Совета Туркестанского фронта. Действующая армия. 1920. Кн. 1. С. 144.

²⁷ Старый Солдат о Трудовой армии // Боевая правда. 1920. № 45. 27 фев.

²⁸ Шатуновский, Я. Первый Совтрударм // Политработник. Орган Политического управления Революционного Военного Совета Республики. 1920. № 3. С. 8.

²⁹ См.: Ленин, В. И. Беседа с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 155.

³⁰ См.: Ленин, В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 315.

³¹ Бухарин, Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 130.

Е. П. Мамышева

ДОКУМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ОЙРОТСКОЙ И ХАКАССКОЙ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ (1924–1938 ГОДЫ)

В статье определяется значение материалов Государственных архивов Горного Алтая и Хакасии как важного источника изучения института представительства Ойротской (с 1948 г. – Горно-Алтайской) и Хакасской автономных областей при высших органах власти и управления РСФСР, функционировавших в 1924–1938 гг. Автором отмечается, что документы региональных архивов способствуют восстановлению полной картины деятельности представителей АО при Наркомнаце РСФСР и Президиуме ВЦИК.

Ключевые слова: архив, автономная область, источник, национальное представительство, Наркомнац, Президиум ВЦИК.

В области изучения национально-государственного строительства народов Сибири имеются значительные достижения. Однако некоторые его аспекты до настоящего времени остаются слабо или недостаточно изученными. К таковым можно отнести проблему создания и функционирования института постоянных представительств автономных образований при Президиуме ВЦИК. Значение последних в приобщении сибирских народов, в частности алтайцев и хакасов, к советскому строительству не оценено по достоинству. В фондах республиканских архивов Горного Алтая и Хакасии содержится достаточный объем информации о деятельности их национальных представительств. В 1920–1930-е гг. Советское государство, осуществляя права коренных народов Сибири на самоопределение, впервые создало их национально-государственные образования. В 1922 г. были образованы Бурят-Монгольская и Якутская АССР, Ойротская (с 1948 г. – Горно-Алтайская) автономная область. В 1924 г. был организован Хакасский уезд, преобразованный в 1925 г. в округ, а в 1930 г. – в автономную область. Автономные республики и области сыграли значительную роль в ликвидации фактического неравенства сибирских народов, в привлечении их к активному участию в государственно-политической жизни страны. Следует подчеркнуть, что представительства народов РСФСР были впервые созданы в 1920 г. при Народном комиссариате по делам национальностей на правах отделов.

Цель данной статьи – показать ценность и значимость архивных материалов как важ-

ного источника в деле изучения деятельности представителей Ойротской и Хакасской автономных областей при высших органах власти и управления РСФСР, функционировавших в 1924–1938 гг.

Ойротское областное архивное бюро было создано в октябре 1926 г. В марте 1962 г. решением Горно-Алтайского облисполкома на вновь организованный архивный отдел и государственный архив области, переведенных в систему органов исполнительной власти, были возложены задачи по оказанию методической помощи и по контролю над работой ведомственных и районных архивов. В марте 1991 г. произошло переименование архивных органов области. Решением Горно-Алтайского облисполкома упразднен архивный отдел и образован Комитет по делам архивов при исполнительном комитете Горно-Алтайского республиканского Совета народных депутатов, в состав которого в октябре 1991 г. вошел также республиканский центр документации новейшей истории (бывший партийный архив). В июне 1995 г. Постановлением Правительства Республики Алтай Комитет по делам архивов был включен в единую Государственную архивную службу в системе исполнительной власти. В начале 2006 г. была изменена структура исполнительных органов государственной власти республики. В связи с реорганизацией Государственная архивная служба преобразовалась в Комитет по делам архивов Республики Алтай, структурным подразделением которого является ГА РА¹. Среди материалов последнего интерес для нас представил фонд Р-33 «Ойротский облисполком», в котором сохранились наиболее пол-

ные сведения о постоянном представительстве Ойротской АО при Президиуме ВЦИК. Первоначально представительство автономной области ойротского народа было организовано при Наркомнаце СССР. Документы свидетельствуют, что облисполком Ойротии назначал своего представителя, который после утверждения ВЦИКом входил в Совет национальностей. Он принимал участие также в работе Малого Совета народных комиссаров РСФСР, отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР при обсуждении и решении принципиальных вопросов, касающихся национальностей вообще и представленной области, в частности². Учреждение Национального Представительства Ойротской АО при Наркомнаце РСФСР было вызвано необходимостью решения политических, экономических и социально-культурных вопросов Ойротии. Важнейшим аспектом деятельности Представительства являлось налаживание организационной работы, направленной на установление тесной связи с Наркоматами РСФСР. Успехи в деле всестороннего возрождения региона напрямую зависели от эффективности функционирования представительского учреждения, которой определялись очередность и объемы выделяемой помощи из Москвы. Экономическое и социально-культурное возрождение автономной области происходило в сложных условиях, когда народы Алтая должны были осваивать радикально изменившуюся идеологическую и политико-экономическую обстановку. Представительство Ойротии явилось связующим звеном между центральными государственными учреждениями и административными и хозяйственно-экономическими подразделениями управленческой структуры автономной области. Стабилизация ситуации в Ойротии была невозможной без всесторонней помощи и контроля центра. В свою очередь, высшие правительственные административно-политические, хозяйственные и другие органы нуждались в объективной информации о состоянии дел в субъектах РСФСР, в том числе, и Ойротской автономной области.

Постановлением II съезда Советов СССР был ликвидирован Наркомнац, а вместе с ним подлежали ликвидации и представительства автономных образований. По инициативе автономных республик и областей был поставлен вопрос о несвоевременности

их ликвидации как юридического лица, о необходимости учреждения представительств при Президиуме ВЦИК «для правильного выявления и защиты культурных и политико-экономических потребностей автономных республик и областей» и согласования их деятельности с центральными учреждениями и органами РСФСР, а через них – с СССР, с одной стороны, и центральными органами мест, с другой³. В архиве сохранилось постановление секретариата ВЦИК об учреждении при Президиуме ВЦИК института представительства автономных республик и областей, содержание штата (как правило, он состоял из представителя, секретаря и технического работника) которого переносилось на местные бюджеты⁴. Представители автономной области назначались облисполкомами и утверждались Президиумом ВЦИК по представлению отдела национальностей. Они имели право получать во всех государственных органах РСФСР необходимые для проведения возложенных на них задач сведения, справки, материалы, возбуждать во всех центральных органах РСФСР ходатайства по вопросам, относящимся к их компетенции; участвовать с правом совещательного голоса во всех центральных органах РСФСР, в межведомственных и ведомственных комиссиях и совещаниях при рассмотрении вопросов, касающихся представляемой области⁵. В их обязанности входило информирование центральных органов РСФСР по их запросам, представление отчетов о деятельности в Президиум ВЦИК и, одновременно, в областную исполнительный комитет. В 1930 г.с принятием «Положения о представителях автономных республик и автономных областей РСФСР при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» произошла унификация правового статуса представительств всех автономных образований⁶. В соответствии с указанным нормативно- правовым актом были расширены права автономной области по руководству своими представительствами, по определению их штата, финансирование представительств по-прежнему оставалось на бюджете автономной единицы.

В фонде отложились сообщения Представителя Ойротской автономной области И. И. Зяблицкого облисполкому. В одном из них весной 1924 г. он писал, что, несмотря на «ликвидационные дела», их учреждение

продолжает работу по вопросам восстановления Чуйского тракта, народного образования, установления пограничной полосы с Монголией⁷. Его переписка с облисполкомом свидетельствует о том, что при исполнении функций представителя Ойротской автономной области он встречался со сложностями, вызванными отсутствием деловой связи с отделами облисполкома. Он отмечал, что «в течение трех месяцев представительству отделами не было послано ни одной бумажки, в которой бы выявилось положение того или иного отдела»⁸. Далее Зяблицкий убеждал своих земляков в том, что сохранение представительства важно, так как «область еще не вошла в эру экономической бездефицитности, а это заставляет ее ставить перед центром массу важных вопросов хозяйственного и культурного характера»⁹. По его мнению, только представительство при тесном сотрудничестве с местом (автономной областью. – Е. М.) могло стать неременным проводником вопросов принципиального и повседневного значения. В фонде представлены материалы о деятельности представительства Ойротии в области развития образования. Так в одном из отчетов указывалось, что перед Советом национальных меньшинств Наркомпроса поставлен вопрос об отпуске средств для борьбы с ликвидацией безграмотности. В июне 1924 г. полпредство занялось вопросами издательства учебников на ойротском языке: букваря, первой книги для чтения и задачника. Особый интерес представляет сохранившийся договор представительства с Центральным издательством народов СССР, в соответствии с которым книги должны были выйти не позже 15 сентября 1924 г.¹⁰ Значительный интерес представляет часть дел фонда Р-33, в которых отложились документы представительства, свидетельствующие о его участии в решении основных организационных вопросов здравоохранения. В частности, при содействии представителя Зяблицкого в Наркомате здравоохранения для Облздравотдела были получены две аптеки-амбулатории, рассчитанные на 1000 посещений¹¹. Сотрудники архива сохранили также факты об участии представительства Ойротии в решении проблемы подготовки национальных кадров в высших и средних учебных заведениях Центральной России. К примеру, И. С. Алагызов, находившийся в должности представителя с конца 1932 г., в январе 1937 г. обратился к Председателю Комитета по делам Искусств при СНК СССР Керженцеву с

просьбой об определении на учебу скульптора-самородка Ярымка Мечешева с предоставлением ему общежития и стипендии¹². По поручению Ойротского обкома ВКП (б), облисполкома наряду с важными вопросами социально-экономического и культурного строительства в Горном Алтае представителю приходилось решать мелкие вопросы выделения автономной области легковых машин. Так, в 1937 г. Алагызов обратился в СНК СССР с просьбой от имени обкома и облисполкома выделить «в первом квартале сего года по одной легковой машине марки М-1»¹³. Представительства автономных областей оказались втянутыми в кампанию по развертыванию массового социалистического соревнования. В ГА РА сохранились договоры социалистического соревнования коллективов сотрудников представительств Ойротской и Кара-Калпакской АО при Президиуме ВЦИК от 31 декабря 1931 г.¹⁴ Социалистическое соревнование провозглашалось одним из главных условий осуществления быстрого темпа индустриализации страны и перестройки сельского хозяйства на социалистических началах. В связи с этим представительства обязались оказывать «всемерную помощь и содействие областным организациям в проведении их вопросов в правительственных и центральных организациях, улучшать качество работы сотрудников и повышать производительность труда, повысить трудовую дисциплину».

Богатую информацию о деятельности представительства Хакасской автономной области удалось почерпнуть из фондов Государственного архива Республики Хакасия (ГА РХ) и Отдела документов новейшей истории ГА РХ (ОДНИ ГАРХ), являющихся структурными подразделениями Комитета по делам архивов при Правительстве Республики Хакасия. В октябре 1927 г. было создано окружное архивное бюро при аппарате секретариата Хакасского окрисполкома. В 1935 г. оно было преобразовано в областное архивное управление Хакоблисполкома, а в 1939 г. – в областной архивный отдел НКВД, затем МВД (находился в его подчинении по 1960 г.). В феврале 1987 г. решением Хакасского областного Совета народных депутатов был образован архивный отдел, переименованный в марте 1992 г. Постановлением Совета Министров Республики Хакасия в Комитет по делам архивов при Совете Министров Республики Хакасия, с мая 1997 г. – при Правительстве Республики Хакасия. В марте 1992

г. Государственный архив ХАО преобразован в Центральный государственный архив РХ. В 2005 г. ЦГА РХ, переименованный снова в Государственный архив РХ, вошел в состав Комитета по делам архивов при Правительстве РХ¹⁵.

В документах ГА РХ находятся сведения о создании данного института, об условиях назначения на этот пост первого полпреда Хакасии П. И. Гедымин-Тюдешевой. Данное решение было принято в ноябре 1930 г. на первом заседании организационного комитета Западно-Сибирского крайисполкома по образованию Хакасской автономной области¹⁶. Достаточно интересны воспоминания Гедымин-Тюдешевой, которые вошли в личный фонд Заслуженного работника культуры РСФСР С. К. Доброва № 658. Несомненно, воспоминания как источник несут в себе субъективность, в которой и проявляется его специфика. Тем не менее, они помогают восстановить такие стороны событий, которые не могут найти отражения ни в каком другом источнике, и сохранить живое непосредственное восприятие автором действительности. Гедымин-Тюдешева, имевшая большой стаж партийной и государственной работы в г.Красноярске, Иркутской области и Бурятии и вернувшаяся в Хакасию в июне 1930 года, в условиях проводимой в 1930-е гг. политики коренизации государственного аппарата, оказалась весьма кстати, и поэтому ее назначение на должность как представительницы коренного этноса выглядело вполне логичным. Для нее же назначение явилось полной неожиданностью. «Мало-мало развязался язык, и ответила, что меня край послал на работу в Хакасию, а не в Москву», – писала Парасковья Иннокентьевна в воспоминаниях, – «ибо совершенно не знала Хакасии»¹⁷. Несмотря на возражения Парасковьи Иннокентьевны, члены Оргкомитета приняли решение о назначении ее представителем Хакасии. Фонд Р-38 «Представительство ХАО при Президиуме ВЦИК» помогает в реконструкции деятельности полпреда Гедымин-Тюдешевой. Фонд включает ее отчеты перед Хакоблисполкомом. За два года пребывания на этом посту П. И. Гедымин-Тюдешева совместно с заведующим Национальным отделом и инструкторами ВЦИК приняла активное участие в разработке мероприятий по развитию промышленности, сельского хозяйства и здравоохранения автономной области и добилась их

рассмотрения на заседаниях ВЦИК. Гедымин-Тюдешева добилась в Наркомате здравоохранения выделения электроаппаратуры для областной больницы, организации в Хакасии передвижных медицинских красных юрт по борьбе с трахомой, предоставления средств для строительства в г. Абакане учительского института. П. И. Гедымин-Тюдешева добилась выделения в 1931 году 28 тыс. рублей от комитета УТБ (устройства труда и быта) ВЦИК на организацию дома матери и ребенка в автономной области. По ее ходатайству Народный Комиссариат просвещения предоставил Хакасии 48 мест в разные учебные заведения, Комитет по делам печати отпустил 75 тыс. рублей для национального издательства и т. д. По ходатайству представителя ХАО Литературно-издательская коллегия в 1931 г. была преобразована в Национальное издательство, преобразованное впоследствии в Хакасский филиал Западно-Сибирского ОГИЗа, и увеличены тиражи газет «Советская Хакасия» и «Хызыл аал» (на хакасском языке)¹⁸. Важное значение в своей деятельности Гедымин-Тюдешева придавала вопросам подготовки национальных кадров в высших и средних учебных заведениях Центральной России. Она выступала в качестве связующего звена между учебными заведениями гг. Москвы, Ленинграда и областными учреждениями. Так, к примеру, в мае 1932 г. Парасковья Иннокентьевна обратилась в комитет национальностей Наркомпроса с предварительной (т. к. данный вопрос не был до конца отрегулирован с Хакасским облоно) просьбой о бронировании 29 мест на осенний прием в ВУЗы: индустриальные, инженерно-строительный, плановый, пединститут, художественной живописи¹⁹. Несколько позже представитель ХАО при ВЦИК вела переписку с областным советом физической культуры по поводу открытия с первого августа 1932 г. подготовительных курсов при Московском центральном институте физкультуры СССР для нацменов и отправки студентов-хакасов для обучения²⁰. После получения ответа из облоно Гедымин-Тюдешева сделала заявку в названный институт на бронирование двух мест, обосновывая это тем, что «дело развития физической культуры в области среди коренного населения является особо слабым в виду полного отсутствия национальных кадров»²¹. Представительство поддерживало тесную связь со студентами-земляками, обучавши-

мися в Москве и Ленинграде, содействовало улучшению их жилищно-бытовых условий, контролировало их распределение на работу.

ОДНИ ГАРХ создан на базе архива Хакасского обкома КПСС (открыт в 1939 г.), который в соответствии с Указом Президента РФ «О партийных архивах» (№ 83 от 24.08.91) был передан в ведение Государственной архивной службы. Согласно этого указа и на основании решения № 348 Хакасского республиканского исполнительного комитета от 10 октября 1991 г. партийный архив Хакасского обкома КПСС получил статус филиала Хакасского республиканского архива, а постановлением № 51 Совета Министров РХ от 25 марта 1992 г. переименован в филиал Центрального государственного архива Республики Хакасия²². В 2005 г. в связи с реорганизацией Комитета по делам архивов при правительстве РХ и присоединением к нему ЦГА РХ в качестве структурного подразделения филиал ЦГА РХ переименован в ОДНИ ГА РХ²³. Фонды ОДНИ ГА РХ дополняют картину деятельности института представительства ХАО при Президиуме ВЦИК. В них сохранились ценные материалы переписки представителей ХАО И. А. Макарова и А. И. Кузугашева с первыми секретарями Хакасского обкома ВКП (б). Данная переписка весьма информативна, она проливает свет, в частности, на причины движения кадрового состава представительства. В августе 1932 г. П. И. Гедымин-Тюдешева в соответствии с решением Хакасского обкома ВКП (б) была отозвана Хакоблисполкомом на должность заведующего областным отделом народного образования. В докладной записке Отделу национальностей ВЦИК было указано, что кандидатура на пост представителя автономной области будет выдвинута не позднее сентября месяца²⁴. Однако в условиях недостатка специалистов назначение затянулось, поэтому Хакасский обком ВКП (б) обратился к Западно-Сибирскому представительству при ВЦИК «принять на себя временно, по совместительству, до подбора работника обязанности представителя Хакасии»²⁵. Материалы фонда № 2 свидетельствуют, что впоследствии эта просьба была удовлетворена: работник представительства Запсибкрайисполкома в Москве И. А. Макаров одновременно исполнял обязанности представителя ХАО в период с ноября 1932 г. по апрель 1933 г. Из его отчетов видно, что за время короткого пребывания на этом посту Макаров успел принять активное

участие в решении вопроса об организации национального театра в Хакасии. Он выходил с ходатайствами об отпуске дотаций в комитеты по делам национальностей при Наркомпросе и при ВЦИК²⁶. Переписка Макарова с областными учреждениями свидетельствует о том, что исполнять функции представителя Хакасской автономной области ему сложно, так как он много лет проработал в качестве заместителя представителя Запкрайисполкома. В частности, он отмечал: «Мое участие в рассмотрении и проведении контрольных цифр на 1933 г. было чрезвычайно затруднительно по той простой причине, что кроме телеграммы облисполкома о наметках области на 1933 г. я никаких материалов не имел»²⁷. Очевидно, в связи с необходимостью иметь на этом посту человека, более сведущего в делах области, в апреле 1933 г. Хакасский облисполком принял решение о назначении на должность А. И. Кузугашева²⁸. Переписка последнего с секретарем обкома ВКП (б) С. Е. Сизых, рассекреченная в 1996 г., отражает активную деятельность Кузугашева как представителя Хакасской автономной области. В октябре 1933 г. на совещании при отделе Национальностей ВЦИК по вопросам планирования на предстоящий 1934 г. он заявил о необходимости помочь таким областям, как Хакасия, Ойротия²⁹. При активном содействии полпреда положительно был решен вопрос о строительстве в г. Абакане типографии, Дома Советов, Дома культуры.

Представители Ойротии и Хакасии при Президиуме ВЦИК осуществляли подготовку многих крупных вопросов экономического и социально-культурного строительства области для рассмотрения в высших органах власти и управления РСФСР, прилагали все усилия к решению важных проблем области на самом высоком уровне. С принятием Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. возникли новые формы государственно-правовых связей автономных образований с Союзом ССР, Российской Федерацией. В связи с этим обстоятельством институт постоянных представительств АССР и автономных областей был ликвидирован постановлением СНК СССР № 676 от 29 мая 1938 г.³⁰

Таким образом, материалы региональных архивных хранилищ являются ценным источником в изучении проблемы. Документы позволили реконструировать деятельность представительств Ойротской и Хакасской автономных областей, показать их роль в становлении советской государственности в алтайского и хакасского народов в 1924–1938 гг.

Примечания

- ¹ См.: Гавриков, А. Н. Из истории создания архивного фонда Республики Алтай // Вестн. архивиста. 2008. № 4. URL : [http:// www.vestarchive.ru/content/view/ 163/35](http://www.vestarchive.ru/content/view/163/35).
- ² См.: Митюков, М. А. Первая советская Конституция 1918 г. и становление законодательства об автономных областях // Советское конституционное законодательство и вопросы государственного управления / отв. ред. А. И. Ким, В. Ф. Волович. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. С. 84–91.
- ³ Государственный архив Республики Алтай (далее ГА РА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.
- ⁴ Там же. Д. 289. Л. 105.
- ⁵ СУ РСФСР. 1930. № 48. Ст. 582.
- ⁶ См.: Митюков, М. А. Представительство Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК (1930–1938 гг.) // Из истории советской Хакасии. Абакан, 1986. С. 42–49.
- ⁷ ГА РА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.
- ⁸ Там же. Л. 38.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 65.
- ¹¹ Там же. Л. 9.
- ¹² ГА РА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 983. Л. 20.
- ¹³ Там же. Л. 30.
- ¹⁴ ГА РА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 535. Л. 13.
- ¹⁵ См.: Сушкова, Т. А. Центральный государственный архив Республики Хакасия // Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 2. Абакан, 2008. С. 261.
- ¹⁶ ГА РХ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 121. Л. 35.
- ¹⁷ Там же. Л. 35.
- ¹⁸ См.: Митюков, М. А. Представительство... С. 46.
- ¹⁹ ГА РХ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
- ²⁰ Там же. Л. 17.
- ²¹ Там же. Л. 18.
- ²² См.: Чебочакова, В. П. История создания филиала ЦГА РХ, содержание и значимость его фондов // История Хакасии в партийных и комсомольских документах : тез. выступлений участников архивных чтений, посвященных 60-летию филиала ЦГА РХ. Абакан, 2000. С. 3.
- ²³ См.: Архивы Хакасии. Информационно-методический бюллетень Комитета по делам архивов при Правительстве Республики Хакасия. № 13. Абакан, 2006. С. 3; по данным на 01.01.2009 г. ОДНИ ГА РХ содержит 849 фондов, 134.678 единиц хранения.
- ²⁴ ОДНИ ГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 25.
- ²⁵ Там же. Л. 27.
- ²⁶ См.: Карачакова, О. М. Указ соч. С. 241.
- ²⁷ ГА РХ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 132. Л. 45.
- ²⁸ См.: Абдин, Н. С. Верный сын своего народа // Хакасия. 2005. 24 окт.
- ²⁹ ОДНИ ГА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189, 322, 549.
- ³⁰ См.: От уезда к республике : сб. архив. док. 1917–1991гг. Горно-Алтайск, 2001. С. 87.

Г. И. Малышенко

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ И СПОСОБЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КАЗАКОВ В ЭМИГРАЦИИ

В статье исследуются специфика хозяйственного быта казачьих поселений и причины выбора казаками различных способов экономической адаптации. Проанализированы основные способы адаптации: трудовая иммиграция, наличие финансовых средств, организация собственного дела и различных форм кооперации. Особый интерес представляют вопросы, касающиеся профессиональных навыков земледельческого населения эмиграции, роли международных организаций в экономической адаптации русских беженцев.

Ключевые слова: эмиграция, казачьи поселения, хозяйственный быт, экономическая адаптация, финансовые ресурсы, трудовая иммиграция, «нансеновские паспорта», сельскохозяйственная кооперация, производственные артели, кооперативные товарищества, организация собственного дела, профессиональное образование, уровень жизни.

В эмиграции уровень жизни казаков определялся спецификой хозяйственного быта, их экономической адаптацией к условиям чужой страны, отличающейся глубокими национальными, бытовыми, нравственными и экономическими особенностями. Для большинства эмигрантов новая среда обитания вызывала определенные сложности при выборе ими способов адаптации: места жительства и трудоустройства, личных сбережений, финансовой помощи международных и эмигрантских организаций, развития собственного дела и коллективных форм организации труда, а также уровнем профессионального образования беженцев.

Немаловажным способом экономической адаптации российского казачества в эмиграции был выбор на чужбине места жительства и трудоустройства. После краха правительства Колчака и завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке значительные силы беженцев обосновались преимущественно вдоль полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Несмотря на тяжелый труд борьба за существование для них оказалась менее напряженной. В наиболее благоприятных условиях труда оказались казаки Забайкальского казачьего войска.

Немало забайкальцев приняли казачьи поселки старожилов возле Хаула, Дербула, Гана, известных жителям Забайкалья как Трехречье. Многие забайкальцы-старожилы переправились сюда через реку Аргунь со своим имуществом и скотом. Бывшая до того целинной трехреченская земля впервые была возделана под злаки. Любовь к земле и со-

зидательному труду стали главной причиной возрождения здесь хозяйственного быта родных областей. Рост численности населения Трехречья наблюдался особенно после прихода русских эмигрантов из полосы отчуждения, приаргунского района, Барги и приграничных территорий Советского Приморья. Хотя жизнь русских эмигрантов поначалу была не легкой, но адаптировались они сразу и органично вписались в среду местного населения. Первое время некоторые казаки получили необходимую помощь от родных, которые проживали вдоль линии КВЖД¹.

Во многих сельскохозяйственных районах северо-восточных провинций Китая многие казаки при распашке земельных угодий использовали тягловую силу лошади-монголки, отличавшейся выносливостью, хорошими беговыми качествами. Во второй половине 1920-х гг. на территории Барги уже насчитывалось более 45 тыс. оседлого населения. Из этого числа более 3 тыс. являлись русскими земледельцами. Китайских земледельцев было чуть более 1 тыс. человек. Удельный вес земледельческого населения Трехречья достигал 91 % от общей численности его жителей. Размер посевной площади составлял не менее 10 тыс. гектар. В лучшие годы трехреченский район обеспечивал внутренний рынок продукцией животноводства, земледелия, охоты на сумму около 500 тыс. китайских долларов².

Однако недостаток пастбищ вблизи Китайской Восточной железной дороги вынуждал представителей казачьей эмиграции отказаться от идеи разведения скота. Во

время летнего периода беженцы Хайларо-Мергелской долины вели полукочевой образ жизни, кочуя со скотом по побережью рек Аргуни и Мергела³.

Большая часть казачества поселилась в Харбине, являвшимся административным центром Китайской Восточной железной дороги. Управление железной дороги находилось на территории Нового города, который выделялся одноэтажными кирпичными коттеджами. При содействии администрации дороги в них заселились те беженцы, которые впоследствии пополнили штат служащих КВЖД. Некоторые представители казачьей эмиграции стремились найти жилье вблизи Старого Харбина, Славянского и Корпусного Городков. Наиболее обездоленные беженцы облюбовали частный сектор Модягоу⁴.

Значительная часть казаков поселилась вдоль полосы отчуждения. Для многих из них сложилось трудное положение, так как на квалифицированные должности техников и служащих почти никого не брали, а на тяжелых работах были заняты представители китайского населения. Лишь при содействии бывшего генерального консула России, председателя Эмигрантского комитета В. Ф. Гроссе отдельных казаков-эмигрантов стали принимать на технические и административные должности⁵.

Проблемы экономической адаптации русских беженцев находились в центре внимания международной организации Лиги Наций. При ее непосредственном содействии была решена проблема выезда оренбургских казаков Западного Китая в Америку, Канаду, Парагвай и другие страны. Под воздействием Лиги в беженской среде получили распространение так называемые «нансеновские паспорта», которые подтверждали личность владельца. В течение срока своего действия паспорт Нансена давал его владельцу право обращаться к властям во время получения въездной визы в другую страну. Иностранное государство, признавшее паспортизацию международной организации, обязывалась защищать права русских эмигрантов.

Приобретение паспорта сыграло большую роль в жизни многих соотечественников, оказавшихся против собственной воли за пределами родины. Благодаря ему эмигрантам удавалось получить документы, подтверждавшие утраченные дипломы или аттестаты об окончании учебных заведений в России.

Большой резонанс у казаков вызывало то, что получение паспорта означало приравнение их к иностранцам перед законодательством тех стран, которые оказали им приют. Теперь они свободно могли передвигаться по территории иностранного государства и обладать правом выбора профессии⁶.

Особый интерес в налаживании бытовых сторон российской эмиграции на территории Китая проявляла Комиссия трудовой помощи безработным при Харбинском комитете Союза городов. Благодаря ее деятельности было организовано несколько производственных мастерских-артелей. Наибольшую известность получила Артель женского труда. В течение месяца численность работниц увеличилась с 4 до 25 человек. Среди них оказалось несколько женщин – представительниц казачьей эмиграции. Весной 1920 г. из Шанхая были выписаны швейные машинки для выполнения сложных операций. После их освоения швейные работницы приступили к выполнению срочных заказов⁷.

Видное место по трудоустройству казаков-эмигрантов в Шанхае занимал Союз русских торговцев и служащих в Китае. Под руководством его правления был учрежден Дом трудолюбия, обеспечивавший беженцев работой. Кроме этого Союз выискивал денежные средства на приобретение необходимых инструментов и помещений, определял район сбыта изделий. Немало усилий было предпринято Союзом при организации прачечной, гаража и небольшой типографии. Устроившиеся здесь эмигранты могли приобрести минимальный заработок, который позволял избавить их семьи от голодной смерти⁸.

Нелегкие условия для трудоустройства сложились у казаков в отдаленных участках Китайской Восточной железной дороги. Только эмигранты Мукдена были лишены безработицы, которая процветала в Чаньчуне, Ханькоу и в дальних городках северных провинций Китая. Тут нелегко было найти им какую-либо работу: они ограничивали свои потребности 1 фунтом картофеля и проса, выделяемыми китайскими властями в день на человека. Основная масса беженцев ежедневно сталкивалась с трудностями, потеряв веру во всевозможные планы роста уровня жизни.

По сравнению с основной массой русских беженцев в эмиграции наиболее приспособленными к условиям чужой страны оказались те, кто сумел награть за пери-

од Гражданской войны немало ценностей. Подавляющее же большинство казаков на чужбине испытывало нужду и, впоследствии, когда все было продано или заложено, впало в нищету, терпя многочисленные лишения. Особенно тяжело приходилось беженцам, которые оказались здесь со своими семьями. Немногим из них удалось использовать личные сбережения для организации собственного дела и коллективных форм хозяйствования: артелей, товариществ и общин⁹.

Летом 1920 г. в Харбине из остатков разбитого Оренбургского войска была создана производственная артель, которая впоследствии стала именоваться Оренбургской казачьей дальневосточной станицей. Осенью 1923 г. по примеру оренбуржцев казаки Сибирского войска переименовали производственную общину в Сибирскую казачью станицу. Спустя некоторое время были организованы станица казаков Амурского казачьего войска и вторая станица оренбургского казачества имени атамана Дутова. К 1923 г. более 10 казачьих общин возникли в различных местах северного Китая: Западное Трехречье, Барга или Хулумбуир, расположенный в долинах рек Ган, Дербул и Хаул; Китайская Восточная железная дорога (от станции Маньчжурии до Хайлара), включая район Приаргунья; город Харбин; Восточная линия железнодорожного полотна (между Харбином и станцией Пограничная); западная половина КВЖД; западная половина дороги (район между Хайларом и Харбином). Значительное представительство в них имели дальневосточные казаки: забайкальцы, амурцы, уссурийцы. Несколько меньше было представителей Сибирского, Оренбургского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского казачьих войск. За основу формирования зарубежных станиц брались войсковой и общеказачий принципы. Наиболее крупными объединениями являлись Трехреченская, Якешенская, Найджин-Булакская и Цаганская станицы¹⁰.

Население казачьих станиц способствовало восстановлению трудовой деятельности Китайской Восточной железной дороги, являвшейся основным экономическим центром северных районов Китая. Постоянные поставки сельскохозяйственной продукции станиц на железнодорожные станции содействовали упрочнению позиций русских коммерсантов. К началу 1925 г. в городах Харбине и Маньчжурии насчитывалось 1200 русских

предприятий: 5 банков, 60 промышленных объектов, свыше 300 различных мастерских, 21 типография. Наивысшие успехи железнодорожного узла были достигнуты при управляющем КВЖД инженере Б. В. Остроумове, который содействовал трудоустройству бедствующих слоев казачьей диаспоры¹¹.

Свой план трудоустройства казачества разработал служащий Земельного отдела Китайской Восточной железной дороги В. К. Рерих. Для его составления был использован опыт работы Омской конторы Союза сибирских кооперативных союзов. Этот проект предусматривал организацию сельскохозяйственных кооперативов на территории Барги, где находились плодородные земли Трехречья, лучшие пастбища для скота и полезные ископаемые Большого Хингана. Благодаря усилиям Рериха были учреждены опытное поле вдоль западной линии КВЖД и маслодельно-сыроваренный завод в Харбине. С разрешения местных властей стали функционировать трехреченские кооперативы «Алатырь», «Белуха», «Ур» и «Новый синдикат». За пределами России казаки не теряли своих самобытных черт и оставались верными своему хозяйственному быту. Длительное время ведущие позиции в хозяйственной деятельности зарубежного казачества сохраняло скотоводство. Отдельные его представители разводили лошадей, крупный рогатый скот, свиней, овец и верблюдов. С казачьей эмиграцией неразрывно связана такая отрасль сельскохозяйственного производства как маслоделие. К началу 1930 г. на территории Барги уже насчитывалось 8 маслодельных заводов¹².

За пределами родных областей экономическая адаптация у отдельных представителей казачества протекала в тесной связи с организацией собственного предпринимательства. Некоторые из них стали заниматься извозом, отбросив думы о завтрашнем дне. Однако из-за высокой конкуренции с местным населением немногим из них сопутствовала удача в этом виде предпринимательства. Лишь ничтожное меньшинство эмигрантов имело постоянный заработок. А при разрешении трудовых конфликтов китайские власти отдавали предпочтение рикшам, нежели казакам-извозчикам¹³.

Были лишены возможности развивать наиболее значимые формы предпринимательской деятельности казаки на территории Японии и Кореи. Это объяснялось их малочисленностью и отсутствием крупных центров компактного

проживания. Утвержденные правительствами этих стран законы не благоприятствовали росту хозяйственной деятельности русских беженцев. К тому же принятие гражданства позволяло им лишь интегрироваться в иностранные фирмы и иные предпринимательские структуры. Однако эмигранты не лишались права заниматься мелкой индивидуальной деятельностью. Самой популярной среди них была профессия коробейников, которые ездили с различным товаром по районам проживания беженцев¹⁴.

К способам экономической адаптации казаков на чужбине следует отнести трудовую иммиграцию, которая наблюдалась во многих регионах Зарубежной России. Некоторые из них стремились переселиться в Австралию и латиноамериканские страны. Австралийские города Мельбурн, Сидней и Брисбен стали новым местом расселения основной массы русских переселенцев. Для них работу могли предоставить фермеры, владельцы плантаций и различных предприятий. Рабочая сила казаков имела спрос на шахтах, фермах, сахарных плантациях. Повсюду размер заработной платы был различным. Интеллигентский труд считался привилегией для иностранных граждан. Поэтому представители казачьей интеллигенции могли трудоустроиться только после успешной сдачи государственных экзаменов¹⁵.

Большинство казачьей эмиграции австралийского континента обосновалось в штате Квинсленд, где имелись станицы Бризбенская, Кордалбская, Талийская и другие. Занятия станичников были самые разнообразные. Одни имели собственные фермы и выращивали хлопок, тростник или же овощи, а другие - арендовали фермы. Но все же значительная часть русских беженцев оставались батраками и работали на местных фермеров¹⁶.

С глубоким пониманием к судьбам казаков-эмигрантов отнеслось правительство Аргентины. Оно выделило для них земли в отдаленных районах страны. Желающие могли получить земельные участки от 25 до 350 гектаров, в зависимости от характера колонии – земледельческой или скотоводческой. В качестве обязательного условия эмигранты должны были обвести свой участок проволокой в пять рядов, построить дом или мазанку, выкопать колодец и засеять четвертую часть земли. Лишь после этого земля передавалась казакам в полную собственность и распоряжение¹⁷.

Русские беженцы прочно укоренились в Аргентине. Это объясняется тем, что они отправились за океан найти свое счастье, и не предавались «бесплодным мечтам о чудесном возвращении доброго старого времени». Немаловажное значение для «приживаемости» на новых землях имело и то обстоятельство, что, как отмечала газета «Накануне», среди прибывших в Аргентину не было бывших и настоящих толстосумов, «много шумевших об общем благе и думавших только о себе»¹⁸.

Однако момент переселения русских беженцев в Бразилию оказался неподходящим. В стране разразился экономический кризис как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, прогрессировала безработица, от которой страдали многие иностранцы. Даже опытные техники, агрономы и другие специалисты не могли найти себе работы. Положение казаков усугубилось еще тем, что бразильские власти отказали им в обещанных земельных участках. Беженцы заключили контракты с местными владельцами кофейных плантаций на тяжелых, почти рабских условиях¹⁹.

Вне родных областей экономической адаптации казачьей эмиграции способствовало наличие у некоторых ее представителей профессионального образования, которое позволило им вводить на своих предприятиях современное оборудование и новые технологии производства. Это способствовало интенсивному развитию мукомольного дела, развитию молочного животноводства и зернового хозяйства, а также созданию перерабатывающих предприятий. Большим спросом пользовались крупнейшие предприятия «Братьев Воронцовых», «Кухтины и Ко», «Верх-Кулинский». Производимое ими масло сбывалось во многие города и населенные пункты зарубежья. Немалой известностью у станичников пользовался хайларский комплекс заводов по выпуску шубно-кожевенных и пимокатных изделий, а также винокуренный завод братьев Воронцовых в Трехречье. К 1933 г. в северо-западных районах китайского государства существовало 23 маслодельных завода, 22 мельницы, 5 кирпичных заводов. Благодаря профессиональному образованию русские эмигранты сохранили ключевые позиции во многих сферах производства – лесной, лесоперерабатывающей, угольной промышленности Китая²⁰.

Таким образом, исследование хозяйственного быта и способов экономической адапта-

ции казачьей эмиграции показало, что вдали от родины казакам пришлось заново строить свою жизнь, преодолевая многие трудности. Возрождение и развитие традиционных форм хозяйствования, профессиональное образование и любовь к созидательному труду сыграли немалую роль в улучшении материального благосостояния русских беженцев.

Примечания

¹ См.: Гун-Бао. Харбин, 1928. 28 нояб.

² См.: Белоглазов, Г. П. На чужих полях // Россия и АТР. Владивосток, 1998. № 1. С. 17.

³ См.: Кормазов, В. А. Хинганская провинция (Синань) // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1934. № 1. С. 44.

⁴ См.: Сидоров, Г. Воспоминания скрипача. Ч. 1. Омск, 1993. С. 6.

⁵ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 37.

⁶ См.: Тимонин, Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945-е гг.). Омск, 2000. С. 82.

⁷ См.: Свет. Харбин, 1920. 27 июня.

⁸ РЗИА. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Без инвентаризации.

⁹ См.: Харбинское время. Харбин, 1932. 9 июня.

¹⁰ См.: Рупор. Харбин, 1927. 5 авг.

¹¹ ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

¹² См.: Юзефович, Л. А. Самодержец пустыни : Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга. С. 132.

¹³ См.: Великая Маньчжурская империя : К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 411.

¹⁴ См.: Иванов, В. П. Российское Зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. М., 2003. С. 75.

¹⁵ См.: Вестн. казачьего союза. Париж, 1926. № 5–6. С. 47.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 12. Л. 63–64.

¹⁷ См.: Рус. вестн. Буэнос-Айрес, 1951. С. 75.

¹⁸ Накануне. Париж, 1922. 22 авг.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 34. Л. 16.

²⁰ Там же. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 15. Без инвентаризации.

О. В. Афонасьева

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ (1965–1985 ГОДЫ)

В развитии сельскохозяйственного производства одну из главных ролей играет материально-техническая база хозяйств. Изменение экономической политики СССР в середине 1960-х гг. в пользу сельского хозяйства, позволило значительно укрепить производственные фонды колхозов и государственных сельскохозяйственных предприятий. В 1965–1985 гг. сельские хозяйства Среднего Зауралья претерпели значительные изменения в оснащенности производства, что в итоге отразилось на росте сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: сельское хозяйство, капитальные вложения, материально-техническая база, сельскохозяйственное производство, производственные фонды сельскохозяйственного назначения, комплексная механизация, индустриализация сельского хозяйства, техническая оснащенность.

За последние два десятилетия сельское хозяйство России понесло огромные и трудно-восполнимые потери. Значительно снизилась урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность скота и птицы, практически вдвое уменьшилась производительность труда. Основной причиной сокращения объемов производства стала быстро нарастающая ресурсная деградация отрасли, ее материально-технической базы обеспечивающей бесперебойность и интенсификацию производственного процесса.

Сложившееся положение в сельском хозяйстве современной России можно сравнить с ситуацией в СССР 1950 – начала 1960-х гг. Отставание страны от ведущих капиталистических государств в сельскохозяйственном производстве и обеспеченности продуктами питания населения привели государственное руководство к выводу о необходимости кардинальных мер в аграрном секторе национальной экономики. Одно из главных направлений выхода из сложившейся ситуации виделось в совершенствовании материально-технической базы колхозов и совхозов на основе последних достижений науки.

Впервые вопрос о всестороннем использовании возможностей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве был поставлен на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС. В решениях пленума подчеркивалось особое значение механизации и автоматизации производства, отмечалась большая роль повышения квалификации рабочих, колхозников, специалистов как решающего фактора обеспечения наиболее эффективного использования новой техники¹.

Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе научно-технического прогресса, говорилось в программе, принятой XXII съездом КПСС, который поставил в центр внимания задачи полной электрификации деревни, комплексной механизации основных и вспомогательных работ с дальнейшим переходом к автоматизации производственных процессов, широкое применение химии в народном хозяйстве² и т. д. Из комплекса условий подъема сельского хозяйства, выдвинутых мартовским (1965 г.) пленумом ЦК КПСС, на первый план выступало совершенствование его материально-технической базы.

Для этих целей было произведено перераспределение национального дохода в пользу сельского хозяйства. Удельный вес капитальных вложений в отрасль был увеличен с 20 % (по отношению к их объему в целом по народному хозяйству) в VII пятилетке (1961–1965 гг.) до 23 % в VIII (1966–1970 гг.), и 26–27 % в IX и XI пятилетках (1971–1985 гг.). В результате объем капитальных вложений в сельское хозяйство РСФСР за 1966–1985 гг. составил 311,5 млрд руб., из них 241,6 млрд руб. было использовано на строительство и реконструкцию объектов производственного назначения и приобретение техники³.

1965–1985 гг. для Среднего Зауралья стали временем значительных перемен. Территориально совпадая с границами юга Тюменской области, Среднее Зауралье представляет собой единую сельскохозяйственную зону, перед которой в середине 1960-х гг. встала задача в кратчайшие сроки увеличить производство сельскохозяйственной продук-

ции, потребность в которой резко увеличилась в связи с формированием крупнейшего Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и высокими темпами роста населения региона.

Как и в целом по стране, объем капитальных вложений в сельскохозяйственное производство края возрастал с каждым годом. Так, если в (1966–1970 гг.) на эти цели было направлено 568 млн руб., то в 1981–1985 гг. – 1743 млн руб. Всего же за двадцать лет, с 1965 по 1985 гг., в сельское хозяйство территории было вложено 4586 млн. руб. Основной объем выделяемых финансовых средств направлялся на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Только в первой половине 1980-х гг. на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования было потрачено 1580 млн руб.⁴

Одним из ведущих направлений государственного финансирования сельского хозяйства являлось животноводство. Поскольку в середине 1960-х гг. до половины скота в колхозах и совхозах Среднего Зауралья содержалось в непригодных помещениях, основным направлением обновления производственных фондов становится строительство новых, в первую очередь крупных животноводческих помещений, в которых было легче проводить комплексную механизацию⁵. В результате развернувшегося строительства обеспеченность сельских хозяйств типовыми постройками и сооружениями в 1970–1985 гг. существенно возросла. Только за годы IX и X пятилеток в регионе было построено помещений на 453,7 тыс. скотомест крупного рогатого скота, 321,9 тыс. свиней, 114,4 тыс. овец и 2338 тыс. птицемест⁶.

При столь высоких темпах возведения производственных объектов, уже к концу 1970-х г. хозяйства Среднего Зауралья были в основном обеспечены животноводческими помещениями, а к 1985 г. общее количество мест для крупного рогатого скота на 4 % превысило установленные нормы⁷.

Другой составляющей развития сельскохозяйственного производства должна была стать полная механизация животноводческих ферм и комплексов.

В середине 1960-х гг. уровень механизации основных трудоемких процессов в хозяйствах региона оставался низким. Так, 38 % ферм для содержания крупного рогатого скота, 50 % свиноферм и 79 % птичников не имели во-

доснабжения. Автопоением были обеспечены 41 % крупного рогатого скота и 20 % птицы, а на механическое доение переведены 31 % коров. Особо слабо были механизированы самые трудоемкие процессы – приготовление и раздача кормов, уборка навоза⁸.

Внедрение комплексной механизации на сельскохозяйственных предприятиях Среднего Зауралья, начинается с принятием в 1971 и 1973 гг. ряда постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, о развитии производства продуктов животноводства на промышленной основе. Животноводческие фермы и комплексы оборудовались новыми доильными установками, кормораздатчиками, транспортерами для удаления навоза и т. д., что позволило снизить затраты и увеличить в 2,5 раза производительность труда⁹.

Осуществляя перевооружение сельского хозяйства на новой технической основе, руководство региона поставило задачу значительно увеличить поставки сельскохозяйственной техники колхозам и совхозам. Предусматривалось широкое внедрение скоростных тракторов, универсальных, широкозахватных и многорядных сельскохозяйственных машин, а также комбинированных машин, выполняющих одновременно несколько технологических процессов¹⁰.

Старые модели тракторов С-80, С-80Б, ДТ-54, ДТ-55, МТЗ-50 и комбайна СК-3, принятые на вооружение в конце 1950-х гг., стали заменяться новыми машинами С-100, Т-100, ДТ-75, СКД-5 «Сибиряк», СК-6-II «Колос», СК-5 «Нива». В 1965–1985 гг. колхозы и совхозы Среднего Зауралья получили 12602 новых трактора и 2840 комбайнов, мощность каждого из которых в среднем в 1,5 раза превышала мощность старых машин¹¹.

Помимо улучшенных технических характеристик, новая техника создавала условия для более удобной работы персонала: в кбинах новых тракторов предусматривались отопление и освещение, они имели большую обзорность, были герметично остеклены. Управлять трактором стало значительно легче, так как он оборудовался гидравлическим сервоусилителем рулевого управления. К тому же уровень эстетического оформления был на порядок выше предыдущей техники, хотя разумеется, все еще отставали от зарубежных аналогов.

В ходе преобразований аграрного сектора экономики в 1965–1985 гг., производствен-

ные фонды сельскохозяйственного назначения в колхозах и государственных хозяйствах Среднего Зауралья выросли в 5,6 раза¹². Значительно укрепилась их материально-техническая база: оснащение хозяйств тракторами и комбайнами увеличилось почти в 2 раза, обеспеченность в животноводческих помещениях составила 100 %, комплексная механизация животноводческих ферм приблизилась к 75 процентам.

Однако для выполнения плановых заданий этого оказалось недостаточно. Главная причина такого положения заключалась в жесткой централизации системы государственного управления сельским хозяйством, «разрыве» между управленцем и работником, между работником и «конечным результатом» его труда. Сказались нарастающие бюрократические тенденции в работе центральных и региональных сельскохозяйственных учреждений, а также сокращение финансирования сельского хозяйства в начале 1980-х гг.

Несмотря на рост технической оснащенности, сроки проведения основных сельскохозяйственных работ еще примерно в 1,5 раза превышали оптимальные, а попытки сократить их оказывались безуспешными из-за недостатка техники. Так, для того чтобы убрать зерновые культуры в благоприятные для региона 7–10 осенних дней, требовалось в два раза больше комбайнов. Кроме того, тракторы и комбайны, которые удовлетворяли земледельцев в одной пятилетке, не отвечали новым требованиям и задачам внедрения индустриальных технологий в следующей пятилетке. Из-за нарастающего отставания и длительных сроков разработки и освоения новых моделей техники в области машиностроения, почти треть машин и оборудования, внедряемого в сельское хозяйство края, были технически устаревшими.

Нередко механизация животноводческих ферм носила первичный характер и осуществлялась неравномерно. В результате новые машины и механизмы не были соединены в единую производственную и технологическую цепь. Такая «механизация» частично облегчала труд работников, но не приводила к существенному увеличению производительности труда, увеличивая одновременно затраты на амортизацию оборудования.

Тем не менее, уровень развития производственных фондов колхозов и совхозов Среднего Зауралья, достигнутый в 1965–1985 гг. обеспе-

чил стабильные темпы сельскохозяйственного производства. За эти годы благодаря осуществленной модернизации сельскохозяйственной отрасли региона, производство основных сельскохозяйственных продуктов выросло в 2 раза, а механизация производственных процессов достигла 67 %¹³.

Примечания

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 8. С. 510.

² См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 371–372.

³ См.: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. С. 202.

⁴ См.: Основные показатели развития сельского хозяйства по районам Тюменской области в 1961–1979 гг. Тюмень, 1980. С. 71; Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки. Тюмень, 1986. С. 117; Основные показатели, характеризующие использование производственного потенциала в колхозах и совхозах области в 1976–1983 гг. : сб. стат. Тюмень, 1984. С. 27.

⁵ См.: Решение партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.) М., 1975. С. 644.

⁶ См.: Народное хозяйство Тюменской области за 1945–1980 гг. Тюмень, 1981. С. 273.

⁷ См.: Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 2. Д. 619. Л. 16.

⁸ Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4127. Л. 10.

⁹ См.: Сельское хозяйство (основные итоги 1965–1985 гг.) Тюмень, 1990. С. 9.

¹⁰ См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 249–250.

¹¹ ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. 619. Л. Ф.1495. Оп. 1. Д. 2492 б. Л. 141; Ф. 1755. Оп. 1. Д. 82. Л. 14. Тюменская область в цифрах. 1981–1985 гг. Свердловск, 1986. С. 42.

¹² См.: Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет. Тюмень, 1987. С. 71.

¹³ ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1042. Л. 12, 16; Оп. 6. Д. 55. Л. 109; Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг. Свердловск, 1976. С. 77; Отчет о механизации животноводческих помещений в районах Тюменской области. Тюмень, 1981. С. 18.

Э. А. Мухтасарова

ПРОЦЕССЫ «УПРАВЛЯЕМОГО НАЦИОНАЛИЗМА» В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО БАШКОРТОСТАНА)

В данной статье на основе широкого круга документов и материалов органов власти РБ, программных требований национально-культурных объединений республики, предпринята попытка изучения процессов «управляемого национализма» в республиках Российской Федерации, на примере Башкортостана. Наглядным проявлением названного процесса стало формирование в республиках РФ в 1990-е годы, в том числе, Башкортостане, национальных объединений с целью легитимизации политики республиканского правительства.

Ключевые слова: легитимность, национализм, национальные субъекты, «управляемый национализм», объединения титульного этноса, оппозиция, республиканский суверенитет, национализм, национал-радикализм, проправительственные объединения, титульные народы, нетитульные народы, федеральный центр.

Процессы «управляемого национализма», характеризующие современную этнополитическую жизнь национальных субъектов модернизирующейся России, начинают явственно проявлять себя в Башкортостане на уровне «республиканское правительство – национальные движения» в середине 1990-х годов. Следует заметить, что тандем власти и национальных объединений титульного этноса республики обозначился гораздо раньше, еще в начале 1990-х гг.

К середине 1990-х гг., возникшие в годы перестройки национальные движения и объединения, вошли в полосу кризиса, но все же сохраняли позиции влиятельной силы в этнополитической жизни национальных республик.

В условиях достигнутого республиканского суверенитета и установившегося компромисса с федеральными властями национал-радикалистские идеи национальных движений, в том числе и башкирского, в официальных кругах республики перестали приветствоваться.

Одним из новых направлений деятельности республиканского правительства с середины 1990-х гг. стало учреждение проправительственных национальных объединений. Официальная власть, создавая такие объединения в рамках национальных движений, рассчитывала снизить радикализм их требований в республике, приглушить межэтническую напряжённость, создать перед лицом федерального Центра впечатление благопри-

стойности и стабильности, что и стало «характерной особенностью развития этнополитической сферы в Башкортостане на исходе последнего десятилетия XX века»¹.

С другой стороны, учитывая сохраняющийся этномобилизующий потенциал национальных объединений, республиканское правительство стремилось заручиться их поддержкой в целях легитимизации своего курса.

Обозначенные «стремления» республиканского правительства и стали главным смысловым стержнем «управляемого национализма» во второй половине 1990-х годов.

Наглядной стала история проведения Всемирного курултая башкир (ВКБ). Башкирские общественные объединения ещё в 1993 г. выступили с инициативой его проведения. Был составлен Оргкомитет курултая, выработана его программа. Позднее эта инициатива была перехвачена официальными властями. Причём, сами башкирские объединения были оттеснены от организации проведения курултая. Состав нового Оргкомитета не был согласован с руководством ведущего башкирского объединения Башкирским Народным Центром «Урал» (БНЦ «Урал»), инициатора курултая. Председатель БНЦ «Урал» был включён в состав оргкомитета лишь рядовым членом, тогда как по первоначальному варианту он должен был стать одним из заместителей председателя Оргкомитета. Председатель центрального правления другого влиятельного объединения башкир, Народной партии

Башкортостана (НБП), вообще был исключён из членов Оргкомитета. Заместителем председателя Оргкомитета стал по определению самих башкирских объединений «человек далёкий от башкирских дел»².

Весь ход подготовки работы курултая, его деятельность, принятые решения, зафиксированные в Резолюции курултая, обращения, в особенности, обращения к Российскому Президенту и к Федеральному Собранию Российской Федерации в «интересах целостности России»³ свидетельствовали о его полной лояльности к официальным властям. В них уже отсутствовал тезис о праве башкирского народа на самоопределение, присутствовавший в программных требованиях ведущих башкирских объединений БНЦ «Урал», НБП.

С этого момента большинство программных требований, выдвигаемых башкирскими объединениями и связанных «с возрождением и развитием башкирского народа»⁴ как коренного народа республики, «по содействию политическому, социально-экономическому и национально-культурному развитию башкирского народа»⁵, по удовлетворению «духовных потребностей башкир, проживающих за пределами Республики Башкортостан»⁶, стали разрешаться в рамках Исполкома Всемирного курултая башкир (ВКБ).

Особая заинтересованность и опека республиканского правительства выразились в материальной поддержке деятельности ВКБ. Исполком Всемирного курултая башкир стал единственной в Башкортостане общественной организацией, финансируемой из бюджета республики.

Следующий шаг правительства был связан с учреждением Конгресса татар Башкортостана (РООСТБ) по инициативе республиканского руководства, в частности Президента РБ М.Рахимова с целью сглаживания межнациональных «углов» и поддержки своего курса татарской частью населения республики.

Был избран Исполнительный комитет татар Башкортостана, который стал региональной организацией Всемирного Конгресса татар, «строящей свою деятельность в контакте и полном взаимодействии с органами государственной власти РБ»⁷. Было принято решение разработать и осуществить республиканскую программу «Татары Башкортостана» в рамках Государственной программы «Народы

Башкортостана». В Обращении съезда к Президенту РБ, Госсобранию РБ и Кабинету Министров РБ выражалась просьба принять Закон РБ «О статусе языков народов РБ», «О национально-культурных объединениях РБ» с приданием статуса государственного башкирскому, татарскому и русскому языкам⁸. «Просьбы» Всемирного Конгресса татар не удовлетворены по сей день, вызывая брожение в рядах объединения, но, тем не менее, Председателем исполкома Конгресса татар РБ Э. Хамитовым через официальные республиканские СМИ была поддержана кандидатура М. Рахимова на президентских выборах РБ 2003 г.

Одной из попыток консолидации русских Башкортостана под эгидой правительства РБ, в частности её Президента, стал созыв в 1998 году Конгресса (Собора) Русских Башкортостана. Отличительной чертой деятельности Собора, ограничивающейся этнокультурными рамками, также стала поддержка курса руководства республики.

По тому же руслу и с той же целью возник и Канаш чувашей Башкортостана.

С целью расширения социальной базы проправительственных объединений за счёт привлечения объединений нетитульных народов РБ в 2001 году была создана организация Ассамблея народов Башкортостана, объединившая этнокультурные объединения как титульного, так и нетитульных народов РБ, которую возглавил член-корреспондент АН РБ, профессор Н. Мажитов.

В авангарде поддержки курса республиканского правительства оказались и молодёжные башкирские объединения Союз Башкирской Молодёжи (СБМ), «Кук буре» («Серые волки») и молодёжный совет ВКБ.

Так, например, в ноябре 1997 г., когда Государственная Дума РФ приняла решение о введении паспортов нового образца без указания графы национальности, республиканским руководством был инициирован митинг протеста Союза башкирской молодежи, а которым приняли участие в основном студенты башкирской филологии Башгосуниверситета. Участники митинга осудили введение паспорта нового образца с изображением двуглавого орла, который, по мнению участников митинга, является нелегитимным, оскорбительным и даже проявлением геноцида по отношению к малочисленным народам России, стремящимся к свободной, демократической жизни

и усиливает противоречия между Центром и регионами. Участники митинга обратились к Президенту и депутатам Государственного Собрания с требованием воздержаться от введения в практику российского паспорта указанного образца⁹.

Все указанные объединения оказывают всемерную поддержку официальному курсу республиканского правительства в начале XXI столетия, в отличие от объединений, занявших критические позиции по отношению к указанному курсу. Основу последних составили татарские объединения и часть русских объединений республики. Главной причиной оппозиционности татарских объединений стал Закон о языках РБ, принятый в 1999 г. и предоставивший статус государственных языков русскому и башкирскому языкам. Он обошёл требование татарских объединений о предоставлении государственного статуса татарскому языку как языку одного из многочисленных народов республики¹⁰. Татарские и русские общественные объединения составили основу так называемой объединённой оппозиции, сложившейся в республике накануне президентских выборов в 2003 г. Оппозиция обвинила республиканские власти в создании этнократического режима, нарушении гражданских прав, игнорировании этнокультурных требований нетитульных народов республики. Как заявил её лидер Р. Бигнов: «Межнациональный мир и согласие в республике и равноправие её народов, проживающих в республике – это миф»¹¹.

Консолидация федеральной власти после назначения осенью 1999 г. В.Путина главой правительства стала поворотным пунктом во взаимоотношениях субъектов РФ с федеральным центром.

С этого момента одним из основных векторов деятельности проправительственных объединений, в авангарде которых, оказались объединения титульного этноса, становятся протестные акции от имени всего башкирского народа как коренного или всего многонационального народа республики, направленные против политики урезания республиканских полномочий или «законных прав республики»¹² федеральным Центром.

Лидеры титульных объединений как авангард проправительственных организаций республики, подчёркивают, что видят Башкортостан в составе России, но как её федеративную часть и выступают против прин-

ципа унитарного построения российского государства, так как указанный принцип препятствует полноценному развитию нерусских народов в её составе¹³.

Показательной в этом отношении стала работа II Всемирного курултая башкир, проходившая в июне 2002 г. в Уфе. Обращение к Президенту РФ, в частности, содержит озабоченность тем, что «под давлением некоторых властных структур, в особенности судебных органов Федерального центра, происходит пересмотр базовых положений не только конституций национальных республик, но и Федерации, осуществляется постепенный переход предметов совместного ведения в руки федеральных органов. Как и в советское время, выхолащиваются суть и смысл национальной государственности в составе России. Народы Башкортостана с тревогой следят за процессами постепенной унитаризации государственного устройства»¹⁴.

Наступление федерального центра на региональные полномочия сопровождается резкими высказываниями лидеров объединений титульного народа, в частности, идеолога современного башкирского движения М. Кульшарипова, председателя Исполкома ВКБ Р. Азнабаева, председателя правления БНЦ «Урал» Р. Исянова, председателя правления СБМ РБ Ф.Маликова и др.¹⁵

Резко негативную реакцию объединений титульного этноса вызвали ревизия Конституции РБ и приведение её в соответствие с федеральной, изменение государственного образовательного стандарта, исключившего региональный компонент, практика назначения глав регионов¹⁶.

Идеолог современного башкирского движения М.Кульшарипов по данному поводу заметил: «В 2002 г. у нас была принята новая Конституция, уже куца. Я даже в своё время использовал термин «кастрированная». Конечно, республикам нужна большая самостоятельность для решения социальных, экономических, духовно-культурных проблем. Потому что такое наступление на права народов ни к чему хорошему не приводит. В Конституции нет ни слова о праве башкирского народа на самоопределение. Нужно вернуть положение о суверенитете, о праве народов на самоопределение и очень важный пункт – это собственность»¹⁷.

В открытом письме к президенту РФ Д. Медведеву, опубликованном в СМИ 23

декабря 2008 г., молодёжных организаций Башкортостана, поддерживающих политику республиканского правительства, содержится критическая оценка политики федеральных властей по отношению к регионам и, в частности, к Башкирии¹⁸.

Сложно говорить о перспективах «управляемого национализма» в Башкортостане и в других национальных субъектах в условиях модернизирующейся России. В то же время очевидно, что деятельность национальных объединений в условиях, когда развитие российского общества ещё усложнено и всплеском националистических эмоций, используется как политический инструмент и представляет один из основных векторов развития «управляемого национализма» в России.

Примечания

¹ Губогло, М. От редактора. Из хроники этнической мобилизации. Республика Башкортостан. Т. 2 / авт.-сост. Ф. Г. Сафин ; отв. ред. М. Н. Губогло. М. : ЦИМО, 1999. С. 240.

² Из хроники этнической мобилизации. Республика Башкортостан. Т. 1. / авт.-сост. Ф. Г. Сафин ; отв. ред. М. Н. Губогло. М. : ЦИМО, 1999. С. 166–167.

³ Из Обращения Всемирного курултая башкир к Президенту РФ Б. Н. Ельцину // Из хроники этнической мобилизации... Т. 1. С. 201.

⁴ Из Резолюции Всемирного курултая башкир // Там же. С. 191.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Известия Башкортостана. 1997. 3 июля. То же: Из хроники этнической мобилизации... Т. 1. С. 327.

⁸ Там же. С. 329.

⁹ См.: Сафин, Ф. Г. Молодежь Башкортостана : этнополитические и этнокультурные ориентации // Идентификация идентичности. Т. II. Этнополитический ракурс / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М. : ЦИМО, 1998. С. 172–173.

¹⁰ По материалам переписи 1989 г., татары занимали второе место по численности в республике после русских. По итогам переписи 2002 г. татары республики переместились на третье место, уступив русским и башкирам.

¹¹ Габдрафиков, И. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 131.

¹² Из Манифеста Союза Башкирской Молодёжи от 25 ноября 2006 г.

¹³ К примеру, Манифест Союза Башкирской Молодёжи от 25 ноября 2006 г.

¹⁴ Габдрафиков, И. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 36.

¹⁵ ИА REGNUM от 04. 09. 08.

¹⁶ См.: Габдрафиков, И. Сеть этномониторинга EAWARN от 29.12.2008.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ИА REGNUM от 24. 12. 2008.

РЕЛИГИЯ. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ

А. В. Апанасенок

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ МИР В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы численности и социального состава старообрядцев, проживавших на территории Курской, Воронежской и Тамбовской губерний в XIX – начале XX в. Автор обращает внимание на несоответствие дореволюционной статистики истинным масштабам старообрядческого мира Центрального Черноземья, анализирует причины занижения статистических данных. Кроме того, рассмотрены особенности влияния старообрядчества на религиозную жизнь православных приходов. Показано, что старообрядческое сообщество являлось в указанный период «полюсом» традиционализма и «примером благочестия» в провинциальном социуме.

Ключевые слова: старообрядчество, православие, Центральное Черноземье, статистика, социальный состав, традиции, модернизация.

Отличительной особенностью постсоветской исторической науки является неуклонно возрастающий исследовательский интерес к проблемам социокультурной истории России. Одним из конкретных проявлений этого интереса стало активное изучение прошлого русского старообрядчества. Названная конфессия привлекает внимание ученых как культурный феномен, субъект хозяйствования, объект вероисповедной политики в Российской империи, а кроме того, как явление, определявшее в прошлом «лицо» того или иного региона. В частности, за последнее десятилетие появилось значительное количество исследований, отражающих историю староверия в Сибири, Южном Урале, Забайкалье, Дальнем Востоке, на русском Севере, а также в Москве и Подмосковье¹.

Однако для написания обобщающих трудов о прошлом старообрядчества, равно как и для осмысления роли этой конфессии в отечественной истории этого недостаточно. Занимаясь исследованием «старой веры» в регионах, традиционно считающихся ее главными центрами, ученые до сих пор очень мало внимания уделяли остальным районам страны. В результате слабоизученной оказалась история провинциального старообрядчества густонаселенных центральных территорий России. Исследование прошлого «старой веры» в Центральном Черноземье призвано в определенной мере восполнить этот пробел. Располагавшиеся здесь губер-

нии (Воронежская, Курская и Тамбовская) по своим экономико-географическим свойствам, этноконфессиональному составу и культурным особенностям населения являлись типичными регионами центральной России, что позволяет распространять сделанные выводы на значительную часть российской провинции. В данной статье разобрана проблема распространенности «старой веры» на указанной территории, рассмотрен социальный состав ее приверженцев, а также проанализирована их роль в культурно-религиозной жизни региона.

Предваряя характеристику старообрядческого мира Центрального Черноземья в XIX – начале XX в., нужно сказать, что раскол на этой территории обозначил себя с первых лет никоновских реформ, то есть с 50-х гг. XVII в., и с тех пор «старая вера» была заметным явлением в жизни региона. Во второй половине XVII в. прибежище здесь искали спасавшиеся от религиозных преследований старообрядцы из центральных областей Московского государства (Московской, Калужской, Рязанской, Тульской земель), результатом чего стало появление десятков деревень и сел, либо целиком старообрядческих, либо со старообрядческим элементом. Конец XVII в. и первая половина XVIII в. ознаменовались широко-масштабными преследованиями староверов, из-за которых часть местных «ревнителю старины» была вынуждена либо скрывать свою конфессиональную принадлежность,

либо уходить еще дальше – в польские пределы, в низовья Дона, в поволжские леса. Тем не менее, ликвидировать раскол в регионе властям не удалось, а в условиях либерализации вероисповедной политики при Екатерине II местное старообрядчество существенно окрепло. С конца XVIII в. о нем можно говорить как о сложившемся конфессиональном сообществе².

В начале XIX в. российское правительство предприняло попытку составить представление о масштабах распространения «старой веры» в империи. В 1812 г. специальным комиссиям удалось собрать соответствующие сведения по некоторым российским регионам, в числе которых оказалась Курская губерния. В «раскольничьи ведомости» здесь было занесено 8776 человек³. Впрочем, полученные данные касались только тех, кто открыто признавал свое отпадение от официального вероисповедания. Кроме того, получить более достоверные сведения тогда не представлялось возможным как из-за неэффективной системы учета, так и по причине отсутствия четких критериев, кого следует считать старообрядцами (анализ результатов переписи 1812 г. свидетельствует, что переписчики часто смешивали со староверами представителей русских сект; в то же время «ревнители старины», хотя бы раз фигурировавшие в официальных исповедных ведомостях, не учитывались)⁴.

Систематический сбор данных о численности старообрядцев был организован при Николае I. В 1827 г. правительство получило данные о численности «раскольников» во всех российских губерниях. Согласно им, в Курской губернии проживало 13197 старообрядцев, в Воронежской – 11049, в Тамбовской – 9024⁵. Однако, и эти сведения, и данные, получаемые правительством в последующую четверть века, также нельзя было назвать достоверными. Напротив, тенденция к занижению цифр явно усилилась, поскольку император одним из итогов своего правления хотел видеть победу над расколом и торжество официального православия. И полиция, и духовенство оказались заинтересованы в сокрытии истинной численности «раскольников», результатом чего стало, по выражению П. Н. Милюкова, «смехотворное противоречие официальных цифр с действительностью»⁶. Очень ярко эту ситуацию характеризует тот факт, что автор «Истории Министерства вну-

тренних дел» Н. В. Варадинов, приводя в своей книге сведения о численности старообрядцев в российских губерниях за 1839 и 1841 гг., даже не пытается подвести общего итога, аргументируя это полной недостоверностью статистики⁷. Насколько эта недостоверность статистики была характерна для центрально-черноземного региона, видно хотя бы из примера с Тамбовской губернией. В 1851 г. здесь было учтено всего 1223 старообрядца (в восемь раз меньше, чем в 1827 г.!), а в 1852 г., после настойчивого предложения МВД «уточнить сведения» – уже 3021⁸ (вероятно, если бы МВД продолжило настаивать на «уточнении» сведений, цифры вновь выросли бы).

Как видно из последнего примера, в конце николаевской эпохи правительство усилило контроль над сбором статистических данных о старообрядцах. Очевидно, это было связано с осознанием невозможности бороться с «расколом» без верных сведений о нем. В 1853 г. вышел указ «О приведении в известность современного положения раскола», в котором губернским властям предписывалось реорганизовать систему учета старообрядцев с целью «привести в точную известность современное положение раскола»⁹. Результатом развернутой кампании стала интенсификация сбора сведений о старообрядчестве в российских регионах, а также некоторое увеличение статистических цифр, отражающих численность «ревнителей старины». В Курской губернии требуемые правительством данные были собраны к 1856 г. В Воронежской губернии времени потребовалось еще больше – искомая статистика появилась только в 1857 г. В Тамбовской губернии нужные сведения были получены еще в 1852 г. Согласно представленным отчетам, в Тамбовской губернии в 1852 г. проживал 3021 старообрядец¹⁰, 1856 г. в Курской губернии было 16530 староверов¹¹, в Воронежской губернии таковых в 1857 г. было 9350¹². Более подробные сведения (с распределением староверов по городам и их уездам в середине XIX в.) можно видеть в таблице 1.

Следует отметить, что сведения о численности староверов периодически собирались Министерством внутренних дел и в последующие годы, вплоть до начала XX века. В этой связи интересно обратить внимание на цифры, фигурировавшие в отчетных сведениях в конце XIX в. В 1897 г. в Курской и

Таблица 1

Численность старообрядцев в городах и уездах центрально-черноземных губерний Российской империи в середине XIX в.¹³

Курская губерния		Воронежская губерния		Тамбовская губерния	
Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1856 г.	Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1857 г.	Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1852 г.
Курск уезд	182 1000	Воронеж уезд	36 2132	Тамбов уезд	– 37
Белгород уезд	– 280	Бирюч уезд	– 231	Борисоглебск уезд	– 44
Грайворон уезд	– –	Бобров уезд	– 662	Елатьма уезд	1 148
Дмитриев уезд	54 250	Богучар уезд	– 309	Козлов уезд	– –
Короча уезд	– 1100	Валуйки уезд	– 4291	Кирсанов уезд	6 441
Льгов уезд	– 1900	Задонск уезд	– –	Лебедян уезд	– –
Нов. Оскол уезд	– 803	Землянск уезд	– –	Липецк уезд	– –
Обоянь уезд	309 500	Коротояк уезд	– 1687	Моршанск уезд	168 539
Путивль уезд	– –	Нижнедевицк уезд	– –	Спасск уезд	953 492
Рыльск уезд	510 1100	Новохоперск уезд	– –	Темников уезд	– 54
Стар. Оскол уезд	– –	Острогожск уезд	– –	Усмань уезд	– –
Суджа уезд	– 419	Павловск уезд	– –	Шацк уезд	– 94
Тим уезд	– –				
Фатеж уезд	96 5590				
Щигры уезд	2267				
Всего в гор.	1097		36		1172
Всего в уезд.	15433		9314		1849
Итого	16530		9350		3021

Воронежской губернии насчитывалось соответственно 21237 и 12640 старообрядцев¹⁴, в

Тамбовской – 7134¹⁵. Эти сведения представлены в таблице 2.

Таблица 2

Численность старообрядцев в городах и уездах центрально-черноземных губерний Российской империи в конце XIX в.¹⁶

Курская губерния		Воронежская губерния		Тамбовская губерния	
Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1897 г.	Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1897 г.	Города и их уезды	Числ. ст-цев в 1900 г.
Курск уезд	242 1657	Воронеж уезд	143 3397	Тамбов уезд	– 1392
Белгород уезд	23 458	Бирюч уезд	– 365	Борисоглебск уезд	– 32
Грайворон уезд	– 37	Бобров уезд	– 1049	Елатьма уезд	– 628
Дмитриев уезд	157 337	Богучар уезд	– 756	Козлов уезд	52 –
Короча уезд	2 1349	Валуйки уезд	– 3945	Кирсанов уезд	– 250
Льгов уезд	2 2434	Задонск уезд	– –	Лебедян уезд	– –
Нов. Оскол уезд	– 1428	Землянск уезд	– –	Липецк уезд	– –
Обоянь уезд	345 602	Коротояк уезд	– 2856	Моршанск уезд	243 998
Путивль уезд	2 7	Нижнедевицк уезд	– –	Спасск уезд	893 1603
Рьльск уезд	92 958	Новохоперск уезд	– 129	Темников уезд	– 268
Стар. Оскол уезд	– 43	Острогожск уезд	– –	Усмань уезд	– –
Суджа уезд	– 2026	Павловск уезд	– –	Шацк уезд	– 778
Тим уезд	– 5				
Фатеж уезд	64 6077				
Щигры уезд	– 2885				
Всего в гор.	934		143		1188
Всего в уезд.	20303		12497		5946
Итого	21237		12640		7134

В 1915 г. в Курской губернии числилось 27503 старообрядца¹⁷, в Воронежской – 15898¹⁸, а в Тамбовской – 9481¹⁹ (информации о распределении староверов по уездам в соответствующих источниках не приводится, что объясняется, видимо, снижением интереса

к старообрядческому вопросу на фоне катаклизмов, переживаемых империей).

Таким образом, в середине 50-х гг. XIX в. в центрально-черноземных губерниях всего имелось примерно 29 тыс. официально зарегистрированных староверов, на рубеже XIX и XX

веков – около 41 тыс., а в 1915 г. – почти 54 тыс. Возникает вопрос – насколько объективны эти данные? Безусловно, они больше соответствуют действительности, нежели фигурировавшие в отчетах 1830 – 40-х гг. Однако всецело доверять им не стоит, поскольку причины, составлявшие местную полицию, священнослужителей и самих старообрядцев скрывать истинное положение дел до середины XIX в. существовали и позже.

Староверие, являясь конфессией притесняемой, по логике высших властей должно было неуклонно сокращаться. Однако на практике этого не происходило, поэтому те сведения, которые подавались с мест по требованию различных высших инстанций и на которых основывалась статистика, и во второй половине XIX в. часто сильно искажались в сторону уменьшения. В первую очередь это относится к приходским священникам, ответственным за сбор первоначальной информации. Рост численности старообрядцев в их приходах мог стать основанием для обвинения в «попустительстве расколу» и строгого выговора со стороны начальства. Поэтому они, а вслед за ними и благочинные церковных округов, чаще всего писали о том, что «раскол на подведомственной территории численно не растет», подавая прошлогодние или близкие к ним сведения²⁰. Кроме того, старообрядцами официально признавались только те «ревнителю старины», над которыми не было совершено никаких таинств господствующей церковью. Староверы, крещенные в приходском храме или повенчанные там в целях узаконения брака, по церковным книгам числились «православными».

Такая ситуация с учетом староверов, свойственная многим губерниям империи, привела к сохранению в России большого количества «незаписных» старообрядцев. Интересное упоминание о таковых в Центральном Черноземье относится к 1812 г., когда часть «ревнителю старины» из Щигровского уезда Курской губернии решила обратиться с уже упоминавшимся прошением к членам правительственной комиссии, где, между прочим, были и такие строки: «...нас в число российских церквей в приходы считают, но мы треб от них не принимали и не принимаем, хотя нас писали в метрики якобы мы у исповеди и святого причастия бываем»²¹. Естественно, такая картина была свойственна и другим территориям, причем на протяжении всего

XIX и начала XX в. В одном из документов тамбовских миссионеров 1903 г., например, говорится, что «кроме официально зарегистрированных раскольников... в пределах епархии немало тайных, которые хотя числятся православными, но мыслят и живут по-раскольничьи...»²²

Нельзя в полной мере доверять и результатам переписи 1897 г. Как говорил известный исследователь «раскола» А. С. Пругавин, «вместо того, чтобы раскрыть действительное число старообрядцев, она (т. е. перепись. – А. А.) только их прикрывала»²³. Кроме уже отмеченных факторов, на её ход повлияли ещё два обстоятельства. Во-первых, в бланках этой переписи фигурировали две графы – «православные» и «старообрядцы», причём последние приравнивались к «отпавшим от православия». Поскольку староверы всегда считали себя истинными хранителями православия, то многие записывались в первую графу. Во-вторых, часть старообрядцев (в первую очередь беспоповцев) увидели во всеобщей переписи «сети антихристовы», что и определило их неискренность или уклонение от ответов²⁴. Последним обстоятельством, например, можно объяснить явно заниженную численность ревнителю старины в Рыльском уезде Курской губернии, где подобные настроения были весьма распространены. В самом городе, всегда считавшемся центром курского староверия, переписчики насчитали 92 старообрядца; между тем, по утверждению А. А. Танкова (известного курского дореволюционного краеведа), каждый восьмой житель Рыльска был старовером, что должно было дать до полутора тысяч человек²⁵. Также нелепо выглядит и цифра 958 в отношении всего уезда – в одном только с. Благодатном, населённом преимущественно старообрядцами, проживало тогда более тысячи человек²⁶. Явно занижена численность староверов и по Обоянскому уезду Курской губернии. Даже по сведениям местного исправника, поданным курскому губернатору в 1894 г., там проживало не 974, а 1700 приверженцев старины²⁷. Наконец, весьма красноречивой оказалась ситуация с Моршанским уездом Тамбовской губернии. Согласно «Обзору Тамбовской губернии за 1900 г.», составители которого отталкивались от результатов переписи, здесь проживало 998 староверов; три года спустя православные миссионеры в одном только с. Покровском с прилегающей

д. Васильевщиной (отнюдь не единственных старообрядческих селениях этого уезда) насчитали 1787 староверов²⁸.

Собственно, факт занижения численности старообрядцев статистикой был хорошо известен современникам и часто признавался представителями светской и духовной властей. Например, в 1872 г. в «Курских епархиальных ведомостях» была опубликована статья А. Чистякова, в которой автор, приводя официальные данные, добавлял: «...впрочем, зная, что в Курской епархии есть города, население которых состоит более чем наполовину из раскольников, и целые слободы, нужно согласиться, что их много более»²⁹. В 1875 г. составители «Отчета Тамбовского Богородично-Казанского братства» отмечали то же самое, замечая, что «некоторые из отцов-настоятелей, в приходах которых находятся раскольники, по каким-то соображениям скрывали действительное число их»³⁰. Приведенные примеры дают возможность утверждать, что истинная численность фактических старообрядцев края превышала статистическую, по меньшей мере, в полтора-два раза.

Как видно из таблиц 1 и 2, численность староверов во всех центрально-черноземных губерниях постепенно увеличивалась. Основными причинами ее постепенного роста служащие статистических комитетов называли «естественное размножение», а также смешанные браки, дети от которых в большинстве случаев оказывались «потеряны для православия»³¹. К этому следует добавить, что и вступающие со старообрядцами в брачный союз женщины пополняли собою старообрядческий мир. Староверы, выбирая жен из официально-православной среды, считали своим долгом приобщить их к «старой вере» – об этом свидетельствуют многочисленные lamentации православных миссионеров³².

Пополнить свои ряды за счет агитации в среде сочувствовавшего «древнему благочестию» населения до 1905 г. (т. е. до выхода закона о свободе вероисповедания) было трудно – за этим пристально следили духовные власти. Однако, после объявления вероисповедных свобод ситуация несколько изменилась. Староверы получили возможность открытой пропаганды своих взглядов, после чего их численность стала расти и за счёт бывших прихожан господствующей церкви, расположенных к староверию, однако чис-

лившихся «православными». Самые массовые присоединения такого рода произошли в тот период в с. Самодуровка Фатежского уезда и с. Бирюковка Суджанского уезда – более тысячи человек в каждом селе³³. Также имеются сведения об официальном переходе в староверие в 1907–1909 гг. нескольких сотен жителей Валуйского и Бобровского уездов Воронежской губернии³⁴, а также Спаского уезда Тамбовской губернии³⁵.

В большинстве своем старообрядцы являлись сельскими жителями – доля горожан на рубеже веков среди них составляла около 5 %. В общей же сложности старообрядческий мир Центрального Черноземья охватывал более двухсот населенных пунктов³⁶.

Говоря о социальной принадлежности местных старообрядцев, стоит подчеркнуть важную особенность: они относились к тем категориям населения, в которых дольше сохранялся традиционно русский жизненный уклад и которые в наименьшей степени подверглись европеизации. Основную часть староверов составляли, естественно, крестьяне, причем, по многочисленным свидетельствам современников, многие из них относились к категории зажиточных³⁷. Часто в «раскольничьих» ведомостях встречаются записи о староверах-ремесленниках (плотниках, каменщиках, кузнецах). Немало старообрядцев было и среди купцов. Например, согласно ведомости 1849 г., в г. Спаске староверы распределялись по социальным категориям следующим образом: представителей купеческих фамилий – 260, мещан – 182, «солдаток» – 7, казенных крестьян – 414³⁸.

Современниками часто отмечалась экономическая состоятельность большинства местных «ревнителю старины». «Раскольники всегда богаче православных» – эту фразу находим в одной из статей «Курских епархиальных ведомостей», посвященной старообрядчеству³⁹. Также современники обращали внимание на большое количество среди староверов купцов, «выдающихся по своему капиталу»⁴⁰. По предположению чиновника МВД, староверы составляли примерно четверть от общего числа лиц купеческого звания в Курской губернии, то есть 25 %⁴¹. Поскольку «ревнители старины» составляли 1,5–2 % от всего населения края, получается, что купцы в их среде встречались в десять-пятнадцать раз чаще, чем среди официально православных.

Несмотря на относительную замкнутость, старообрядческий мир играл существенную роль в духовной жизни населения центрально-черноземных губерний. Имеющиеся факты показывают, что влияние старообрядческого сообщества на религиозную жизнь нестарообрядцев («никониан», «мирских») определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, это особый духовный «статус» староверов в российском обществе, появившийся вопреки гонениям и связанный с распространенным представлением о них как последних хранителей «древнего православия» и «истинного благочестия». Во-вторых, это борьба господствующей церкви со старообрядческими общинами за прихожан, которая порой вынуждала церковные власти совершенствовать приходскую жизнь и даже в чем-то брать пример с притесняемых староверов.

Обращаясь к первому из названных обстоятельств, нужно сказать, что взгляд на староверов как «ревнителей истинного благочестия» сформировался в силу социокультурных перемен в российском обществе в ходе его модернизации и европеизации. Имперский период истории России ознаменовался поэтапным проникновением «западных начал» (выражение В. О. Ключевского) в сознание и повседневную жизнь населения, утратой культурной самобытности, падением роли православной церкви. Особенно заметными эти явления стали в конце XIX – начале XX в., когда современники начали обращать внимание на явное отчуждение народа от официально-православной церкви и духовенства. Подтверждением этому могут послужить многочисленные публикации в местных и центральных периодических изданиях того времени, свидетельствующие о падении авторитета священнослужителей и нежелании многих крестьян активно участвовать в жизни своих приходов⁴². Предельно откровенно эту мысль сформулировал К. Победоносцев: «народ сегодня предпочитает кабаку православному храму»⁴³.

Отчеты о состоянии епархий центрально-черноземного региона, ежегодно подававшиеся в Синод местными преосвященными, красноречиво свидетельствуют о духовной жизни провинциального населения Российской империи в конце XIX – начале XX в. Не будучи заинтересованными в очернении своей паствы, архиереи тем не менее на протяжении периода с 1884 по 1916 гг. были вынуждены

уделять всё большее внимание «неполноценности» (термин из отчетов) ее религиозной жизни. «Простой народ... недостаточно проникает в сущность религиозных истин и не сознает, в чем именно должна проявляться его вера в жизни; интеллигенция относится скептически к этим истинам, а в жизни своей редко сообразуется с требованиями религии», – говорится в отчете курского преосвященного за 1906 г.⁴⁴. Тогда же белгородский епископ Иоанникий с грустью констатировал, что «частная и общественная жизнь приходов складывается обычно помимо пастырского влияния»⁴⁵.

Ослабление влияния православия на широкие слои населения сказалось и на состоянии народной нравственности, причём и тут заметна зависимость от степени «цивилизованности» того или иного места. «В то время, как в селах и деревнях нарушение супружеской верности и незаконное сожителство – явления, наблюдаемые преимущественно в местах, прилегающих к заводу, фабрике или большим экономиям, в городах эти пороки составляют обычное явление, ими нисколько не стесняются и часто жена и муж открыто изменяют друг другу, а общество... совершенно равнодушно к подобным поступкам»⁴⁶. Также архиереям приходилось писать о пьянстве, «легкомысленном и неосторожном употреблении безнравственных, грубых ругательств», легкомысленных суждениях о религии и т. д.⁴⁷

На этом фоне старообрядцы начинают все более выделяться своим традиционализмом как в религиозных вопросах, так и в быту. В то время как жизнь основной массы населения Российской империи постепенно менялась под влиянием вестернизации, культурная идентичность «ревнителей древней веры» строилась на основе приверженности «старине». Во второй половине XIX в. историки, публицисты, общественные деятели начинают обращать внимание на принципиальные отличия в жизненном укладе старообрядцев и официально-православных подданных империи. В частности, эту перемену отразил в своей книге известный исследователь раскола И. И. Юзов. В начале 1880-х гг. он писал о том, что его предшественники и старшие современники обычно обращали внимание на обрядовую разницу староверия и официального православия «и не замечали, или скорее не хотели замечать, что старообрядческое ми-

росозерцание построено на совершенно иных началах, нежели то, которое положено в основание нынешнего общественного строя»⁴⁸.

Простые прихожане господствующей православной церкви ощущали разницу между старообрядческим религиозным бытом и своим собственным. Для набожных людей, не удовлетворенных церковно-приходской жизнью, консервативные староверы порой становились примером благочестия, образцом для подражания. Отсутствие в старообрядческой среде массового пьянства и хозяйственные успехи ее представителей способствовали такому взгляду. В источниках второй половины XIX – начала XX в. отсутствуют свидетельства вражды между рядовыми представителями двух православных конфессий по религиозным мотивам. Как следует из донесений уездных исправников, отношения между ними обычно складывались достаточно мирно. Более того, взгляд официально-православных прихожан на «ревнителей старой веры» часто содержал в себе уважение и признание превосходства последних в религиозных вопросах⁴⁹. Притеснения, которым старообрядцы периодически подвергались из-за своих убеждений, строгий (в большинстве случаев) образ жизни, внимательное отношение к постам, обрядам и прочим православным предписаниям, убеждал окружающее население в том, что «староверцы» скорее смогут спасти свою душу, чем остальные люди. На это часто жаловались приходские священнослужители, а также миссионеры, которые сталкивались с периодическими переходами официально-православных прихожан в «раскол». Характерным примером особенностей отношения «мирских» к старообрядцам может послужить отрывок из беседы, которую вел в 1876 г. спасский священнослужитель-миссионер В. Реморов с местной крестьянкой, обратившейся к «старой вере»: «Вот как, сказал я, выслушав слова Анны, ты раскольница, как же это так случилось? Ведь ты родилась от Православных, зачем же запродала душу раскольникам, богатой быть захотелось?» – «И, что ты, батюшка?! Мне больно желанно хоть последнее местушко занять у Бога, желанно хоть маленькую отраду получить своей душе на том свете. Гутарят: кто пойдет в старую веру, тот и милость получит от Бога и прощение грехов» – «Гутарят мало ли что, гутарят неразумные бабы, да безграмотные мужики, а ты

им веришь? Обманулась ты, Анна, когда пришла искать спасения у раскольников. Скажи мне, по душе, по совести, что ты там нашла хорошего? Раскольники живут самочинно, не повинуются церкви и священникам, молятся в простой, неосвященной избе. Разве это хорошо?...» – «Старообрядцы больно уже хорошо молятся и постятся много», – говорит Анна...»⁵⁰

По данным, собранным экспедициями Министерства внутренних дел еще в 1850-е гг., крестьяне, жившие рядом со староверами, считали, что «раскольничья вера – святая, настоящая христианская, что в одной только этой вере и можно спастись, и что вера православная или, по народному названию, вера по церкви, есть вера мирская». Крестьяне-нестарообрядцы часто говорили: «мы не христиане... мы во Христа веруем, но мы по церкви, люди мирские, суетные... Христиане те, что по старой вере, они молятся не по нашему, а нам некогда»⁵¹. Интересно отметить, что такие мнения можно было услышать во многих регионах Российской империи. Например, вологодский епархиальный миссионер писал, что «в местностях, где силен раскольничий дух, население относится к расколу, как к вере людей, удалившихся от мира и предавших подвигам спасения души и богоугождению; оно хочет, мечтает хотя бы в конце жизни отдаться такой жизни»⁵². В одном из отчетов по Ярославской губернии отмечалось, что многие из синодальной паствы – едва ли не три четверти губернии молятся двуперстным знаменем креста, презируя щепоть (троеперстие. – А. А.)»⁵³. Результаты исследования В. В. Керова свидетельствуют, что в XIX в. не только в крестьянстве, но и в других слоях общества было распространено мнение, что старообрядцы – самые ревностные христиане в России, «как христиане первых времен», а официальное православие – «мирская религия» и «вся святость концентрируется в старой вере»⁵⁴. Соседство с «ревнителями старой веры» порой укрепляло религиозные чувства официально-православных прихожан, заставляло стыдиться собственной «распущенности». В этом смысле характерной можно считать фразу, сказанную православному миссионеру крестьянином из Тамбовской губернии в 1877 г. в ответ на «противораскольническую» речь: «Если б не раскольники, мы бы и в церковь ходить пере-

стали... А так помотришь на них, и стыдно за себя становится»⁵⁵.

Второе обстоятельство, предполагавшее опосредованное влияние мира «ревнителей древнего благочестия» на приходскую жизнь «никониан» – это «борьба за души», которая велась церковными властями в епархиях со старообрядческим населением. Стремясь предотвратить «расползание раскола», а по возможности и вернуть в лоно господствующей церкви староверов, официально-православные миссионеры и священнослужители вели «противораскольническую» пропаганду среди населения (она стала особенно активной в конце XIX – начале XX в.). Последняя, однако, не имела никакого успеха в тех случаях, когда организация церковной жизни староверов выглядела лучше, чем в «никонианских» приходах. Это понимали многие представители православного духовенства. Например, в отчете о состоянии епархии, поданном в Синод курским преосвященным в 1916 г., говорится: «Одна из причин, препятствующих старообрядцам воссоединиться с Православной церковью – резкое нарушение нашими священнослужителями порядка богослужений, указанного в церковном уставе, безучастное, торопливое совершение разных церковных треб... Старообрядцы же читают всегда внятно, с особым благоговением, без малейших опущений и, благодаря такому строго уставному служению и неторопливому чтению, свободно выстаивают свои службы в продолжение 5–6 часов сряду. Получая душевное удовольствие и утешение в своих богослужениях и приглядываясь к нашему, они всегда в публичных и частных беседах укоряют нас в нерадении»⁵⁶. А еще в 1906 г. курские епархиальные власти официально вынуждены были признать, что «старообрядческая церковная община, несомненно, оказывается более стойкою, близкою к жизни и более способной привлекать к себе прозелитов, чем современный православный приход», а потому борьба с церковным расколом невозможна без повышения престижа православных приходов⁵⁷.

Чтобы сделать борьбу со старовериим эффективной, господствующая церковь должна была принимать меры для самоусовершенствования. Типичный набор мер такого рода был предложен в октябре 1906 г. курскими епархиальными властями в ходе специально созванных благочиннических собраний⁵⁸.

Их перечень выглядел следующим образом: «1. Священники и вообще клир должны быть обстоятельно ознакомлены с религиозно-нравственным состоянием своих пасомых; 2. Пастыри должны посещать дома пасомых для пастырских бесед; 3. Частая проповедь слова Божия в церкви и при совершении треб, ознакомление мирян с теми местами Священного Писания, на которые ссылаются старообрядцы в своих «лжеучениях»; 4. Ежегодные устроения собраний клира и мирян для утверждения в вере заблуждающихся и колеблющихся; 5. Богослужение совершать истово и согласно уставу, поощрять общенародное пение в церкви и на чтениях; 6. Духовенство должно усилить проповедническую деятельность; 7. Пастырю в миссионерской деятельности должны помогать члены клира и миряне; 8. Через церковно-приходские школы воспитывать прихожан детей в духе православной церкви, «насаждая церковность», усилить преподавание Закона Божия в школах; 9. Учреждать церковные библиотеки, читальни, следить за современной духовной литературой»⁵⁹.

Конечно, рекомендации такого рода в некоторых случаях оказывались не более чем благими пожеланиями идеалистического характера. Тем не менее, в целом попытка решить проблему раскола мерами церковного самосовершенствования шла официально-православным приходам на пользу. Угроза «расхищения православного стада» заставляла и епархиальное руководство, и простых священнослужителей быть более требовательными к себе. В источниках того времени часто встречаются упоминания о попытках «усовершенствования» церковной жизни на местах⁶⁰. Определенное представление о них дает содержание отчета Тамбовско-го епархиального Богородично-Серафимовского Просветительского Братства за 1912 г. Там говорится, что «в видах противодействия распространению раскола и сектантства, а также в видах предохранения православных от заражения расколом и сектантством» епархиальные власти и отделения Братства заботились, чтобы во всех селах «неопустительно» велись внебогослужебные собеседования и точно исполнялись распоряжения относительно проповеднической деятельности священнослужителей, обучения прихожан «главным истинам веры» и «правилам христианской нравственности», «истого отправления общественного богослужения и благоговейного

совершения христианских треб в храмах и домах прихожан»⁶¹. Как видно из того же отчета, внебогослужебные собеседования посвящались изложению священной истории, житиям особенно чтимых святых, объяснению молитв, заповедей, церковного богослужения, истории праздников, а также «опровержению раскольнических заблуждений»⁶². В отчете того же Братства за 1915 г. приводится несколько примеров, свидетельствующих о повышении качества богослужения в отдельных приходах⁶³. Все это, по утверждениям составителей отчетов, не только шло на пользу религиозной жизни прихожан «господствующей» церкви, но и повышало ее авторитет в глазах старообрядцев⁶⁴. Курский архиепископ Тихон, управлявший своей епархией в последние предреволюционные годы, даже призывал «поучиться» у староверов уставности богослужений и церковному «благоговению»⁶⁵.

Таким образом, старообрядческое сообщество в XIX – начале XX в. играло в жизни центрально-черноземного региона более значительную роль, чем это представляла официальная статистика. Чтобы приблизиться к пониманию этой роли, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, кроме официально зарегистрированных старообрядцев, которые учитывались статисткой, в центрально-черноземных губерниях сохранялась многочисленная группа «незаписных» староверов, сопоставимая по численности с первой категорией. Во-вторых, среди «ревнителей старины» в большом количестве были представлены зажиточные крестьяне и купцы, ощутимо влиявшие на хозяйственную жизнь Центрального Черноземья. В-третьих, присутствие на данной территории старообрядческого сообщества оказывало существенное влияние на церковную жизнь официально-православных приходов. Старообрядческий мир был полюсом традиционализма, главным хранителем народных религиозно-бытовых устоев и своего рода противовесом духовной секуляризации. Наличие старообрядцев в тех или иных населенных пунктах способствовало сохранению в них православных традиций. С другой стороны, независимость «ревнителей старины» в религиозных вопросах являлась серьезным «раздражителем» для господствующей православной церкви и заставляла последнюю принимать меры для более тщательного церковного «окормления» прихожан.

Примечания

¹ Результаты современных исследований истории и традиционной культуры старообрядчества отражены в работах И. В. Поздеевой, Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой, В. В. Керова, Д. И. Раскова, О. П. Ершовой, Е. М. Юхименко, Е. А. Агеевой, И. Н. Юркина, Н. Ю. Бубнова, Е. С. Данилко, К. Ю. Иванова и других ученых.

² Подробнее см.: Апанасенок, А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. Курск, 2008. С. 29–79.

³ См.: Танков, А. А. Сведения о так называемых старообрядцах в Курской губернии в 1812 г. // Прибавление к Курским Епархиальным ведомостям. 1888. № 37. С. 593.

⁴ Там же. С. 596–598.

⁵ См.: Варадинов, Н. В. История министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1862. С. 159–179.

⁶ Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 146.

⁷ Варадинов, Н. В. История министерства... С. 157–158.

⁸ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1280. Л. 66 об.

⁹ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 469.

¹⁰ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1280. Л. 66 об.

¹¹ Эта цифра получена на основании данных, приводимых А. А. Танковым. См.: Танков, А. А. Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. 1898. № 15. С. 146–153.

¹² См.: Материалы для географии и статистики России. Воронежская губерния. СПб., 1862. С. 276.

¹³ Таблица составлена автором на основании следующих материалов: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1280. Л. 66 об.; Танков, А. А. Из истории раскола...; Материалы для географии и статистики России. Воронежская губерния. СПб., 1862. С. 276.

¹⁴ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Курская губерния. СПб., 1904. С. 110–130; Обзор Воронежской губернии за 1897 г. Воронеж, 1898. С. 36.

¹⁵ Обзор Тамбовской губернии за 1900 г. Тамбов, 1902. С. 39.

¹⁶ Таблица составлена автором на основании источников, указанных в двух предыдущих ссылках.

- ¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2754. Л. 31.
- ¹⁸ Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж, 1916. С. 53.
- ¹⁹ Обзор Тамбовской губернии за 1915 г. Тамбов, 1916. С. 58.
- ²⁰ См., напр.: Отчетные сведения по благочинническим округам Курской епархии. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 483. Оп. 1. Д. 3, 10, 11, 17, 20.
- ²¹ Танков, А. А. Сведения о так называемых старообрядцах...
- ²² Отчет о деятельности Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства за 1903 г. Тамбов, 1904. С. 10.
- ²³ Пругавин, А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 7.
- ²⁴ Мельников, Ф. Е. Краткая история Древле-православной церкви. Барнаул, 1999. С. 377.
- ²⁵ Танков, А. А. Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. 1898. № 15. С. 149.
- ²⁶ Курская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 г. СПб., 1868. С. 45.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5426. Л. 211.
- ²⁸ Отчет Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства за 1903 г. Тамбов, 1904. С. 16, 18.
- ²⁹ Чистяков А. Новые условия церковной жизни и раскола // Курские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1872. № 18. С. 1108.
- ³⁰ Отчет Тамбовского Богородично-Казанского братства за 1875–1876 гг. Тамбов, 1877. С. 18.
- ³¹ Обзор Курской губернии за 1902 г. Курск, 1903. С. 55.
- ³² См., напр.: Отчет о деятельности Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства за 1896 год. Тамбов, 1897. С. 25.
- ³³ Годовой отчет Курского епархиального миссионера П. Осокина за 1913 г. // Миссионер. обозрение. 1915. № 8. С. 569.
- ³⁴ См.: Олейников, Т. М. Очерки по истории расколо-сектантства в Воронежской губернии // Воронежские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1913. № 48. С. 1307–1308.
- ³⁵ Отчет о деятельности Тамбовского Епархиального Богородично-Просветительского Братства за 1913 г. Тамбов, 1914. С. 24.
- ³⁶ Подробнее о расселении старообрядцев см.: Апанасенок, А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX в. Курск, 2008. С. 95–111.
- ³⁷ ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 20. Л. 5; Танков, А. А. Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. 1898. № 17. С. 174.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1150. Л. 24–25.
- ³⁹ Чистяков, А. Новые условия церковной жизни и раскола // Курские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1872. № 11. С. 676.
- ⁴⁰ См., напр.: ГАКО. Ф. 217. Оп. 1–2. Д. 709–711; ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 706, 1150, 2062.
- ⁴¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 241. Д. 23. Л. 177.
- ⁴² См., напр.: Развитие сектантства и православная миссия в Фатежском уезде // Миссионерский листок. Курск, 1913. № 2. С. 13; Лесков, Н. Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства // Исторический вестник. 1882. № 6. С. 485–496.
- ⁴³ Победоносцев, К. П. Письма к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 126.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2158. Л. 29.
- ⁴⁵ Речь белгородского епископа Иоанникия по поводу открытия епархиального съезда в Курске // Миссионерское обозрение. 1905. № 16. С. 922.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2158. Л. 29.
- ⁴⁷ См. отчёты о состоянии Курской епархии за 1884–1916 гг.
- ⁴⁸ Юзов, И. И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881. С. 5.
- ⁴⁹ См., напр.: ГАКО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 154. Л. 10; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1579. Л. 6–21.
- ⁵⁰ Цит. по: Обращение к православию старообрядца начетчика Исаия Агафонова. (Приложение к Отчету Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1877 г. Тамбов, 1878. С. 56–57).
- ⁵¹ Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 45, 46.
- ⁵² Цит. по: Савельев, Ю. В. Старообрядчество в Печорском крае Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Старообрядческая культура Русского севера. Сыктывкар, 1997. С. 102.
- ⁵³ Там же. С. 152.
- ⁵⁴ См.: Керров, В. В. «Бог свят есть... и мы будем святы»: Сакрализация повседневности в старообрядчестве // Старообрядчество : История. Культура. Современность. М., 2006. С. 10–11.

⁵⁵ Отчет Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1877 г. Тамбов, 1878. С. 58.

⁵⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2754. Л. 33.

⁵⁷ О положении православной церкви в отношении к старообрядцам // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1906. № 42. С. 1011.

⁵⁸ Там же. С. 1003.

⁵⁹ Там же. С. 1003–1005.

⁶⁰ См., напр.: Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1909. № 3. С. 60; Отчет о состоянии и деятельности курского Знаменско-Богородичного Миссионерского

Просветительского Братства за 1911 г. Курск, 1912. С. 34–36; Воронежские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1912. № 12. С. 148 и т. д.

⁶¹ Отчет Тамбовского епархиального Богородично-Серафимовского Просветительского Братства за 1912 г. Тамбов, 1913. С. 48.

⁶² Там же.

⁶³ Отчет Тамбовского епархиального Богородично-Серафимовского Просветительского Братства за 1915 г. Тамбов, 1916. С. 39–67.

⁶⁴ Там же. С. 58, 60.

⁶⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2754. Л. 33.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКИМИ НЕПРАВОСЛАВНЫМИ КОНФЕССИЯМИ В XIX В. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье автор изучает проблемы процесса становления Северного Кавказа как полиэтничного региона, где наряду с приверженцами ислама и православия жили сторонники протестантизма. Рассматривается также главный принцип конфессиональной политики по формированию системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе.

Ключевые слова: протестантизм; лютеране; толерантность; полиэтничный фактор; конфессиональная политика; переселенческая политика; христианство; Кавказский край.

Территориальное расширение России в XVIII–XIX вв. привело к образованию огромной империи, в пределах которой проживали народы, исповедовавшие многие религиозные конфессии.

Успешно управлять таким государственным образованием можно было только выработав эффективную политику в отношении основных неправославных исповеданий при сохранении статуса «первенствующей и господствующей веры» за православием.

Социально-политическая ситуация в Российской империи в XIX в. была неразрывно связана государственно-конфессиональными отношениями и различными мировоззренческими ориентациями ее граждан. И во многом от решения вопроса взаимоотношения между государственными органами и этими неправославными исповеданиями, от налаживания межконфессионального диалога внутри страны зависела судьба многоконфессиональной страны. Процесс выработки такой политики, ее внедрения на местах, положительные и отрицательные моменты – может оказаться бесценным опытом и полезным в современной России.

Одним из существенных признаков системы взаимоотношений государства и религиозных организаций была правовая градация конфессий. Согласно Своду законов Российской империи, все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений.

На первом уровне находилась Русская православная церковь, имевшая статус государственной и «господствующей» со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

В Своде законов Российской империи содержалось более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» церкви. Православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», российский император не мог исповедовать никакой другой веры, кроме православной; он же рассматривался как «верховный защитник» Православной церкви и «блюститель прав веры».

Вторую ступень правовой иерархии занимали так называемые признанные терпимые исповедания, к которым относились Католическая, протестантские, Армяно-григорианская и Армяно-католическая церкви, христианские секты (меннониты, баптисты), а также нехристианские конфессии – иудаистская, мусульманская, буддийская – и язычники. В зависимости от интересов государства для каждого «терпимого» исповедания устанавливался отдельный правовой режим в социальном, политическом, имущественном аспектах. Так, например, в Уставе духовных дел иностранных исповеданий представителям Римско-католической церкви предписывалось «сообщаться с римским двором не иначе как через министра внутренних дел»; они не имели права исполнять ни одну из булл, энциклик, инструкций курии, как и вообще ни одно из изданных папским правительством распоряжений, без разрешения российского правительства. Согласно Своду законов, Департамент духовных дел иностранных исповеданий был включен в состав Министерства внутренних дел, которому была подчинена и Римско-католическая генеральная консистория¹.

Третью ступень составляли религиозные общества, относящиеся к категории «терпи-

мых непризнанных» – некоторые секты, а также раскольники (старообрядцы). По отношению к этой категории государственное законодательство стояло на чисто церковной точке зрения, т. е. происшедшее когда-то отпадение от Православной церкви рассматривалось как преступление. В правовом отношении существование вышеназванных обществ не признавалось, однако на бытовом уровне «терпелось». Согласно закону, старообрядческие церкви не могли внешне походить на православные храмы; их священники не имели права переходить для исправления треб из уезда в уезд.

Наконец, существовали «непризнанные нетерпимые» исповедания, к которым относились «изуверные» секты (скопцы), а также те исповедания, которые в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств квалифицировались государством как враждебные. Следовательно, сама принадлежность к этим исповеданиям преследовалась по закону.

Таким образом, распределение исповеданий по иерархическим уровням представляло ключевой элемент вероисповедной системы Российской империи. Существование такой системы можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, соображениями идеологическими. Поскольку православие было официальной идеологией государства, место других исповеданий в правовой иерархии определялось степенью их близости к официальной идеологии. В соответствии с этим вершину пирамиды занимала Православная церковь. Во-вторых, национально-политическими факторами. К началу XIX в. Российская империя в результате территориальных приобретений превратилась в многоконфессиональную империю. Рост иноверческого населения империи объективно приводил к изменению положения Православной церкви не только в конфессиональном, но и в политическом плане. Так как, статус первенствующего исповедания как религии большинства мог быть поставлен под сомнение. Решение этой проблемы состояло в том, что «подчиненные» народности заключались законом в национально-конфессиональные рамки как в замкнутые корпорации. И любой выход за рамки корпорации законом не допускался.

Протестантизм – одно из трех, наряду с католицизмом и православием, главных направлений христианства. Возникнув в первой четверти XVI в. в процессе широкого антикато-

лического движения Реформации в Германии, протестантизм быстро распространялся по странам Европы. Россию, как страну православную, это движение не затронуло, однако первые протестанты-иностранцы, лютеране, появились в Москве и Новгороде Великом в первой половине XVI в. при великом князе Василии Ивановиче. Протестантизм постепенно становился вероисповеданием сначала незначительной, но со временем все более заметной части населения России, демонстрируя высокую степень приспособляемости к иным национальным и экономическим условиям.

Протестантизм в России следует рассматривать в рамках более широкого и значительного явления – встречи двух цивилизаций: российской (в основе своей евразийской и православной), недавно освободившейся от ордынского доминирования и нуждавшейся в дополнительных импульсах для преодоления двухвековой задержки в развитии, и западноевропейской, совершившей к этому времени значительный скачок в своем экономическом, политическом и духовном развитии. Иностранцев из европейских стран Россия принимала не как представителей иной веры, а как носителей необходимых ей достижений западноевропейской культуры и экономики: мастеров, специалистов в различных областях знания, культуры, производства и военного дела, еще не получивших в стране развития. Со временем многие из них и их потомки укоренились в России, благодаря чему протестантизм постепенно превращался из «иностранной» религии в религию части населения России, в дальнейшем включая в себя и некоторые группы коренных россиян.

В XVII–XVIII вв. количество купцов, специалистов, приглашенных из западных стран увеличилось. Петр I в этом плане превзошел всех своих предшественников. Как известно, он широко приглашал в Россию специалистов высокой квалификации: ученых-физиков, химиков, корабелов, разведчиков руд, военачальников, мореходов, горнозаводчиков. Одни принимали православие, другие сохраняли свою веру, образуя костяк протестантских общин. Их потомки в разных слоях общества вполне обрусели, сохранив свои немецкие, шведские и другие фамилии и часто оставшись протестантами. А некоторые из них, приняв православие, становились видными государственными деятелями, дипломатами, учеными, деятелями русской культуры.

Например, достаточно вспомнить сподвижников Петра I Я. В. Брюса, Р. Х. Боура; ученых Л. Эйлера и Г. Ф. Миллера; государственных деятелей Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте и т. д.

В рамках своих реформ Петр I провел существенное преобразование религиозной жизни России, поставив ее фактически под всеобъемлющий государственный контроль. Это касалось прежде всего Православной церкви. Петр ликвидировал институт патриаршества. Главой Православной церкви объявлялся император всероссийский, а управление ею возлагалось на коллегиальный орган – Святейший правительствующий Синод, возглавляемый обер-прокурором – лицом светским. Однако преобразование церковной жизни коснулось и протестантского и католического вероисповеданий. Петр создал в государственном аппарате специальную структуру, заведующую делами иностранных исповеданий – лютеранского, кальвинистского и римско-католического. Сначала эта функция была возложена на Коллегию иностранных дел, а позднее было передано непосредственно в Синод.

В 1711 году Петр назначил московского пастора Бертольда Вегеция, по образцу европейских лютеранских церквей, суперинтендентом всех лютеранских общин в России. А в 1723 году поручил Синоду собрать, перевести на русский язык и напечатать катехизисы этих исповеданий. Таким образом, лютеранская и реформаторская общины были включены в единую систему государственного регулирования церковной жизни.

Массовый приток протестантов дало также приглашение Екатериной II на постоянное жительство в Россию для освоения ее южных и поволжских земель, адресованное немецким крестьянам и ремесленникам. Переселенцы в эпоху Екатерины II и в последующие десятилетия в вероисповедном отношении на две трети были лютеране, остальные – меннониты, гернгутеры (кальвинисты) и католики. Их потомки также укоренились в России.

Нужно отметить, что протестанты пользовались в России определенными преимуществами по сравнению с католиками. В отличие от последних, протестанты, как правило, не занимались прозелитизмом, поэтому и государственные власти, и Церковь видели в них меньшую угрозу для православия. Как отмечает историк протестантизма в России Д. Цветаев, «католичество канонически ближе к православию, но опаснее из-за своего

стремления влиять на государство и навязывать свою веру. Протестанты же держались изолированно, ограничиваясь деловыми и мирскими сношениями»².

В Российской империи, из трех имевшихся в стране видов протестантизма, лютеранство было наиболее влиятельным.

До 70 % новопоселенцев при Екатерине II, преимущественно немцев, были лютеранами, которые образовывали колонии.

Александром I была предпринята попытка преобразования управления евангелическо-лютеранской церковью. В 1804 г. была учреждена Генеральная суперинтендентура, которая в 1810 г. стала органом центрального управления духовных дел всех неправославных христианских конфессий. В 1818 г. это учреждение было включено в качестве отдельного департамента в состав Министерства народного просвещения. Департамент духовных дел разделялся на четыре отделения: 1) по делам Греко-Российского исповедания; 2) по делам Римско-Католического, Греко-Униатского и Армянского исповеданий; 3) по делам всех Протестантских вероисповеданий; 4) по делам Еврейской, Магометанской и прочих вер нехристианских. На территории Поволжья, Воронежской и Оренбургской губерний для управления делами евангелических общин – лютеранских и реформатских – в 1819 г. была образована отдельная Консistorия волжских колоний с центром в Саратове. По Указу Александра I от 20 июля 1819 г. в евангелических церквях Российской империи вводился сан епископа, который, однако, не давал его обладателю никаких особых прав, а был только знаком монаршей милости³.

При Николае I, в 1832 г., был выработан Устав Евангелическо-лютеранской церкви по образцу прусской. Устав ЕЛЦ имел силу закона и вошел в состав Свода законов Российской империи. Высшим органом ЕЛЦ становилась Генеральная консистория, находившаяся в Санкт-Петербурге и собиравшаяся два раза в год. Лютеранская консистория состояла из светского президента, духовного вице-президента – генерал-суперинтендента, одного или двух светских и духовных членов.

По Уставу 1832 г., Консistorия, генерал-суперинтенденты и пробсты (благочиния) должны были тщательно следить за тем, чтобы подчиненные им духовные лица, а под их наблюдением и миряне, в подведомственных округах «ни в коем случае не позволяли себе

нарушать каким бы то ни было образом доброго согласия с прочими религиями, свободно исповедуемыми в государстве Русском, и чтобы ни словами, ни каким-либо способом не побуждали других иноверцев к переходу в лютеранство. Проповедники и пасторы должны всячески даже отклонять тех, которые, принадлежа к другому, равно покровительствуемому в государстве исповеданию, будут просить об их наставлении в лютеранских догматах или же об исправлении для них каких-либо духовных треб, а тем более о принятии их в лютеранскую общину»⁴.

Российское государство, оберегая православный народ от протестантского влияния, брало на себя заботу и о тщательном охранении чистоты и неповрежденности лютеранского вероучения. Устав ЕЛЦ и Закон 1832 г. «Об управлении духовных дел христиан протестантского вероисповедания» действовали до 1917 г. Некоторые изменения вносились только в порядок заключения браков между православными и протестантами в направлении его постепенной либерализации.

В Российской империи в XIX в. число лютеран и количество лютеранских общин значительно возросли, расширилась их география, прежде всего за счет переселенцев из-за рубежа, развития промышленных районов, куда привлекались большие группы иностранных инженеров, а также аграрного переселения финских и прибалтийских крестьян в области Европейской России, в Сибирь и на Кавказ.

Заинтересованное в скорейшем освоении Северного Кавказа российское правительство разрешило переселение на Кавказскую линию также поволжских немецких колонистов.

Лютеранские общины в России, как отмечает О. В. Курило, различались численностью прихожан и материальным положением.

Среди созданных на Северном Кавказе немецких поселений преобладали мелкие хутора с численностью от 7 до 100 человек и колонии средних размеров, от 200 до 600 человек⁵.

Часть из них из-за нехватки материальных средств буквально бедствовала и в связи с этим специальная конференция лютеранского духовенства сочла нужным основать Общество вспомоществования бедным евангелическим общинам. В 1859 г. было создано девять окружных комитетов касс взаимопомощи⁶.

К 1840 году на Северном Кавказе существовало всего пять немецких колоний, среди которых выделялась колония Каррас (одна

из первых, ныне поселок городского типа Иноземцево). К середине XIX в. количество колоний увеличилось. Были основаны: Канова в Кизляро-Моздокском округе, Иоганнсдорф в пригороде Ставрополя, Мизельсталь на берегу Азовского моря и др.⁷ Евангелическо-лютеранская церковь была ограничена в выборе средств и методов, уповая лишь на авторитет общины, пастора и кистерлерера (церковный учитель). Последователей римско-католической конфессии на Северном Кавказе было немного. Немцы-католики населяли колонии Грюнталь, Петерсгейм, Иосифгейм Области Войска Донского и колонии Семеновскую, Ново-Николаевскую, Рожденовенскую Кубанской области.

Во второй половине XIX в., после завершения Кавказской войны, количество немецких колоний увеличилось. По данным переписи 1897 г. на Северном Кавказе проживало 39,5 тыс. немцев (без области Войска Донского), что составляло 0,9 % населения района⁸. Основная часть их проживала в Терской и Кубанской областях, а также в Ставропольской губернии. По сравнению с 1876 г. численность немцев в регионе выросла в 7,3 раза, особенно активно она росла в Терской и Кубанской областях.

Согласно переписи 1897 г. протестантские исповедания заняли второе место после православия по числу последователей. В своем исследовании О. В. Курило, ссылаясь на немецкие источники, приводит следующие данные о количестве и национальном составе лютеран в России на начало XX в. В частности, евангелическо-лютеранские приходы Петербургского консисториального округа по состоянию на 1904 г. насчитывали 641 000 прихожан (против 244 885 в 1862 г.), а Московского округа – 458 600 (против 188 924 в 1862 г.)⁹. Налицо рост количества лютеран в России за 40 лет второй половины XIX в.

Существенным признаком немецких поселений Северного Кавказа являлась поликонфессиональность, которая обусловила дальнейшую трансформацию протестантизма. В результате слияния баптистов, шундистов появились новые общины евангельских баптистов. Религиозные нормы служили основным регулятором общественных отношений. Они глубоко проникали во все сферы жизнедеятельности немецких поселенцев, превратившись в мощный фактор формирования этнической общности. Состав

последователей баптизма был интернациональным: русские, немцы и др. Православная церковь вела борьбу за возвращение «заблудших», широко используя для этого публичные диспуты с последующим освещением этих дискуссий в печати в «Ставропольских Епархиальных ведомостях», «Миссионерских Епархиальных известиях», в отдельных брошюрах. Евангелическо-лютеранская церковь была ограничена в выборе средств и методов, уповая лишь на авторитет общины, пастора и кистерлерера (церковный учитель). Последователей римско-католической конфессии на Северном Кавказе было немного. Немцы-католики населяли колонии Грюнталь, Петерсгейм, Иосифгейм Области Войска Донского и колонии Семеновскую, Ново-Николаевскую, Рождественскую Кубанской области. Характерным признаком немецких поселений на Северном Кавказе являлась поликонфессиональность. В результате миграции появлялись новые общины евангельских баптистов, где религиозные нормы служили основным регулятором общественных отношений, превратившись в мощный фактор формирования этнической общности. Сохранив язык, этническую самобытность, немецкий менталитет, они считали себя российскими гражданами.

Из других протестантских конфессий наиболее распространенными были меннониты и баптисты. В начале XIX в. меннониты заселили Крым и Новороссию, где в результате дальнейшей трансформации из меннонитства выделилась группа так называемых «новоменнонитов». Они подверглись преследованиям со стороны староменнонитов. Новоменнониты, создав братскую общину, переселились в Кубанскую область и Ставропольскую губернию. Поведение членов братства строго регламентировалось, в случае нарушения этих норм, провинившегося отлучали от братства. Их отличала веротерпимость. Каждая колония выбирала своего представителя – шульца; кроме него оберъ-шульца и волостного старшину.

Представителем духовной власти у меннонитов является духовный старшина, который выбирается ими из своей среды. В его обязанности входило: 1) чтение святого Писания в молитвенном доме по воскресеньям и праздничным дням, 2) объяснение смысла прочитанного, 3) совершение обрядов крещения, венчания, похорон и проч., 4) ведение списков рождений, браков, погребений и проч.

Вот, что отмечается в письме кавказского горского управления на имя исправляющему должность Помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами «...переселяющимся в Кубанскую область менонистам будут сохранены неприкосновенными права их по отправлению религиозных обрядов»¹⁰.

В отчете капитана К. Введенского от 30 июня 1866 г. начальнику Кавказского военного округа Кавказского горского управления отмечается следующее: «...из собранных мною сведений оказалось из числа 124 семейств меннонитов Таврической и Екатеринославской губерний, предназначенных к переселению в Кубанскую область, прибыло до настоящего времени только 31 семейство меннонитов из Таврической губернии Малоганского округа. Сверх этих семейств прибыло одно (семейство Давида Реймера, не назначенных к переселению на Кавказ и просивших о зачислении в колонию) и другое (семейство Николая Шмидте) – на межевые земли, отведенные для меннонитов, на казенном участке в качестве арендатора.

Вместе с меннонитами приехали и поселились в домах их семь семейств прусско-подданных и три семейства колонистов Царства Польского... Все семейства меннонитов поселены на отведенном им участке тремя отдельными колониями: 12 семейств на реке Козьме, 13 – в степи у колодцев и 7 – на берегу реки Кубани...»¹¹.

До второй половины XIX в. Колонии обладали особым статусом: не входили в состав волостных обществ, подчинялись надзору окружных начальников и т. д. С 1871 г. в результате общегосударственных реформ немецкие поселенцы были причислены к разряду крестьян-собственников. С этого времени изменились условия создания немецких сельских обществ. Теперь они включались в состав волостей. С 1881 г. немецким поселенцам вменялось в обязанность несение воинской повинности. В ходе этих реформ бывшие колонисты сохранили право самоуправления и некоторые личные преимущества.

В XIX – начале XX вв. на территории Северного Кавказа существовало 6 евангелическо-лютеранских приходов, которые объединяли лютеран и реформаторов. Все приходы с филиалами входили в местную Московскую Консисторию. Высшим административным органом была Генеральная

Консистерия (Санкт-Петербург).

Организация управления евангелическо-лютеранскими приходами Северного Кавказа при дисперсном расположении сельских религиозных общин имела ряд особенностей: в удаленных сельских общинах духовным посредником был кистерлерер (церковный учитель), а деятельность пастора была в основном сосредоточена в городе; в приходах управление осуществлялось не общим собранием прихожан, а представительным органом – церковным советом. Несмотря на удаленность Генеральной и Московской Консистерий связь с приходами была постоянной. Сравнивая организацию церковного управления евангелическо-лютеранского вероисповедания с организацией римско-католического, надо отметить, что первая отличается от последней значительно представленным в ней светским элементом и коллегиальностью власти, в то время как местное управление римско-католической церкви имеет строго централизованную организацию.

Помимо лютеран и реформаторов, объединенных административно, в регионе обособились сторонники «движения исхода». Организатор движения пастор гессельбергской общины Самуэль Г. К. Клетер в соответствии с эсхатологическими представлениями определил Северный Кавказ как одно из мест спасения на Земле. На территории Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей сторонники Исхода основали 8 поселений. Центром «движения исхода» стала колония Гнаденбург Терской области (ныне село Виноградное близ города Прохладного в Кабардино-Балкарской республике). В 1822 г. Гнаденбург получил статус немецко-русской общины Исхода, подчиняющейся в светских делах законам России.

Северный Кавказ как полиэтничный регион всегда имел высокую интенсивность миграций. Расширение границ Российского государства в конце XVIII – первой половине XIX в. и освоение новых территорий сопровождалось перемещением населения как из российских и малороссийских территорий, так и внутри самого региона.

В начале XIX в. наблюдается миграция армян в российские пределы из Турции и Ирана. Организация армянских поселений на Тереке и Прикаспии соответствовала интересам России. Главным образом, это были купцы и представители духовенства, переве-

денного сюда для налаживания религиозной жизни среди горских армян. Постепенно создавались условия для развития национальной культуры – строились храмы, часовни, при которых открывались школы, библиотеки.

По мере распространения ислама среди горцев армяне стали выделяться из общей массы своей религиозной принадлежностью. Себя, отождествляя с христианами, они не заостряли внимание на своей этноконфессиональной сущности. В связи с этим любопытен один архивный документ, в котором армяне и греки Гривенско-Черкесской станицы, в обращении к атаману Черноморского казачьего войска с просьбой о поселении их совместно в Переясловский поселок, просили о разрешении им «иметь по своему вероисповеданию священника»¹².

Геополитическая обстановка на Северном Кавказе на рубеже XVIII–XIX вв. сказалась на дальнейшей судьбе черкесогаев (горских армян). Начинается с этого времени их перемещения в рамках региона на территории, подконтрольные российской администрации. К началу XIX в. численность армян в Кизляре составляла 4 тыс. человек¹³. Переселившиеся туда карабахские армяне основали ряд селений, в том числе селение Святой Крест (Карабаглы, ныне – г. Буденновск Ставропольского края). В XIX в. в связи с переводом крестьян Притеречья в казачье сословие активизировался отток армян в города, многие поселились в курортном районе Кавказские Минеральные Воды (КМВ).

В первой половине XIX в. наблюдается усиление авторитета Армянской апостольской церкви (ААЦ). В 1827 г., после вхождения Восточной Армении в состав Российской империи, император Николай I, отмечая необходимость приведения в порядок дел Эчмиадзинского патриархата, повелел изготовить проект положения об ААЦ, «по возможности сохраняя ее древние правила и обряды»¹⁴.

В 1836 г. было утверждено положение об армяно-григорианской церкви в Российской империи, на основе которого осуществлялось управление ААЦ во второй половине XIX – начале XX в. Высшее управление ААЦ принадлежало патриарху, пребывавшему в Эчмиадзинском монастыре и считался духовным главой всех последователей армяно-григорианского вероисповедания и носил титул католикоса всех армян¹⁵.

При верховном католикосе находился

Эчмиадзинский григорианский Синод, совещательный орган из четырех епископов и четырех архимандритов, назначаемых с высочайшего утверждения, по представлению католикоса через министра внутренних дел, двух кандидатов на каждое место¹⁶. В компетенцию Синода входило: 1) надзор за управлением церковным имуществом, 2) разрешение армянам свободных состояний вступления в духовный сан, пострижения в монашество, 3) наблюдение за действиями подчиненных ему лиц – прихожан ААЦ, духовенства и монашества, 4) ведение учета всех церквей, монастырей, семинарий и богоугодных заведений ААЦ, находящихся в пределах Российской империи, 5) дела о разрешении принятия магометанам и язычникам «христианской веры армяно-григорианского вероисповедания» и т. д. Синод также и решал судебные вопросы. Но, несмотря на то, что в судебном отношении Синод являлся самостоятельной судебной властью, решения его производились «не иначе как по объявлению от Кавказского наместника»¹⁷.

С распространением влияния ААЦ на Северном Кавказе стали происходить переходы из мусульманства в армянскую веру. Один из ранних случаев отмечен в Александрополе (Гюмри) в 1839 г. Опасаясь возрастающего влияния ААЦ, экзарх Грузии Евгений в 1841 г. «потребовал воспрещения армянскому духовенству обращать и крестить в свою веру иноверцев» без сношения на это с духовным начальством православной церкви. После этого Католикос Всех армян обратился в МВД, департамент Духовных дел иностранных исповеданий с просьбой разрешить возникшую конфликтную ситуацию. В 1842 г. армянской церкви было разрешено крестить мусульман¹⁸. За 10 лет, с 1843 по 1852 гг., армяно-григорианство приняли 109 магометан¹⁹.

По положению 1836 г. ААЦ в пределах Российской империи имела шесть епархий: Ереванскую, Карабахскую, Грузинскую, Шемахинскую, Нахичевано-Бессарабскую и Астраханскую²⁰. Епархиальные начальники назначались и увольнялись императором из духовных сановников армяно-григорианского исповедания. Епархии управлялись при содействии викариев и консисторий. Духовные консистории существовали при каждой епархии и в круг деятельности консисторий входило: попечение о благоустройстве всех духовных и духовно-учебных заведений, непосредственный надзор за духовенством, некоторые судебные дела и проч. Права и обязанности духов-

ных лиц ААЦ были такими же, как и в РПЦ.

Таким образом, на основе Положения 1836 г. светские власти могли осуществлять административный и политический контроль за деятельностью ААЦ.

Обармянах-католиках на Северном Кавказе сведения весьма скудны. И это связано с тем, что их численность была очень мала, к тому же не зафиксированы открытия приходов армяно-католической церкви. В конце XIX в. на территории Северо-Западного Кавказа появились первые приверженцы этой унии, это Ф. М. Агаджанов, бежавший на Кубань во время репрессий в Турции (1877–1878 гг.), был католиком, а затем переходит в православие²¹. Во второй половине XIX в. на территории Северо-Западного Кавказа появились армяне-мусульмане. Их здесь насчитывалось не более одной тысячи и в конфессиональном отношении они являлись суннитами²². Такое широкое разнообразие этнических групп, относительная религиозная монотонность армян региона было закономерным результатом неоднократных миграционных вливаний из разных областей Российской империи.

Распределение населения по вероисповеданиям в 1886–1890 гг. выглядела следующим образом:

в Кубанской области: православные – 1252,6 тыс.; сектанты – 16,2 тыс.; армяне-григориане – 11,4 тыс.; лютеране – 7,8 тыс.; меннониты – 1,1 тыс.; римские католики – 6,4 тыс.;

в Терской области: православные – 382,7 тыс.; сектанты – 32,8 тыс.; армяне-григориане – 17,5 тыс.; лютеране – 8,3 тыс.; римские католики – 2,2 тыс.;

в Ставропольской губернии: православные – 620,8 тыс.; сектанты – 7,0 тыс.; армяне-григориане – 4,7 тыс.; лютеране – 5,4 тыс.; римские католики – 0,8 тыс.;

в Дагестанской области: православные – 5,6 тыс.; армяне-григориане – 1,1 тыс.; римские католики – 0,2 тыс.²³

РПЦ как «первенствующая и господствующая» имела «право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере»²⁴. Миссионерская деятельность РПЦ формировалась на основе постановлений Святейшего Синода, являясь частью конфессиональной политики Российской империи. При этом духовные и светские лица прочих исповеданий строжайше обязывались «не прикасаться к убеждению совести не принадлежавших к их религии», пропаганда инославных и ино-

верных учений среди православных являлась уголовным преступлением.

Ограничения существовали относительно перехода из одного вероисповедания в другое: христианам запрещался переход в нехристианские исповедания, православным воспрещался «выход из Православной церкви» («сворачивание» православного в другое христианское исповедание каралось заключением в крепость на срок до 3-х лет)²⁵. А переход из одного инославного исповедания в другое не запрещался, безусловно, а допускался не иначе как с разрешения министра внутренних дел, по просьбам, принесенным ему без всякого участия духовенства того исповедания, в которое проситель желал перейти²⁶. Нехристиане перейти в инославные церкви могли только с особого разрешения императора, исключение составляли иудеи (они могли переходить в христианство по разрешению министра внутренних дел) и все нехристиане Кавказского края, получавшие такие разрешения Кавказского наместника²⁷.

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к полному контролю над всеми без исключения религиозными институтами. При этом отношение светской власти к православию накладывало существенный отпечаток на религиозную политику государства в целом, определяло вектор ее осуществления и наиболее ярко выражало ее сущность.

Для вероисповедной системы Российской империи в XIX в. были характерны: вмешательство государства в жизнь религиозных организаций; юридическое неравенство конфессий; тесное взаимодействие правовых и религиозных норм; сильное влияние религиозной идеологии на правосознание; воспроизведение религиозных норм в ряде отраслей права; недопущение законами невероисповедного состояния граждан и права свободного религиозного самоопределения.

Таким образом, в пределах Российской империи только православная церковь пользовалась покровительством государственной власти, остальные вероисповедания были только терпимы.

Примечания

¹ См.: Вероисповедная политика Российского государства : учеб. пособие. Изд. 2-е / отв. ред. М. О. Шахов. М. : Изд-во РАГС, 2006. С. 19.

² Цветаев, Дм. Протестантство и протестанты

в России до эпохи преобразований : ист. исслед. М., 1890. С. 3.

³ См.: Курило, О. В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996. С. 46.

⁴ Буткевич, Т. И. Протестантство в России : (из лекций по церковному праву). Харьков, 1913. С. 11–12.

⁵ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1.1. Д.1246; ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 139.

⁶ См.: Курило, О. В. Очерки... С. 48–49.

⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3134. Л. 5 об., 14–15.

⁸ См.: Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005. С. 44.

⁹ См.: Курило, О. В. Очерки... С. 50–51.

¹⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 155. Л. 18, 18 об.

¹¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 155. Л. 27–31 об.

¹² ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 940. Л. 1–1об., 4–4 об.

¹³ См.: Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005. С. 44.

¹⁴ Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 779.

¹⁵ Там же. С. 752–753.

¹⁶ См.: Павлов, А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 202.

¹⁷ Кумпан, Е. Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 50.

¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 11. Д. 29031. Л. 1–2.

¹⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 7. Д. 364. Л. 10.

²⁰ См.: Погосян, Л. А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 113.

²¹ См.: Лейберов, И. П. Подвиг Нунэ : документальная повесть о М. Ф. Агаджановой / И. П. Лейберов, З. И. Перегудова. Л., 1985. С. 25.

²² См.: Лейбовский, А. В. Хемшилы – проблемы идентичности в изменяющихся условиях // Северный Кавказ : геополитика, история, культура: материалы всерос. науч. конф. М. ; Ставрополь, 2001. Ч. 1. С. 230–232.

²³ См.: Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М. : Европа, 2006. С. 42.

²⁴ Кумпан, Е. Н. Конфессиональная политика... С. 45.

²⁵ См.: Законы Российской империи / под ред. К. О. Краевского. Т. 2. М., 1904–1905. С. 54.

²⁶ См.: Рожков, В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 17.

²⁷ Там же.

Е. М. Есикова

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ КАЛМЫКОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ (1859–1917 ГОДЫ)

Калмыки, проживавшие во второй половине XIX – начале XX века в Оренбургской епархии, были крещеными, но сохраняли обычаи ламаизма. Активная миссионерская работа с ними началась после 1905 года, когда вследствие издания закона о свободе вероисповедания многие калмыки отпали от православия и образовали общины ламаистов.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Оренбургская епархия, ламаизм, православие, калмыки, новокрещенные инородцы, миссионерские школы, миссионеры, епархиальный комитет Православного миссионерского общества, духовенство.

Миссионерство Русской православной церкви в XIX веке разделялось на два обширных направления – присоединение к Церкви старообрядцев и сектантов и обращение в православие нехристианских народов империи. Особенное значение внешняя миссия принимала в сложных полиэтнических и поликонфессиональных регионах страны. Оренбургская епархия относилась именно к таким местам Российской империи. Одним из населявших ее народов были калмыки.

История появления калмыков на Оренбургской земле начинается с середины XVIII века. В это время основная масса калмыков кочевала в степях вокруг Астрахани. Их национальной религией был ламаизм (северная ветвь буддизма). Калмыки-ламаисты поддерживали прямую связь с Тибетом, где находился верховный иерарх всех ламаистов далай-лама¹. Организованная миссионерская работа Русской православной церкви проводилась среди них с 1725 года. Калмыцкая миссия подчинялась Астраханскому епископу. Крещенные калмыки переселялись из приграничных областей ближе к Ставрополю (Волжскому). С 1742 года миссия была переведена туда же и подчинена Казанскому архиепископу². В 1745 году калмыки, жившие в низовьях реки Урал, просили И. И. Неплюева, первого оренбургского губернатора, о разрешении поселиться в Оренбурге. И. И. Неплюев ходатайствовал об этом перед Коллегией иностранных дел, ссылаясь на необходимость заселения края и на привилегию Оренбурга о свободе вероисповедания его насельников. 19 июля 1747 года указом Сената было разрешено калмыкам поселиться в Оренбурге, но с оговоркой, что при требованиях возвраще-

ния переселенцев бывшими их владельцами, калмыки должны будут вернуться на прежнее место, кроме тех, кто примет крещение. Это требование согласовывалось с договором России с калмыцкими ханами о приеме в российское подданство только крещеных калмыков. Вторым условием для переселения в Оренбург был запрет на сооружение идольского капища. В 1749 году, после переселения калмыков (234 человека) в Оренбург на оговоренных условиях, хан Дондук-Даша потребовал, чтобы все переселенцы были отпущены к нему в Орду. И. И. Неплюев заявил, что по договору хан может забрать только некрещеных калмыков. Из 234 калмыков 28 были уже крещены, 84 приняли православие в Оренбурге, а 122 не пожелали креститься и возвратились в Орду. Впоследствии число оренбургских крещеных калмыков увеличивалось новыми переселенцами и к 1754 году достигло 205 человек обоюбого пола. В 1765 году Сенатом было разрешено переселение 200 крещенным калмыцким семьям из Ставрополя в пограничные территории Оренбургской губернии³.

С 1760-х годов, в связи с политикой веротерпимости Екатерины II, а также после откочевки в 1771 году основной массы калмыков в пределы Китая, а оставшихся калмыков из Астраханской губернии за Волгу в пределы Ставропольской губернии, миссионерское воздействие на калмыков ослабело. В 1799 году Калмыцкая миссия была распущена Павлом I⁴. В связи с этим прекратился приток крещеных калмыков в Оренбургскую губернию. Для крещеных калмыков была построена в 1761 году Георгиевская церковь в станице Оренбургской (Форштадт)⁵. В 1816 году калмыки Оренбургской станицы были расселены

по другим станицам Оренбургского уезда.

В 1843–1844 годах численность калмыцкого населения в Оренбургской губернии была увеличена за счет переселения Ставропольских калмыков на территорию Новой линии с зачислением в Оренбургское казачье войско по распоряжению Правительства от 24 мая 1842 года. Численность калмыцких переселенцев составила 3336 человек обоего пола (777 семейств). Они были расселены по русским казачьим поселкам⁶. Для миссионерской работы с калмыками по указу Святейшего Синода от 23 октября 1851 года из Симбирской консистории в Оренбургскую (в Уфе) были отосланы книги на калмыцком языке Британского Библейского общества. Всех книг прислано было 279 экземпляров. В 1853 году 70 книг было разослано по калмыцким селениям на продажу, но распродать их не получилось и, в основном, они остались при церквях. Остальные 209 экземпляров, по разрешению Святейшего Синода, в 1871 году распределили бесплатно по калмыкам, а также отправили в Уфимскую духовную семинарию⁷.

При разделении Оренбургской епархии в 1859 году на Оренбургскую и Уфимскую приходы с калмыцким населением оказались в пределах Оренбургской епархии: Переволоцкий, Каракульский, Уртазымский, Петропавловский, Магнитный, Полоцкий, Михайловский, Николаевский, Наследницкий, Великопетровский и Чесменский⁸. По статистическому описанию Оренбургской губернии за 1866 год в этнической мозаике Оренбуржья калмыки составляли 0,77 % от всего населения (5999 калмыков из 769519 человек по губернии) и расселены были в трех уездах (в Орском – 3006 калмыков, в Верхнеуральском – 2801 и в Троицком – 192)⁹.

К началу XX века их численность значительно сократилась. Калмыки Оренбургской губернии в 1914 году насчитывали чуть более одной тысячи человек и проживали, как и в середине XIX века, в Орском, Верхнеуральском и Троицком уездах не отдельными калмыцкими поселками, а небольшими группами среди русского казачьего населения¹⁰. Проблема резкого сокращения численности калмыцкого населения освещалась в трудах дореволюционных исследователей: Ф. М. Старикова, А. Алекторова, В. Симагина, А. М. Позднеева. Среди причин высокой смертности калмыков отмечали медленную адаптацию этноса к оседлой жизни, расселение калмыков по

уездам небольшими группами, которые не ассимилировались, а сохраняли социально-бытовую замкнутость¹¹.

Приходы с калмыцким населением относились к инородческим, наряду с нагайбакскими и чувашскими¹². Калмыки были крещеными и подлежали опеке приходского священника. Священнослужители не знали языка и обычаев калмыков¹³, поэтому специальная миссионерская работа с ними не проводилась¹⁴. Калмыки посещали богослужения, но, по наблюдениям священников, нарушали многие церковные уставы и придерживались обычаев ламаизма. Буддо-ламаизм иногда в епархиальных отчетных документах именовался язычеством¹⁵.

Наблюдения за образом жизни и обычаями калмыков священника Ф. Альметева, служившего в станице Великопетровской, где насчитывалось 20 калмыцких дворов, говорят о значительном сохранении ламаизма у крещеных калмыков. Священник много раз видел у старых калмыков и калмычек идолов, изображающих «изуродованный вид человека». Эти статуэтки были преимущественно из красной меди, «величиной вершков пять»; хранились они обыкновенно в особо устроенных футлярах. Очень редко, по замечанию о. Ф. Альметева, можно было встретить калмыка в храме. Священник писал: «Дети их школьного возраста, несмотря на обязательное требование ходить в храм, упорно отказывались, ссылаясь на запрещения родителей. Посты православной церкви калмыки-христиане не соблюдают и держатся унаследованного от предков отношения к пище, употребляя мясо падших животных. Есть у калмыков и праздники, установленные в честь идолов. Один из праздников в честь Бурхана совпадает у них ежегодно с первой неделей Великого поста. В день праздника калмыки собираются в одну избу и совершают свое моление, подробности которого неизвестны, так как никто из русских на него не допускается. Явное празднество – пьянство, продолжающееся, по крайней мере, дня три. В общение с русскими калмыки входят очень мало, хотя изредка и бывают случаи, что калмыки женятся на русских девушках, но чтобы калмычки выходили замуж за русских, ни одного случая я не знаю и ни от кого об этом не слыхал. Вообще калмыки устойчивы в привязанности к своей языческой старине»¹⁶. Подобные описания калмыков-христиан приводятся в архиерей-

ских отчетах за 1911 и 1913 годы¹⁷.

Новые подробности о религиозной жизни калмыков появились после 1914 года в связи с деятельностью священника-миссионера Иоанна Харитонов. Из предметов буддоломаистского почитания у калмыков миссионер видел медные чашки, в которых приносили в жертву идолам зерна, воду, чай и сваренное мясо. Изображения идолов были отпечатаны на бумаге или материи. Скульптур миссионер не встречал, барабанов, литавр, раковин и других инструментов, издающих звуки, у них не заметил, за исключением колокольчиков. О. Иоанн Харитонов описал главные калмыцкие религиозные праздники: «Зула» – Новый год, который отмечали в конце ноября; «Цаган-царь» – Белый месяц, празднующийся спустя четыре месяца после Зулы; и «Манийн Хурул», который наступал в июле. Во время этих трех праздников читались специальные молитвы. Малые праздники бывали 8, 15 и 25 числа каждого лунного месяца. В эти числа соблюдался пост, запрещающий употреблять в пищу то, что необходимо жевать. Кроме указанных постов и праздников, калмыки своеобразно праздновали Троицын день, когда устраивали пиршество в поле, совершали ламаистские молитвы и кропили сметаной лошадей¹⁸.

Много от ламаизма было в калмыцких обрядах, связанных с рождением, браком и погребением. Имена новорожденным гелюны (ламаистское духовенство) давали по своей «гадательной книге». При бракосочетании калмыки обращались к гелюнам, которые определяли по «гадательной книге» нужно ли чтение молитв при бракосочетании, или же можно ограничиться только благословением. По смерти человека они читали ламаистскую молитву «Найман Ирел». По словам о. Иоанна Харитонина, из калмыцких гелюнов лишь немногие были грамотны по-калмыцки, а по-тибетски умели только зубрить и не могли перевести с тибетского на калмыцкий язык заученных ими молитв. Книг по буддийско-ламаистской религии было у них немного¹⁹.

Сравнивая по своему миссионерскому опыту религиозность крещеных калмыков и нагайбаков, о. Ф. Альметев замечал, что с открытием инородческих школ, появлением священников-нагайбаков, знающих их язык, строительством храмов для нагайбаков, нагайбаки-христиане стали значительно

отличаться от калмыков. В этом опыте миссионерской работы с нагайбаками священник Ф. Альметев видел выход из сложившейся ситуации невоцерковленности калмыков-христиан²⁰.

Специальная миссионерская работа с калмыками началась только после 1905 года. По причине издания закона о свободе вероисповедания, многие крещеные калмыки отпали от православия и образовали самостоятельные общины ламаистов²¹. Масштаб отхода от православия был значителен. По статистике за 1915 год калмыков в губернии было 978 человек (521 мужчин и 457 женщин), из них калмыков-ламаистов – 254 человека (135 мужчин и 119 женщин) и склонных к отпадению в ламаизм – 211 человек (113 мужчин и 98 женщин)²². Вследствие такой ситуации было обращено внимание на активизацию миссионерской деятельности среди оставшихся верными православию калмыков в целях удержания их в ограде церкви и на усиление борьбы с пропагандистами ламаизма, выходцами из Тибета и Астраханских степей – гелюнами. Поэтому на одну из должностей окружных миссионеров епархии был определен в 1914 году священник Иоанн Харитонов, знаток монгольских наречий и сам по происхождению калмык. Он закончил Читинское центральное миссионерское училище. До 1914 года деятельность о. Иоанна Харитонина протекала в Забайкальской епархии, где он проработал 14 лет. В Оренбургской епархии его надзору были вверены крещеные, но отступившие в ламаизм калмыки, проживающие небольшими группами в 23 поселках (по списку о. И. Харитонина – 22 поселка²³) на территории Оренбургского казачьего войска²⁴.

О. Иоанн Харитонов в своей миссионерской работе с калмыками ставил перед собой следующие задачи:

- «увещание склонных к отпадению из православия в ламаизм»;
- «обследование отступничества среди православных калмыков»;
- определение мер «для возвращения отпавших в лоно православной церкви»²⁵.

Для выполнения поставленных задач священник посещал в течение года все приходы своего миссионерского округа, некоторые – по два раза. При посещениях поселков он устраивал в частных домах и в школьных помещениях собеседования с калмыками, и, по возможности, старался стать к ним ближе и

войти в доверие, для чего завязывал знакомства с более образованными и влиятельными православными калмыками.

Через это знакомство, как докладывал о. Иоанн Харитонов Оренбургскому епархиальному комитету Православного миссионерского общества, он узнал «истинные причины столь печального явления, как массовое отпадение от православия калмыков-казаков Оренбургского казачьего войска после обнародования указа о веротерпимости»²⁶. «Прогрессивная инородческая часть общества, – пишет о. Иоанн Харитонов, – войдя в роль руководителей населением, как, например, Агван Доржиев, Ампилов и другие лица, внушают калмыкам, что каждая народность имеет свой характер и каждый народ должен стремиться к самостоятельной творческой жизни, поэтому и путь к культурной жизни должен протекать без давления с чьей бы то ни было стороны. Поэтому и заботы об инородцах, как духовного, так и гражданского начальства, инородческими «прогрес-

систами» истолковываются как вторжение в их самобытную жизнь, что, по их понятию, обезличивает и парализует творческую деятельность инородческого населения. Кроме того, разлагающе действует на калмыцкое население нравственная и религиозная распущенность некоторых членов окружающего их русского общества, увлекшегося освободительными влияниями истекшего десятилетия – отрицанием существования Бога и насмешками над всем тем, что есть свято и дорого для каждого верующего православного христианина»²⁷. Эти факторы начала XX века сыграли на руку заинтересованным калмыцким гелюнам, имевшим и до этого времени немалое влияние на своих единоплеменников, которые, будучи крещеными, тайно исполняли обряды ламаизма.

По движению отхода калмыков от православия и численности ламаистских общин в губернии Иоанном Харитоновым была составлена статистическая таблица, приведенная ниже.

Таблица 1

Количество калмыцкого населения с указанием отошедших от православия (1915 г.)²⁸

Название поселка (количество калмыцких дворов)	Православного калмыц-кого населения	Колеблющиеся калмыки (не полу-чившие разрешения)	Отошедшие от право-славия калмыки	Всего калмыц-кого населения
Кулевчинский (26)	7			123
Великопетровский (8)	36		110	36
Березинский (17)	79			79
Толстинский (11)	11			25
Натальинский (7)			14	27
Бородинский (1)	6			6
Парижский (6)	37	6		37
Тарутинский (10)				47
Лейпцигский (6)				17
Берлинский (20)		27		68
Веринский (13)				46
Адрианопольский (8)	35			35
Чесменский (1)	3			3
Елизаветпольский (14)	52	47		55
Варшавский (8)	6	17	3	33
Аланский (11)	53	68	27	53
Кваркинский (15)	76	46		76
Кульминский (9)	4			40
Ершовский (8)	3		36	38
Измаильский (10)	10		35	39
Кацбахский (11)	44		29	44
Красненский (10)	51			51
Итого: 230 дворов	513	211	254	978

Как мы видим, переход крещеных калмыков губернии в ламаизм был не однородным по всей территории их проживания. Калмыки, проживающие в поселках Красненский, Кацбахский, Кваркинский, Аланский, Чесменский, Адрианопольский, Парижский, Березинский, Бородинский, Великопетровский полностью остались православными, а в Елизаветпольском поселке – почти все калмыки, за исключением трех, являлись крещеными. Наоборот, в поселках Кулевчинский, Натальинский, Тарутинский, Лейпцигский, Берлинский, Веринский, Кульминский, Ершовский подавляющее большинство калмыков перешли или желали перейти в ламаизм. Причины различия в настроениях калмыков губернии были выявлены священником Иоанном Харитоновым в ходе его миссионерских поездок в 1915 году.

Им было замечено, что массовые отпадения из православия в ламаизм произошли в тех поселках, где побывал профессор А. М. Позднеев, приезжавший, как написал о. Иоанн Харитонов, для проверки ходатайств калмыков о переходе в ламаизм²⁹. Российским востоковедом А. М. Позднеевым в 1911 году была предпринята экспедиция к терским, уральским и оренбургским калмыкам. Ее целью было изучение религиозного быта калмыцкого населения для выработки законопроекта об управлении духовными делами буддистов-ламаистов, проживающих в империи, а также выяснение причин сокращения калмыцкого населения. В Оренбургской губернии А. М. Позднеев побывал в десятке поселков, беседовал с представителями ламаистского духовенства и рядовыми калмыками. В отчете, составленном по результатам экспедиции, профессор рекомендовал правительству для управления оренбургскими калмыками назначить буддийского священника (ламу), отличавшегося законопослушностью и знанием ламаистского вероучения³⁰. Результаты посещения А. М. Позднеевым оренбургских калмыков были заметны в усилении проламаистских настроений там, где побывал профессор. Миссионеру о. Иоанну Харитонову сообщили калмыки Кулевчинского, Толстинского и Лейпцигского поселков, что профессор А. М. Позднеев, объяснив им сущность буддо-ламаизма и обрядовую его сторону, обещал в будущем не только разъяснять недоуменные вопросы, но и оказывать всякое содействие в восстановлении буддо-ламаистского куль-

та. Так, например, в Кулевчинском поселке обещал калмыкам-ламаистам выслать план кумирни-хурула, и в случае затруднения в разрешении постройки кумирни обещал поддержать их ходатайства. Относительно книг, важных для восстановления буддизма, А. М. Позднеев обещал указать место, откуда их можно было получить. Собрание калмыцких предводителей ламаизма А. М. Позднеев устраивал в поселке Толстинском, где присутствовали предводители ламаистских общин: казак Кулевчинского поселка Яков Кубион, бывший помощник атамана Николаевской станицы Михаил Борослан и брат его Филипп Борослан, казак Лейпцигского поселка Иван Басанов, казак Толстинского поселка Корнилий Жемчуев и другие. Кроме того, профессор А. М. Позднеев побывал в поселках Лейпцигском, Тарутинском, Берлинском. Южную часть миссионерского калмыцкого района А. М. Позднеев не посетил, но оттуда приезжали к А. М. Позднееву представители: из Варшавского поселка – Афанасий Бошелдыков и из Измайловского – бакша (учитель) Егор Туматова. Последний стал активно привлекать православных калмыков в ламаизм, собирать пожертвования на построение кумирни³¹. Экспедицией А. М. Позднеева отчасти объясняется формирование очагов ламаизма на территории проживания оренбургских калмыков.

Кроме влияния А. М. Позднеева, миссионером о. Иоанном Харитоновым были замечены еще другие воздействия на религиозность оренбургских калмыков. По инициативе руководителей калмыцких общин для изучения тибетской грамоты и буддийско-ламаистской религии был послан в Тибет казак Тарутинского поселка Михайловской станицы Василий Николаевич Шархалов. На него гелюны возлагали надежды, что он восстановит ламаистскую веру. «Мысль эта была подана разъезжавшим здесь пять лет тому назад (в 1910 году) донским казаком, штатным гелюном Алюмовым, которому тогда же сопутствовали двое каких-то интеллигентных лиц, по наружному облику монгольской национальности»³².

В южной части миссионерского района калмыки не так упорно держались ламаизма, как в районе, посещенном А. М. Позднеевым, несмотря на пятилетнюю энергичную деятельность гелюна Е. Туматова, как отмечает о. Иоанн Харитонов. В южном районе калмы-

ки крестили своих детей, меньше было отступлений от православия. Беседы миссионера выслушивались внимательно и спокойно, тогда как в юго-западной части миссионерского округа калмыки-ламаисты держали себя дерзко, причем каждый раз ссылались на авторитет А. М. Позднеева и указ о веротерпимости. В юго-западном районе калмыки детей не крестили и, как узнал о. Иоанн Харитонов, заключали браки без благословения Церкви калмыки, которые еще не вышли из православия³³.

Исследуя свой миссионерский округ, о. Иоанн Харитонов выявил, что различные возрастные группы калмыцкого населения неодинаково относились к православию и ламаизму. Молодое поколение ламаистской верой тяготилось; во время миссионерских бесед молодежь часто заявляла, что старшие принуждали их к переходу из православия в ламаизм, запрещали молиться по православному, крестить детей, венчаться, даже когда невеста православная³⁴.

Самая крупная ламаистская община с активным руководителем Яковом Кубиюном находилась в Кулевчинском поселке (все население поселка – 123 человека – ламаисты или желающие перейти в ламаизм). Именно на приход Кулевчинского поселка в церковь в честь иконы Божией Матери «Казанская» был поставлен Иоанн Харитонов в 1914 году, для преобразования наиболее проблемного для епархии ламаистского очага в центр миссионерского округа. В 1914 году для архиерейского отчета были даны сведения о сочувствии многих членов ламаистской общины Кулевчинского поселка к православной вере. Многие из калмыков поселка желали вернуться перед смертью в православие и причаститься, но сородичи препятствовали, способствовал этому и обычай калмыков оставлять умирающих одних. Выяснилось обстоятельство, что прошение о переходе в ламаизм Яковом Кубиюном писалось от лица всех жителей поселка, когда часть из них не имела желаний оставаться в православии. Прошение Якова Кубиюна было удовлетворено администрацией без проверки³⁵. За 1914 год в поселке о. Иоанном Харитоновым были возвращены в православие 7 человек.

Для восстановления православия среди калмыков епархии Иоанн Харитонов предлагал в рапорте епископу Оренбургскому и Тургайскому Макарию от 17 июня 1916 года

организовать в каждом приходе, где имелись калмыки, противоламаистские кружки (по образцу противосектантских кружков) под председательством настоятелей приходов и под руководством окружного миссионера, то есть о. Иоанна Харитонova. Целями деятельности кружка были названы: возвращение в православие калмыков-ламаистов, подготовка помощников противоламаистского миссионера из среды ревностных прихожан. Членами кружков предлагалось стать всем причтам церкви поселков, где проживали калмыки и прихожанам оboего пола пожеланию. Средства для деятельности кружков планировалось получать от ежегодных ассигнований от вышеуказанных церковей и ежегодных членских взносов по 1 рублю, а также от добровольных пожертвований. Виды деятельности кружков представлялись следующим образом: собеседование с ламаистами, произнесение проповедей для них, устройство миссионерских библиотек, открытие церковно-приходских школ в поселках с калмыцким населением, оказание нравственной и материальной помощи возвратившимся в православие калмыкам при необходимости в этом, а также и всем жителям поселков. Проект противоламаистских кружков подготовлен в русле проведения миссионерской работы среди других крещеных инородцев (нагайбаков, чувашей, казахов) Оренбургским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества и Оренбургским Михаило-Архангельским Братством³⁶. О. Иоанн Харитонов обращался в епархию с прошением организовать миссионерские кружки в приходах с калмыцким населением и до 1916 года, но не получал разрешения. Причинами отказа служило, судя по сообщению миссионера, негативное отношение некоторой части священников калмыцких приходов к противоламаистскому миссионерству и его активизации с приходом о. Иоанна Харитонova. Не всегда миссионеру оказывали содействие при изучении приходских метрических и обыскных книг, были случаи отказа совершать требы по просьбе миссионера у калмыков-ламаистов, желающих присоединиться к православию после бесед с миссионером³⁷. К тому же русское население приходов вместо нравственной поддержки, по наблюдениям о. Иоанна Харитонova, относилось пренебрежительно к калмыкам «за их нечистоплотность и неразборчивость в пище»³⁸.

Кроме следования традиционным миссионерским методам работы, о. Иоанн Харитонов указывал на необходимость специальных мер воздействия от гражданского и военного начальства на тех калмыков-ламаистов, которые нарушают существующее законодательство в своем стремлении жить по-ламаистски и пропагандировать эту веру среди соотечественников. При бездействии станичной и поселковой власти, отмечал миссионер, ламаистские предводители свободно разъезжают по всем поселкам миссионерского округа и производят никем не разрешенные сборы деньгами и вещами на построение кумирен и на ведение переписки с правительственными учреждениями об отпадении от православия. Имелись случаи увода православных замужних женщин из их семей, например, отнятие жены Юлиании у казака Кацбахского поселка Ивана Кибичкеева казаком-ламаистом Кулевчинского поселка Иваном Желчиным. По станичным посемейным спискам Юлиания Кибичкеева с сыном от Ивана Кибичкеева, которого в новом ее семействе не окрестили и назвали «Улан-Нюдун», были приписаны к семье Желчина на законном основании (совершение брака по калмыцкому обычаю). Вследствие этих фактов, о. Иоанн Харитонов делает заключение, что «мирная проповедь миссионера не имела ожидаемого успеха потому, что светская власть не оказывала ему ни малейшего содействия», а наоборот, нередко пришлось встречать противодействие не только станичных и поселковых властей, но и мелких полицейских чинов. Например, урядник Николаевской станицы отказался вызвать для увещания колеблющихся в вере православных калмыков и поприисутствовать для поддержания порядка во время беседы, ссылаясь на постановление от 4 октября 1915 года: «вызов калмык на беседы в круг обязанностей полиции не входит и подобная мера является для калмык притеснительной». Применение подобных административных мер, по мнению миссионера, носит лишь исключительный характер, когда есть угроза правопорядку, «было бы большой ошибкой, если бы я осмелился рекомендовать исключительно полицейские меры воздействия на всех калмыков, оставив без внимания или отложив на второй план мирную проповедь, как самого миссионера, так и приходского духовенства, а главное просвещение подрастающего поколения в церковно-приходских школах»³⁹.

Преосвященным Мефодием, епископом Оренбургским и Тургайским, миссионерская деятельность священника Иоанна Харитонова оценивалась высоко. Когда в 1916 году вместо окружных миссионеров была введена по прошению епископа Мефодия должность одного епархиального противомусульманского миссионера (с условием найти местные средства для сохранения мест окружных миссионеров, что было отложено до окончания Первой мировой войны), то должность противоламаистского окружного миссионера епископ решил сохранить без отлагательства на такой неопределенный срок, изыскав для нее средства в бюджете Епархиального комитета Православного миссионерского общества. «Только с назначением о. Харитонова дело религиозно-нравственного просвещения калмыков поставлено в благоприятные условия к дальнейшему процветанию», – писал Преосвященный Мефодий в представлении Святейшему Синоду по этому поводу в 1916 году и подобное же – в докладе обер-прокурору Святейшего Синода в 1917 году⁴⁰. Так была охарактеризована трехлетняя миссионерская работа священника Иоанна Харитонова среди калмыков Оренбургской епархии.

Дальнейшая епархиальная миссионерская деятельность среди калмыков не получила развития вследствие известных исторических событий 1917 года и последующей Гражданской войны. Известно, что большинство оренбургских калмыков в середине 1920-х годов переехали на жительство в Калмыцкую автономную область, где их компактно поселили в Большедербентском улусе⁴¹. Их дальнейшая духовная жизнь протекала в условиях советской идеологии.

Примечания

¹ См.: Жуковская, Н. Л. Калмыки / Н. Л. Жуковская, Г. Г. Стратанович // Народы Поволжья и Приуралья : ист.-этногр. очерки. М., 1985. С. 290.

² См.: Смолич, И. К. История Русской Церкви. Ч. 2. Москва, 1997. С. 219.

³ См.: Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 141–142.

⁴ См.: Смолич, И. К. История Русской Церкви. С. 238.

⁵ См.: Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия... С. 143, 286.

- ⁶ Там же. Вып. 2. Оренбург, 1901–1902. С. 443.
- ⁷ Там же. С. 614–615.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям 1866 года. СПб., 1871. С. LXXXI.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 161. Л. 97 об.
- ¹¹ См.: Джунджузов, С. В. Калмыки Новолинейного района Оренбургского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX века (динамика численности населения) // Этническое взаимодействие на Южном Урале : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2002. С. 156–160.
- ¹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10578. Л. 93 об.
- ¹³ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 145.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 161. Л. 97 об.; ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10567. Л. 59.
- ¹⁶ Альметев, Ф. Калмыки Оренбургской епархии (корреспонденция) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 5. Часть неофиц. С. 205–206.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10577. Л. 78 об.; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10579. Л. 47.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 7–8.
- ¹⁹ Там же. Л. 7 об.
- ²⁰ См.: Альметев, Ф. Калмыки... С. 205–207.
- ²¹ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.
- ²² ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 12.
- ²³ Там же. Л. 12.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об., 3.
- ²⁵ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Л. 5 об.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ Таблица составлена по: ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 12.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 8 об.
- ³⁰ См.: Джунджузов, С. В. Калмыки... С. 158–160.
- ³¹ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–9 об.
- ³² Там же. Л. 6 об.
- ³³ Там же. Л. 9 об.
- ³⁴ Там же. Л. 13 об.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10580. Л. 49.
- ³⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10560. Л. 66–78; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10561. Л. 55–62; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10572. Л. 65 об. – 67 об.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 165–166.
- ³⁸ Там же. Л. 6 об.
- ³⁹ Там же. Л. 14–20.
- ⁴⁰ Там же. Л. 145; ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–3.
- ⁴¹ См.: Джунджузов, С. В. Калмыки... С. 160.

В. В. Борисова

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922 ГОДУ

В статье рассмотрены вопросы организационной подготовки кампании по изъятию церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году. На основании секретных донесений ГПУ раскрыта реакция населения региона на данные события. Показаны результаты и последствия кампании по изъятию церковных ценностей.

Ключевые слова: церковные ценности, богослужебная утварь, помощь голодающим, изъятие, духовенство, религия, советская власть, обновленцы, большевики, Русская Православная церковь.

Кампания по изъятию церковных ценностей, проводившаяся в России в 1922 году, являлась одним из этапов становления государственно-церковных отношений. Ее изучение способствует пониманию того, каким образом складывался механизм воздействия органов государственной власти на институт церкви и общество в целом, какие методы применялись большевиками в борьбе со своими идеологическими противниками.

Данной темы косвенно касались исследователи, занимавшиеся историей советской вероисповедной политики¹. Ограниченное количество работ специально посвящено указанной проблематике в общероссийском масштабе². Авторам удалось раскрыть роль высших партийных и советских органов, отдельных лиц в подготовке и осуществлении кампании, опровергнуть господствовавший в советской историографии тезис об активном сопротивлении духовенства изъятию, проследить дальнейшую судьбу конфискованных ценностей.

В то же время важным представляется вопрос о том, как протекала кампания по изъятию церковных ценностей в отдельных регионах страны, в том числе и в Тюменской губернии. Хотя тема нашла определенное отражение на страницах ряда работ, посвященных истории взаимоотношений Русской Православной церкви и советского государства на территории Зауралья³, однако до сих пор остается неизученным обширный круг проблем, в первую очередь касающихся реакции различных слоёв населения на правительственные мероприятия в отношении церкви. На примере Тюменской губернии можно проследить, как данная кампания проходила в провинции, какой отклик она встретила на

местах и насколько полученные результаты соответствовали первоначальному замыслу вдохновителей.

Тюменским губисполкомом комиссия по изъятию церковных ценностей формируется 2 марта 1922 года. Почти месяц ушел на решение организационных вопросов – определение состава комиссии, ее председателя, составление плана работы. Фактически же кампания стартовала лишь 1 апреля, после разносного письма Уральского Бюро ЦК РКП(б), в котором деятельность комиссий характеризовалась как «слабая» и «неудовлетворительная». 3 апреля 1922 г. в уезды направляется телеграмма председателя губернского исполнительного комитета регламентирующая порядок работы уездных подкомиссий. Согласно ей в каждом уезде требовалось сформировать в 24 часовый срок официальную подкомиссию, на которую возлагалась приёмка ценностей, переговоры с группами верующих; а также секретные руководящие комиссии в составе секретаря укома и представителя губкома⁴. Председатель подкомиссии наделялся беспрецедентными полномочиями: привлекать к работе представителей местных органов власти по своему усмотрению; пользоваться средствами передвижения и связи без оплаты; принимать любые меры воздействия вплоть до ареста ко всем должностным и частным лицам, препятствующим работе. Волисполкомы, сельсоветы и органы милиции должны были оказывать «самое горячее и всестороннее содействие» председателю комиссии и следующей при нём группе, «выполняя все его законные требования беспрекословно». Должностные лица, за неисполнение данного предписания, могли предаваться суду Ревтрибунала, «без различия

места службы и должности, как за срыв кампании по оказанию помощи голодающим»⁵. В случае сопротивления члены комиссии обязывались принимать самые жесткие меры вплоть до ареста, задействовать любую военную силу. К примеру, в Тюменском уезде комиссию сопровождали красноармейцы 506 полка в составе 11 человек.

Конкретная работа комиссий заключалась в проведении агитационных кампаний и организационных мероприятий. Накануне изъятия устраивались беспартийные конференции рабочей молодёжи, собрания рабочих и служащих предприятий, милиции, ЧОН с вынесением шумных резолюций. Затем от групп верующих требовались описи ценностей на основании которых устанавливался порядок изъятия (в первую очередь самые богатые церкви); назначался день и час работ. В ходе проведения изъятия составлялась опись.

Огромную роль в разработке и осуществлении религиозной политики играло Государственное политическое управление. В его задачи входило, в первую очередь, освещение агентурным путём настроения масс и отдельных лиц. Осведомители под видом рядовых граждан проникали на заводы, фабрики, в красноармейские части, в приходские советы, для ведения скрытой слежки. Итогом этой работы становились еженедельные отчёты на страницах которых указывались конкретные имена и фразы, давалась развёрнутая характеристика людей наиболее активно выступающих как «за» так и «против» кампании. Благодаря материалам, содержащимся в еженедельных сводках Тюменского Губернского Отдела ГПУ, мы можем восстановить подробную картину отношения населения к изъятию церковных ценностей. Агентурная работа велась среди четырёх групп населения: крестьяне; рабочие; духовенство; горожане, интеллигенция и служащие советских учреждений. Информационные сводки, свидетельствуют, что жители губернии в целом изъятием были недовольны. В то же время большинство понимало, что ценности придётся отдать: «Добром не отдашь, силой возьмут», – говорили в народе⁶.

Категорически против «поругания святынь» выступали крестьяне. В Кодской и Архангельской волостях Ялуторовского уезда на сельских собраниях выносятся постановления гласившие, что «изъятия церковной утвари не допускать»⁷. Несмотря на то, что

в Туринском уезде к моменту изъятия увеличилось случаи голодной смерти, а население питалось хлебом «с разными подмесьями древесной муки, мякины соломы», крестьяне – прихожане 23-х церквей – на общих собраниях категорически отказались избрать представителей в комиссию по изъятию ценностей⁸. Среднее крестьянство, в свою очередь, заявило, что «коммунисты обманом забрали весь хлеб, скот... едва ли попадут ценности по принадлежности»⁹. После изъятия богослужебной утвари из Тобольского Успенского собора были отмечены разговоры о том, что ценности не дойдут до нужного адресата, а «пойдут на роскошь коммунистам и их жёнам, будут израсходованы на содержание Красной Армии... пойдут в уплату долгов иностранным государствам... что ценности коммунисты увезут за границу, когда будут убегать из пределов России...»¹⁰. Деревенская беднота и молодёжь, наиболее лояльная по отношению к советской власти часть сельского населения, в лучшем случае относились к происшедшему безразлично. Жители наиболее пострадавших районов выступали «за» изъятие ценностей, но только если этим действительно будет оказана помощь нуждающимся.

Несмотря на своё бедственное положение, крестьяне пытались спасти церковную утварь, заменив её равным по стоимости количеством хлеба. Жители села Локосово обратились к уполномоченному Сургутской подкомиссии по изъятию церковных ценностей П. И. Трофимову с просьбой не трогать серебряную утварь Богоявленского храма, а взамен «каждому трудоспособному жителю в возрасте от 18 до 60 лет выловить сверх налога по одному пуду рыбы для нужд голодающих». Всего следовало поставить 150 пудов рыбы, цена которой значительно превышала стоимость имеющихся в храме вещей. Тем не менее, 28 мая 1922 г. члены комиссии в присутствии представителей местного населения произвели изъятие из Богоявленского храма 14 наиболее дорогостоящих предметов, «как наиболее действенное средство помощи голодающим»¹¹.

Однако при всём своём стремлении отстоять богослужебную утварь крестьяне практически не пытались прибегнуть к более радикальным методам. Самое большее, на что они были способны: использование различных форм пассивного протеста, проведение собраний, составление резолюций

и т. п. Имели место случаи, когда крестьяне били в набат, собирали толпу до 200 человек, выкрикивая «Церковь мы вам ограбить не дадим». Но стоило только представителю власти пояснить «бунтующим», что если они «не бросят свои надежды на оставление ценностей, то мы будем вынуждены взять их силой», верующие расходились по домам. Лишь изредка власти прибегали к репрессивным мерам для воздействия на наиболее строптивых верующих. Так, в Сургуте, была арестована «старуха монашка за распространение агитации»¹². В г. Тобольске священника Пятницкой церкви Пелымского обвинили в организации «истерических воплей «благочестивых» старушек», т. к. пришедшую в храм комиссию встретила враждебно настроенная толпа «большую часть из фанатичных старух». Священник был арестован, а его дело передается в Ревтрибунал¹³. Несколько лиц, «открыто выступавших против изъятий» было задержано в Туринске¹⁴.

Таким образом, отношение крестьянского населения губернии, согласно сводкам ГО ГПУ к кампании по изъятию церковных ценностей, характеризуется как резко отрицательное, «плохое», «неприятное», за исключением части бедноты и молодежи. Объяснить это можно недоверием сельского населения к советской власти. Многим были памяты продкампания 1920–1921 гг., в ходе которой Тюменская губерния оказалась в числе самых «передовых», досрочно перевыполнивших план по сдаче хлеба государству. Как следствие – мощное антибольшевистское движение, подавленное силами Красной армии лишь к лету 1921 г.

Далёкие от перипетий «большой политики», жители сёл и деревень в один голос заявляли, что изъятые не дойдут до нужного адресата. Искренне желая помочь голодающим, они предлагали менять церковную утварь на эквивалентное количество продуктов. Получив отказ от представителей власти, запуганные карательными мерами крестьяне, за редким исключением не пытались активно сопротивляться грабежу. Изъятие церковных ценностей из православных храмов на территории сельской местности в Тюменской губернии происходило без эксцессов и завершилось в срок, в августе 1922 года.

Рабочие в общей массе сохраняли пассивность в отношении церковного вопроса. Явных выпадов в защиту церкви или агитации

за изъятие ценностей не было. Практически повсеместно на предприятиях и заводах губернии были вынесены постановления в поддержку экспроприации. Но даже самые революционно настроенные рабочие были не согласны с огульным обиранием храмов. Они предлагали заменить взятые из церквей вещи более простыми, но необходимыми в богослужебной практике, дабы не наносить ущерб религиозным чувствам верующих. Случаи критики правительственных мероприятий наблюдались со стороны граждан и ранее плохо относившихся к советской власти. Так во время изъятия в Зареченской церкви г. Тюмени рабочий фабрики «Пламя» некто Ключков кричал: «Вы все грабители, хотите ограбить церкви и завести себе галифе и золотые часы»¹⁵. После окончания фактического изъятия из городских церквей разговоры на эту тему среди рабочих прекратились.

Наиболее активную позицию занимали служащие советских учреждений, в большинстве своём являвшимися представителями интеллигенции. Они были недовольны проводимыми мероприятиями и обвиняли власть в очередном обмане народа. Сотрудники Губземагдела и Губсоюза считали, что «советская власть берёт ценности без всякого согласия священников и народа, выпуская ложные воззвания»¹⁶. Уверенность в том, что золото, взятое из церквей, уйдёт не на голодных, а за границу в уплату царских долгов выражали некоторые работники Губисполкома. Со временем характер высказываний становился всё более резким, а количество критикующих только росло, что дало возможность следственным органам обвинить служащих советских учреждений в «самой разнообразной контрреволюционной агитации»¹⁷.

Парадоксально, но несмотря на столь недружелюбное отношение населения к происходившему, в Тюменской губернии не зафиксировано ни одного крупного выступления против изъятия.

Ещё до начала кампании, анализируя обстановку в Тобольском уезде члены комиссии предполагали, что «могут произойти нежелательные эксцессы». Настроение населения характеризовалось как «самое скверное», отношение масс «в большинстве отрицательное». Почему же все ограничилось лишь «агитацией», «глухим ропотом» и «выкриками»?

Во-первых, очень многое зависело от позиции местного духовенства. В Тюменской

губернии оно не препятствовало изъятию ценностей, до тех пор, пока дело не доходило до конфискации предметов необходимых в богослужебном культе. Церковные каноны запрещали под угрозой отлучения и низвержения от сана использовать священные предметы для небогослужебных целей. Тем не менее, даже в случае насильственного изъятия самого необходимого, патриарх Тихон предлагал клиру воздерживаться от ответных насильственных действий¹⁸. Епископ Иринарх (Синеоков-Андреевский), в свою очередь призвал верующих Тюменской губернии: «... не допустите чтоб скорбь ваша перешла в грех... с покорностью, спокойствием и благоразумием отнестись к... отобраению излишка ценностей»¹⁹.

Во-вторых, определенную роль сыграла умелая пропагандистская кампания, развернутая властями. Ее идеологи понимали, что прихожане без сопротивления не пустят представителей атеистической власти в храмы, тем более не отдадут церковной утвари, само прикосновение к которой мирских людей было недопустимо. Поэтому официальным лозунгом стала не борьба с религией и церковью, а исключительно помощь голодающим. Для того чтобы сформировать положительное общественное мнение была тщательно спланирована и продумана до мелочей газетная кампания, призванная привлечь на сторону изъятия не только атеистов, но и самих верующих. Страницы периодических изданий пестрели сообщениями о якобы поступающих к советскому правительству от всех групп населения: «от крестьян, православных учителей, от сельсоветов, от священников, архиепископов, мулл, раввинов»²⁰ ходатайствах об изъятии церковных ценностей. Ни один номер местной периодической печати не обходился без сообщения о бедственном положении голодающих. Не были редкостью и статьи за подписью самих «верующих», а так же пострадавших от голода. Они призывали прекратить переговоры со «святыми отцами», действовать быстрее и вынести ценности из церквей. Публиковались сообщения о личных пожертвованиях в фонд помощи голодающим от духовенства. К примеру, газета «Тобольский Север» сообщала, что прихожане села Агальчинского попытались не пустить комиссию по изъятию ценностей в церковь. Тогда священник Андрей Казаков «вышел на паперть и обратился к народу с речью. Затем,

сняв с груди крест, сказал – «Я жертвую от себя», после чего толпа разошлась»²¹.

Но властям не нужна была церковно-союзница. Созданная на страницах газет картина стремления к сотрудничеству, взаимодействию с представителями церкви в деле помощи голодающим оказалась лишь частью плана по внесению раскола во внутрицерковное единство. Зачастую тон статей резко менялся с хвалебного на ругательный. Журналисты рапортовали с мест о сопротивлении части духовенства, «змеином шипении по адресу коммунистов», «брани по адресу Советской власти и даже зачастую рукопашной»²². Все священнослужители и прихожане делились прессой на «честных верующих и их пастырей», которые выступают за полное изъятие церковных ценностей, и на «врагов республики, которые усердно молятся богу об избавлении от большевизма, и согласны скорее сдохнуть, чем работать на пользу страны»²³. Поэтому газетная кампания в первую очередь была призвана придать образу врага в лице духовенства ещё более чёткое очертание. Обвиняя церковь в сокрытии ценностей, в нежелании спасти голодающих, власти намеривались найти повод для изъятия ценностей на народные нужды.

В-третьих, сглаживанию острых углов способствовала и гибкость работы уездных подкомиссий. Если руководители изъятия ответственно подходили к операции, если была проведена большая подготовительная работа, грамотно организована агитационная кампания, то препятствий со стороны населения, как правило, не встречалось.

В-четвертых, определенную роль сыграли угрозы, прямое административное давление, а в некоторых случаях – аресты наиболее непримиримо настроенных сторонников церкви.

Кампания по изъятию церковных ценностей продолжалась в Тюменской губернии чуть более четырех месяцев, завершившись в августе 1922 г. В результате проведённой акции в Тюменской губернии было изъято 18 фунтов, 74 золотника, 53 доли (т. е. 7 кг 689 г) золота; 8 фунтов, 81 золотник, 20 долей (т. е. 3 кг 622 г) «церковных ценностей, усиленных ценными камнями»; 10 фунтов, 50 золотников, 81 доля (т. е. 4 кг 312 г) ценных камней; 263 пуда, 1 фунт, 82 золотника, 37 долей (т. е. 4 т 209 кг) серебряной утвари; золотой монеты – 2610 рублей; банковского серебра – 136 рублей, разменного серебра – 223 рубля²⁴.

Возникает вопрос: помогли ли собранные ценности решить проблему голода в Тюменской губернии? Вряд ли на него можно ответить однозначно. Действительно, на полученные средства закупалось зерно, о чем с помпой писали местные газеты. Например, в августе 1922 г. в Ишим было направлено 12000 пудов семенной ржи приобретенной на деньги, вырученные от реализации церковных ценностей.

Однако, надежды на то, что при изъятии на долю голодающих «придётся кусок хлеба» оправдались лишь частично. К апрелю 1922 г. их количество в Тюменской губернии только по официальным данным достигло 565058 человек. Было зафиксировано 1336 смертных случаев от голода. В самый разгар кампании, были признаны голодающими и нуждающимися в помощи Ишимский и Ялуторовский уезды, а Тюменский и Тобольский уезды – неблагополучными по урожаю²⁵. Тюменская губерния также принимала детей и целые семьи из пострадавших районов Центральной России. С 1921 по 1923 год на железнодорожные станции Тюмени, Ялуторовска и Ишима прибыло 1204 ребёнка из которых 1004 разместили по детским домам²⁶.

Тем не менее, нормативными актами запрещалось использование изъятых церковных ценностей для местных нужд. Их следовало через уездный и губернский финотдел сдавать в госхран в Москву на особый учёт ЦК Последгола²⁷.

В мае 1923 г. цифра детской беспризорности в крае превысила 70 тыс. человек. При этом на средства губернской комиссии по борьбе с последствиями голода (Губпоследгол), содержалось всего пять детских домов и четыре детские столовые с пропускной способностью 300–400 обедов в день. Показательно, что Тюменский Губпоследгол, тратил на собственный личный состав, канцелярские и хозяйственные нужды в десять раз больше, чем на все детские дома и столовые вместе взятые²⁸.

Таким образом, можно сказать, что в Тюменской губернии кампания по изъятию церковных ценностей была проведена успешно. Помимо получения значительных материальных средств, властям удалось достичь и незаявленных официально целей по ослаблению среди населения авторитета церкви. Имевшийся в народе протестный потенциал церковь не сумела и не хотела использовать.

Духовенство, напуганное возможными репрессиями и жёстким отношением местных властей, стало терять прежде прочные в нравственном отношении позиции и в большинстве своём заявило о поддержке обновленческой группы «Живая церковь». В итоге, в регионе сложились благоприятные условия для активизации антицерковной деятельности, которая была связана в дальнейшем с закрытием церквей и монастырей. Церковь полностью подчинилась давлению власти и не представляла для неё в ближайшее время никакой угрозы.

Примечания

¹ См.: Цимбаев, Н. И. Русская Православная Церковь в годы испытаний (1900–1941) // *Вопр. философии*. 2001. № 5. С. 23–42; Одинцов, М. Хождение по мукам // *Наука и религия*. 1990. № 5. С. 8–10; Протоиерей Георгий Митрофанов. Церковный геноцид в большевистской России // *Православный летописец Санкт-Петербурга*. 2000. № 2. С. 25–33; Алексеев, В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991; Крапивин, М. Ю. Непридуманная церковная история : власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви (1917–1990). М., 1994; Пospelовский, Д. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

² См.: Васильева, О. Ю. Красные конкистадоры / О. Ю. Васильева, П. Н. Кнышевский. М., 1994; Кривова, Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Покровский, Н. Н. Предисловие // *Архивы Кремля : в 2 кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь 1922–1925 гг. М. ; Новосибирск, 1997. С. 7–109.*

³ См.: Темплинг, В. Я. Православная церковь в Тюменской губернии в первые годы строительства советской власти (1921–1923 годы) // *Религия и церковь в Сибири : сб. науч. ст. и док. материалов. Тюмень, 1994. Вып. 7. С. 43–53*; Коголь, Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005; Чернышов, А. В. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). Тюмень, 2002.

- ⁴ См.: Государственный архив Тюменской области (далее ГАТО). Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 66.
- ⁵ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГУТО ГА в Тобольске). Ф. 392. Оп. 1. Д. 146. Л. 5 об., 14 об.
- ⁶ Еженедельная сводка Тюменского ГО ГПУ об отношении населения губернии к изъятию церковных ценностей за период с 10 по 20-е апреля 1922 г. // А. В. Чернышов. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). Тюмень, 2002. С. 33.
- ⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 123.
- ⁸ См.: Еженедельная сводка... С. 39.
- ⁹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее - ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 356. Л. 21 об.
- ¹⁰ Сводка уполномоченного ГО Тюменского ГО ГПУ по Тобольскому уезду об изъятии в г. Тобольске за 1-ю половину апреля 1922 г. // А. В. Чернышов. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД... С. 31.
- ¹¹ Солодкин, Я. Г. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов // *Западная Сибирь : история и современность*. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 180.
- ¹² ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 66.
- ¹³ См.: Сводка ОГПУ об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии за время с 21 апреля по 5 мая 1922 г. // *Религия и церковь в Сибири : сб. науч. ст. и док. материалов*. Вып. 7. С. 106.
- ¹⁴ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 356. Л. 40.
- ¹⁵ Еженедельная сводка Тюменского ГО ГПУ об отношении населения губернии к изъятию церковных ценностей за период с 10 по 20-е апреля 1922 г. // А. В. Чернышов. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД... С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 28.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Воззвание Патриарха Тихона к духовенству и верующим Российской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей. 28 февраля 1922 г. // *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.* Новосибирск, 1998. Кн. 1. С. 114.
- ¹⁹ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 384. Л. 28.
- ²⁰ Там же. Д. 676. Л. 33.
- ²¹ См.: Крест – в пользу голодающих // *Тоболь. Север*. 1922. 29 июня.
- ²² Там же.
- ²³ Архиепископ Николай о голоде // *Тоболь. Север*. 1922. 21 марта.
- ²⁴ См.: Из информационной сводки Тюменского ГО ГПУ о состоянии губернии за период с 1 июля по 1-е августа 1922 г. // А. В. Чернышов. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД... С. 48.
- ²⁵ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 356. Л. 24.
- ²⁶ Там же. Д. 384. Л. 18.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 94.
- ²⁸ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 676. Л. 8.

Г. Н. Карманова

ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ПО СВОДКАМ ОГПУ 1930 ГОДА

В статье впервые анализируются данные сводок ОГПУ 30-х годов XX века. Особенностью документов этого происхождения является подробная и новая информация по различным аспектам церковно-религиозной жизни православных верующих в условиях проводимой властью политики насильственной коллективизации. В частности, формы и методы антирелигиозных кампаний и отношение к ним верующих, информация о деятельности тайных монашеских общин.

Ключевые слова: Сводки ОГПУ, источник, православие, верующие, репрессивная политика, антирелигиозные кампании, закрытие храмов.

Проблема деятельности силовых структур (ГПУ, ОГПУ, НКВД, КГБ) в отношении религиозных организаций становится предметом научного анализа в работах российских исследователей с конца XX века¹. Возможность доступа к ранее засекреченным архивам, публикации секретных документов и материалов способствовали формированию источниковой базы для исследования этого аспекта государственно-церковных отношений в советский период истории России. Значительный вклад в расширение источниковой базы принадлежит Институту Российской истории РАН и Центральному архиву Федеральной службы безопасности, архивисты которых с 2001 г. осуществляют совместное издание сборника документов «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)».

Осенью 2008 г. вышел в свет очередной, восьмой по счету том издания. Восьмой том (в двух частях) включает в себя материалы за 1930 г. Решение о составлении еженедельных сводок «о внутреннем положении Республики» для ЦК РКП (б) было принято на заседании Коллегии ВЧК 28 сентября 1920 г.² Если предыдущие тома, последний из которых вышел в 2004 г., содержали отдельные отчеты ОГПУ с разделом «Церковники», где была сконцентрирована информация о духовенстве и верующих, то в отчетах за 1930 г. этой теме уделено гораздо большее внимание.

Репрессивная политика государства в отношении верующих стала жестче в 1930 году по сравнению с 1922 годом. Это было связано с тем, что в свою решающую фазу вступила

коллективизация, религия же рассматривалась властями как серьезное препятствие на пути раскулачивания и создания коллективных хозяйств. 11 февраля 1930 г. ЦИК и СНК приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». В «целях борьбы с попытками враждебных элементов использовать религиозные объединения для ведения контрреволюционной работы» оно предписывало государственным учреждениям при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц»³. Циркулярное письмо Информационного отдела ОГПУ № 37 от 22 марта 1930 г. «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ» также требовало всемерно способствовать дальнейшему разложению Православной Церкви путем стимулирования церковного раскола⁴.

Обзоры и сводки ОГПУ о положении в СССР, которые готовились в 1930 г. для руководства страны, содержат уникальные материалы о том, как относилось население к закрытию православных церквей и храмов, и о том сопротивлении, которое оказывалось проводимой государством антирелигиозной политике.

Сводки сообщают о реакции населения на антипасхальную кампанию. В 1929 г. антирождественские и антипасхальные кампании фактически вновь, как и в середине 1920-х гг. приняли общеобязательный характер. Сводки ОГПУ фиксировали «отрицательные моменты во время антипасхальной кампании»⁵. Пасха

в 1930 г. приходилась на воскресенье 20 апреля. Воскресения оказывались рабочими днями в связи с введением в 1929 г. непрерывной рабочей недели. 9 апреля на Ленинградской фабрике «Красное знамя» было сорвано собрание рабочих, где агитировали не праздновать Пасху. «Докладчик вынужден был оставить собрание» - говорится в сообщении⁶. Фиксировались массовые случаи отказа рабочих выходить на работу в пасхальные дни. Однако сравнение статистических данных, приводимых в отчетах ОГПУ⁷, и данных, приводимых в профсоюзных сводках, показывает, что данные в сводках ОГПУ не учитывают все данные и оказываются заниженными. Материалы архива ЦГА СПб дают картину более массовых прогулов в пасхальные дни на заводах и фабриках Ленинграда⁸.

В 1930 г. государственные органы попытались организовать массовые выступления рабочих против «крестового похода», объявленного Папой Римским. 2 февраля 1930 г. Пий XI призывал к «крестовому походу молитв» во искупление грехов преследователей религии и осудил антирелигиозную компанию и арест священников⁹. В СССР это стали трактовать как призыв к войне против большевиков. В связи с этим ОГПУ проводилась большая работа, в рамках которой было опубликовано интервью митрополита Сергия иностранным журналистам, в котором он отрицал факт гонений на религию в СССР. 14 февраля 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановило: «Поручить тт. Ярославскому, Сталину и Молотову решить вопрос об интервью»¹⁰. 16 февраля в газетах «Правда» и «Известия» от имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя было опубликовано интервью в виде ответов на вопросы журналистов. Недавно проведенное текстологическое исследование черновых текстов интервью, обнаруженных в Архиве Президента РФ, показывает, что вопросы и ответы, содержащиеся в интервью, были заранее составлены Е. Ярославским и отредактированы И. Сталиным и В. Молотовым¹¹.

Опубликованные отчеты свидетельствуют о нежелании советских людей выходить на демонстрации против «крестового похода», сдавать деньги на оборону от него. Типичным мнением, выразившимся по этому поводу, было: «Предлагаете идти на демонстрацию вас защищать, а ничего не даете». «Разве вы церкви не закрываете? Нужно раньше на-

кормить, а потом звать на демонстрацию»¹². Нежелание поддержать митинг против «крестового похода» фиксировались в Западной области (г. Ржев и др.)¹³. «Советская власть испугалась выступления папы. Еще один такой нажим – откроют церкви», – говорили некоторые рабочие¹⁴.

Если в предыдущие годы, особенно в 1922–1924, в информационных сводках ОГПУ значительное внимание уделялось деятельности обновленцев, то в за 1930 г. их деятельность совершенно не интересовала составителей сводок. Они упомянуты лишь однажды в связи с передачей им православного храма на Урале: «В поселке Уфалейского завода 19 марта имело место выступление верующих (до 100 человек) на почве передачи обновленцам тихоновской церкви. Толпа ворвалась в церковь, выгнала обновленческого священника и других лиц»¹⁵. Еще 15 октября 1926 г. прихожане поселка Уфалейского завода обратились к митрополиту Агафангелу (Преображенскому), сообщив, что у них в поселке два храма: Спасо-Преображенский собор – тихоновский, а в Троицкий храм – григорианский¹⁶. Таким образом, в 1930 г. православные лишались своего единственного храма, что и вызвало протесты.

В 1930 г. усилился процесс закрытия храмов. Реакцию населения на эти процессы также освещают сводки ОГПУ. 26 января 1930 г. на заседании Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по рассмотрению религиозных вопросов было принято решение «Признать целесообразным изменение существующего порядка ликвидации молитвенных зданий»¹⁷. Было признано, что «в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода»¹⁸. Право окончательного решения вопросов о закрытии были передано в ведение край – и облысполкомов.

На Урале, в г. Туринске «собравшаяся по набатному звону толпа (300 человек)» выдвигала требование «открыть все церкви в городе и районе»¹⁹. 30 марта в поселке завода «Нижний Серш» «толпа женщин (400 человек) потребовала открытия церкви»²⁰. Уральские верующие прямо указывали властям на то, что их деятельность противоречит указаниям ЦК. Также на Урале, в Тагильском округе в поселке Верхне-Салдинского завода

23 марта «имело место массовое выступление в связи со снятием колоколов... Толпа женщин и стариков до 200 человек собралась возле заводских ворот... Из толпы раздавались крики: «Головотяпы, вы искажаете линию партии. Вы обманом закрыли церковь, вы ногами топчете религию!»²¹ Несмотря на протесты, массовые закрытия храмов в этом регионе продолжились. В 1930 г. в Свердловске были закрыты девять церквей из одиннадцати, в Нижнем Тагиле – три церкви из семи, в Ирбите – две церкви из пяти²².

Однако в некоторых случаях храмы продолжали действовать как результат протестов духовенства и верующих. 10 февраля 1930 г. священник с. Завидово (ныне – Тверская обл.) Дмитриев «По окончании службы произнес политическую речь, в которой призывал верующих «крепче сплотиться вокруг церкви и всеми силами не допускать ее закрытия»²³. Храм не был закрыт и действовал на момент немецкой оккупации в 1941 г.²⁴

В Западной области «отмечалось упорное сопротивление закрытию церквей, причем, иногда волнения продолжались по несколько дней»²⁵. Противодействие закрытию церквей отмечались в Нижегородской области и в г. Туле, где 2 июля против закрытия храма протестовало около 1500 человек²⁶. Негативная реакция населения привела к тому, что 14 марта 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». ЦК партии требовал: «решительно прекратить практику изъятия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемого... добровольным желанием населения»; напоминал, что допускается закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждением постановлений сходов облизполкомами»²⁷. Постоянная комиссия при Президиуме ВЦИК под председательством П. Г. Смидовича вынуждена была отменить несколько решений о закрытии храмов. Так, 26 августа 1930 г. постановили отменить 12 постановлений о закрытии церквей²⁸.

Одной из самых распространенных тем, о которых говорилось в сводках ОГПУ, был вопрос о снятии колоколов. 6 декабря 1929 года секретариат ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», где предписывалось: «...предоставить право регулирования колокольно-

го звона при отправлении культовых служб горсоветам и районным исполнительным комитетам...»²⁹ Процесс снятия колоколов также вызывал массовые протесты населения. В одном из отчетов отмечалось: «(Тагильский округ). В связи со снятием колоколов с закрытой, согласно постановлению Облизполкома, церкви 23 марта в заводском поселке имело место массовое выступление... возбужденная толпа не расходилась в течение целого дня (с 11 часов утра до 10 часов вечера), распевая религиозные песни»³⁰. В другой сводке по Уралу говорилось: «(Свердловский округ). 13 февраля во время снятия колоколов (согласно постановлению поселковых собраний) в толпе до 200 человек, преимущественно женщин, один рабочий вел агитацию: “Идемте, бабы, и сбросим всех коммунистов с колокольни, они не только вам, но и нам, рабочим, надоели”»³¹.

Сводки сообщают о групповых делах, связанных с высшей церковной иерархией, которые были заведены в ОГПУ в 1929–1930 гг. В «Сводке СО ОГПУ об антисоветской деятельности политических партий и церковников за время с 20 августа по 1 сентября 1930 г.» особый раздел был посвящен ««группировке митрополита Петра Полянского». В нем отмечалось: «Вокруг административно-высланного митрополита Петра Полянского, проживающего на Урале, образовалась группировка. Наиболее влиятельны в группировке черносотенцы: архиепископ Амвросий Полянский и профессор-церковник Попов. Последние (оба) отбывают ссылку после заключения в концлагере. Под их влиянием митрополит Петр решил потребовать от своего заместителя митрополита Сергия отчет о политической деятельности последнего, ставя ему в вину «соглашательскую» по отношению к советской власти политику. Подготавливалось увольнение митрополита Сергия, взамен которого намечался целый список кандидатов (на случай ареста кого-либо из них). Приняты меры к ликвидации группировки. Митрополит Петр переводится в изолятор»³².

Информация о планах митр. Петра назначить нового Заместителя не упоминалась в источниках и очень существенна для характеристики взаимоотношений митр. Петра с митр. Сергием. Она подтверждает точку зрения свящ. А. Мазырина о том, что митрополит Петр «порицал действия митрополита Сергия»³³. Архиепископ Амвросий

(Полянский) с весны 1929 г. находился в дер. Шурышкары, рядом с г. Обдорск (совр. Салехард, Ямало-Ненецкий АО), где он пробыл до 5 июля 1931 г., ведя переписку с митрополитом Петром³⁴. Недалеко отбывал ссылку профессор Иван Васильевич Попов, он пересылал деньги митрополиту Петру, получаемые от митрополита Сергия, это продолжалось до того момента, пока митр. Петр не узнал о том, что деньги присылаются митр. Сергием, после чего отказался от них³⁵.

Последнее известное исследователям письмо, написанное митр. Петром Сергию до ареста, произошедшего 17 августа 1930 г., датируется февралем 1930 г. В нем митр. Петр в доброжелательных тонах призывал митр. Сергия вернуться к прежним формам церковного управления. Очевидно, речь идет о тех формах, которые использовал Сергей в 1926 г. до своего ареста³⁶. В этом письме митр. Петр отрицал влияние на свою позицию со стороны архиереев, которые отбывали ссылку в той же области³⁷. Новые материалы ОГПУ указывают на то, что помимо известных исследователям писем митр. Петра от декабря 1929 и февраля 1930 г., было и другое письмо или письма. Еще прот. Михаил Польский, которому удалось бежать в 1931 г. из СССР, сообщал о том, что митр. Петр в одном из писем писал Сергию: «Если Вы не в силах защитить Церковь, уйдите в сторону и уступите место более сильному»³⁸. Священник А. Мазырин ввел в научный оборот текст записки, которая была направлена митр. Сергию митр. Петром летом 1930: «Прошу поглубже укрепить убеждение, что мое решение - предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия — есть Богом благословенное и имеет обязательную силу»³⁹. В тексте этой записки, который приводил в своих работах иг. Дамаскин (Орловский) было опущено слово «превысившие». Таким образом, содержание записки приобретало у этого автора обратный смысл — осуждение превышения полномочий превращалось в полное одобрение действий митр. Сергия⁴⁰. Таким образом, содержание цитируемой сводки подтверждает данные о том, что митр. Петр принял решение о замене своего Заместителя, чему помешал арест Местоблюстителя.

Особое внимание ОГПУ уделяло в этот период ликвидации тайных монашеских общин. В сводке ОГПУ за август 1930 г. сообща-

лось о репрессиях в отношении прот. Романа Медведя и его паствы — «группе «тайных монахинь», созданной попом Медведем»⁴¹. В сводке отмечалось: «Бывший старший поп Черноморского флота Роман Медведь, погромщик и монархист, организовал в Москве группу «тайных монахинь». Группа состоит из довольно ответственных советских служащих (женщин). Пострижение в монахини производится на квартирах. Постриженные продолжают носить светское платье»⁴². Информация об общине попала в сводку ОГПУ благодаря тому, что в числе ее членов оказались осведомители ОГПУ⁴³. 16 февраля 1931 г. о. Роман Медведь и члены его общины были арестованы и подверглись длительным срокам заключения.

Сводки сообщают также о «контрреволюционной организации церковников», которую чекисты называли «Землекопы», руководителем которой был назван иеродиакон Нестор. Согласно сводке, «у него около 40 человек молодежи, живущей в Ленинграде, Москве, Рязани, Киеве и Тамбовском округе»⁴⁴. Для того, чтобы прятаться от властей у общины имелись пещеры: «Пещеры в Кирсановском районе предназначены для того, чтобы прятаться в них, когда на верующих особенно усилится «гонение антихристово». В пещерах, по словам Нестора, запас продовольствия на несколько лет»⁴⁵.

По данным составителей сборника «Современники о Патриархе Тихоне», Нестор (в рясофоре — Тихон) (Постников-Мясников Николай Нилович) был иеродиаконем Высоко-Петровского монастыря⁴⁶. Один из современников писал о нем в 1926 г: «бродяжный рясофорный монах (“из Шаталовой пустыни”, как говорили про него), по имени о. Тихон... Это был тоже очень молодой человек, уроженец посада Селижарова... энергично обивавший пороги угасающих московских монастырей (мужских и женских) и своих бесчисленных неугасимых благодетельниц из числа интеллигентных пожилых дам, почему-то особенно к нему благосклонных и которых он прекрасно умел держать “в страхе Божиим”, вызывая тем еще большее, с их стороны, поклонение себе и беспредельную, какую-то фанатичную, преданность до самозабвения»⁴⁷.

Арестованный 13 октября 1930 г. епископ Гавриил (Абалымов) дал подробные показания о Несторе: «Он (Нестор) родился в Посаде Селижарово, 50 в. от г. Осташково Тверской

губ... Духовным отцом Нестора я не являюсь... он только изредка просил у меня совета в религиозных вопросах, я ему их давал»⁴⁸. Сам Нестор показывал на следствии: «В тайной пещере схим[онахини] Дорофеи иногда проводилось тайное служение свящ[енниками] того же села Николаем или Михаилом, с благословения Тамбовского еп[ископа] Вассиана, он же дал и антиминос»⁴⁹.

Доселе неизвестные подробности сообщают сводки за 1930 г. о «буевцах» и другом оппозиционном митр. Сергию духовенстве. Интересные сведения приводятся о епископе Варлааме (Лазаренко). С 1928 г. он представлял епископа Алексия (Буй) в горах Северного Кавказа, где был арестован в сентябре 1929 г., но бежал в Среднюю Азию, где вновь был арестован в 1930 г. и вскоре расстрелян. Согласно сводке ОГПУ, епископ Варлаам сказал: «Я не признаю декларации, потому что она призывает сочувствовать советской власти, но я давал присягу царю в верности, я воспитан в монархическом духе и люблю царя»⁵⁰. Подробности нелегальной жизни епископа Варлаама, приводимые в сводках ОГПУ, подтверждаются другими источниками.

И. И. Осипова приводит выдержку из его письма: «Положение моё нелегально, живём скрытно от внешних, да и свои немногие знают. Меня всюду ищут, но Бог хранит вот уже третий год. Имеем подземный храм и полный штат служителей. Имеем возможность посвящать ставленников и управлять общинами. Жизнь Церкви не прерывается, пульс её работает, хотя и с соблюдением строгой тайны. Люди все надёжные. В ответ на репрессии мы отвечаем молчаливым протестом — открытием новых молитвенных домов и закрытых общин»⁵¹.

Материалы ОГПУ дают много новой информации о деятельности в 1928–1930 гг. других «буевцев» в Воронежской области, где их присутствие было наиболее заметно. Епископ Алексей (Буй), по данным сводок оставил «вместо себя в Воронеже благочиннический епархиальный совет в составе благочинного Палицына (умер) и помощника его Стеблин-Каменского⁵², которые совместно с адм. ссыльными священниками Гортинским⁵³, Марчевским⁵⁴ и архимандритами Бирюковым Игнатием⁵⁵ и Кречковым Тихоном являлись представителями епископа Алексея по Воронежской епархии»⁵⁶. Сводки сообщают подробности о нелегальной церковной жизни «буевцев» и в других областях.

Сводки ОГПУ за 1930 г. дают подробную, зачастую совершенно новую информацию и по другим аспектам церковной жизни в условиях нараставших гонений. Как любой источник, сводки нуждаются в анализе с учетом других сохранившихся источников, однако изучение отдельных сообщений ОГПУ, цитированных выше, приводит нас к убеждению, что опубликованные сводки – в значительной степени достоверный источник, существенно расширяющий представления об этом сложном периоде государственно-церковных отношений.

Примечания

¹ См.: Васильева, О. Ю. Красные конкистадоры / О. Ю. Васильева, П. Н. Кнышевский. М., 1994; Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь : 1917–1945 гг. СПб., 1995; Кривова, Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М., 1997; Маслова, Т. Русская православная церковь и КГБ // Вопр. истории. 2005. № 12; Одинцов, М. И. Русские патриархи XX века : Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; Шкаровский, М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995.

² См.: Архив ВЧК : сб. док. / отв. ред. : В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. С. 400.

³ Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь... С. 235.

⁴ См.: Крапивин, М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го – конец 1920-х годов) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 384.

⁵ «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М. : Ин-т рос. истории РАН, 2008. Т. 8. Ч. 2. С. 1404.

⁶ Там же. Ч. 1. С. 210.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ См., например: Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941 / сост. Н. Ю. Черепнина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 158.

⁹ См.: Токарева, Е. С. Отношения СССР и Ватикана : от переговоров к разрыву. 1922–1929 гг. М., 1998. С. 58–59.

¹⁰ Цит. по: Курляндский, И. Наш ответ Римскому папе. Как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью митрополита Сергия и его Синода» // Полит. журн. 2008. № 6–7 (183–184). 18 апр.

- ¹¹ Там же.
- ¹² «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 164.
- ¹³ Там же. С. 199.
- ¹⁴ Там же. С. 203.
- ¹⁵ Там же. С. 176.
- ¹⁶ См.: Вестн. церк. истории. М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. № 2. С. 93.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1 Д. 1. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 164
- ²⁰ Там же. С. 167.
- ²¹ Там же. С. 193.
- ²² См.: Лавринов, В., протоиерей. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 59.
- ²³ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 694.
- ²⁴ См.: Копылова, О. Н. Ущерб, причиненный Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // За други своя : Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война : материалы церк.-обществ. конф. (Москва, 24 марта 2005 г.) М., 2005. С. 134.
- ²⁵ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 738.
- ²⁶ Там же. С. 382.
- ²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 104.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ²⁹ Цит. по: Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь... С. 102.
- ³⁰ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 193; ч. 2. С. 1403.
- ³¹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 1403.
- ³² «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ³³ Мазырин, А. иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х гг. М., 2006. С. 386.
- ³⁴ См.: Дамаскин (Орловский), игум. Амвросий (Полянский) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 138.
- ³⁵ См.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX в., составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Тверь, 2005. Январь. С. 357.
- ³⁶ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.. С. 691–692.
- ³⁷ См.: Акты. С. 692.
- ³⁸ Польский, М. протопресв. Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Репринт. Б. м., б. г., ч. 1. С. 192.
- ³⁹ Мазырин, А., иерей. Высшие иерархи... С. 385.
- ⁴⁰ См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века : жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 511.
- ⁴¹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священноисповедника Романа (Медведя; 1874–1937). Тверь, 2000.
- ⁴⁴ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См.: Современники о Патриархе Тихоне : сб. в 2 ч. / сост. и автор комм. М. Е. Губонин. М., 2008. Т. 2. С. 677.
- ⁴⁷ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 77.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ. Д. № Р-35500. Л. 99.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ. Д. № Р-35500. Л. 86–86 об.
- ⁵⁰ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1464.
- ⁵¹ Осипова, И. И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...» : Гонения на Истинно-Православную Церковь : по материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 39–40.
- ⁵² См.: Иоанн Стеблин-Каменский (1887–1930), протоиерей, сщмч. Арестован 19.05.1929. 28 июля 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере наказания. Расстрелян и похоронен в окрестностях Воронежа.
- ⁵³ См.: Сергей Гортинский (1889–1930), священник – председатель Коллегии из 5 священнослужителей по управлению Воронежской епархией.
- ⁵⁴ См.: Протоиерей Евгений Марчевский...
- ⁵⁵ Игнатий (Бирюков) (1865–1932), архимандрит. В январе 1928 г. отделился от митрополита Сергия в составе т. н. буювцев. С января 1926 г. по 1929 г. являлся епархиальным духовником Воронежской епархии. Арестован 30 января 1930 г. по делу «Церковно-монархической организации “буювцы”». 28 июля 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам лагеря.
- ⁵⁶ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1464–1465.

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Н. В. Болдинова

ИМПЕРАТОР КЛАВДИЙ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ПСИХОАНАЛИЗА

Статья посвящена психологическим особенностям личности римского императора Клавдия в контексте психоаналитической концепции, представленной в работах О. Ранка. Император Клавдий, получив неоднозначные и противоречивые оценки современников и историков, является интересным объектом для изучения с позиций исторической психологии, помогая понять эпоху ранней Римской империи в I в. н. э.

Ключевые слова: историческая психология, Клавдий, психоанализ, Римская империя, Юлии-Клавдии, Ранк.

Антропологический подход к изучению истории, ставящий в центр внимания жизнь отдельного человека в рамках определенной культуры, характерен для современных историков-антиковедов¹. Одним из направлений данного подхода является историческая психология – наука, занимающаяся изучением психологического склада отдельных эпох, а также изменением психики и личности человека в «специальном макровремени, именуемом историей»². Историческая психология соединяет психологию развития человека и историческую науку, поскольку вводит отдельного человека в историческое время человечества, а также обнаруживает размерности индивидуальной жизни в социальных процессах и свидетельствах культуры³. История отдельного человека – важная и неотъемлемая часть современной ему эпохи. Поэтому думается, что сквозь призму понимания психологии отдельной личности возможна реконструкция исторических связей жизни в контексте исторического времени. Человек не только социальный, но и биохимический организм, поэтому без обращения к психологии нельзя полностью понять поведенческие мотивы, влияющие на исторический процесс.

Антропологический подход имеет место и в изучении античного общества. Объектом исследования становится личность отдельного человека эпохи ранней Римской империи. Оценивая его деятельность в структуре римского государства и его мировоззрение в контексте аутентичной культуры, возможно взглянуть на историю ранней Римской империи сквозь призму исторической психологии.

I в. н. э. в истории Римской империи – время противоречивое, двойственное, характе-

ризующееся дуализмом экономических, социальных и культурных процессов в обществе. Вместе с положительными явлениями роста и развития можно наблюдать и «симптомы упадка»⁴, которые скрываются за внешней картиной процветания. Относительный гражданский мир, ослабление внешней агрессии, изменение провинциальной политики, поощрение императорами городского строительства и забота о развитии культурной жизни провинций, значительное уменьшение пиратства, развитие системы дорог и введение единой имперской монеты отразились благоприятным образом на развитии экономики империи. С. И. Ковалев⁵, К. В. Паневин⁶, Н. А. Машкин⁷ отмечают подъем экономической жизни многих провинций, развитие в них местного производства (например, арретинское керамическое производство, капуинская бронзовая промышленность) и местной торговли, увеличение благосостояния провинциальной знати.

Вместе с положительными явлениями роста и развития в Римской империи можно заметить и явления упаднического характера, основными из которых можно считать хронический аграрный кризис Италии, важнейшего центра империи, сокращение количества рабов, обнищание широких масс населения Италии и провинций, истощение военных ресурсов империи и невозможность возврата к политике завоеваний. В обществе наблюдалась огромная пропасть между роскошью на одном полюсе и крайней нищетой на другом, что, соответственно, отражалось и в общественной психологии. «Труд деятельного и искусного работника непрестанно уподобляется в разнообразных видах на удовлетворение нужд богачей», – замечает Гиббон⁸.

Те двойственность и противоречивость, которые можно наблюдать в экономике и социальных отношениях, выступают и в области духовной культуры. Заимствуя и перерабатывая различные художественные традиции населявших империю народов, римская литература отражала господствующие общественные настроения, выражала религиозные искания.

Это время является ярким примером соответствия личности правителя эпохе: римские императоры династии Юлиев-Клавдиев (14–68 гг.) отличались не только непоследовательной внешней и внутренней политикой, но и девиационным поведением. Отдельного внимания среди императоров династии Юлиев-Клавдиев заслуживает личность императора Клавдия (41–54 гг.), человека, получившего неоднозначную оценку в глазах, как современников, так и историков⁹.

Светоний, характеризую Клавдия в кругу семьи, сообщает: «Мать его Антония говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия» (Suet., Claud., 3, 2)¹⁰. Вместе с тем, он замечает, что «люди ни отказывали ему ни в знаках внимания, ни государство в уважении»¹¹. Тацит, повествуя о речи императора Нерона на похоронах Клавдия, сообщает: «Упоминание о научных занятиях Клавдия и о том, что в его правление Римское государство не претерпело никаких неприятностей от иноземцев, было выслушано с сочувствием; но когда он перешел к предусмотрительности и мудрости Клавдия, никто не мог побороть усмешку...» (Tac., Ann., 13, 3)¹². Император Август, время правления которого пришлось на детские и юношеские годы Клавдия, считал его неспособным к государственным делам, отстранив при этом от всех должностей и оставив наследником только в третью очередь¹³. Отношение к Клавдию в семье нашло отражение в литературном жанре. Так, Сенека, выдающийся философ и активный политик, весьма своеобразно откликнулся на смерть императора Клавдия, написав пародию на апофеоз императора и назвав ее «Отыквление», где говорилось о том, что император Клавдий после смерти превращается не в бога, а в тывку – символ глупости¹⁴.

Клавдий стал императором уже в зрелом возрасте, когда ему был уже 51 год. Политика, проводимая императором, была продолжением традиций, начатых его предшественниками¹⁵.

Главное внимание нового императора было направлено на организацию государственного аппарата, суда, фискальной системы и возобновление завоевательной политики.

Со времени императора Клавдия началось создание четкой структуры императорской канцелярии с различными отделами и иерархией должностей. Особое место в императорской канцелярии занимали вольноотпущенники, что также демонстрировало преемственность политического курса у предшественников. Светоний отмечает, что Клавдий не только позволял сенату награждать их большими деньгами, но и знаками квесторского и преторианского достоинства, «а сам при этом допускал такие хищения и грабежи, что однажды, когда он жаловался на безденежье в казне, ему остроумно было сказано, что у него будет денег вдоволь, стоит ему войти в долю с двумя вольноотпущенниками»¹⁶.

В правление императора Клавдия была возобновлена завоевательная политика, и римскими провинциями стали Мавретания, Британия, Фракия, а в Малой Азии – Ликия и Памфилия. Впервые в истории римляне допустили варваров-неиталийцев в свой сенат. Е. В. Федорова отмечает размах внешней и внутренней политики Клавдия, которая, по ее мнению, была успешной и способствовала укреплению и централизации власти¹⁷.

В правление Клавдия была продолжена традиция организации раздач и зрелищ¹⁸. Помимо этого он проявил заботу и о благоустройстве столицы: провел новый водопровод, реконструировал порт в Остии и обеспечил регулярный подвоз хлеба в Рим.

Ф. Ф. Зелинский говорит об успешной внешней и внутренней политике Клавдия. Однако замечает, что в семье «его считали слабоумным и непригодным к государственным делам»¹⁹. «Сумасшествие» императора Клавдия отмечал П. И. Ковалевский, ставя императора в один ряд с другими «сумасшедшими лицами Римской империи»²⁰. О «никчемности и распушенности» императора Клавдия говорит и Р. Ю. Виппер²¹.

В целом личность Клавдия представляет собой один из многих парадоксов римской истории. Его отличала скромность как в управлении государством, так и в быту. Так, он отклонил титул императора, отвергая непомерные почести, выражал почтение к сенату, помолвку дочери и рождение внука отпраздновал тихо и в семейном кругу. «Сам он в своем возвышении

держался скромно, как простой гражданин», – сообщает Светоний, снискав себе тем самым «великую любовь и привязанность»²².

Но, вместе с тем, он любил сам наблюдать за казнями, часто присутствовал на звериных травлях, гладиаторских играх, собственноручно отправляя на арену не только бойцов, но и случайных людей. Клавдий был тревоугодником²³. Но самой примечательной чертой его характера было безволие и слабость характера. Именно в безволии Клавдия видится главная причина заговоров против личности императора: «ему угрожали и отдельные злоумышленники, и заговоры, и даже междоусобная война» (Suet., Clav., 13)²⁴. Слабохарактерность Клавдия отмечает и В. Б. Миронов, говоря, что при таких правителях, как Клавдий, «свита часто становится властью»²⁵. Император Клавдий, считает Г. Ферреро, был для всей своей семьи «печальной загадкой», будучи человеком слабого здоровья, но «почти животной прожорливости и чувственности»²⁶. Интересно, что Клавдий страдал «припадками»: «на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрестанно, а при малейшем движении – особенно»²⁷.

Будучи женатым четыре раза, император постоянно находился в подчинении у своих жен. «К женщинам страсть он питал безмерную, к мужчинам, зато вовсе был равнодушен», – замечает Светоний²⁸.

Исследование личности с точки зрения психоаналитической методики – процесс, позволяющий понять личностные мотивы поступков конкретного человека не только рамках исторического периода его жизни, но увидеть и осознать связь, имеющуюся у человека прошлого с человеком современным. Создателем одной из наиболее интересных теорий психоанализа, позволяющей представить человека с позиций его внутреннего потенциала, является Отто Ранк – известный психоаналитик, один из первых последователей З. Фрейда. Будучи долгое время приверженцем фрейдистского учения, он впоследствии отошел в сторону от теории З. Фрейда и создал свою психоаналитическую теорию. Однако яркие творческие способности позволяют говорить о нем как об интереснейшем ученом, предугадавшем тенденции психологической мысли современности²⁹.

О. Ранк попытался создать альтернативный фрейдовскому подход, основанный на понимании человека как сознательного тол-

кователя смысла и инициатора действия. В психоаналитической теории О. Ранка ведущую позицию занимает понятие «концепции «воли». Воля, согласно О. Ранку, рассматривается как «основное позитивное начало, осуществляющее организацию и интеграцию «я» (самости), что позволяет созидательно использовать, тормозить и контролировать инстинктивные влечения»³⁰.

Согласно О. Ранку, первоначально волевой процесс формируется в качестве «внутренней оппозиционной силы, направленной против принуждения»³¹. Принуждение может быть обусловлено внешними факторами, такими, как требования родителей, или внутренним давлением сексуальных влечений. Неизбежные препятствия и ограничения еще в детстве вызывают сопротивление и формируют «контр-волю». Вторая ступень в развитии воли связана со стремлением получения вещей, имеющихся у других. Речь идет не о зависти, а скорее о соразмерении собственной воли с волей группы. Третья ступень преодолевается, когда человек перестает мерить себя общими мерками и становится по-настоящему ответственным за свои волевые проявления. «Запреты в детстве приводят к недоверию собственной воле как злу»³², – говорит О. Ранк. Взрослые поэтому обладают волей, содержание которой отчасти благонамеренное или одобренное родителями и обществом, а отчасти – неблагонамеренное или неодобренное. Сопротивление авторитетам, представляющее дурной аспект, является, согласно психоаналитической теории О. Ранка, контр-волей.

Таким образом, согласно концепции О. Ранка, определяющая основа личности человека – воля и контр-воля, формируется в детстве, причем значительное влияние на ее формирование оказывают родители. Так, согласно источникам, император Клавдий родился в Лугдуне в августовские календы – 25 января 41 года. Детство и юность будущего императора прошли в обстановке, далекой от идеальной. Светоний сообщает, что Клавдий «еще в младенчестве потерял отца, в течение всего детства и юности он страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных летах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам»³³. (Suet., Clav., 2). Даже после того, как он достиг совершеннолетия, он еще долго оставался в чужой власти и оставался под присмотром дядьки, бывшего конюшего³⁴. В день совершеннолетия он был

доставлен на Капитолий в носилках среди ночи, без обычной для императорской фамилии торжественности. С презрением к нему относились мать Антония, его бабка Августа, сестра Ливилла, внучатый дядя Август, считая глупым и недалеким человеком³⁵. Вместе с тем «в благородных науках» он с детских лет обнаружил незаурядное усердие, но и этим в силу пренебрежительного отношения к себе не смог добиться ни уважения, ни внушить надежды на свое будущее.

Так, на наш взгляд, первый этап процесса формирования воли у Клавдия столкнулся с сильным принуждением, выраженным в постоянном контроле со стороны родственников, неприятию ими его характера и увлечении, осуждению Клавдия, усугубленный болезненностью мальчика и ранней смертью отца. Думается, что на первом этапе подобные «препятствия» и «ограничения» сформировали волевые качества личности у будущего императора. Вторая ступень в развитии воли прошла у Клавдия в постоянном сравнении на бессознательном уровне своего положения и положения окружающих его людей. Видя нелюбовь к себе, презрение со стороны окружающих людей, не чувствуя себя членом императорской семьи, в чем виновато, вероятно, подозрение на то, что «прижит от прелюбодеяния с отчимом»³⁶, Клавдий начинает утрачивать сформированные на предыдущем этапе волевые качества. Запреты в детстве и негативное отношение со стороны окружающих и сформировало на третьем этапе развития волевых качеств недоверие к собственной воле, то есть фактическое безволие, слабохарактерность человека, стремление полагаться в жизни на мнение окружающих и поиск жизненных авторитетов, а вместе с тем и недоверчивость и трусость. Так, Иосиф Флавий отмечает, что после убийства Калигулы, «он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности...; впрочем, он знал, что ничто, кроме его высокого происхождения, ему не может повредить» (Ios., ID., 19, 3, 1)³⁷. Проявлением контр-волевых качеств также можно считать жестокость императора, проявляющуюся в отдельных моментах: Клавдий заставлял производить пытки отцеубийц у себя на глазах, на гладиаторских играх приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, увлекался звериными травлями и полуденными побоищами³⁸.

Уже став императором, Клавдий во всем полагался на мнение жен и людей, его окружающих. «Все его правление по большей части

направлялось не им, а волею его жен и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всем вел себя так, как было им угодно или выгодно»³⁹. Доказательства «мягкотелости» характера Клавдия приводит и Иосиф Флавий⁴⁰.

Таким образом, «мягкость» и «податливость» императора затрагивала не только сферу государственного управления, но и частную семейную жизнь Клавдия. Клавдий, по свидетельству Тацита, был игрушкой в руках окружающих, вопросы решались не волей императора, а теми людьми, которые смогут в определенный момент оказать большее влияние на императора. Описывая сюжет, связанный с попыткой жены императора Мессалины связать себя узами брака с другим мужчиной – Гаем Силием, «красивейшим из молодых людей Рима», он сообщает: «В них (придворных императора. – Б. Н.) закрадывался и страх, когда они вспоминали о безволии Клавдия, его подчиненности жене и о многих казнях, совершенных по настоянию Мессалины; с другой стороны, та же податливость императора позволяла рассчитывать, что, выставив столь тяжкое обвинение, они возьмут верх и с Мессалиною можно будет покончить, добившись ее осуждения без дознания...» (Тас., Ann., 11, 28)⁴¹.

Кроме воли, отмечает Д. Блюм, в психоаналитической теории О. Ранка личность характеризуется влечениями и эмоциями⁴². Влечениям необходимо немедленное удовлетворение путем моторной разрядки. Такой разрядкой может служить сексуальная функция, существующая не только для произведения потомства и наслаждения, но и обеспечивающая эмоциональную разрядку. Она же является элементом воли. Секс – единственный «природный» способ уменьшения конфликтов воли, но одновременно сексуальное желание несет угрозу подчинения чужой воле⁴³.

Перенос психоаналитические воззрения О. Ранка на личность императора Клавдия, думается, что особое отношение императора к женщинам, женам и любовницам, являет собой способ уменьшения конфликтов воли. Клавдий женат был четырежды, при этом к женщинам «питал страсть безмерную»⁴⁴. Постоянно испытывая противоречия между проявлением своей силы воли как к негативному явлению, и находясь, как следствие, под постоянным влиянием окружающих, Клавдий компенсировал «недостаток» собственной силы воли сексуальной функцией, оставаясь при этом слабохарактерным человеком. Характерно, что совре-

менники не отмечали за Клавдием гомосексуальных наклонностей, обычаев «греческой любви», в отличие от предшественников⁴⁵.

О. Ранк подчеркивает в развитии человека важность «отделения». Первичная травма физического отделения от матери при рождении сопровождается различными формами психологической зависимости и утратой чувства «целостности». В целях достижения независимости, чтобы сделать свое эго «реальным», индивид должен инициировать отделение как выражение его собственной воли вопреки пассивному и травматическому опыту, соответствующему воле других. В генезисе освобождения имеется три стадии: на первой человек сам желает того, к чему прежде был принужден внешними и внутренними требованиями; на второй – проявляется внутренний конфликт между волей и контр-волей, в процессе которого у человека формируются идеалы и стандарты, отличающиеся от социально санкционированных; третья стадия характеризуется целостным гармоничным решением, воплощающемся в высшем творчестве.

Трем стадиям освобождения соответствуют три основных типа личности. Первый – средний, или нормальный, человек, – это тот, кто «пренебрегает своей волей и руководствуется волей группы»⁴⁶. Культурные нормы социума становятся «истиной» такого человека. Согласие с волей группы не обязательно представляет собой пассивное подчинение, это может быть здоровое, активное приспособление. С другой стороны, средний человек не должен всегда отличаться хорошим психическим здоровьем. Конформизм может быть обусловлен страхом неодобрения.

Второй характерологический тип – невротик. Невротик не способен подчиниться воле группы, но недостаточно свободен, чтобы утвердить собственную волю. Он не может достичь позитивной идентификации с группой и не может остаться без посторонней помощи, поскольку обременен чувством неполноценности и вины⁴⁷. Невротик вынужден бороться с внешним и внутренним давлением, он находится постоянно в состоянии войны с самим собой.

Третьим типом личности является творческий человек. Творческий человек преуспевает в полном принятии и утверждении собственной личности. Он находится в гармонии со своими силами и идеалами. По словам Ранка, «имеет место не компромисс, не простая суммация, а зарождается новое творческое целое, сильная личность с автономией воли, которая представ-

ляет высшее творение посредством интеграции воли и духа»⁴⁸. Реализуя свою волю, творческий тип выходит «за пределы ограничений природы», так как сексуальный инстинкт поставлен на службу воле. Чувство вины перед другими и самим собой служит стимулом в дальнейшей творческой работе. Именно поэтому творческий человек одновременно утверждает собственные идеалы и способен жить в мире, не вступая с ним в конфликт.

Таким образом, психоаналитическая концепция О. Ранка позволяет определить основные психологические факторы, обусловившие мотивы поведения императора Клавдия. Сформированное под влиянием внешних обстоятельств отсутствие волевых качеств в его личности привело к доминату в его жизни людей, которые «управляли императором», вели, в сущности, за него государственные дела. Вместе с тем, подавление воли вызвало формирование контр-воли, выражающейся в «кровожадности» и «свирепости» императора, вспыльчивости и порывах гнева. Способом подавления конфликтов воли для Клавдия выступили, во-первых, повышенная сексуальная функция, и, во-вторых, «чревоугодие», помогающие справиться с неврозом, возникающим на почве конфликта воли. Согласно положениям теории О. Ранка, император Клавдий являет собой тип невротика, выражающийся в недостаточной свободе для утверждения собственной воли. Такой характерологический тип характерен для людей, не способных в силу внутренних психологических причин остаться без посторонней помощи, поскольку они обременены чувством неполноценности и вины, направленных против себя. Выходом из невротического состояния для императора являлись, помимо перечисленных, занятия историей и языком, «благородными науками», в которых Клавдий старался реализовать себя как ученый. Думается, не случаен тот факт, что Плиний Старший в своей «Естественной истории» не только ссылается на работы Клавдия по истории, но и ставит его в один ряд со ста наиболее видными учеными мужами⁴⁹.

Примечания

¹ См.: Беликов, А. П. : 1) Марк Антоний и Клеопатра: горячая любовь или холодный расчет? // Исседон : альманах по древней истории и культуре. Т. 2. Екатеринбург, 2003; 2) Харизматические начала личной власти

- Марка Антония // Античное общество V : тез. докл. науч. конф. 2–3 апреля 2002 года. URL : www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2002-04/belikov.htm; Вержбицкий, К. В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлием-Клавдием // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та, 1999. Сер. 2, вып. 2; Фрибус, Т. Ю. Император Тиберий в восприятии сограждан : эмоционально-психологический аспект // Античное общество IV : Власть и общество в античности : материалы междунар. конф. антиковедов (Санкт-Петербург, 5–7 марта 2001 г.). СПб., 2001; Чаплыгина, Н. А. Римская женщина в правление Августа // Женщины в античном мире. М., 1995.
- ² Шкуратов, В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 14.
- ³ См.: Белик А.А. Специфика исследований психологической антропологии. Психоанализ и психологическая антропология // Личность. Культура. Этнос : современная психологическая антропология. М., 2001; Зайцев, А. И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // Одиссей : Человек в истории. М., 1990; Шкуратов, В. А. : 1) Не позабыть вернуться назад // Одиссей...; 2) Психика. Культура. История : Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии. Ростов н/Д., 1990.
- ⁴ Ковалев, С. И. История Рима. Л., 1986. С. 558.
- ⁵ Там же. С. 550–564.
- ⁶ См.: История Древнего Рима / под ред. К. В. Паневина. М., 1998. С. 274.
- ⁷ См.: Машкин, Н. А. История Древнего Рима. Л., 1947. С. 417–419.
- ⁸ Гиббон, Э. Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. 1. С. 128.
- ⁹ См.: Фрибус, Т. Ю. Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002.
- ¹⁰ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1998. С. 172.
- ¹¹ Там же. С. 173.
- ¹² Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л., 1969. С. 224.
- ¹³ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 173.
- ¹⁴ См.: Апофеоз Божественного Клавдия // Римская сатира. М., 1989. С. 117–128.
- ¹⁵ См.: История Древнего Рима... С. 274.
- ¹⁶ Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 187.
- ¹⁷ См.: Федорова, Е. В. Люди императорского Рима. М., 1990. С. 117–122.
- ¹⁸ См.: Ляпустина, Е. В. Римские зрелища, или кое-что о самосознании личности и общества // Одиссей : Человек в истории. М., 1999; Федорова, Е. В. Люди...
- ¹⁹ Зелинский, Ф. Ф. Римская империя. СПб., 1999. С. 156–157.
- ²⁰ Ковалевский, П. И. Психиатрические эскизы из истории. Т. 2. М., 1995. С. 488.
- ²¹ См.: Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Т. 2. Ростов н/Д., 1995. С. 252.
- ²² Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 176.
- ²³ Там же. С. 189.
- ²⁴ Там же. С. 177.
- ²⁵ Миронов, В. Б. Древний Рим. М., 2007. С. 237.
- ²⁶ Ферреро, Г. Величие и падение Рима. СПб., 1998. С. 628.
- ²⁷ Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 188.
- ²⁸ Там же. С. 189.
- ²⁹ См.: Блюм, Д. Психоаналитические теории личности. М. ; Екатеринбург, 1995. С. 188–189.
- ³⁰ Ранк, О. Травмы рождения. М., 2004. С. 224–225.
- ³¹ Там же. С. 297.
- ³² Там же. С. 299.
- ³³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 171.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 172.
- ³⁶ Там же. С. 170.
- ³⁷ Иосиф Флавий. Иудейские древности. Ростов н/Д., 2000. С. 574.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 185.
- ⁴⁰ См., напр.: Иосиф Флавий. Иудейские древности... С. 578.
- ⁴¹ Корнелий Тацит. Сочинения... С. 192.
- ⁴² См.: Блюм, Д. Психоаналитические теории... С. 188–189.
- ⁴³ См.: Ранк О. Травмы рождения. С. 215–118.
- ⁴⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь... С. 189.
- ⁴⁵ См.: Беликов, А. П. «Amor graecorum» в Риме // Адам и Ева : альманах гендерной истории. 2007. № 14; Тэннэхил, Р. Секс в истории. М., 1995.
- ⁴⁶ Ранк, О. Миф о рождении героя. М., 1997. С. 227–229.
- ⁴⁷ См.: Ранк, О. Травмы рождения. С. 294–295.
- ⁴⁸ Там же. С. 295.
- ⁴⁹ См.: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 440–444.

А. М. Скворцов

М. С. КУТОРГА И П. И. ЛЮПЕРСОЛЬСКИЙ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА¹

Статья посвящена одному из важнейших в историографических исследованиях вопросу – взаимоотношениям учителя и ученика. На основе переписки рассматривается межличностные коммуникации М. С. Куторги и П. И. Люперсольского в различных сферах. Также выявляются причины сохранения длительное время тёплых отношений между учёными.

Ключевые слова: М. С. Куторга, П. И. Люперсольский, петербургская школа антиковедения, историография истории древней Греции.

М. С. Куторга занимает почётное место в отечественном антиковедении. В этой области гуманитарного знания он выстроил своего рода фундамент, на котором в дальнейшем воздвигалось величественное здание русской науки о классической древности. Постигнув критический метод в историческом исследовании, восприняв новейшие в то время концепции зарубежных учёных, выстроив логическую концепцию древнегреческой истории, Куторга не замкнулся в учёной кабинетной деятельности, а стал заниматься активной пропагандой сделанных им открытий как с университетской кафедры на лекциях, торжественных выступлениях, так и в научно-популярных журналах. Особенно же значима его роль как учителя молодых людей, желавших посвятить свою жизнь служению науке.

Отметим, что по-разному складывались у мэтра отношения с подопечными. Причиной тому был его невероятно сложный, капризный, авторитарный характер, о чём нам уже доводилось писать в одной из предыдущих статей². Однако были и такие ученики, контакты с которыми наставник поддерживал очень длительное время, вплоть до своей смерти в 1886 г. Здесь следует назвать Петра Ивановича Люперсольского (1836–1903 гг.), письма которого, хранящиеся в фонде М. С. Куторги Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, позволяют пролить свет на такую интересную историографическую проблему, как взаимоотношения учителя и ученика. Причём, указанный источник, охватывающий почти двадцатилетний интервал (1866–1884 гг.), позволяет реконструировать не только процесс передачи опыта подрастающему поколению, но и рассмотреть вопрос судьбы научной школы М. С. Куторги. Кроме того, нами привлекались для анализа

документы официального характера (например, материалы делопроизводства), которые служат важным дополнением для решения заявленной проблемы.

Прежде всего, обратимся к личности П. И. Люперсольского, наиболее обделённому вниманием историографов, в отличие от М. С. Куторги³. Пётр Иванович происходил из семьи священнослужителя⁴, поэтому учился не в светском учебной заведении (соответственно, не слушал в период студенчества лекций своего будущего учителя), а в Петербургской духовной академии, которую окончил в 1859 г. со степенью кандидата⁵. Это дало ему возможность в дальнейшем, выслужившись по духовному училищному ведомству один год, сдать экзамены и защитить диссертацию на степень магистра. Стоит обратить внимание, что ещё в ученические годы Люперсольский отличался способностью к древним языкам, на знании которых основано антиковедение и по сей день.

После учёбы ему было поручено преподавание гражданской истории в Вятской духовной семинарии⁶. Но вскоре, в феврале 1860 г., он был перемещён учителем древнегреческого языка, а чуть позже и истории, в Петербургскую духовную семинарию⁷, что создало возможность возвращаться в столичных научных кругах. На это время приходятся его первые исследовательские опыты, пока ещё исключительно филологического характера. Так, в формулярном списке Люперсольского отмечено, что в 1862 г. ему поручили заниматься проверкою по греческому подлиннику рукописного перевода «Толкования Феофилакта Болгарского на Евангелие от Луки»⁸. О результатах проделанной работы далее ничего не сообщается, но, видимо, научная стезя основательно привлекла внима-

ние Петра Ивановича. В 1865 г. он решает уволиться из семинарии и перейти из духовного звания в светское⁹. Незадолго до этого происходит его знакомство с Куторгой, который являлся к тому времени уже заслуженным (с 1864 г. – сверхштатным) профессором Петербургского университета.

В 60-х гг. XIX в. всё ещё очень остро ощущалась нехватка преподавателей в высших учебных заведениях. Петербургский университет лишился части своих профессоров ещё в самом начале этого десятилетия в связи с его закрытием. В министерстве понимали необходимость пополнения кадров, поэтому его руководитель А. В. Головнин поручил Куторге, наиболее авторитетному учёному, приготовить 3-х человек к профессорскому званию в области всеобщей истории¹⁰. Среди рекомендованных для этих занятий находился и П. И. Люперольский, на которого мэтр в 1867 г. указывает как на наиболее способного ученика в письме министру, прося у последнего продления выплаты содержания для приготовления к профессорскому званию своего воспитанника. В частности, Куторга пишет: «Люперольский отличался светлостью ума, явной способностью к критике и к изложению, и таким познанием греческого мира, которое в настоящее время встречается у нас редко»¹¹.

Занятия с Куторгой имели неформальный характер и осуществлялись у него на дому два раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (или глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы (т. е. знакомство с зарубежными работами по теме). При этом мэтр был всегда строг, но справедлив, не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих работах по избранной теме диссертации¹².

Отчёты о своих научных занятиях ученики предоставляли и в письмах в случае, если они

не имели возможности общаться с учителем лично. Обычно это случалось летом, когда Куторга, освободившись от лекций в университете, уезжал в своё имение в Могилёвскую губернию. В письме от 9 августа 1866 г. Люперольский сообщает о книгах, которые ему удалось приобрести и прочитать по теме диссертации. Так, он пишет, что получил от Вольфа брошюру Фукара «Memoire sur les ruines et l'histoire de Delphes», которая ему особо ценна в вопросах топографии местности Дельф, говорит о чтении им монографий Нибура и Бартели¹³.

Стоит отметить, что такую систему подготовки Михаил Семёнович использовал и раньше, когда для избранных студентов в начале 1840-х гг. завёл у себя на дому «вечерние беседы». Благодаря им многие ученики успешно в дальнейшем сдавали магистерские экзамены, защищали диссертации и становились именитыми профессорами. К их числу следует отнести М. М. Стасюлевича, Н. А. Астафьева, В. В. Бауера и др.

Люперольский с огромным уважением к своему учителю вспоминает эти занятия: «С чувством глубочайшего почтения, и искренней признательности к Вам я всегда буду помнить и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет»¹⁴.

Кроме разбора сочинений, Куторга снабжал своих учеников необходимыми источниками и литературой. А известно, что у него была богатейшая библиотека, в которой находились редчайшие издания¹⁵. А благодаря своему путешествию по Балканскому полуострову в 1860, 1861 гг. профессор мог делиться и своими личными наблюдениями по топографии различных местностей. Люперольский отмечает в диссертации, что ему очень полезны были разговоры с учителем о различных особенностях территории, на которой располагались Дельфы¹⁶. В дневнике Куторги, который он вёл во время своего пребывания в Греции, содержатся интересные мысли, которые возникли у него на месте при осмотре развалин этого «храмового города»¹⁷: «...так изумлён я был величием природы, и так сильно впечатлён воспоминаниями древности... Никогда я не представлял Дельф такими; я вообразил их в местоположении весёлом, смеющимся,

как Олимпия. Но увидел природу, правда, величественную, но дикую. Отвесные громадные скалы, вернее говоря, горные стены, ужасно великие, образуют долину... и в этой долине Дельфы, на высоте 3000 футов над морем... Вот почему здесь утвердились и процветали оракулы, а в Олимпии – игры. В одном месте природа улыбалась, в других наводила страхом религиозные чувства. Были игры и в Дельфах, но позднее, и [это] было только подражанием»¹⁸. Из этого отрывка видно, что Куторга уделял внимание и географическому фактору в историческом развитии, особенно после посещения им различных регионов мира. В том же дневнике он отмечает: «Какое счастье, что я приехал в Грецию; до этих пор я совершенно не знал греческой истории»¹⁹. Люперольский, следуя своему учителю, посвящает описанию местоположения Дельф одну из глав в своём магистерском сочинении²⁰.

Сама идея рассмотрения Дельф как «храмового города» – особого типа полиса при святилище, где значительную роль в управлении играли жрецы, а сам культовый центр являлся общегреческим, принадлежит именно Михаилу Семёновичу. Эту мысль он выражал на лекциях в университете²¹. Хотя, по представлениям современных учёных, устройство Дельф и исторический путь этого полиса ничем не отличается от других гражданских общин Балканского полуострова²². Также у нас нет достаточных оснований говорить, что служители культа Аполлона определяли политику в Дельфах²³.

Люперольский, в общей сложности, готовил диссертацию 4 года. Она была защищена в июле 1869 г. На самом диспуте Куторга отсутствовал (за несколько месяцев до этого он ушёл из Петербургского университета), но оппонентами, кроме Г. С. Дестуниса, были его ученики – Ф. Ф. Соколов, В. В. Бауер. Основные возражения сводились к проблеме использования мифа как исторического источника. Однако соискатель смог отстоять свою точку зрения (в частности, он усматривал в «Гимне Аполлону» перемещение эллинского племени из северной Греции в «припарнасскую страну»²⁴), и защита прошла успешно, о чём с большой радостью сообщает соискатель своему наставнику в письме²⁵. В выписке из протокола заседания историко-филологического факультета Петербургского университета, посланной в Министерство

народного просвещения, была сделана приписка карандашом, позволяющая говорить о том, как высоко ценил Куторга научные достижения своего ученика: «Прошу донести министру, что, по словам профессора Куторги, он не имел слушателя, подобного Люперольскому. Он читает и объясняет греческих авторов как русских»²⁶.

Весьма логично, что после столь лестных отзывов молодой учёный продолжил свои занятия в области всеобщей истории. И снова не обошлось без вмешательства Куторги: именно по его ходатайству Люперольский уезжает в двухгодичную зарубежную командировку для подготовки к профессорскому званию²⁷.

Отправление за «золотым руном европейской науки»²⁸ стало уже к этому времени доброй традицией, но вместе с тем являлось и необходимым звеном в процессе подготовки научного деятеля. Почти все воспитанники школы Куторги (да и сам учитель) совершали при государственной поддержке зарубежные командировки. В данном случае, цель её состояла, как сообщается в инструкции, «главнейшим образом [в] усовершенствовании в избранном предмете – древней истории»²⁹. Здесь не случайно используется слово «усовершенствование». Это связано с тем, что Люперольский, защитив магистерскую диссертацию, уже продемонстрировал свои знания в области древней истории, а также основательную филологическую подготовку и навыки работы с историческими источниками. Стажёру предписывалось, прежде всего, ознакомление с опытом преподавания в германских университетах (в Берлине, Гёттингене, Бонне), прослушивание курсов лекций Зауппе, Шефера, Визелера, Отто-Яна, на которых он должен был обратить особое внимание на то, «с каким старанием указывают эти известные учёные на источники и как взвешивают каждое слово, произносимое ими в аудитории»³⁰. Кроме того, признаются желательными занятия в семинарии какого-либо профессора³¹.

Судя по отчётам, Люперольский приехал в зарубежные университеты уже вполне сформировавшимся учёным. Для него содержание лекций немецких профессоров, их методика исторического исследования не являлись откровением. Он взвешенно, со знанием дела подходил к их оценке, выявляя положительные и отрицательные стороны. В частности,

показательная характеристика известного антиковеда Моммзена: «Некоторые стороны предмета представлены им в новом свете, но существенную важность имеет основной взгляд его на общину и на государственный строй римской республики, его метод исследования... Изложение его вообще было сжато. Делая ссылки на древних, он редко и мало останавливался на разборе приводимых им мест»³². С другим лектором – Гауптом, который читал курс «Изъяснение “Илиады”» Люперольский в отчёте вообще полемизирует. Будучи противником гиперкритицизма (как и Куторга), Пётр Иванович стоял на той точки зрения, что весь дошедший до нас материал поэм Гомера необходимо публиковать целиком и не заключать в скобки или выбрасывать из текста те отрывки, которые, по мнению некоторых учёных, являются «подложными»³³. В противном случае, будет нарушаться стройность композиции произведения. Однако это не означает, что должна отсутствовать критика источника: в учебном процессе преподаватель может объявлять то или иное место поэм ложным, приводя при этом основательные доказательства³⁴.

Кроме посещения занятий в университетах, стажёр уделил внимание и самообразованию, посещая библиотеки, музеи с собраниями античных коллекций. Несмотря на ограниченность денежных средств, ему удалось посетить древние памятники Италии, например, раскопки на Палатине, и в целом получить сведения о новейших археологических открытиях в этом регионе³⁵.

Вскоре после возвращения на Родину Люперольский в марте 1872 г. был назначен доцентом (а через 4 месяца экстраординарным профессором) Императорского Варшавского университета³⁶. Однако на этом месте находился он недолго и в 1875 г. перешёл на должность ординарного профессора только что открывшегося Историко-филологического института в Нежине³⁷. Именно с этим учебным заведением у Петра Ивановича будет связана вся дальнейшая преподавательская карьера. Причиной изменения места службы были денежные обстоятельства. В письме к своему учителю Люперольский сетует на то, что в Варшаве влез в долги³⁸. В открывшемся же Нежинском институте давали достаточно подъёмных для покрытия этой задолженности. Важно отметить, что, по всей видимости, переходу на новое место работы способство-

вал Куторга, которого хорошо знал директор этого учебного заведения Н. А. Лавровский, являвшийся в студенческие годы слушателем мэтра в Педагогическом институте³⁹. Вообще из переписки следует, что Михаил Семёнович играл очень важную роль в педагогической карьере своего ученика.

Ещё в 1860-е гг. он пытался устроить Люперольского в Киевский университет, где также ощущалась нехватка специалистов по истории древнего мира, но от претендента на место требовалась учёная степень, которую в то время (в 1867 г.) ещё не имел подопечный⁴⁰. К тому же, ситуация в этом учебном заведении с наукой и чтением лекций оставляла желать лучшего. В. А. Бильбасов, исполнявший там обязанности доцента, в письмах Куторге прямо советовал оставить эту затею, говорил о многочисленных интригах и крайне низком уровне преподавания дисциплин к Киевском университете, что «ожесточает студентов и заставляет их относиться ко всему отрицательно и прежде всего к труду»⁴¹.

Ещё одна сфера, где прослеживается характер взаимоотношений учителя и ученика – научная. В письмах ученики делились со своим учителем не только переживаниями и заботами, но и своими учёными наработками. Тем самым они демонстрировали, что даже после защиты диссертации интерес к античности у них не угас, и они как исследователи всё более совершенствуются. Мэтру были не безразличны труды своих воспитанников – он с удовольствием их прочитывал и делал необходимые замечания. Так, на «Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла» Люперольского (1877 г.) им была написана даже рецензия, вышедшая в «Русском вестнике» в 1880 г.⁴². В ней труд своего воспитанника учитель высоко оценил и с точки зрения стиля изложения и с точки зрения ряда идей, но вместе с тем, был не согласен с некоторыми положениями. По сути, эта рецензия – полноценная научная статья, где Куторга выступает против мысли ряда учёных, что демократия означает равенство всех граждан в полисе. По его мнению, при этой форме правления наблюдается преобладание демоса над эвпатридами, и только лишь установление политики привело к всеобщему равенству внутри общины⁴³.

Михаилу Семёновичу импонирует в рассматриваемом им произведении обращение автора к проблеме борьбы аристократических

и демократических партий в Афинах⁴⁴, так как был убеждён, что борьба противоположностей есть источник, внутреннее содержание всякого развития. В своих диссертациях он видел (под влиянием работ О. Тьерри, Ф. Гизо) причину возникновения двух противоположных (демоса и эвпатридов) начал в завоевании пришлым этносом автохтонного населения – пеласгов⁴⁵.

В рецензии Куторга также обращает внимание на то обстоятельство, что многие учёные, начинающие заниматься античной историей, «проникнуты современными понятиями и взглядами и с этой точки зрения рассматривают политические движения [в древней Греции. – А. С.]»⁴⁶. По его мнению, необходимо отрешиться от господствующих воззрений на различные проблемы античной истории и черпать знания непосредственно из источников, где они находятся в «чистом» виде без теоретических нагромождений. Этот призыв к самостоятельному прочтению и интерпретации древних авторов был актуален в XIX веке, когда некоторые учёные преклонялись перед западной наукой и считали, что русским историкам в области всеобщей истории ничего нового сказать невозможно после зарубежных исследователей⁴⁷. Стоит отметить, что мысль Куторги не потеряла значение и в наш век.

Люперсольский в письмах также делится впечатлениями от прочитанных им трудов Куторги. Однако в большей степени – это воспевание научных заслуг и профессионализма учителя. Так, Пётр Иванович отмечает, что очерк «О счётах у древних греков» «написан с искусством истинного мастера»⁴⁸. Нашумевшую статью «О науке и её значении в государстве»⁴⁹ называет оригинальной и встречает с восторгом. В этом отзыве он старается даже приободрить Михаила Семёновича, так как либеральная общественность крайне негативно встретила сей труд многочисленными придирками филологического плана (неправильные переводы древнегреческих и латинских авторов) и неприятием основной идеи об основополагающем значении науки в историческом развитии общества и тезиса «наука для науки»⁵⁰. Люперсольский отмечает, что все эти придирки школьного уровня и признаёт только одну опisku Куторги – вместо *Martem potissimum* написано *Martem potentissimum*⁵¹.

Вплоть до смерти Куторги в 1886 г. контакты между учителем и учеником не пре-

кращались, о чём свидетельствует их переписка. Если Михаил Семёнович долгий срок не получал весточки от Люперсольского, то он возмущался и своё недовольство обязательно излагал в письме, после чего преданный ученик чувствовал себя виноватым⁵². Отметим и то обстоятельство, что в 70–80-х гг. XIX в. Люперсольский часто по приглашению приезжал в имение любимого профессора, находящееся в Могилёвской губернии, для отдыха, о чём позже с благодарностью вспоминал⁵³. Там очень продуктивно проходил его отпуск: он наполнялся новыми идеями, мыслями, иногда писал там научные статьи, пользуясь богатой библиотекой хозяина. Для пожилого учителя приезды Люперсольского также были полезны: тем самым он восполнял недостаток общения, который возникает у большинства профессоров, вышедших в отставку. Куторга для своего ученика был своего рода «опорой» в науке, человеком, с которым он мог поговорить о различных проблемах античной истории и получить квалифицированный совет. Поэтому смерть учителя была для Люперсольского огромной потерей. Его письмо И. В. Помяловскому от 15 июня 1886 г. наполнено глубочайшими переживаниями по этому поводу⁵⁴.

Однако длительный контроль и опека со стороны мэтра не могли не сказаться негативно на самостоятельности ученика. Пока Люперсольский имел возможность общаться с Куторгой, научная деятельность его была плодотворной: он выпустил две монографии, ряд статей, принимал участие в конференциях. В письмах или личной беседе Пётр Иванович излагал возникающие вопросы, на которые получал квалифицированные ответы. Перед отъездом на археологический съезд в Одессе он подробно на трёх листах в письме от 7 августа 1884 г. объясняет суть своего доклада, где пытается, например, доказать, что крепость Гелон, о которой сообщает Геродот (Hdt. IV. 108) чисто «греческое поселение в скифской стране»⁵⁵. После же смерти учителя активность Люперсольского в научной сфере угасает, он всё более отдаёт себя преподаванию в Историко-филологическом институте в Нежине.

В заключение отметим, что Пётр Иванович являлся, можно сказать, единственным учеником, с которым Куторга поддерживал отношения вплоть до конца своих дней. Скажем больше – это был любимый воспитанник мэ-

тра. Люперольский перенял от своего шефа и методику исторического исследования, и принципы источниковедческого анализа, и взгляды на науку. История взаимоотношений этих двух учёных позволяет утверждать, что общение Куторги с некоторыми из его учеников не ограничивалось процессом написания диссертаций, и простиралось далеко за его пределы. Этот знаменитый петербургский антиковед для своих воспитанников был тем авторитетом, на который равнялись, которому пытались подражать не только в научном творчестве, но и в философских воззрениях. Выучка нового поколения историков была для мэтра не столько средством существования, сколько образом жизни. Он интересовался их новыми научными трудами, способствовал карьере молодых учёных, помогал советами. Однако не со всеми учениками так гладко строились отношения. Куторга был человеком капризным, бескомпромиссным, высокого мнения о себе и своей учёности. Рядом с ним могли находиться лишь те, кто обладал большим упорством и выдержкой, а также огромным желанием разрешить некоторые проблемы всеобщей истории. Одним из таких и был П. И. Люперольский.

Примечания

¹ Автор выражает признательность профессору кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ О. В. Кулишовой за интересные и плодотворные консультации по проблемам истории Дельфийского полиса.

² См.: Скворцов, А. М. Становление научной школы М. С. Куторги // Историк и его дело : судьбы учёных и научных школ : сб ст. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения В. Е. Майера / сост. и общ. ред. Н. Ю. Старковой и др. Ижевск, 2008. С. 19–26.

³ Наиболее полные очерки о жизни и творчестве М. С. Куторги.: Константинова, А. Д. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1967. Вып. 2. С. 80–122; Фролов, Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 161–174.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 469. Л. 74 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 75 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 76 об.

⁹ Там же. Л. 77 об.

¹⁰ Об этом М. С. Куторга сообщает, например, в донесении Д. А. Толстому: РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 61. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² В фонде М. С. Куторги имеется черновик этого донесения: ОР РНБ. Ф 410. № 94. Л. 1 об.

¹³ ОР РНБ. Ф 410. № 146. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 4 об.

¹⁵ Библиотека М. С. Куторги была распродана с аукциона в 1906 г. В каталоге библиотеки приводится 2807 наименований, из которых 2240 – иностранные издания и опубликованные на языке оригинала древнегреческие и латинские авторы и их комментаторы (Аукцион библиотеки М. С. Куторги. СПб., 1906).

¹⁶ См.: Люперольский, П. И. Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции. СПб., 1869. С. VII. Вопросам топографии магистрант посвящает отдельную главу в своём сочинении.

¹⁷ Термин М. С. Куторги.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 410. № 37. Л. 24–24 об. (дневник путешествия по Греции в 1860 г.)

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Люперольский, П. И. Храмовый город... Глава I.

²¹ Там же. С. IV.

²² В какой-то мере с этим соглашается и П. И. Люперольский, который говорит о Дельфах как «одной из греческих республик» и утверждает, что гражданское управление в этом полисе было копией с афинского государственного устройства (Люперольский, П. И. Храмовый город... С. 150–151).

²³ О жрецах Дельфийского оракула см., напр.: Кулишова, О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 82–122.

²⁴ Люперольский, П. И. Храмовый город... С. 100.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 410. № 146. Л. 6.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 61. Л. 16.

²⁷ Там же. Л. 25.

²⁸ Григорьев, В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 61. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 32 об.

³¹ Там же. Л. 33

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 61. Л. 66 (из отчёта П. И. Люперольского о заграничной командировке).

³³ Там же. Л. 67.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 124–128.
- ³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 469. Л. 80 об.
- ³⁷ Там же. Л. 8 об.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 410. № 146. Л. 8.
- ³⁹ Там же. Л. 8.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 410. № 107. Л. 13 об., 14, 15.
- ⁴¹ Там же. Л. 16.
- ⁴² См.: Куторга, М. С. Новая книга о Перикле. [Рец. на:] «Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла» П. И. Люперского // Рус. вестн. 1880. Отд. оттиск.
- ⁴³ Там же. С. 38.
- ⁴⁴ Там же. С. 11.
- ⁴⁵ Подробнее см. разбор положений диссертаций М. С. Куторги: Константинова, А. Д. М. С. Куторга как историк античности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966. С. 19–21.
- ⁴⁶ Куторга М.С. Новая книга... С. 11–12.
- ⁴⁷ Примечательны в этом смысле строки из диссертации И. К. Бабста: «При богатстве исторических монографий в области классической древности, которыми может справедливо гордиться европейская литература, и в особенности, немецкая, неловко выступать нам с притязаниями на самостоятельные учёные исследования, на новые открытия в этой, вдоль и поперёк изрытой почве... Ежели автору предстоящей монографии и удалось, может быть, высказать несколько новых мыслей, посмотреть на некоторых деятелей описываемой им эпохи другими глазами, ... то он считает своей обязанностью заметить, что это покуда как не более гипотезы, что он и на них был наведён своими великими вожатыми [зарубежными учёными. – А. С.]» (Бабст, И. Государственные мужи древней Греции в эпоху её распада. М., 1851. С. б/н.)
- ⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 410. № 146. Л. 14.
- ⁴⁹ Куторга, М. С. О науке и её значении в государстве // Рус. вестн. 1873. Т. 104. Март. С. 5–61.
- ⁵⁰ Д. Е. Цветы на псевдоклассической почве // Вестн. Европы. 1873. Т. 3. Кн. 5. С. 451–463.
- ⁵¹ ОР РНБ. Ф. 410. № 146. Л. 12 об.
- ⁵² Там же. Л. 24 об.
- ⁵³ См., напр.: Там же. Л. 18.
- ⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 970. Л. 44.
- ⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 410. № 146. Л. 31 об., 34.

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДИПОЗИТАРИЙ

Н. В. Суржикова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УРАЛЬСКОГО ПЛЕНА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (КОНЕЦ 1916 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 Г.)

Публикация представляет комплекс источников, отражающих повседневность уральского плена времен Первой мировой войны и экспонирует его «снизу», с точки зрения самих военнопленных. Документальная подборка, составленная из обращений пленных в те или иные инстанции, фиксирует и специфику регионального хозяйственного комплекса, каркас которого образовывали предприятия горно-металлургического профиля, и многообразные реалии плена на уровне его непосредственной предметности и бытийности, и, что немаловажно, различные варианты коллективного и индивидуального восприятия плена как особого социального микромира.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Уральский регион, повседневность плена, быт и условия труда, жалобы и заявления, публикация источников.

Достаточно беглого взгляда на отечественную историю, дабы констатировать, что в Россию как страну, воевавшую практически постоянно, неизбежно возвращалась реальность военного плена. Однако российский плен времен Первой мировой войны заметно отличался от своих более ранних аналогов. Мировой военный конфликт породил невиданные доселе масштабы пленения вражеских военнослужащих, а следом и их массовое вовлечение в трудовые процессы.

К концу 1915 г. пленные иностранцы стали обыденной реальностью жизни Уральского региона. По данным Центрального военно-промышленного комитета и Совета Съездов горнопромышленников Урала, на предприятиях края тогда работало около 25 тыс. обезоруженных солдат противника. К лету 1916 г. статистика уральского плена значительно подросла, достигнув показателя в более чем 50 тыс. человек, а в следующем 1917 г. преодолела планку в 60 тыс. человек¹.

Пленные, без которых местный хозяйственный механизм мог просто остановиться, требовали постоянного внимания, и содержание их было делом весьма хлопотным, а где-то и обременительным. Еще 27 и 28 июля 1915 г. пермским губернатором были подписаны обязательные постановления о военнопленных, сданных на работы в частные промышленные предприятия и сельские хозяйства губернии. Принятые в развитие норм общероссийского законодательства, эти документы, с одной стороны, возлагали на предпри-

ятия, пользовавшиеся трудом пленных, всю ответственность за их материально-бытовое обеспечение, с другой – поверженных солдат противника добросовестно трудиться и запрещали предъявлять какие-либо требования администрации². Однако оказавшись в таком положении – положении едва ли не полного бесправия, пленные не спешили с ним мириться, о чем, в частности, свидетельствуют приводимые ниже источники.

Каждый из документов – публикуемых в редакции, максимально близкой к оригиналу, – любопытен по-своему, экспонируя не просто многообразные реалии уральского плена, но и варианты их коллективного и индивидуального восприятия. В этой связи ретроспективные архивные материалы могут быть квалифицированы как уникальные, тем более что источники такого плана не относятся к числу массовых. Хочется надеяться, что пространные комментарии, сопровождающие документы, во-первых, обеспечат их достаточную контекстуализацию и, во-вторых, сделают настоящую публикацию доступной для читателя, не принадлежащего к узкому кругу «посвященных» специалистов.

Документ 1. Рапорт австрийского военнопленного врача Владислава Гибля о положении пленных в Усть-Сылвицком (Коноваловском) лесоразделочном заводе¹. Коновалово, Кунгурский уезд, Пермская губерния. 21 ноября 1916 г.²

Копия

Его Высокоблагородию Г-ну
Подполковнику А.А. Куртукову³
Заведующему военнопленными в лаг[ере]
Коновалово⁴

Рапорт

Согласно вашему приказу от 19-го ноября я совершил вчерашнего дня 20-го ноября поездку в район 8-й, 11-й и 14-й верст и осмотрел там же всего восемьдесят три (83 человек) больных военнопленных.

9 (девять) человек³ серьезно больных с повышенной температурой я распорядился отослать в Коноваловскую больницу [...] ⁴

Тридцать семь (37) человек больных я распорядился отослать в Коновалово пешком, с тем, чтобы их как страдающих хроническими болезнями отправить как можно поскорее в Серебрянскую больницу, ибо в нашей больнице в Коновалово свободных мест не имеется [...]

Три (3) чел. больных я отправил в Коноваловский приемный покой для амбулаторного лечения [...] ⁵

При сем считаю долгом моим доложить вашему Выс. Благородию, что новые бараки, в которых помещаются военнопленные на 8-й и 14-й версте, сырые до такой степени, что вода чуть не струями бежит со стен и потолка. На потолке положена земля со снегом, который в настоящее время впоследствии топки печей тает, и вода каплями падает на людей, находящихся внизу. Все бревна в бараке белые от сырости или мороза, ибо три печки (железные) это далеко не достаточно для такого ⁵ громадного барака, как барак на 14-й версте.

Громадное количество больных (восемьдесят три человека) свидетельствует о том, что бараки эти не годятся на жилище для людей и то еще зимой порой, тем более, что и питание военнопленных в этом районе крайне недостаточно и плохо. В течение последних 2-х недель военнопленные не получили ни разу мяса, каша тухлая, хлеб в недостаточном количестве. В бараках на 8-й версте пищу варят военнопленные под открытым небом, так как кухни там до сих пор нет.

Восемьдесят процентов ⁶ (80 %) военнопленных не имеет ни полушубок ⁷, ни валенок, ни рукавиц; о шапках, брюках и рубашках и говорить не приходится. Между тем стражники, несмотря на сильный мороз,

выгоняют нагайками военнопленных в лес на работу в 5 часов утра. Это поведение стражников противоречит приказам заведывающего ⁸ лесными операциями Г-на И.Я. Яблонского, который в моем присутствии запретил выгонять на работу военнопленных, плохо одетых.

Позавчерашнего дня стражники побили нагайками троих военнопленных, именно: Вильгельм Альберт № 7134, Лангер Юзеф № 7072, Дамашке Альберт № 7151 за то, что они, не имея теплой одежды, остались в бараках. Последний из этого числа, Дамашке Альберт, раненый в правую руку в области локтевого сустава, совершенно неработоспособен, так как рука в суставе не движется.

Покорнейше прошу Ваше В.Б. принять относительные меры для устранения этих ужасных обстоятельств, ибо в противном случае не только о продуктивности работ, а даже о элементарном благосостоянии [военнопленных] в санитарном отношении не может быть никакой речи.

Подлинное подписал Д. Владислав Гибель ⁶

Коновалово 21.XI.1916.

Верно: Заведывающий военнопленными
Войсковой старшина Куртуков

ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 491–492
об. Копия. Рукопись.

¹ Заголовок редактора.

² Датируется по документу.

³ Здесь и далее выделен текст документа, подчеркнутый карандашом.

⁴ Здесь и далее опущен пофамильный список пленных с указанием их болезни.

⁵ Испр. по смыслу, в документе: так.

⁶ Испр. по смыслу, в документе: процент.

⁷ Так в документе.

⁸ Так в документе.

Документ 2. Обращение военнопленного чеха Фяла Франтишека в Правление Союза Чехословацких Обществ в России ¹. Самский рудник, Богословский горный округ, Пермская губерния. Не ранее 21 марта 1917 г. ²

Копия с копии
Перевод с чешского

Правлению Союза Чехословацких
Обществ в России⁷

Уже полтора года тому назад, как мною подано заявление о желании моем вступить добровольцем в Чешскую дружину⁸, но так как охранявший нас конвой был пьяница, я думаю, что упомянутое заявление им отослано не было. Позже я обращался к Гимнастическому Обществу «Сокол» в Киеве⁹, к разным лицам, в редакцию журнала «Чехословак»¹⁰ и несколько раз к Правлению Союза, но безрезультатно; ниоткуда ответа я не получил.

Как мне удалось узнать, в «Надеждинский заводах»³,¹¹ существует какая-то частная заводская «цензура»¹², которая проверяет все наши письма, и заведует этим делом какой-то фельдфебель, патриот, конечно, который письма такого характера, как упомянутое заявление, просто уничтожает. Подобного рода процедура происходит с почтовой корреспонденцией, получаемой на имя Чехов из дому, каковая нарочно отсылается в места, где нет последних. В Турьинском руднике¹³, например, лежит вот уже довольно продолжительное время несколько тысяч чешских писем, и нет человека, который постарался бы таковые отправить по назначению. В самом же Турьинском руднике работает только один чех и тот не выдается за последнего, дабы иметь возможность ужиться с окружающими его немцами.

Не получая ниоткуда известий, я обратился к управляющему местным рудником, прося его отослать мое заявление о желании вступить в дружину прямо в Киев, а также держать мой поступок в секрете, что он мне приобещал⁴. Однако, сейчас на следующий день, правая рука управляющего фельдфебель Вейсман, польский еврей, знал уже обо всем; о случившемся дал знать по всем баракам, стал подстрекать немцев и мадьяр против меня, так что последние стали относиться ко мне недружелюбно¹⁴. Из-за всего этого у меня произошла крупная ссора с Вейсманом.

Однако даже на заявление, долженствующее быть отосланным нашим управляющим, я жду ответа по сей день; зато с 1 июля по сие время я выставлен террору немцев и мадьяр, к коим присоединились и поляки. Желая во что бы то ни стало вступить в дружину, я, вместе с несколькими товарищами, обратился к местному уряднику с просьбой написать нам заявление о нашем намерении. Последний заявление действительно написал и обещал

точас же отослать. Опять проходит два месяца и опять никакой результат. Ввиду этого я просил урядника сообщить мне, в каком положении дело, на что тот ответил, что наши ходатайства удовлетворены, и результат, де, находится в канцелярии воинского начальника; одновременно советовал нам написать прошения на имя Воинского Начальника каждому из товарищей отдельно и тут же составил образец этой просьбы. С тех прошло опять больше двух месяцев, но результат тот же, что и прежде.

На днях вновь несколько добрых чехов, желающих записаться в Дружину, являлось к уряднику по тому же делу; постигнет ли их ходатайство та же участь, что и наше.

Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам. Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде.

Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т.п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль.

У нас многое на сердце еще, но всего нельзя описать. Когда же, наконец, будет положен предел тому бесправью, на нас чинимому.

Просим Правление Союза принять решительные меры, дабы мы могли достигнуть намеченной цели. Ожидая скорых благоприятных известий, подписуюсь от имени своих товарищей Фиала Франтишек. Адрес: Пермская губ., Верхотурский у., Богословский железный⁵ округ, Самский⁶ желез. рудник¹⁵.

Верно⁷: Подпоручик Ястребов

Верно: Мл. Пом[ощник] Делопроизводителя [подпись нрб.]¹⁶

ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 67, 67 об., 68. Копия с копии. Машинопись.

¹) Заголовок редактора.

²) Датируется по другим документам дела.

³) Кавычки документа.

⁴) Так в документе.

⁵) Так в документе, должно быть *горный*.

⁶) Испр., в документе: *Самарский*.

⁷) *Верно* вписано поверх напечатанного *заверил*.

Документ 3. Обращение военнопленных Добрянского завода в представительство Шведского общества Красного Креста¹⁾. Добрянка, Пермский уезд, Пермская губерния. 20 мая 1917 г.²⁾

Перевод с немецкого
Добрянка, 20 мая 1917 г.

От одного нашего товарища узнали, что от австрийского и германского Красного Креста мундиры и обувь и др. получены для раздачи военнопленным в Пермском лагере¹⁷⁾. Позволяем себе сообщить Вам следующее:

Мы находимся здесь, в этом заводе¹⁸⁾, в общем 122 австрийских военнопленных, и работаем здесь уже два года и ни один раз мы не были такими, из родины присланными подарками¹⁹⁾ наделены. Наши мундиры, которые мы еще с поля битвы имеем, уже давно износились на работах и маленькое жалованье из 20 коп. в день, что мы на руки получаем²⁰⁾, есть действительно так ничтожно для того, чтобы какой-нибудь мундир завести. Одежда, которую мы от завода получаем, состоит из 1 штанов и блузы из белого грубого холста и по самой дорогой цене – за них из нашего жалования удерживается, и при том материал настолько прост, что после того, как его три или четыре недели поносишь, всюду так изорвется, что едва ли стоит его починять. Также с обувью у нас действительно плохо обстоит. Сапоги, правда, получаем от завода, но только приблизительно ¼ часть из общего числа людей, а остальные, у которых нет сапогов³⁾, носят так называемые лапти²¹⁾. Кто свои собственные сапоги носит, получается то же самое, как были бы крайне спешно чинены и дорого считано.

На основании этого сообщения позволяем себе обратиться к Вам с просьбой также нас этими, из родины присланными мундирами и сапогами наделить, ибо нам действительно нет возможности из-за такого, уже упомянутого низкого жалованья себе другого мундира купить, а от завода мы больше ничего, кроме вышеупомянутого, не получаем.

Нам было бы очень приятно, если Ваше Высокоблагородие сами могли с вещами сюда приехать, могли в правдивости этой просьбы убедиться и осмотреть, в каком положении мы здесь находимся.

В надежде, что наша просьба скоро исполнится, мы впредь выказываем⁴⁾ нашу наилучшую благодарность за Ваши подарки и под-

писываемся с предпочтительным глубокоуважением⁵⁾.

Отделение военнопленных в Добрянском заводе Пермской губ.

Для правильности: Переводил [подпись нрб.]

ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21^{«а»}. Л. 146–146 об. Копия. Рукопись.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Так в рукописи.

⁴⁾ Испр. по смыслу, в рукописи: *вызываем*.

⁵⁾ Так в рукописи.

Примечания

¹⁾ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 322–324; Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 445 об.; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/г. С. 31; Уральская жизнь. 1916. 24 мая.

²⁾ См.: Пермские Губернские Ведомости. 1915. 27, 28 июля.

³⁾ Войсковой старшина А. А. Куртуков, ведавший пленными в Усть-Сылвицком (Коноваловском) заводе, по мнению администрации, с работой не справлялся и настойчиво просил освободить его от столь обременительных обязанностей, что и случилось 3 января 1917 г. (ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 7 об.).

⁴⁾ Лагеря военнопленных в Коновалово не было; имеется в виду комплекс барачных, расположенных в окрестностях Усть-Сылвицкого лесоразделочного завода Гороблагодатского горного округа (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 484).

⁵⁾ В соседней с Коновалово Серебрянке для пленных была оборудована больница на 100–120 человек для незаразных больных и один барак для инфекционных. В самом же Коновалово в то время заканчивалось оборудование больницы на 80 человек и инфекционного барака на 6 человек (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 487 об.).

⁶⁾ О враче по имени В. Гибель известно только то, что за свою работу до июня 1916 г. он получал 150 рублей в месяц, а затем 200 рублей (ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 134, 134 об.).

⁷ В марте 1915 г. в Киеве был создан Союз чешских обществ в России, переименованный в мае 1915 г. в Союз чехословацких обществ в России.

⁸ Так называемая Чешская дружина была сформирована в России в октябре 1914 г. 31 декабря 1915 г. она была переименована в Чешско-Словацкий стрелковый полк, в середине апреля 1916 г. преобразованный в Чехословацкую бригаду. К концу 1917 г. в бригаде состояло почти 40 тыс. человек (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 240; Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 57).

⁹ Сокольское движение, состоявшее в распространении посредством спорта (прежде всего гимнастики) национально-патриотических идей, зародилось в Чехии, когда она входила в состав Австро-Венгрии. В Россию сокольство попало через чехов-иммигрантов в 1870 г. Киевская организация сокольской направленности была создана в 1900 г. как «Чешский гимнастический кружок», переименованный вскоре в «Общество Юг», а затем и «Сокол».

¹⁰ 15 января 1916 г. Главное управление Генерального штаба оповестило военные округа России о том, что «военнопленным могут быть выдаваемы только те газеты и книги, кои командующий войсками округа рекомендовал для чтения нашим нижним чинам». В этот список вошли газеты «Echo Polskie», «Gaseta Polska», «Чехословакия», «Славянский вестник», «Словацкие голоса», а также упомянутая в документе газета «Чехословак» (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 175, 191, 339, 554, 602). Печатный орган Союза чехословацких обществ в России, газета «Чехословак» издавалась в Киеве в 1915–1917 гг. Одним из ее сотрудников был Я. Гашек. Именно в газете «Чехословак» впервые была опубликована его повесть «Бравый солдат Швейк в плену».

¹¹ Речь идет о Надеждинском чугуноплавильном, сталеплавильном, железоделательном и рельсопрокатном заводе, крупнейшем в стране заводе с полным металлургическим циклом (из работающих на древесном угле), одном из предприятий Богословского горного округа (См.: Металлургические заводы Урала. С. 329–330).

¹² Перлюстрация корреспонденции военнопленных на самом деле производилась военными цензорами.

¹³ Очевидно, имеется в виду пос. Турьинские

рудники (ныне г. Краснотурьинск), получивший свое название по названию медных рудников, обеспечивавших сырьем Богословский (Турьинский) медеплавильный завод, одно из предприятий Богословского горного округа. В ноябре 1916 г. в Турьинских рудниках была организована почта для военнопленных, в которой работали два пленных унтер-офицера и которая должна была производить «экспедицию всех писем и ценных посылок для военнопленных на месте и в окрестности» (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 4).

¹⁴ Конфликты между пленными на почве национальной розни были делом нередким. Во избежание таких инцидентов еще в 1914 г. было решено отделить пленных славянских национальностей от немцев и мадьяр. Сначала обособление славян от немцев и венгров касалось казарменного размещения военнопленных, а затем и их назначения в рабочие партии. Но, несмотря на все усилия по изоляции пленных славян от немцев и мадьяр, стычек между ними меньше не стало, так как пункты расквартирования тех и других остались теми же. 14 сентября 1915 г. на места была разослана телеграмма, требовавшая приступить к немедленной перегруппировке пленных. Отныне пленные славяне и иные «дружественные» пленные подлежали размещению в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, а пленные немцы и венгры – в «дальних округах Сибири», Иркутском и Приамурском. Однако прошла всего неделя, и от грандиозных планов перегруппировки пленных по национальному признаку пришлось отказаться «ввиду ожидаемого в ближайшем времени интенсивного требования на рабочие руки». (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 29, 55, 68, 71–71 об., 80–80 об., 93, 164, 192; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 129; Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 5).

¹⁵ Самский железный рудник, одно из предприятий Богословского горного округа; снабжал сырьем Надеждинский завод (Металлургические заводы Урала. С. 89).

¹⁶ Расследование по настоящему делу было поручено окружному инженеру Северо-Верхотурского округа, который 6 августа 1917 г. рапортовал: «...пленные чехи действительно не отпускались в ряды войск потому, что управление Богословским округом, считая их хорошими рабочими, умышленно ставило им в этом всякие препятствия. [...] При посещении окружным инженером по-

что для военнопленных там пришлось наблюдать много недоставленных открытых писем, причем заведующие этим отделом военнопленные заявили, что почта многим не доставлена за невозможностью разыскать местопребывание адресатов, которые все время перемещаются с одного места на другое. [...] Что касается обращения немцев к чехам, то оно очень неприязненно, а отделить их друг от друга зачастую трудно уже потому, что они скрывают иногда свое происхождение. Вообще же положение военнопленных на лесных работах очень тяжелое. Развитие болезней происходит от затруднений общего характера, из-за создавшихся тяжелых условий получения продуктов. Борьба с болезнями ведется упорная [...]» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 71–71 об.).

¹⁷ Лагерь для пленных в пределах Перми не было. Пермским именовался лагерь, развернутый в 9 верстах от города в деревне Верхние Муллы, где содержалось более 10 тыс. человек.

¹⁸ Добрянский (Домрянский, Добрянский верхний) медеплавильный и железоделательный завод, ведущий завод группы прикамских строгановских заводов, сданный в 1917 г. в аренду Франко-русскому обществу по причине нехватки оборотных средств и тяжелого финансового положения строгановского хозяйства (Металлургические заводы Урала. С. 183–186).

¹⁹ Подарки с родины в адрес военнопленных прибывали в основном к Рождеству. Так, с 8 декабря 1916 г. по 5 января 1917 г. в Пермь поступило 22 вагона с такими подарками, в Верхотурье – 9, в Екатеринбург – 6, в Кунгур – 3, в Шадринск – 1. Распределением подарков в лагерях занимались агенты Красного Креста – подданные так называемых нейтральных держав, как правило, Швеции и Дании (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 484 об., 512 об., 513, 523 об.; Уральская жизнь. 1916. 18 дек.).

²⁰ Система оплаты труда военнопленных не отличалась прозрачностью. Первоначально ни о каком материальном вознаграждении

пленных за работу не говорилось вообще. Когда выяснилось, что бесплатный труд пленных малопроизводителей, правительство разрешило выдавать им часть заработанных денег, оставшуюся после удержания с пленных расходов по их содержанию и отчислений в специально созданный фонд (сначала это была треть, а затем четверть заработка). Весной 1916 г. отчисления в особый фонд были отменены. Предприятия теперь могли выдавать пленным весь заработок за вычетом затрат на их питание, одежду, охрану и пр. С 4 августа 1917 г. на руки каждый пленный мог получать лишь 20–50 коп. за рабочий день в зависимости от продуктивности работ. Оставшаяся часть суммы за вычетом расходов по содержанию подлежала сдаче в доход казны. В условиях постоянного удорожания жизни последние постоянно росли, в то время как расценки за труд пленных оставались теми же и никогда не соответствовали, вопреки букве закона, расценкам за труд местных рабочих. Зарплаты пленных часто не хватало даже для компенсации затрат по их содержанию, в связи с чем пленные превращались в должников предприятий (ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 81–82; Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 5–8 об.; Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 124, 124 об., 128–129 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 1; Пермские Губернские Ведомости. 1916. 21 июля. № 29; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 12 марта. № 83. Ст. 715; 29 мая. № 150. Ст. 1162).

²¹ Лапти пленным, «имеющим негодную для носки обувь», стали выдавать по указанию командующего Казанским военным округом от 8 января 1916 г. Но для Урала такая обувь не годилась, и осенью 1916 г. было возбуждено ходатайство о снабжении пленных сапогами из армейского брака (ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 150; Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 162, 162 об.).

SUMMARY

Apanasenok A. V. The Old Belief society in the socio-cultural and religious history of Central Black Earth Region in XIX – the beginning of XX cent.

The work is devoted to the number and the social composition of Old Believers living in Kursk, Voronezh, and Tambov provinces in XIX – the beginning of XX centuries. The author pays attention to the discrepancy of the prerevolutionary statistics in the real dimension of the Old Belief society in Central Black Earth Region and analyses the reasons for the statistical data understatement. Besides, the features of Old Belief's influence on the religious life of Orthodox parishes are discussed. It is demonstrated that the Old Belief community of that period was "the pole of traditionalism" and "the pattern of devotion" in the provincial society.

Afonasjeva O. V. Material and technical basis of the agriculture in Central Transurals: the achievements and the problems (1965–1985).

The material and technical basis of farms plays one of the leading roles in the development of the agricultural production. The change of the Soviet economic policy in the middle of the 1960-s in favour of agriculture gave an opportunity to considerably strengthen the production funds of collective farms and state agricultural enterprises. In 1965–1985 the agriculture of Central Trans-Urals underwent modifications in the equipment of the production, which led to the growth of agricultural products in the end.

Boldinova N. V. The emperor Claudius: a sight from psychoanalytical positions.

The article is devoted to psychological features of the personality of the Roman emperor Claudius in the context of the psychoanalytical conception presented O. Rank. The emperor Claudius, having received ambiguous and inconsistent estimations of his contemporaries and historians, is an interesting object of consideration from the positions of historical psychology to help to understand the epoch of the early Roman Empire in I century A.D.

Borisova V. V. On the Withdrawal of the Church Values from Tyumen Province's Orthodox Temples in 1922.

The article deals with the organization of the campaign to withdraw the Church's values from Tyumen province's Orthodox temples in 1922. It reveals (under GPU's secret reports) the local residents' reaction to those events and shows the results and consequences of the campaign.

Botalov S. G. Nomadic city as a special cultural phenomenon of the nomadic civilization of Eurasia.

The article is devoted to the development of the concept of nomadic city. The first prototypes of nomadic cities that appeared in the Xiong-nu epoch were all distinguished by their multi-cultural and poly-ethnic environment as well as the variety of their economic infrastructure. Social and ethnic tolerance as well as economic compatibility and mutual complementarity later had a great significance when the steppe city centers and large fortified settlements (proto-cities) were developing in the forest-steppe and oasis areas of the arid Eurasian belt during the Great Migration epoch.

Garustovich G. N. Cult Complexes of the Early Iron Age in Bashkir Transurals.

The author of the article distinguishes priests' burials in a group of burials of the Aj type in IV century B.C. That ethnic grouping genetically linked to the Sargat ethnic and cultural

community of Western Siberia used to inhabit the territory of the Myasegut steppe forest in Bashkir Transurals. The burials discussed are treated by the author to be those of professional fortune-tellers. The archaeological materials testify to women's important role in the ritual sphere of tribes of the early Iron Age in steppe and forest steppes.

Yesikova E. M. Mission of Russian Orthodox Church among the Kalmyks in the Orenburg Diocese (1859–1917).

The Kalmyks, living on the territory of the Orenburg Diocese from the second part of the 19th century up to the beginning of the 20th century, were Christianized but they still maintained the ceremonies of Lamaism. Active missionary work among them began after 1905 when the law about religious freedom had been adopted and, as a result, many Kalmyks had left Orthodox Church to create Lamaist communities.

Ivanov A. A. On the traditions and innovations in the formation of the Soviet Counterintelligence Services in 1918–1919.

The article is dedicated to the evolution of the basics of the Soviet Counterintelligence's organizational building during the Civil War. Using published and unpublished documents, the author makes an attempt to compare the Russian pre-Revolution and post-Revolution counterespionage departments. The research allows understanding the peculiarities of the Soviet policy in the sphere of state security in 1918–1919.

Ilyasov T. T. On the history of the origin of kurai, a Bashkir national musical instrument.

The article deals with the brief history of the origin of kurai, a Bashkir musical instrument. The author compares kurai with related musical instruments belonging to the type of the longitudinal open flute and used by neighbouring peoples. Applied to archaeological, literary, and linguistic sources, the rough age of the musical instrument comes to light.

Karmanova G. N. The life of orthodox believers according to reports of Joint State Political Directorate (JSPD-OGPU) during the 1930-s.

The author analyzes reports of OGPU during the 1930-s. The specific features of documents of that period consist of detailed and update information on various aspects of religious life of Orthodox believers in the context of ongoing public policy of forced collectivization. In particular, the article covers repressive actions of the authorities towards secret monastic communities.

Kostyukov V. P. Shibanids and Tukatimurids in the Second Half of XIV Century.

The article represents a short essay of the political history of Ulus Dzhuchi during the crisis of 1360–1380. The author concludes that in spite of the fact that the majority of khans were descendants of Shiban or Tuka-Timur, the scramble for the Saray's throne cannot be considered as the fight of the two close-knit clans for the support of their candidate. The success of this or that pretender to the throne often depended on many random factors.

Kuliev F. M. The formation of the system of management of Christian non-Orthodox confessions in XIX century in the Northern Caucasus.

The author of the article studies the process of the formation of the Northern Caucasus as a multinational region where along with supporters of Islam and Orthodox lived supporters of Protestantism. The work also deals with the major principle of the religious policy on control system formation of non-Orthodox Christian faiths in the Northern Caucasus in XIX century.

Lyubchanskaya T. V. On the image of a professional in the expedition folklore of Chelyabinsk archeologists.

The author of the article studies expedition folklore of Chelyabinsk archeologists. The educational orientation of an archeological collective is reduced to the formation of a romantic masculine image in the expedition folklore. This image helps to introduce new members to an archeological collective.

Lubchansky I. E. Material culture of the nomads of South Transurals (II – beginning VI cent. A.D): the complex of weapons.

The history of South Transurals is closely intertwined with cultural and ethnic genesis processes of the Eurasian nomadic tribes which had a strong influence on the formation of South Transurals indigenous population. The article is devoted to South Transurals nomads' weapon complex and the cultural origins of its formation.

Malysenko G. I. The economic way of life and methods of economic adaptation of Cossacks in emigration.

The article examines the specific character of the economic way of life in Cossack settlements. It also analyses the reasons for the Cossacks' choice of several ways of adaptation: the labour immigration, the availability of finances, the organization of their own business, and different forms of cooperation. The questions concerned with professional skills of the emigrants' agricultural population and the role of international organizations in the economic adaptation of the Russian refugees are of a particularly great interest.

Maltseva O. Yu. The traditional calendar and the educational system of Russian children in South Urals at the turn of XIX century.

The article deals with the analysis of the educational system of Russian children in South Urals at the end of XIX – beginning of XX centuries. The interrelation between the traditional agricultural calendar and labour education is traced down. The author defines the character of sex and age division of labour and considers national holidays, ceremonies, and games as an element of labour education of children.

Mamysheva E. P. Documents of the Regional Archives on Activities of the Representatives of Oirot and Khakass Autonomous Regions (1924–1938).

The author of the article defines the significance of the files of the State Archives of Altai Republic (Gorny Altai) and the Republic of Khakassia as a main source of study of the institution of representatives of Oirot (Gorno-Altai Region – since 1948) and Khakass autonomous regions at the Supreme authorities and the machinery of the government of the RSFSR (the Russian Soviet Federative Socialistic Republic), functioning in 1924–1938. The author notes that the documents of the regional archives contribute to the reconstruction of a clear picture of the activities of the representatives of the autonomous regions at People's Commissariat of Nationalities and Presidium of the All-Union Central Executive Committee.

Mukhtasarova E. A. The Processes of Governable Nationalism in Russian Republics (applied to Pro-Government Organizations in the Republic of Bashkortostan).

Using a wide variety of government documents and materials of Bashkortostan Republic and programme resolutions of national and cultural republic organizations, the author of this work tries to investigate the process of "managed nationalism" in Russian Federation republics, applied to Bashkortostan. This process was well illustrated by the foundation of national organizations to legitimize the republic government policy in Russian Federation republics, including Bashkortostan.

Petrov I. G. On the matter of the interpretation of breast stripes on Chuvash female garments.

The article generalizes the materials of decoration of a Chuvash woman's shirt. Some ethnographic proofs are used to show methods of ornamenting women's and girls' shirts, which was widely practised among the Chuvashs and other peoples in Volga-Ural region. The author draws a conclusion that the breast decoration of a woman's shirt carried out both protective and pronounced socio-differential function at the same time. Besides, the breast decoration was used to indicate the stratification of sex and age.

Plekhanova L. N. Peculiarities of Detection of Climatic Humidifying in Weak-Sensor Soils of Archaeological Sites (Applied to the Steppe Zone of Transurals in IV Century AD).

Studies on paleosoils under an archaeological landmark of a rare type (a complex of kurgans with "whiskers") dating back as early as the Early Iron Age (IV century AD) have been performed in the steppe zone of the Transurals Plateau. The morphological and physicochemical properties of paleosoils under burial mounds (kurgans) of the Early Iron Age (V and IV centuries BC) were compared with the properties of background surface soils. Paleosoils buried under kurgans of the Late Sarmatian epoch and the Hun epoch (about 1600 years ago) are characterized by a higher content of humus and greater depth of the carbonate horizon, which attests to the humidization of climatic conditions.

Puzanov V. D. The role of the Russian military policy in colonizing Western Siberia.

The article examines the role of the Russian state military policy in Western Siberia colonization. The main Russia rivals in the East were powerful nomadic tribes. General methods to combat with nomads had been worked out in the epoch of Kiev Rus. Later those methods were used in Siberia by service people who dwelled in towns. Russian military centres were of great importance for protecting the country against the nomads of Siberia.

Risvanova T. R. Social and economic causes of epidemic spread in South Ural at the turn of XIX century.

The given article is dedicated to the history of epidemics in Russia. The author analyzes a complex of social and economic causes of unchecked epidemic spreading in South Ural at the end of XIX – the beginning of XX century. In order to find out the system of internal and external factors and to demonstrate their interaction, the author applies a large number of materials.

Sadikov R. R. Religious Beliefs and Rites of Udmurts in Ufa and Perm Provinces at the beginning of XX century (Applied to Uno Holmberg's Field-Research Materials).

The article analyses the non-published sources of field-research materials, like transactions, sketches, photographs collected by U. Holmberg (Harva) in the course of his expedition among the Trans-Kama Udmurts in former Perm and Ufa provinces in 1911. These materials contain unique information and knowledge of religious rites and beliefs of that group of the Udmurts. Nowadays they are kept in the Archives of Manuscripts and Photo Archives of the Finnish Literary Society (Helsinki, Finland) and are unknown to scientific circles.

Skvortsov A. M. M. S. Kutorga and P. I. Ljupersolsky: the history of mutual relations of the teacher and the pupil.

The article is devoted to one of the most important questions in historiography, the mutual relations of the teacher and the pupil. The interpersonal communications of M. S. Kutorga

and P. I. Lyupersolsky in various spheres is studied on the basis of their correspondence. The author also reveals the reasons of warm long-term relations between the two scientists.

Surzhikova N. V. Everyday life of prisoners of war in the Urals in 1916–1917: a look from within.

The article written by Natalia V. Surzhikova covers everyday realities of prisoners of war in the Urals during the World War I. The article exposes them from within, from the point of view of the prisoners themselves. A collection of documents compiled from the prisoners' applications to various offices depicts specific features of the regional economy – with its framework made up by enterprises of mining industry – as well as complicated realities of the captivity at the level of its sheer reality and existence, and, what is important, different varieties of collective and individual perception of the captivity as a specific social and psychological micro world.

Shustov S. G. The Completion of the Ransom Operation in Perm Province in 1881–1906.

The author analyses the influence of the laws of the 28th of December, 1881, and other legal acts aimed to complete the ransom operation and to reduce the size of ransom payments to ex-landowners. It is the first time that the results of the ransom campaign in Perm province have been summed up, and the amount of peasants, the square of the land, and the size of ransom loans received by landowners have been pointed out.

Tsys V. V. On the role of labour armies in the ideology of military communism (applied to soviet periodicals of the early 1920-s).

The article testifies that at the beginning of the 1920s many representatives of the Soviets, militaries, and some public organizations had high hopes for labour armies as a way of moving towards new, more advanced forms of labour relationships. Labour armies were regarded as a temporary measure implemented due to the Civil war as well as a way to make a major breakthrough in rural economy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апанасенок Александр Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса Курского государственного технического университета.

apanasenok@yandex.ru

Афонасьева Ольга Владимировна – соискатель кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета.

AOVIshim1@yandex.ru

Болдинова Наталья Владимировна – студентка 5 курса исторического факультета Челябинского государственного университета.

natalya-boldinova@yandex.ru

Борисова Вера Викторовна – аспирант третьего года обучения кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

verusik83@yandex.ru

Боталов Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

grig@csc.ac.ru

Гарустович Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа).

garustovich.02@mail.ru

Есикова Екатерина Михайловна – аспирант кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета; заведующая отделом истории края Челябинского областного краеведческого музея.

e.m.esikova@rambler.ru

Иванов Андрей Александрович – аспирант кафедры Отечественной истории Мурманского государственного педагогического университета.

bishop-1985@list.ru

Ильясов Тимур Тагирович – аспирант кафедры истории РБ и этнологии исторического факультета Башкирского государственного университета, инженер Этнографического музея им. профессора Р. З. Янгузина.

timur-il@list.ru , yanguzin@mail.ru

Карманова Галина Николаевна – соискатель кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской Академии государственной службы.

nickolina@inbox.ru

Костюков Владимир Петрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательского сектора Челябинского государственного педагогического университета.

vpk_home@mail.ru

Кулиев Фарман Мурувватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и политических дисциплин Северо-Кавказской академии государственной службы (Филиал в г. Пятигорске).

kyliev_Farman@mail.ru

Любчанская Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.

tatyana-home@yandex.ru

Любчанский Илья Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.

hunns@yandex.ru

Малышенко Геннадий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета.

malyshenko-gennadij @yandex.ru

Мальцева Оксана Юрьевна – старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.

center_arkaim@mail.ru

Мамышева Елена Петровна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

sozor @ mail.ru

Мухтасарова Эльвира Анваровна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Октябрьском, соискатель отдела этнополитологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.

alsou86-86@mail.ru

Петров Игорь Георгиевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.

ipetrov62@yandex.ru

Плеханова Людмила Николаевна – кандидат биологических наук, инженер НОК «Природы и человека» Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

dianthus1@rambler.ru

Пузанов Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий кафедрой теологии исторического факультета Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

alan1971@bk.ru

Ризванова Татьяна Рафисовна – соискатель кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии.

rtr-84@mail.ru

Садиков Ранус Рафикович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.

kissapi@mail.ru

Скворцов Артём Михайлович – преподаватель кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета; аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета.

artyom-skvorcov@yandex.ru

Суржикова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН г. Екатеринбург.

vhist@mail.ru

Цысь Валерий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

tsys@intramail.ru

Шустов Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и гуманитарных дисциплин Прикамского социального института, г. Пермь.

lana_schust@bk.ru